

ISSN 0132-0637

2002

4

Октябрь

Октябрь

4 2002

ОКтябрь

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

4

2002

АПРЕЛЬ

Н О М Е Р Е :

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Евгений ПОПОВ.
Мастер Хаос. Открытая мультиагентная литературная система с послесловием ученого человека. **3**
- Владимир САЛИМОН.
Колючая вода. Стихи **112**
- Вацлав МИХАЛЬСКИЙ.
Весна в Карфагене. Роман. Продолжение **118**
- Петр ОБРАЗЦОВ.
Так бывает. Рассказы **143**

ПУБЛИЦИСТИКА И ОЧЕРКИ

Путевой Журнал

Рубрику ведет Андрей БАЛДИН.

- Геопозтика и географика.**
Гела ГРИНЕВА, Василий ГОЛОВАНОВ, Дмитрий ЗАМЯТИН, Владимир БЕРЕЗИН, Андрей БАЛДИН, Рус-там РАХМАТУЛЛИН, Надежда ЗАМЯТИНА, Петр БАЛДИН **152**

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий МИЛЬДОН.

Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели **177**

Русское поле

Рубрику ведет Павел БАСИНСКИЙ **187**

Титульный лист

Рубрику ведет Александр ЯКОВЛЕВ **190**

Главный редактор

Ирина БАРМЕТОВА

Редколлегия:

Алексей АНДРЕЕВ	<i>зам. гл. редактора</i>
Инеcса НАЗАРОВА	<i>отв. секретарь</i>
Анна ВОЗДВИЖЕНСКАЯ	<i>зав. отделом критики</i>
Виталий ПУХАНОВ	<i>отдел прозы</i>

Общественный совет:

Леонид Баткин, Алексей Варламов, Борис Васильев, Андрей Вознесенский, Игорь Волгин, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Карякин, Давид Кугультинов, Юнна Мориц, Анатолий Найман, Владислав Отрошенко, Олег Павлов, Людмила Петрушевская, Леонид Филатов, Юрий Черниченко, Родион Щедрин, Сергей Юрский.

Из общего тиража каждого номера Министерство культуры Российской Федерации выкупает для библиотек России 368 экземпляров журнала.

Адрес редакции: 125040, Москва, А-40, ул. «Правды», 11/13.

Телефоны: главный редактор – 214-62-05, заместитель гл. редактора – 214-63-64, ответственный секретарь – 214-34-44, отдел прозы – 214-51-68, отдел поэзии – 214-62-05, отдел критики – 214-71-34, отдел публицистики – 214-63-64, приемная редакции – 214-31-23.

© «Октябрь». 2002. Электронная версия журнала <http://magazines.russ.ru/index.html>

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция не имеет возможности рецензировать рукописи и возвращать их по почте.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Октябрь».

Регистрационное свидетельство № 1 от 14 августа 1990 г.

Технический редактор Татьяна ТРОШИНА.

Сдано в набор 26.02.2002. Подписано к печати 27.03.2002. Формат 70x108¹/₁₆.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,50. Учетно-изд. л. 21,61.

Тираж 4730 экз. Заказ № 607. Цена свободная.

ООО «ОИД «Медиа-Пресса».

125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24.

Евгений ПОПОВ

Мастер Хаос

ОТКРЫТАЯ МУЛЬТИАГЕНТНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ СИСТЕМА
С ПОСЛЕСЛОВИЕМ УЧЕНОГО ЧЕЛОВЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
ГЛАВА I. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН	4
ГЛАВА II. КАК ХОРОНИЛИ ТЕТКУ ПИСАТЕЛЯ С.	6
ГЛАВА III. ВОЛШЕБНОЕ Г-НО	9
ГЛАВА IV. ВЛЮБЛЕННЫЙ АГРОНОМ	20
ГЛАВА V. КУЛЬТПОХОД В КРЕМЛЬ	27
ГЛАВА VI. STINK	31
ГЛАВА VII. ПРИЗНАНИЕ КОЗЛОВА (И БАРАНОВА)	37
ГЛАВА VIII. ГДЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ НЕ ЖИВУТ	43
ГЛАВА IX. НОВЫЕ ШТАНЫ АНДРЕЯ ПОЗДЕЕВА	48
ГЛАВА X. СЧАСТЛИВЫЕ ГЛАЗА	56
ГЛАВА XI. ИСЧЕЗНУВШИЙ КРЕСТ	63
ГЛАВА XII. ИСТОРИЯ С ФИНЛЯНДИЕЙ, КАК...	68
ГЛАВА XIII. КЛАДБИЩЕ ГОРОДА ВИСБЮ	74
ГЛАВА XIV. ЧУЖИЕ ДЕНЬГИ	82
ГЛАВА XV. КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР НА ОСТРОВЕ ГОТЛАНД (ШВЕЦИЯ)	88
ГЛАВА XVI. СТАЛИН И ДР. НА СТРАСТНОМ БУЛЬВАРЕ	94
ГЛАВА XVII. ЛАГЕРЬ	99
ГЛАВА XVIII. РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО	104

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВЛАДИМИР А. ВИТТИХ, д. т. н., профессор, директор Института проблем управления сложными системами (ИПУСС) РАН. ЦЕЛОЕ БОЛЬШЕ СУММЫ СВОИХ ЧАСТЕЙ

Всем претерпевшим от Хаоса

Хорошо, когда хотя бы одна человеческая мечта рано или поздно сбывается. **ХА** вот если сбываются сразу две, три мечты, то это может оказаться даже очень и очень плохо. Случай с одиноким господином Безобразовым, скорбная весть о полном исчезновении которого докатилась до Москвы незадолго до начала Третьей мировой войны, является наглядным подтверждением этой тривиальной истины.

А ведь начиналось все так хорошо, так хорошо...

Глава I. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

1.1. Господин Безобразов, этот стареющий российский подданный, родившийся сразу же после прошлой (Второй) мировой войны в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, до 7-го класса средней школы был круглым отличником, далее стал получать четверки, тройки, двойки и единицы, пить водку и курить. После чего поступил в Московский геолого-разведочный институт им. С. Орджоникидзе на отделение разведки урановых месторождений, но по специальности практически не работал, счастливо избежав распределения в те потаенные военизированные места Империи, где молодым специалистам платили тогда кучу денег за секретность и грядущую потерю здоровья, связанную с обвальную глобализацией научно-технического прогресса, хаотические результаты которого многократно превзошли самые смелые ожидания...

1.2. Эта нижеприведенная быль приключилась в самом начале конца перестройки, когда россияне и другие советские люди еще не расплзлись по всему миру, как раки из произведений писателя Гоголя, и их поэтому все охотно приглашали, чтобы послушать всякие эти взволнованные свидетельства о том, как ветер перемен выдувает вонь и озонирует воздух в огромном треснувшем железобетонном лагерьном бараке под названием СССР.

Не был исключением и я. Отпущенный еле тлешей тогда советской властью на временную побывку в Германию, я был немедленно приглашен лично бундесканцлером ФРГ Гельмутом Колем на съезд его реакционной правящей партии CDU, известной у меня на родине под названием ХДС. Съезд вследствие все тех же перемен должен был состояться не в каком-нибудь там пивном Мюнхене или воздушном Кельне, а на новых немецких землях, в бывшем гэдээровском городе Франкфурт-на-Одере, расположенном непосредственно на границе Германии и Польши.

Где мне и предстояло сделать длинный доклад все о том же. Кроме того, мне предлагалось поучаствовать в дискуссии с красавицей-антисоветчицей Ангелой Меркель, которая в дальнейшем занимала какой-то важный пост в правительстве, а чем занимается сейчас, когда Коля заменили на социалиста, я решительно не знаю.

Поселенный в гэдээровской гостинице, которая своим облезлым видом, текучими в никуда унитазами, некогда проблеванными, но химически вычищенными «паласами» живо напомнила мне аналогичную восьмиэтажную гостиницу в бывшем городе Калинин (Тверь), я весь вечер готовился к докладу — волновался, курил, писал тезисы, а наутро вышел прогуляться, чтобы понять, где я все-таки нахожусь.

Пройдя по пустым рассветным улочкам древнего города, сильно пострадавшего во время прошлой (Второй) мировой войны, и обнаружив, что именно здесь, оказывается, родился и жил знаменитый драматург Клейст (о чем свидетельствовала мемориальная доска), я вдруг понял, что уже стою на границе: широкий мост через Одер манил меня прогуляться пешком в Польшу, что я немедленно и сделал, вовсе не задумываясь о последствиях своего легкомысленного поступка.

Было, повторяю, раннее утро. Немецкий солдат мною совершенно не заинтересовался, скрытый в будке с немецким нарисованным орлом, и вот я уже и в Польше, где на славянской окраине моста сидел небритый и, очевидно, польский гражданин, с ходу предложивший мне купить у него по спекулятивной цене выцветший блок сигарет «Мальборо», от чего я, естественно, отказался и тут же зашагал обратно в Германию.

Однако на самой середине моста (тут начинаются странности) отчего-то остановился, почему-то вынул свою «краснокожую паспортину» с золотым тиснением «СССР» и зачем-то принялся все это внимательно разглядывать.

Все дальнейшее помню, как сейчас! Вот этот бетонный мост, где всякая дрянь, состоящая из прутьев, досок, автомобильных шин и песка, намыла маленький островок вокруг мостового центрального «быка»... вот ветер веет, вот и свистит вокруг меня и подо мной, вдоль широкой мутной белесой слепящей

польско-немецкой реки... вот восходит солнце, резче становятся тени, колеблется рябь, и я держу в руках свой паспорт, основной документ гражданина СССР, страны, которой больше нет.

СССР, значит... Ослабела, что ль, моя рука или еще что, но ветер вдруг вырвал мой документ, понес его над водами. Паспорт, раскрытый на всех страницах, взмыл вдруг в невидимом и неведомом турбулентном потоке и воспарил над мутной белесой слепящей бездной.

Ледяной ужас охватил все мое существо. И вовсе не потому, что я струсил грядущих объяснений с СОВЕТСКИМИ, которые скажут мне, что раз я потерял такую священную вещь, как советский паспорт, то никуда я до конца дней своих больше не поеду, как, кстати, никуда практически не ездил и до этой странной поездки. Чего бояться? Темные дни миновали, товарищи! Час, знаете ли, искупленья пробил... Но! Я вдруг живо представил другое: как меня, беспаспортного, гонит тычками обратно в Польшу проснувшийся немецкий солдат, а польский спекулянт оказывается не простым гражданином, и в Польшу меня тоже не пускают.

Я поселяюсь на мосту. Обживаю слабый остров, намытый дрянью. Варю суп в консервной банке. Устанавливаю дипломатические отношения сначала с Польшей и Германией, а потом и с любимой Россией. Обо мне пишут в газетах. Богатею. Строю вертикальный дом, где на первом этаже расположится оффшорный банк, а на втором — сами знаете что. Помогаю родной сторонущке с ее «неокрепшей демократией». И так далее...

Ветер трепал меня, крутил, забивал воздухом легкие, и со мной вдруг на секунду случилось то, чего не бывало со мной доселе и не будет больше нигде и никогда. Понимаете, мне трудно это объяснять... Не хочу, да и время еще не пристало... Но мне внезапно все стало ясно, как выражался упомянутый писатель Гоголь, «во все концы света». В частности, я вдруг понял, что в 1991 году в Москве будет коммунистический путч, потом коммунисты будут судить коммунистов, но коммунисты же коммунистов оправдают, вследствие чего в 1993 году будет путч другой, который закончится перманентной бессмыслицей; что в перспективе пульсирует Чечня, в августе 1998-го в России непременно случится финансовый кризис, а в 1999-м обязательно запольхает на Балканах, после чего китайцы высадятся на Луне, Финляндия проголосует за монархию, по Москве-реке будет ездить на велосипеде человек, похожий на Маркса, вздрогнет Америка. Понимал я, что счастье мое на острове если и состоится, то будет совершенно недолгим: в 1997 году придет обширное наводнение, и остров этот снесет осенней ночью вместе со мной неизвестно куда. Мне и еще кой-что стало в ту минуту ясно, да говорю же, что не пришло еще время обо всем рассказывать и никогда, по-видимому, не придет.

Зато на смену ледяному ужасу пришло отчаянное отупение, и я, раз уже все так сложилось, решил сигануть с этого моста вниз головой враз и навсегда.

Как вдруг (да, именно, опять «вдруг», а не постепенно) я увидел, что нечто красное, шелестя крыльями, приближается ко мне. И, больно ударив меня острым коленкоровым уголком в нос, под ноги мне, как битая птица, вновь падает утраченный, казалось бы, навсегда советский паспорт. (Что такое турбулентные вихри, я, кстати, слабо представляю, потому что невнимательно учился в школе, до 7-го класса был круглым отличником, а потом стал получать тройки, двойки, единицы, пить водку и курить.)

Я этот паспорт сразу же — хватъ, дрожа от радости! Ибо все проблемы были, таким образом, мгновенно решены. Я мгновенно и уверенно зашагал в сторону неметчины, куда и был пропущен после небольших формальностей.

Вскоре я уверенно выступил со своим докладом, и мне пожал руку сам канцлер Коль, а господин Фолькер Руэ, про которого я узнал (на мосту, в период озарения), что он скоро станет министром обороны, сказал мне ободряющие, ласковые, интеллигентные слова. Я хотел предупредить Коля, что в 1999 году Германии придется бомбить Сербию, но вовремя сообразил, что Коль к этому уже не будет иметь никакого отношения. С Ангелой Меркель нам дискутировать было не о чем, красавица она и есть красавица, хоть и антисоветчица, да к тому же мы думали с ней обо всем совершенно одинаково,

потому что она родилась в ГДР. Тем не менее мы все же блестяще провели дискуссию, и все ХДСники, а их было там немало, из разных стран, остались нами очень довольны.

После чего я и покинул город Франкфурт-на-Одере, где родился и жил драматург Клейст. Перед отлетом на родину из берлинского аэропорта Тегель я смею ради обмотал кисть правой руки носовым платком. И сказал провожавшим меня немецким друзьям-славистам, что хочу показать малолетнему сыну Васа эту принадлежащую мне человеческую конечность, которую пожимал сам бундесканцлер Гельмут Коль.

— Ты бы лучше вымыл руки,— брезгливо сказали мне немецкие друзья-слависты, все сплошь бывшие левые, разочаровавшиеся в коммунизме, но не утратившие боевого духа студенческих волнений 1968 года, когда они жгли чужие машины и трахались на баррикадах, составленных из школьных парт и все тех же чужих машин.

Помнится, шутка эта мне в тот раз не понравилась. Не нравится и теперь. Начальников не любит никто, нигде и никогда. Нет в мире порядка и никогда не будет. Но и это важное обстоятельство отнюдь не повод для вселенской грусти, о которой писал еще писатель Гоголь, чей 200-летний юбилей в 2009 году закончится только я один знаю чем.

1.3. Австралия, Австрия, Азербайджан, Албания, Алжир, Англия, Ангола, Андорра, Армения, Афганистан, Бангладеш, Барбадос, Басутоленд, Беларусь, Бельгия, Бирма, Болгария, Ботсвана, Бразилия, Бруней, Буркина-Фасо, Бурунди, Бутан, Ватикан, Венгрия, Венесуэла, Вьетнам, Габон, Гаити, Гайана, Гамбия, Гана, Гваделупа, Гватемала, Гвиана, Гвинея, Гвинея-Бисау, ГДР (была да вся вышла), Голландия, Гренада, Греция, Грузия, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Заир, Занзибар, Западная Сахара, Израиль, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Ирландия, Исландия, Италия, Йемен, Казахстан, Камерун, Кампучия, Канада, Кения, Кипр, Кирибати, Китай, Колумбия, Конго, Корея Северная, Корея Южная, Коста-Рика, Куба, Кувейт, Кыргызстан, Лаос, Латвия, Либерия, Ливан, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Маврикий, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Малайская Федерация, Мали, Мальдивы, Мальта, Марокко, Мартиника, Мексика, Мозамбик, Молдова, Монако, Монголия, Нагорный Карабах, Намибия, Науру, Непал, Нечерноземная зона, Нигер, Нигерия, Никарагуа, Новая Зеландия, Новые Гебриды, Норвегия, Оман, Пакистан, Палестина, Панама, Папуа Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Поволжье, Польша, Португалия, Пуэрто-Рико, Родезия, Россия, Румыния, Сальвадор, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Свазиленд, Сейшельские острова, Сенегал, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сибирь, Сикким, Сингапур, Сирия, Соломоновы острова, Сомали, Судан, Суринам, США, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Тайвань, Тибет, Того, Тонга, Тувалу, Тунис, Туркменистан, Турция, Уганда, Узбекистан, Украина, Уругвай, Фиджи, Филиппины, Финляндия, Франция, ФРГ, Центральноафриканская Республика, Чад, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Шри Ланка, Эквадор, Экваториальная Гвинея, Эстония, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканская Республика, Ямайка, Япония.

Глава II. КАК ХОРОНИЛИ ТЕТКУ ПИСАТЕЛЯ С.

2.1. ...Однако перед тем, как пуститься в свободное плавание, то есть делать всю жизнь то, что ему заблагорассудится, Безобразов все же вынужден был несколько лет потрудиться на коммунистов в тяжелых природных условиях северо-востока нашей родины. В частности, будучи инженером, много бродил в резиновых сапогах по ледяной воде и хрустящему снегу, отчего, как это выяснилось через много лет, заработал себе на ноги болезнь артрит, слегка досаждавшую ему, отчего и возникла еще до «перестройки» его относительно главная мечта о черных мягких башмаках на «липучках», в которых он чувствовал бы себя как в до-

машних тапочках. А еще он мечтал когда-нибудь побывать на шведском острове Готланд. И еще у него была одна мечта — о том, о чем не должен знать никто...

2.2. Мне, родные, становится совершенно смешно, когда я слышу от дураков, что в конце XX века и второго тысячелетия от Рождества Христова сильно упала нравственность. С чего бы это она, спрашивается, упала, когда, с одной стороны, существовал писатель Петроний, который зарезался в ванне, но перед этим, на самой, можно сказать, заре цивилизации описал различные древнеримские безобразия, связанные с сексом, пьянством и влечением к смерти, а с другой стороны — мне ль не знать, что творилось в наших домах и постелях, когда страной Россией правили коммунисты?

И вот я, когда вижу случайно по телевизору, как снова хорошо вещает о нравственности писатель С., как-то незаметно вернувшийся из эмиграции и поселившийся в глухой, но богатой избушке на самом краю Московской области, плавно переходящей в муромские леса, то мне сразу же вспоминается жаркий, застойный день лета 198... года, когда мы с товарищами хоронили его тетку.

А дело было так. Подлецы-большевики ненавидели писателя С. за его открытый нрав, любовь к России, мастерство и нравственность. Поэтому они организовали травлю его имени и произведений в печати, по радио, телевизору, а после и вообще докатились до того, что посадили его на самолет и выслали в Калифорнию, которой правил тогда будущий, а теперь бывший президент США Рональд Рейган, который тогда еще не был президентом США, а являлся всего лишь простым губернатором. Там писатель С., подобно Солженицыну и Сахарову, развернул знамя борьбы за демократию и нравственность в Советском Союзе, который тогда еще был, а сейчас которого уже нету, зато есть Россия и еще множество более мелких стран вроде Белоруссии, которой правит теперь какой-то лысый колхозник. Писатель С. убедительно, с присущими лишь ему волей, талантом и энергией доказывал по радио «Свобода», «Немецкая волна» и другим радиостанциям, что советский режим обречен, скоро коммунякам крышка и они обделаются жидким говном в самое ближайшее время.

И хотя ему никто не верил, большевики нервничали, злобствовали и надумали использовать против него самую подлую вещь, какую только может придумать нечестный человек, невзирая на обвальную глобализацию научно-технического прогресса.

А именно — они где-то откопали его тетку, большую сахарным диабетом, и под угрозой лишения ее жизненно важного инсулина заставили старуху написать на племянника в газетах всякую ерунду. Типа того, что он сам с женою-еврейкой, обедаясь продуктами из специального магазина для иностранцев и других шпионов, морил тетку голодом, а когда напивался пьян джином, виски и коктейлями, то даже стегал тетку плеткой-треххвосткой, вывезенной им из Северного Казахстана, где она носит название «камча».

Всякому, кто обладал в Советском Союзе хотя бы минимумом информации, было понятно, что это очередная злобная ложь, имеющая целью в очередной раз очернить великого человека, но такова была безнравственная сила советской пропаганды, что отдельные недалекие умы стали пережевывать эту «утку» в курительных помещениях советских контор, на стадионах, в пивных, где порой можно было услышать от нетрезвых людей, что «все они — одна лавочка, а ТВОЙ писатель С. поди и сам нерусский».

Все это, родные, сильно мучило меня, тайно, но резко настроенного против советской власти, поэтому я с громадным энтузиазмом воспринял телефонный звонок моего знакомого, а может быть, даже и друга Владимира К., вычищенного к тому времени из журнала «Вопросы философии» за публикацию своих идейно-ущербных сочинений на Западе, который сообщил мне, что с ним только что говорил другой наш знакомый, Вадим Б., выгнанный отовсюду примерно за то же, за что и Владимир К., тот самый Вадим, которому, в свою очередь, позвонил из Калифорнии сам писатель С. с просьбой похоронить его только что преставившуюся тетку, несмотря на то, что она оклеветала его, потому что больше хоронить ее в Советском Союзе некому.

Сказано — сделано. И вот мы уже в Заречье города Д. Московской облас-

ти, хорошо известного мне, потому что я там когда-то жил, а также потому, что в городе этом, который всего лишь на восемь лет моложе Москвы, задолго до тетки помер князь-анархист Петр Кропоткин, разочаровавшийся в коммунизме, но прощенный большевиками, в чем каждый может убедиться, посетив отдельный закуток Красной площади, где имя князя выгравировано на высокой стеле вместе с именами других коммунистических предтеч и жертв.

Вступив под своды небогатой комнаты, мы с товарищами были поражены тем, что теткин гроб уже имелся там, обвитый искусственными цветами, а вокруг него сидели, пригорюнившись, на сосновых табуретках три пожилые женщины, которых язык не поворачивался назвать старухами. И правильно, что не поворачивался, как это выяснилось в дальнейшем.

Пожилые женщины, соседки и подруги, одна из которых, как это выяснилось в дальнейшем, была русской, другая — армянкой, а третья — ингерманландской финкой, встрепенулись в нашем присутствии, и похоронный механизм сразу же пришел в движение. Нам было объяснено, что тех жалких денег, которые мы собрали, вовсе не требуется, за все тайно УПЛОЧЕНО ПЛЕМЯННИКОМ, а требуется лишь МУЖСКАЯ СИЛА, чтобы сопроводить гроб до места его конечного назначения. Что мы и сделали, когда пришла черная машина похоронного бюро «Ритуал»... Немного постояли около разверстой могилы. Ветер трепал кудри Вадима Б., а наши с Владимиром К. кудри он не трепал, потому что я к тому времени уже изрядно облысел (скорей всего от временной работы на урановых месторождениях), а Володя почему-то был стрижен наголо, если мне не изменяет слабеющая не по дням, а по часам память.

— Ну, мы пошли,— сказали мы, когда окончательно закончилась скорбная работа ловких могильных лопат, и нанятый могильщик виртуозно придал земле, покрывшей тетку, известную всем кладбищенскую форму округлого, удлиненного прямоугольника, не забыв установить временную табличку с ее инициалами, фамилией, датой явления в этот мир и ухода из него, а также поломать свежие розы, купленные нами в процессе похорон. (Дабы их тут же не украли кладбищенские воры, воров развелось несчетно по стране, а может, это и всегда так было?)

— Как пошли? А помянуть? — сказали нам армянка, ингерманландская финка и наша соотечественница. — Все уже приготовлено, а иначе получится не по-русски,— подытожили они.

Так мы и оказались вновь в этом маленьком домике, где вскоре заблестели бутылки с водкой, перемежаемые обильной закуской, включающей в себя высокую стопку исходящих паром блинов.

Дело молодое — мы, надо признаться, изрядно переволновались тогда, проголодались и с аппетитом уплетали все те куски, которые подкладывали нам на тарелки заботливые женщины, и сами не чуравшиеся спиртного. В разговоре о жизненном пути покойной выяснилось, что она сильно переживала содеянную ею клевету, перед смертью целовала портрет племянника и злобно ругала большевиков за то, что они принудили ее сделать ЭТО, а она тем не менее все равно умирает. Общественно-политическую обстановку в стране наши соотрапезницы оценивали критически, с использованием ненормативной лексики, но о деятельности писателя С. тоже отзывались неодобрительно, именуя его «хорошим гусем».

— Ну, мы пошли,— наконец-то решились мы, когда погребальный стол был наконец опустошен, наши аргументы в защиту писателя С. иссякли, да к тому же и обстановка становилась странноватой, если не сказать грубее. Лица пьяных баб заалели от выпитой водки, одна из них затянула матерную частушку, другая все курила да курила, пуская дым красивыми кольцами, а третья публично сняла лифчик, на секунду продемонстрировав его содержимое и объяснив свой поступок тем, что он ей сегодня ЧЕГОЙ-ТО СИЛЬНО ТРЕТ.

— Как пошли? А кисельку? А сладенького кисельку, милые мальчики? — захихикали и забормотали они, приближаясь к каждому из нас на опасное расстояние.

Мы и выскочили на улицу, где уже была ночь, но светила светлая луна, сопровождаемая мерцанием тоже довольно ярких звезд. Лаяли собаки. Старухи гнались за нами среди деревянных домов полтора квартала с развевающимися волосами, трясущимися частями тел и хрипылыми зазывными воплями, как в ана-

логичном романе древнеримского писателя Петрония. Но молодость, как всегда, взяла свое, и мы, избежав погоню, счастливо попали на последнюю электричку до Москвы, радостно обсуждая случившееся под стук железных колес.

Владимир К. в 1987 году умер в казенной больнице от затяжной болезни, чуть-чуть не дожив до своей посмертной славы, Вадим Б. погиб у так называемого Белого дома в дни так называемого Второго коммунистического путча 1993 года. Я, родные, как видите, пока еще временно живой, как и все остальные жители планеты. Как и все вы, родные.

2.3. Автомобили, авторское право, агитпроп, азартные игры, алкоголизм, амнистия, антисоветские выступления, балет, бытовое обслуживание, видео, восстания, генералы и маршалы, госпремии, гомосексуализм, деньги, дети, джинсы, жевательная резинка, женщины, жилищный вопрос, злоупотребление служебным положением, золото, инакомыслие, КГБ, кладбища, комендантский час, комсомол, контрабанда, кофе, культура, курение, ленинские премии, массовая информация, милиция, МРОТ, награждения, наказание, налоги, наркотики, НЛО, Нобелевские премии, новый класс — советская элита, обыски, общество «Родина», озера, очковтирательство, паразиты, патриотизм, пацифизм, переброска вод северных рек, пережитки прошлого, перестройка, переворот, план «Коломбо», побеги из СССР, подпольная литература, порнография, поэзия, права человека, продукты питания, прокуратура, промискуитет, проституция, пыльные бури, пьянство и самогоноварение, репетиторство, самиздат, сексопатология, село, сионизм, славянское движение, снежный человек, советский человек, соревнование двух систем, Сталин и сталинизм, старики, тюрьмы и заключенные, троцкизм, угрозы советские, философия, физика, фото, футурология, химия, «холодная война», художники, хулиганство и пьянство, цветомузыка, цензура, цены, черный рынок, элеваторно-складское хозяйство, эмблемы и символы, эмиграция, энциклопедии, эротика, юмор, ЮНЕСКО, ядерное, ярмарки (базары, рынки), я (Евгений Попов).

Глава III. ВОЛШЕБНОЕ Г-НО

3.1. ...И вот Безобразов покупает в компании «Аэрофлот» экономичный апексный билет «туда-обратно», приземляется в аэропорту города Стокгольм (Швеция), едет в автобусе, садится на паром и прибывает в морской порт Висбю, расположенный на острове Готланд, про который (остров) он всегда знал следующее:

— что остров этот, самый большой в Швеции, зелен и живописен чрезвычайно;

— и, омываемый прохладными даже в июле водами Балтийского моря, возвращает, если повезет, добрым людям молодость или, на худой конец, уменьшает содержащееся в них количество зла, прогрессирующего по мере движения человека от родильного дома к погосту и являющегося основной причиной человеческой смертности;

— а кроме того, на этом острове бывший советский человек может культурно отдохнуть и временно обогатить себя беспорядочными знаниями и бесполезными практическими сведениями о чужой жизни, которой никогда не было и не будет в Советском Союзе, но которую планируют ввести в действие на территории нашей страны России некоторые ее новые правители, всерьез и надолго очарованные социализмом, пуская даже и шведским...

3.2. Как известно, советские люди были очень тароваты на простые искрометные экзистенциальные шутки, и не было им равных в мире по части, например, чтобы прибить галоши в раздевалке гвоздями к полу или помочиться с целью веселого обмана в порожнюю пивную бутылку. Старый рабочий с искривленным позвоночником рассказывал мне в 1974 году в бане города Д. Московской области, что он служил мальчонкой на Морозовском мануфактурном

производстве, где прошел путь от неграмотного пастуха-подпаска до мастера-наладчика электрических станков. Что у них там была футбольная команда с тренером-англичанином во главе, а также общеобразовательная школа. Тем не менее, когда грянула революция 1917 года, они все же не удержались и, посадив управляющего мануфактурой в двуручную одноосную тачку, под смех и улюлюканье других пролетариев выкатили прислужника эксплуататоров за ворота, наказав никогда сюда больше носу не совать, если он, конечно, не хочет, чтобы ему этот длинный нос прищемили.

Пораженный его рассказом, я указал ему на другого банного человека, чей позвоночник был искривлен настолько, что в профиль этот голый человек слегка напоминал небрежно написанную русскую букву «Э», и тут же поинтересовался: кто есть этот человек, чья голова постоянно заглядывала в собственную промежность? Любопытство мое было удовлетворено рассказом о том, что это не кто иной, как бывший вертухай из местных, служивший в далекие 30-е годы на строящемся большевиками канале Москва — Волга и там изрядно зверствовал. Его бывшие подопечные, дождавшись очистительного XX съезда, развенчавшего ошибки коммунистического тирана Сталина и определившего новый правильный путь к коммунизму, взяли темной ночью бывшего вохровца за руки, за ноги и сильно трахнули задом о выступающий на поверхность земли мощный сосновый корень, отчего горбатый навечно сделался инвалидом и теперь получает неплохую пенсию. Рассказчик добавил, что канал этот построен «на костях» и все старожилы здешних мест прекрасно помнят, как по ночам чекистские грузовики сгружали в глухих этих местах северо-востока Московской области горы трупов бывших людей, погибших от дизентерии и пеллагры, закапывая их «под бульдозер» в неверном свете временных прожекторов. Увлечшись, он обещал мне показать один из этих случайно оставшихся и ныне проржавелых прожекторов, но я вскоре покинул город Д. и старого рабочего с тех пор больше не встречал на планете, отчего не могу сообщить, вследствие каких причин был искривлен и его собственный позвоночник. Замечу лишь, что через некоторое время до Москвы доехала книга «Архипелаг ГУЛАГ», и реалистический рассказ рабочего стал мне окончательно близок.

Да к тому же советские фильмы, постановки, вообще мифы... Все это тоже было сдобрено изрядной долей нашего юмора. Даже иностранцы знают классическую ленту Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», где заглавный князь-патриот говорит ратникам, что при удачном стечении обстоятельств и заяц может вступить в половой контакт с лисой. Или, например, художественно-политические кинокартины, созданные для внутреннего употребления в СССР, — каждый, кто хотел, очень часто мог видеть в них рослого угловатого большевика со спокойным, уверенным лицом, который в пух и прах разоблачал маленького гнусного курчавенького троцкиста, а то и стирал в порошок засранца-меньшевика, пытавшегося в очках продать революцию расстрелянному в Екатеринбурге кровавому царю и его семье. «Ай, едрит твою!» — корчилась от смеха киношная массовка, когда упомянутые негодяи, побитые в остроумном споре, удалялись за кадр, очевидно, в сторону упомянутого ГУЛАГа. И темный зрительный зал тоже отзывался адекватно. В суровое время мы все жили, граждане бывшие товарищи, дамы и господа новой России! Но кто, как говорится, бросит в прошлое камень, рискует получить оттуда два, и оба — по голове.

Вот почему я вынужден сказать, что иногда все эти шутки имели сугубо воспитательное значение, и в качестве иллюстрации такой своей простой мысли приведу наглядный пример.

Я ведь неоднократно сообщал читателям, что в юные свои годы по велению сердца и для хлебного пропитания работал геологом, закончив Московский геолого-разведочный институт им. Орджоникидзе, который Эллендея и Карл Профферы, выпустившие в городе Анн-Арбор, штат Мичиган, США мою первую книгу рассказов «Веселие Руси» (1981), ошибочно поименовали в предисловии КРАСНОЯРСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ, за что я на них совершенно не в обиде, потому что за книжку спасибо: благодаря этой книжке я не сошел с ума и, кажется, не спился, но об этом в другой раз или никогда.

Так вот, в геологии тоже было немало шуток. Например, на курсах радиометристов в одной из северных экспедиций училась волоокая дочка начальника экспедиции, которую все любили за добрый, веселый нрав и за то, что она практически никому во время сезонно-полевых работ не отказывала, если кто-нибудь ее об этом убедительно, настойчиво и хорошо просил. Однако училась она лениво, плохо и рассеянно, с трудом запоминая технические детали прибора «радиометр», которым следует измерять естественный радиоактивный фон горных пород, например, гранита или синей глины.

Поэтому, когда я как преподаватель как-то поднял ее с места вопросом, чем следует смазывать отдельные части радиометра, она завертела чесаной головой в ожидании подсказки.

И тут же получила ее. «Полетанью!» — победоносно выпалила она, и все покатались со смеху, потому что именно так сибирское простонародье именовало знаменитую серно-ртутную мазь, посредством которой население при печальной необходимости выводило лобковых вшей. Сделав строгое замечание курсанту-бичу Стратилатову, автору непристойной подсказки, я продолжил занятия, но случай этот зачем-то запомнил на всю жизнь, как на всю жизнь запоминаю всяческий словесный и жизненный мусор, ерунду всякую, может быть, даже и вообще не имеющую права на существование, а вот все самое важное, например, поэму «Евгений Онегин» или Конституцию обновленной невиданными переменами России — не помню наизусть, не помню... А ведь наступит строгий час, непременно наступит, когда придется подводить жизненные итоги... наступит, и уж тогда, как некоторые утверждают и доказывают, шуточками не отделаешься. Спрашивается — как жить, если еще не помер, если еще не наступила Третья мировая война?

...Начальник геологической партии еще был у нас, по фамилии Богодицын. Он раз взлетел на маленьком вертолете МИ-1 и увидел, что за круглым вертолетным окном, несмотря на июльскую жару, идет снег. Мгновенно все сообразив, он заорал вертолетчику, чтоб садился, и, приземлившись, обнаружил, что какая-то сволочь перед взлетом положила на вертолет его пуховый спальный мешок, который немедленно был вспорот острыми вертолетными винтами. Странно, но смерть он позднее принял именно от вертолета. Он радостно побежал встречать прибывший в тундру вертолет, он встал на высокий камень, и сложившиеся лопасти вертолета смертельно ударили его по неразумной голове. Вечная память геологу Богодицыну!

Но от смерти я все-таки снова перейду к жизни, к общественно-биологическим ее проявлениям, которые раньше заключались в том, что в тундре и тайге, естественно, нет туалетов, а туалетной бумаги в Советском Союзе отродясь не водилось.

Поэтому, если геологическая партия состояла из разнополых величин, то действовало железное правило. На каждой стоянке: «Мальчики, направо, девочки, налево». Как у тех нынешних «челноков», которые теперь, рискуя деньгами и здоровьем, ночами пробиваются на дряхлых автобусах в Восточную, а то и Западную Европу, чтобы привезти оттуда нужный товар для бывшего советского народа, наконец-то избавившегося от ужасов и скуки тоталитаризма. А то что бы мы, спрашивается, ели, пили и носили? Опять картошку на маргарине? Опять «Солнцедар»? Опять «ботинки на резиновом ходу»?

В той нашей геологической партии женщин не было, зато был коммунист Пашкин, зимой, во время камеральных работ, исполнявший общественные обязанности секретаря партбюро всей экспедиции, а летом работавший техником, как и все нормальные люди.

Не могу сказать ничего плохого о парторге Пашкине — он ни на кого никогда не стучал и вечерами у костра нес такую же антисоветчину, что и вовсе беспартийные элементы. И не хочу бросить тень на всех советских коммунистов, что они поступали в быту точно так же, как техник Пашкин. А он, несмотря на наши многочисленные просьбы и предупреждения, spravлял в быту свою естественную большую нужду, где хотел, подтираясь любимой газетой «Правда», которую время от времени привозили ему вертолетчики, может быть, и для этих целей тоже. А кому охота вляпаться в дерьмо, особенно посреди девственной тундры, бескрайних просторов ее?

Вот почему была устроена веселая, но страшная месть с далеко пошедшими последствиями. Смысленный бич Чешель, бывший дезертир неизвестно какой армии, догадался взять совковую лопату, нарастить ее рукоятку до полутора (примерно) метров и засел в кустах в ожидании добычи, сопровождаемый всеми нами.

Добыча не заставила себя ждать. Парторг присел. Бич подставил лопату и тут же споро принял ее со всем содержимым, включая обрывок все той же газеты, которая, как говорят, выходит и сейчас в нашем новом царстве-государстве.

А дальше — парторг поднялся, лениво застегивая штаны, и по атавистической привычке бросил взгляд на содеянное. Ах! Лицо его исказилось нарастающим беспокойством. Он заметался в поисках сами знаете чего, но этого-то он вот как раз и не нашел.

Вряд ли стоит описывать душевный блеск его выпуклых глаз и ту странную задумчивость, в которую он погрузился после указанного инцидента, который был повторен раз по крайней мере пять в течение текущей недели.

— Как ты думаешь, куда могло исчезнуть мое г-но? — тихо спросил он меня как интеллигентного человека все у того же походного костра, предварительно раскрыв передо мною ту часть подоплеки, которая была ему известна.

— Не знаю, — посерьезнев, ответил я. — Может быть, это какое-то специальное животное таким образом ищет для себя и своей семьи пропитание?

— Но почему же это происходит только со мной? — в отчаянии прошептал Пашкин.

— Да потому, что другие не серут где попало, хоть и беспартийные. Достукался, мы тебе сколько раз говорили... — Из темноты выступил сам бич Чешель, появились и другие подобные ему личности.

— Но при чем здесь это? — все еще слабо защищался Пашкин.

— А при том, что ты — коммунист, ни в Бога, ни в черта не веришь, вот они и решили тебе заделать такую козу, чтоб ты, наконец, человеком стал...

— Глумишься, негодяй! — вспыхнул Пашкин.

Но было уже поздно. Шло время. Бежали годы. Наступила было перестройка, а потом взяла да и закончилась. Коммунисты устроили путч, их, было, судили, а потом с почетом отпустили на волю. Была чеченская война, потом другая. В России стала свобода и «Макдоналдс». В России денег теперь снова стало много, но не у всех и не у страны, которая научилась побираться гораздо ловчее, чем при Леньке Брежнев. В России теперь очень весело, каждый день какие-нибудь происшествия. То кого-нибудь разоблачат, то кого-нибудь убьют или запустят в космос. В космос теперь снова посылают всяких людей, а сортиров в тундре и тайге как не было, так и нет, в отличие от туалетной бумаги, которую, согласно провидческой русской поговорке, теперь «хоть ж... ешь». Жизнь изменилась, изменилась, изменилась, граждане бывшие товарищи, дамы и господа новой России. Изменилась, я вам говорю! Люди много путешествуют, легко пересекают всякие границы. Вот, например, известный писатель Виктор Е., а также его друг, знаменитый рок-музыкант Борис Г., как-то оказались в горах Непала и Тибета и там, на одной из заснеженных тропинок, встретили пожилого босого буддийского монаха, который поразил их ярко выраженными славянскими чертами своего доброго бритого лица.

На вопрос, как его зовут, он им ничего не сказал, а лишь поклонился учтиво. На другой вопрос, как его звали в прежней жизни, он с акцентом ответил: «Парторг Пашкин. Волшебное Г-но», но второй раз уже не поклонился. Долго еще звенел в горней глуши его тихий, невидимый колокольчик.

3.3. съезд социал-демократов Швеции завершил свою работу пением «Интернационала»

супруга премьер-министра Швеции получила от муниципальных властей городка, где она трудится библиотекарем, извещение о предстоящем увольнении

шведские парламентарии добровольно отказались повысить себе зарплату

энциклопедический словарь гласит: шведская коммуна — это территориальное общественное устройство, обладающее, в частности, правом сбора налогов

на тысячу шведов (включая грудных детей и престарелых) приходится 400 автомобилей, почти 400 телевизоров, около 600 телефонов. Среднестатистический швед живет в двухкомнатной квартире площадью около 40 квадратных метров

портовые города бывших советских республик Прибалтики — Таллинн, Лиепая, Вентспилс, Клайпеда, а также — Ленинград могли подвергнуться атомным ударам нейтральной Швеции. Странно? Непостижимо? Но это именно так. О возможности подобных налетов свидетельствуют архивные документы, с которых только что сняли гриф секретности

во время этих ударов по портовым городам шведы думали использовать не менее 10 атомных бомб, мощность каждой из которых должна была превосходить ту, что сбросили американцы на Хиросиму

по телевизионному каналу ТВ-4 в Стокгольме было передано сообщение о том, что шведские власти выслали из страны дипломата «бывшего советского посольства» за «передачу Советской Армии разведывательных данных о шведской оборонной промышленности»

но что, к счастью, все же достигнута договоренность между двумя странами распространить сотрудничество также и на деятельность своих спецслужб

почему замполит не взорвал себя и свою подлодку? Да потому, что на борту лодки, которая села на мель во фьорде неподалеку от базы ВМС Швеции в Карлскруне 27 октября 1981 года, имелось ядерное оружие

а во-вторых, у команды все-таки был приказ в случае необходимости взорвать лодку

существует несколько версий того, что произошло 16 июня 1952 года на серых просторах Балтики, по шведским данным — над международными водами в районе острова Готланд, по нашим — над советскими территориальными водами в четырех милях к северо-востоку от эстонского острова Хиума. То есть если бы все это произошло сегодня, то правы были бы шведы в любом случае, потому что Эстония теперь тоже самостоятельная страна. А тогда она вяло изнывала под игом СССР, поэтому непонятно, кто прав, а кто виноват. Про советских, ясно, никто доброго слова не скажет, да и мне неохота

с легкой руки некоторых публицистов, писателей и даже парламентариев термин «шведский социализм» стал гулять в наших средствах массовой информации. Думается, что тот, кто подчас так свободно играет этим термином, чаще всего имеет поверхностное представление о Швеции и ее социально-политических особенностях

в Швеции в соответствии с принципами прогрессивного налогообложения из дохода может быть изъято от 10 до 60—70% всего заработка

а огромное сверкающее зеленым глянцем загадочное овальное сооружение с круглыми отверстиями является емкостью для сбора ненужной стеклянной тары

шведская семья с годовым доходом до 23 тыс. долларов США получает «на бедность» жилищное пособие

а если кто больше зарабатывает, тому — шиш! Нету жилищного пособия

продукцию шведской компании «Тетра пак» представлять не нужно. Десятки тысяч россиян видят ее ежедневно на своих столах. Еще в 60-е, когда только что выгнали Хрущева и начал царствовать молодой Леонид Ильич Брежнев, появились удобные треугольные молочные пакеты. Они мгновенно завоевали популярность у домашних хозяек и других советских граждан обоего пола

и это совершенно неудивительно. Ведь фруктовые соки в упаковках «Тетра пак» совершенно не теряют свежести без холодильника около года, а вот молоко не теряет свежести всего лишь шесть месяцев

вот почему эту систему, разработанную шведской фирмой, ученые люди назвали «крупнейшим шагом вперед со времен Пастера»

слава ученым! Но не всем. Есть такие ученые, которые изобретают вовсе не молочные пакеты, а наоборот — одну мерзость

скандинавы, как известно, люди без комплексов

«Хотя и у нас есть свои достижения,— подумал Безобразов.— Например, презерватив, покрытый люминесцентным составом. Не лампочка, конечно, но светит, когда надо...»

в Швеции, судя по сообщениям местной прессы, готовится массовый побег сотрудников КГБ, которые до сих пор трудятся в советском посольстве. Куда это они собрались бежать, не иначе, как на горячо любимую Родину, которая в данном случае пишется с большой буквы. А все перестройка!

все перестройка: лучше горькая правда, чем советская ложь. Шведский разведывательный самолет, цитируют газеты заявление нашего Министерства обороны, НЕ НАРУШАЛ в июне 1952 года воздушного пространства СССР и был сбит над международными водами

Швеция — рай. Там тротуары с небольшим наклоном. Ведь в этой маленькой, но индустриально развитой стране бывает много дождей и снега, однако на тротуарах лужи не скапливаются — негде, все стекает на мостовую. Зато Россия — большая страна. В России жил и работал Ленин... Россия — ад или чистилище?

так что же, по мнению шведов, должен брать с собой турист или бизнесмен, отправляясь на советские просторы? Солидные туристские фирмы рекомендуют им непременно упаковывать в багаж презервативы, туалетную бумагу плюс шарик для гольфа. Если первые два пункта предельно ясны, то третий требует некоторых пояснений: этот самый шарик идеально подходит по размерам для затыкания водостока в советских ваннах, у которых «табельная затычка», как правило, вырвана с мясом. Оклеветать нашу многострадальную страну, многократно изнывавшую под игом тоталитаризма, нынче всякому охота. Да только не мне

«Отсюда советские военные коммуникации прослушивались с 60-х годов». Такой подписью снабдила газета «Гётеборг-постен» снимок верхних этажей шведского дипломатического представительства в Хельсинки

*...Хельсинки, Хельсинки, Хельсинки.
Город большой, славный такой.
Идем мы, идем мы,
Смеемся сердечно.
А встречные девушки так хороши
Бесконечно...*

газета утверждает: аналитики, благодаря расположенному здесь центру радиоразведки, до сих пор имеют уникальную возможность знакомиться с переговорами между командными пунктами в западных военных округах Советского Союза, которого больше нет

32,7 тыс. шв. крон (SEC) = 5 тыс. долларов США (USD)
32,7–5
х–1
х ≈ 6,5
1USD ≈ 6,5 SEC

а в небе Швеции — дружеский советский истребитель «Михаил Горбачев»

We need you, Gorbachev!
We need you, Eltsin!
We need you, Putin!

в нынешней Швеции большинству живется неплохо, ой как неплохо! Это подтверждается и статистикой, и высказываниями остальных шведов. В том случае, однако, когда у них есть место работы. Зато в России можно жить без денег всегда. Без денег в России даже лучше, а то посадят, уьют или обыграют в «наперсток»

как и любая другая цивилизованная страна, за исключением нашей, Швеция не замыкается на учете аргументов лишь своих сторонников и противников атомных электростанций

за много лет перестройки и пребывания Михаила Горбачева на посту руководителя СССР разведывательная деятельность Советского Союза в Швеции не уменьшилась ни на йоту. Парни не зря кушали свой ржаной хлеб, намазывая его толстым слоем шведского малокалорийного масла

камнем преткновения в отношениях между Швецией и нашей страной были не только действия советских подводных лодок, но также не выясненные до сих пор судьбы — шведского дипломата Рауля Валленберга, которому поставлен памятник в Будапеште (Венгрия), и восьми членов экипажа шведского разведывательного самолета ДС–3, сбитого где-то над Прибалтикой в 1952 году

а также до сих пор актуален вопрос о местонахождении шведского гражданина Стига Берлинга, бывшего советского шпиона, бежавшего из шведской тюрьмы, как полагают, в Советский Союз, мистическую страну, которой никогда не было, но которая всем приснилась

почти 80 лет в музее шведского города Мальмё хранится невостребованное наследство, богатая коллекция произведений ТЕХ ЕЩЕ российских художников, которые — эмигранты

Карлссон произнес речь.
Горбачев произнес речь.
В сумме Карлссон и Горбачев произнесли две речи

а ведь в 50–е годы Швеция намеревалась принять на вооружение ядерное тактическое оружие и самолеты–носители в противовес растущей советской мощи

принять или принять? Справиться у Горбачева, когда опять увидимся. Или у Ельцина, если он будет готов ответить на этот вопрос. Или у Путина

ой–ой! 2 июня в 16 часов 38 минут средствами наблюдения ПВО был замечен небольшой спортивный самолет, летевший со стороны Швеции в направлении Государственной границы СССР. Магия больших букв, малых размеров

да что там! Ведь заявил же известный шведский ученый–исследователь В. Агрикола, что Швеция была присоединена к своего рода разведывательному союзу, который продолжали укреплять и после так называемой перестройки

термин «шведский грех» стал в мире обозначением не только и не столько деятельности девиц, пишущих губной помадой номера своих телефонов. Нет, имеется в виду общий подход шведов к области интимных отношений — писала газета «Правда». Хорошее слово «правда», хорошее слово «товарищ», хорошее слово «патриот». Задача реальной демократии вернуть искаженным русским словам их подлинное значение. Все другие задачи невыполнимы

а все потому, что шведы не воевали 177 лет. Когда–то это была воинственная нация, создавшая на Балтике огромную империю вроде Советского Союза. Эта империя включала в себя, кроме самой Швеции, земли Бремена и Померании, Эстонии, Ливонии и Финляндии со всеми берегами Финского залива и большей частью нынешней Карелии. Последнюю войну вел в 1814 году наполеоновский маршал Бернадотт, избранный на престол Швеции. То была война с Норвегией. А все потому, что у Швеции не было Сибири. Если бы на стороне Швеции была Сибирь, Швеция до сих пор была бы империей со всеми вытекающими из этого последствиями вроде так называемой Октябрьской революции

извиняйте, родные! Вам не следует забывать, что у шведской обороны имеется и важный международный аспект. Мы ведь, по сути, защищаем Советский Союз от ударов ракетами, которые могут запускаться из зоны Норвежского моря,— примерно так заявил шведский главком Бенгт Густафссон.

А мы ему в ответ: «Ты чё, дядя Бенгт, совсем на голову слабый? Кому там, mother fucker, в Норвежском море запускать ракеты? Сам подумай — где Норвежское море, а где мы, где Чечня?»

или еще лучше: «А вам, господин Густафссон, извините за выражение, не следует забывать, что Швеция щедро снабжала гитлеровскую Германию железной рудой, из которой делались снаряды и бомбы. Что были и другие факты нарушения шведами нейтралитета, когда Сталин бился, как лев, со своим другом Гитлером: транзит немецких войск из Норвегии в Финляндию, где немцы поели всех куропаток и глухарей, перевозка по шведским железным дорогам военных материалов из Германии, провод через шведские территориальные воды фашистских судов с войсками и вооружением»

если бы ДС–3 действительно вторгся в воздушное пространство СССР, приказ сбить его мог отдать не только какой–то там Шинкаренко, но и обычный командир дивизии. Но послать самолет в глубокие нейтральные воды, и не просто на разведку, а с целью сбить там самолет ней–

тральной Швеции, — такое распоряжение могло прийти только из Кремля, только из Кремля

«Выраж Осинского, сбившего самолет ДС-3, длился минуты две с половиной. Вдруг он снова сказал: «Вижу цель». В Москве Осинский пробыл два-три дня и вернулся в часть с наградой — орденом Боевого Красного Знамени. Чуть позже он получил еще и денежную премию, на которую купил своей жене отличный чернобурый воротник на пальто. Особенно он переживал, что встретил в Кремле самое высокое начальство, а сам был — небритый и в грязной летной форме, даже без фуражки. Смотреть на поступок Осинского с сегодняшних позиций бессмысленно. Такой приказ тогда исполнил бы с радостью и гордостью любой из нас, летчиков, включая и меня самого. Времена были другие, и другими были нормы допустимого, что можно и нельзя, что хорошо и плохо», — считает ветеран, тоже бывший летчик Давид Л., который тогда не читал еще Тору, а просто бороздил воздушное пространство своей полуисторической родины

Осинский доложил, что из самолета посыпалось полным-полно шведов-парашютистов. К счастью, приказа стрелять по ним он не получил. Ведь это катастрофа для каждого порядочного летчика: стрелять по экипажу сбитого самолета

когда на прошлой неделе ведущий телепрограммы «Утро» Александр Горяинов показал фотографию мужчины лет пятидесяти с усталым лицом и попросил всех, кому известно что-либо о Евгении Сандберге, звонить в МВД, он, как и миллионы телезрителей, никак не предполагал, что находится в самом центре политического скандала: еще в 1979-м Эжен Сандберг (тогда его, правда, звали СТИГОМ БЕРЛИНГОМ) был изобличен в шпионаже в пользу СССР и приговорен к высшей в Швеции мере наказания — пожизненному заключению. Берлинг был завербован в период прохождения службы в силах ООН по поддержанию мира во всем мире. Вернувшись в Швецию, он работал в полиции безопасности и имел доступ к самой конфиденциальной информации. Шведы до сих пор недоумевают, как человек, известный своими пьянками и многочисленными амурными похождениями, а также безудержным хвастовством, мог работать на иностранную разведку. Видимо, на этом Стиг Берлинг и «сгорел», был изобличен израильской спецслужбой МОССАД и передан шведским властям. Однако в тунне трудились старательные, честные евреи! Обманув охрану, шпион враз исчез из тюрьмы и оказался в Хельсинки. И уж совсем как издевательство восприняли в Швеции отправленную из Москвы в полицию безопасности пасхальную открытку. Там рукой неведомого шутника сообщалось, что Берлинг благополучно прибыл в Советский Союз, где собирается строить коммунизм, если этому не помешает перестройка

ведь шведское общество — это общество «двух третей». 2/3 живут хорошо, 1/3 — плохо

то есть самый низкооплачиваемый рабочий в Швеции получает всего-навсего 14 тысяч USD

а еще хвастаются! Дескать, наша система хороша тем, что дает надежную защиту человеку. Мы, видите ли, не боимся безработицы, болезней, старости. В Швеции давно ликвидированы элитарные школы, дети рабочих и дети миллионеров учатся вместе. В шведских военно-воздушных силах много красивых дам... Дразнят убогих мира сего. Додразнятся...

«Мы высоко оцениваем ту откровенность, которую показала советская сторона в связи с визитом родственников Рауля Валленберга в Со-

ветский Союз. Мы также высоко оцениваем готовность советской стороны помочь установить подлинность имеющихся документов. Позиция шведского правительства остается прежней. Пока не установлен факт смерти человека, он имеет право считаться живым», — сказал министр иностранных дел Швеции Андерссон

о, советская сторона—сторонюшка!

тот же самый Андерссон подтвердил в 1989 году, что Швеция не считает прибалтийские республики оккупированными Советским Союзом

о, шведский нейтралитет!

и вообще — в Швеции многое поражает иностранцев, в том числе и шведский вариант «тюремного перевоспитания». Заключенные, которые не замечены в серьезных нарушениях режима, имеют возможность проводить с семьей праздники. Им разрешается также бывать дома в краткосрочных побывках каждый месяц. Дети в возрасте до 15 лет не несут за любые содеянные преступления равным счетом никакого наказания, потому что они «цветы жизни»

ну, вот и результат: на счету душегуба Петерссона, убившего премьер-министра Улофа Пальме, было десять судимостей, и к февралю 1986 года он находился на свободе всего несколько месяцев. Место преступления Петерссон, как считает обвинение, покинул хорошо известным ему маршрутом — в декабре 1973 года, прикончив случайного прохожего штыком, он использовал для побега тот же путь

зато шведская полиция безопасности, как выяснилось, вела тайное досье на многих видных шведских политиков, журналистов и деятелей культуры. Прямо как у нас, в родном **совке**, который теперь носит гордое имя Россия

«С 1980 года советские субмарины сотни раз нарушали шведские воды; эти действия носят откровенно наглый характер; Советы готовят нападение на военные объекты, расположенные на территории побережья Швеции, советские подлодки нарушают территориальные воды и других стран — Финляндии, Норвегии, Дании, Италии, Японии!» — надрывался ветеран, надеясь быть понятым мировой общественностью. А мировая общественность ему отвечает: «Папаша, не пыли!»

а пожилая молодежь знай свое:

— We all live in the yellow submarine,
Yellow submarine,
Yellow submarine...

We all like the political correctness,
Political correctness,
Political correctness

ДОПОЕТЕСЬ, ЧЕРТИ ДРАПОВЫЕ, УЖЕ ДОПЕЛИСЬ!

помнится, что уже в 1988 году Швеция начала отказывать в предоставлении убежища советским гражданам. Они больше не рассматривались как политические беженцы. Десяти невозвращенцам было отказано тогда в убежище, и было отдано распоряжение об их депортации в Советский Союз, где, по мнению шведских властей, людям уже не грозят никакие преследования

— You're strong
And safe,
Gorbachev! — пишет **Katharine Hepburn**, actress, author of the Anthology of Poems THANK YOU, GORBACHEV edited in 1990 by **Mario Fratti**, professor of Italian literature of Hunter College, USA, an international acclaimed playwright and drama critic. WALL TO WALL PRESS. Price \$8.00

КОГДА И ГДЕ ТЫ ВИДЕЛ ВЕСЕЛОГО СОЦИАЛИСТА?

Александра Коллонтай до сих пор пользуется в Швеции большой популярностью

еще бы! «Посол Советского Союза»

«посол на...» Как, в сущности, груб и пошл этот плебейский анекдот. Я прям морщусь, как Оскар Уальд при виде нищего

на экране появилась заставка «Швеция», а под ней... открываемая ключом консервная банка, из которой выплывает подводная лодка. Так в 1988 г. миллионы европейцев открыли для себя новый «символ» Швеции, где военные явно страдают тревожно-подозрительным синдромом...

в целях дальнейшего укрепления дружественных отношений и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Швеция в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций Стороны договорились о следующем:

спорный район между СССР и Швецией разграничивается таким образом, что к СССР отходит 25% площади этого района, а к Швеции 75% площади этого района

так постановили в 1988 году

а годом раньше в интервью шведской газете «Дагенс нюхетер» Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, имевший прозвище «плачущий большевик», сказал:

— У нас есть мудрая поговорка: «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Вы говорите об историческом разрыве со «сталинизмом». Но прежде, чем идти на хирургическую операцию, надо знать точный диагноз. С чем, собственно, разрывать? Не секрет, что представления о «сталинизме» на Западе и наши оценки того периода в истории СССР не совпадают. На Западе нередко ставят знак равенства между «сталинизмом» и социализмом. В этой связи повторяю одну из ключевых формул нашей перестройки: должно быть больше социализма...

— Куда же еще больше?! — расхохотался Безобразов

А товарищ Рыжков продолжает бубнить из 1987 года:

— Перестройка — решительное отрицание отжившего, ошибочного, тормозящего дальнейшее развитие, сдерживающего полное раскрытие всего потенциала, которым обладает наше общество. Но перестройка опирается на мощнейший фундамент общества, выстроенного советскими людьми в послеоктябрьские десятилетия, она учитывает все ценное, что создано народом под руководством партии

а вот В. Агрикола, которого зовут Вильгельмом и который, оказывается, является «экспертом по вопросам мира и конфликтов», продолжает **типа гнать волну** на страницах шведских газет — дескать, советские дивизионные подразделения регулярно тренируются в ихних шхерах

а ему вторят американские заправилы. «The Soviet news agency TASS says two Swedish tourists were detained yesterday at Leningrad's Pulkovo airport for trying to bring Zionism literature into the Soviet Union». Вот же бессовестные! Как будто не знают, что мы всю перестраиваемся и скоро отъявленные коммунисты будут стоять в церкви со свечечками, а правозащитник Анатолий Щаранский станет в Израиле большим начальником

и вообще — ну почему? Почему вы нас так не любите? Зачем вы напечатали в 1987-м книжку «Нападение на Швецию», где с серьезным видом утверждаете, будто над Швецией нависла серьезная опасность советской оккупации, даются леденящие душу картины захвата страны советскими солдатами, которых перебрасывают на парамах через Балтику? Солдаты, а также матросы, стреляя на ходу, штурмуют здание шведского радио, захватывают телевидение, МИД, Королевский дворец. Наводят их на эти стратегические цели хорошо законспирированные советские агенты, которые были заброшены в страну еще в пятидесятых годах, со временем превратились в шведов и, проявив недюжинную русскую смекалку и шведскую прагматичность, заняли руководящие посты в государственном аппарате

ведь в 1993 году наконец-то выяснилось, что субмарины в шведских фьордах действительно были, да только советский флот не имел к ним никакого отношения. То, что рассказал сдавшийся американский шпион, привело наших кагэбэшников в ужас. Оказывается, и высадка с американской мини-подводной лодки у советских берегов, и работа вблизи советских аэродромов или на суше, и сбор информации, благополучный уход обратно никакой особой сложности не представляли, отчего фраза «граница на замке» воспринималась нарушителями как неудачная шутка

лучше бы подумали о том, что орудовавшая в Советском Союзе Коммунистическая партия вознаграждала верность шведских коммунистов Москве немалыми суммами. Каждый раз офицер КГБ, въезжавший в страну под дипломатическим прикрытием и обладавший, таким образом, иммунитетом, вез с собой богатый чемодан. Верная Москве Рабочая партия — коммунисты Швеции — получила с 1978-го по 1990 год не менее 2 000 000 USD. Указанные средства ввозились в Швецию незаконным путем, нигде не регистрировались и не облагались налогом. Об этом свидетельствуют секретные документы из архива ЦК КПСС, отобранные у коммунистов во время их Первого путча, когда восставший народ спихнул с пьедестала лубянского родоначальника Феликса Дзержинского. Документы свидетельствуют, что выплаты со стороны КПСС изрядно возросли после известного инцидента с советской подводной лодкой «У-137», севшей на мель у южного побережья Швеции 27 октября 1981 года. Так, 24 ноября 1981 года Москва решила выделить шведским товарищам дополнительно 75 000 USD. Основная причина состояла в том, чтобы попытаться противодействовать тому, что в советских газетах называлось «шведской противолодочной манией». 75 000! Тогда это были большие деньги

«Жаль, что я тоже не стал шпионом или коммунистом», — подумал Безобразов, чья жизнь, в сущности, прошла даром

Глава IV. ВЛЮБЛЕННЫЙ АГРОНОМ

4.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Безобразов — это чисто сибирская фамилия, отражающая тот простой факт, что Сибирь, как и Америка, издревле была населена бойцами, каторжниками и стражниками (Дрянных, Оленных, Усопших, Продай-Вода, Ходя-Ходя, Ельцин, Распутин, Ермак). Безобразов — не в смысле некрасивый, а в том, что, с одной стороны, безобразный, то есть не имеющий четких очер-

таний во времени и пространстве, а с другой — живущий без ОБРАЗОВ, то есть икон, то есть безбожник, каковыми являются практически все жители бывшей советской сторонухи, озаренной солнцем неокрепшей демократии, включая и тех ее начальников, которые держат перед телекамерами казенные свечечки на Пасху в Елоховском соборе и Храме Христа Спасителя. Дедушка Безобразов был расстрелянным православным священником, папаша Безобразов служил в НКВД, внук и сын пошел другим путем. Обладая огромной суммой беспорядочных знаний и бесполезных практических сведений, он теперь жил в Москве и консультировал «по жизни» многих современных властителей дум.

Откроем секрет — именно Безобразов подсказал философу Василию А. мысль о том, что Крым, не взятый большевиками, мог бы развиваться параллельно Советскому Союзу, как остров Тайвань в Китае, именно он нагадал политику Михаилу Г. так называемую перестройку, а также вдосталь потрудился над имиджем фантаста Александра К., который снискал себе славу пророка своей антиутопией, посвященной тому непреложному факту, что любой перестройке в России сопутствует невиданных размеров хаотический бардак, ставящий под вопрос само существование этого государства, которое никогда уже больше никуда не возвратится, как детство. И, конечно же, не кто иной, как Безобразов, научил глуповатого и малообразованного постмодерниста Евгения П. наново переписать один из романов И. С. Тургенева, чтобы дистанцировать нынешнюю мировую реальность от прежней и заработать на этом USD 1 000 000.

За эти подсказки и предсказания и самому Безобразову неплохо платили, отчего и жил он всегда не богато, но безбедно, а вот заказчикам его то везло, то не везло. Одного из них посадили «за клевету» коммунисты, другого убили в пьяной драке проститутки, третьего сожгли в собственной машине бандиты, философ А. получил Нобелевскую премию, политик Г. создал фонд имени собственного имени, постмодерниста П. избрали вице-спикером Государственной Думы, а фантаста К. Безобразов особенно любил за щедрую волю души и искренне жалел, что тот перешел под влиянием Безобразова с водки на джин-тоник и теперь спивается, плачет по утрам, хотя все равно очень много и напряженно работает, радуя читателей своими новыми болезненными фантазиями, подсказанными ему Безобразовым. Именно по его протекции Безобразов и попал незадолго до начала Третьей мировой войны на шведский остров Готланд. Увы, правильно говорил древний мудрец Екклесиаст: «Кто множит познания, множит скорбь». Вот почему нам очень хотелось бы, чтобы читатель понял — Безобразов отнюдь не иерарх, а всего лишь частица открытой мультиагентной системы, как и все мы, включая автора этого сочинения...

4.2. С целью приватного изучения жизни я осенью 197... года прибыл в деревню Глядень одного из районов К.-ского края, который стоит на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан.

Советская власть тоже велела писателям изучать жизнь, но под этим имела в виду нечто другое, чем то, что открылось тогда моему постепенно формирующемуся идейно-ущербному взору в деревне Глядень одного из районов К.-ского края. Советская власть хотела полезных для себя продуктов изучения жизни, а у меня продукты почему-то получались сплошь для нее неудобоваримые.

Судите сами: покосившиеся заборы, некогда крепкие избы, пыль, ковыль, пьянь да рвань, речка блестит-петляет вдалеке, тайга вся окрест вырублена, хлебоприемный пункт, свинарники, коровники, утопающие в навозе, правление, Доска почета, лысый Лукич, крашенный бронзовой краской, слепни, мухи, комары, кошки, собаки, вороны, влюбленный агроном, запущенные поля.

То есть (из газет) влюбленный в свою работу и вообще в жизнь энергичный молодой коммунист, сельский интеллигент, изобретатель, рационализатор, агроном, который худенький, невысокого роста и, блестя круглыми очками, в ковбойке и синих китайских штанах, заправленных в черные резиновые сапоги, возбужденно рассказывал мне, как скоро преобразится вся родная земля, если этому не помешают бюрократы.

В чем я, центровая штучка, прибывшая в глубинку аж из самого города К. по командировке газеты «К.-ский комсомолец», выражал осторожные сомне-

ния, особенно напирая на стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», но пока что умалчивая о полученных мною от «Би-би-си» и «Голоса Америки» сведениях о преследовании инакомыслящих в СССР, травле Сахарова и Солженицына, скорбных последствиях советской «братской помощи Чехословакии» в 1968-м и других прелестях «развитого социализма».

— Я вообще-то почти не пью,— сказал он.

— Я тоже,— сказал я.

Выпили водки. Развязались языки. Агроном, угощая меня квашеной капустой, солеными огурцами и жаренной на маргарине картошкой, вдруг снял очки, отчего плоское лицо его мгновенно преобразилось, приобрело значимость, рельефную глубину, а также озарилось неведомым светом пульсирующих в тисках коммунизма мыслей.

— Я ведь все понимаю, не думай,— сказал он. — И про Андрея Дмитриевича, и про Александра Исаевича. И про то, что у нас в стране постоянно нарушаются ленинские нормы.

— Да и Ленин твой тоже мудака,— брякнул я, повинуюсь выпитому.

— А вот здесь нам есть о чем поспорить! — Он вскочил и возбужденно заходил по своей неухоженной крестьянской комнате, большую часть которой занимала русская печь, а в углу имелся сосковый рукомойник с тазом. — Если бы Ленин был жив, то у нас все было бы по-другому, у нас была бы любовь или хотя бы влюбленность.

— Если бы Ленин был жив, ему сейчас был бы сто один год,— цинично ухмыльнувшись, ну, право, как какой-нибудь нигилист из произведений И. С. Тургенева, заметил я.

— Не о том, не о том, не по делу,— укорил он меня. — Я ведь не о Ленине. Ленин — черт с ним в конечном итоге, я о другом, о другом. Вот я тебе приведу пример, вот у меня была племянница, она училась во ВГИКе, Всесоюзном государственном институте кинематографии...

— Ну?..

— Гну,— не удержался он. — Я ей вместо отца, а она там, в Москве, пила, курила, подвергалась случайным половым связям с иностранцами.

— Так, та-ак...

— Отчислили, конечно, из института, выслали из Москвы. Я взял девочку к себе. На ферму определил, нашел ей хорошего самостоятельного парня, местный, Леша, но тоже с высшим образованием, механик. Все как бы пошло на лад, стала она постепенно втягиваться, но я, как бы это тебе сказать, вижу, что не любит она свою работу и вообще жизнь, нет в ней влюбленности, не верит она в себя. И вот результат: готовились к осеменению, ей велено было держать, чтоб собрать это... ну...

— Что «это»?

— Ну, бычьей, извини, сперму. А бык вырвался, и ее этим самым окатило, можно сказать, с лица до пяток... В результате — трагедия, позор на весь район, пришлось ей уехать, Леша запил, сняли с механиков, а она сейчас снова во ВГИКе, говорит, что будет известной артисткой, надо мной смеется, как над дураком. А я разве дурак, если хочу, чтоб все было хорошо? Я влюблен. Разве тот, кто влюблен и хочет, чтоб все было хорошо, дурак? Вот это я и имею в виду, когда думаю о Ленине. Понял?

— Понял,— сказал я, внимательно вглядываясь в него.

А он заново надел очки. Бутылка кончилась. Второй у меня, к сожалению, не было, и в дальнейшем нам пришлось пить самогон. Мы поднялись. Мы прошли на скотный двор. Там он продемонстрировал мне изобретенную им машину для очистки помещений от навоза, объяснив, что хотя изобретательство и не входит в его прямые обязанности, но он без него жить не может, что это его «хобби, ставшее второй натурой». Машина была красивая, но довольно грязная. Машина работала ровно, хорошо. Машина щупальцами забирала навоз. Навоз — не говно. Машина — это машина. Навоз уплывал по ленте транспортера неизвестно куда. Влюбленный агроном волновался. На следующей день должно было приехать какое-то районное начальство во главе с самим Фофановым, и он многое с этим визитом связывал. «Не для себя работаем, для наро-

да», — сказал он, явно давая мне возможность привести эти слова в «заметке», которую я так и не написал.

Или написал, теперь уж и не помню. Все пьянство. Все разврат. Все хиханьки да хаханьки. Жениться раз, потом — другой. Кафку, Джойса да антисоветчину читать, «Солнцедар» пить. «По ком звонит колокол?» («Пахом звонит в колокол».) «Rolling stones». Розанов Василий Васильевич. «Москва — Петушки». Театр на Таганке. Human rights. Оруэлл. «Архипелаг...» «Playboy». Карикатурист Сысоев. Грядущий альманах «Метрополь». Underground. Доживет ли Советская власть до 1984 года? Доживет, куда она денется, падла, и нынешние слухи о ее смерти явно преувеличены. Кто мы такие? Откуда? Куда, спрашивается, двигаемся? Навоз ли мы, уплывающий по ленте российского транспортера неизвестно куда, или все-таки почва? Или навоз это и есть почва? Навоз — не говно? Почва — не говно? Машина — это машина? Обыватель — это великолепно, это звучит гордо? Да написал, конечно же, написал я ту самую заметку, но ее, увы, успели снять из уже готового номера.

Дело в том, что, когда приехало начальство, машина сначала работала очень хорошо, чинно перекидала специально приготовленную для гостей огромную кучу, после чего все уселись за банкетные столы, где агронома благосклонно хвалили, но он быстро и сильно опьянел, принялся всех перебивать. В частности, когда сам Фофанов встал и начал было: «Дорогие друзья, позвольте поднять этот тост за Ленинский Центральный Комитет и лично за дорогого Леонида Ильича Брежнева», агроном внятно добавил: «И за любовь. И за скорейшее возвращение к ленинским нормам». Все замерли: «Я, кажется, еще не кончил», — холодно сказал Фофанов. Агроном свял. «Опять мне не повезло, опять мне не повезло», — бормотал он, клонясь на мое плечо, но потом вдруг вскочил, убежал и развернул машину на всех нас, пирующих за казенный счет, и включил ее. Жаль, что вас не было с нами! «Да здравствуют Сахаров и Солженицын! Свободу всем остальным!» — орал он. Его вязали. На следующий день он каялся и плакал, но его все равно исключили из партии.

Ну и что? Теперь он в Москве, является Генеральным дистрибьютором ООО «СИБАМБРЭ», где Президентом — тот самый Фофанов, а менеджером — та самая племянница, она же — третья жена Фофанова, встретившая его в одном из борделей турецкой Анталии, куда он часто ездил отдыхать, пока не купил виллу в Испании, неподалеку от скромного дома знаменитого фантаста-антиутописта Александра К., решившего в конце концов эмигрировать подальше от своих фантазий. Все при деле. Вся страна при деле. Я, между прочим, тоже при деле. Тоже — пишу все, пишу да вдобавок еще и книжки про любовь читаю. Был в Финляндии, Германии, Швеции, Англии, Испании, Франции, США, Италии, Греции, Австрии, Британской Колумбии, княжестве Люксембург, республике Сан-Марино, Гренландии и Северной Корее. «Так на нашу многострадальную землю пришла перестройка, так выковывались народные вожди, так закалялась капиталистическая сталь», — пишу я, не боясь повториться.

4.3. Я ЛОВИЛ АТОМНЫХ АГЕНТОВ КГБ

ШПИОНЫ В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ

БЕГЛЫЙ СОВЕТСКИЙ ШПИОН ОБНАРУЖЕН В АВСТРИИ

АГЕНТ КГБ В НЬЮ-ЙОРКЕ

РАЗВЕДКА НЕОБХОДИМА В «ВЕК ПАРТНЕРСТВА»

ГРУ — МОЯ ЛЮБОВЬ

МОЙ ДРУГ — ОФИЦЕР РАЗВЕДКИ

БЫЛ ЛИ ДУШКО ДОДЕР АГЕНТОМ КГБ?

ПРИЗНАНИЕ БЫВШЕГО АГЕНТА

АГЕНТ ПО ИМЕНИ «ФЕДОРА»

РОССИЙСКИЙ АТТАШЕ ОБЪЯВЛЕН ПЕРСОНОЙ НОН ГРАТА

ЕЩЕ ОДНО ДЕЛО О СОВЕТСКОМ ШПИОНАЖЕ ЗАКРЫТО

НОВЫЕ ЭПИЗОДЫ ШПИОНСКОЙ САГИ

ЧЕТЫРЕМ РОССИЙСКИМ РАЗВЕДЧИКАМ ПРЕДЛОЖЕНО ПОКИ-
НУТЬ ФРАНЦИЮ

РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ ОБВИНИЛИ ГАЗЕТУ В ШПИОНАЖЕ

ВИКТОР ФЕДИК, ВОЗМОЖНО, БЫЛ РАЗОБЛАЧЕН ПЕРЕБЕЖЧИКОМ
ИЗ ГРУ

РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА ВЫСЫЛАЮТ ИЗ НОРВЕГИИ

ФОКУСЫ ВЕРБОВКИ

ФРАНЦУЗСКИЙ АГЕНТ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ СТАЛ ЖЕРТВОЙ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА СОТРУДНИКА КГБ

БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК–НЕЛЕГАЛ В МЕКСИКЕ СПУСТЯ
ПОЧТИ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ВСТРЕТИЛСЯ СО СВОИМИ ДОЧЕРЬМИ

ПОЛКОВНИК ИЗ «АКВАРИУМА» НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

В ЮАР ИЗ ТЮРЬМЫ ОСВОБОЖДЕН БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ АГЕНТ

КУДА ПОДАТЬСЯ БЕДНОМУ ШПИОНУ?

ШПИОН ОСВОБОЖДЕН ПО ПРОСЬБЕ Б. ЕЛЬЦИНА

БЫВШИЙ ДВОЙНОЙ АГЕНТ ПОКИДАЕТ ШВЕЦИЮ

РАЗВЕДЧИК УХОДИТ ЧЕРЕЗ ЛА–МАНШ

РУССКИЙ РЕЗИДЕНТ В ГЕРМАНИИ НЕ ГОВОРИТ ПО–НЕМЕЦКИ

ТРУДНО БЫТЬ НЕЛЕГАЛОМ

В МОСКВЕ АГЕНТУ ДАЛИ КЛИЧКУ «ШОТЛАНДЕЦ»

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ОТКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

ТАЙНЫМ АГЕНТАМ ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ И ВЕСЕЛЕЕ

АМЕРИКАНСКИЙ ШПИОН В СОВЕТСКОЙ ПСИХУШКЕ

ПОЧЕМУ НАШИ РАЗВЕДЧИКИ БЕГУТ НА ЗАПАД?

ДЖЕЙМС БОНД ВЫХОДИТ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

КАК СОВЕТСКИЙ ШПИОН СЕЛ АМЕРИКЕ НА ШЕЮ

КАК СЭР СТАФФОРД КРИПС, КИМ ФИЛБИ И РУДОЛЬФ ГЕСС НАПУ-
ГАЛИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

ОДИНОКИЙ РЕЗИДЕНТ ИЩЕТ ЯВКУ В АНТАРКТИДЕ

СОВЕТСКИЙ ШПИОН, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

ФБР ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСКИ РУССКИХ ШПИОНОВ

ОСТОРОЖНО! РУССКИЕ РЯДОМ

РЫЦАРИ БЕЗ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

ПОЧЕМУ «УШЕЛ» ПОЛКОВНИК КГБ?

ДИРЕКТОР ЦРУ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО РОССИЙСКАЯ РАЗВЕДКА ДЕЙ-
СТВУЕТ ЗА СПИНОЙ РУКОВОДСТВА РОССИИ

ЩУПАЛЬЦА КГБ РЫЩУТ ПО ФРАНЦИИ

Я БЫЛА ЖЕНОЙ РУССКОГО ШПИОНА

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ РАЗОБЛАЧЕНИЙ СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРЫ В ЕВ-
РОПЕ

ЧЕТВЕРО БЕЛЬГИЙЦЕВ ПРИЗНАЛИСЬ В ШПИОНАЖЕ В ПОЛЬЗУ
РОССИИ

ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ БЫЛ СОВЕТ-
СКИМ ШПИОНОМ

У НИХ — ДЖЕЙМС БОНД, У НАС — КАПИТАН ИВАНОВ

КАК «ВЕРНЫЙ» ТАЙНИКИ ЗАКЛАДЫВАЛ

КАК БЫЛИ ПОЛУЧЕНЫ СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПЕРВОЙ АМЕ-
РИКАНСКОЙ АТОМНОЙ БОМБЕ

РАЗВЕДЧИК? ШПИОН? ПРЕДАТЕЛЬ?

КГБ ИМЕЛ В ИТАЛИИ ЧЕТЫРЕХ «ЗОЛОТЫХ» АГЕНТОВ, ОДНОГО ИЗ
НИХ — В ВАТИКАНЕ

ФБР НАДЕЕТСЯ, ЧТО ОФИЦЕРЫ КГБ УЕДУТ САМИ

ШПИОНОВ У НАС НЕТ. ЕСТЬ РАЗВЕДЧИКИ

ШПИОНАЖ С ВОСТОКА НЕ УМЕНЬШАЕТСЯ

БЫЛИ ЛИ ИТАЛЬЯНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ АГЕНТАМИ КГБ?

В МОСКВЕ ЭТИХ ЛЮДЕЙ СЧИТАЮТ ВЫДАЮЩИМИСЯ РАЗВЕДЧИ-
КАМИ, В ЛОНДОНЕ — ПРЕДАТЕЛЯМИ, ГОМОСЕКСУАЛИСТАМИ И АЛКО-
ГОЛИКАМИ

ОСТАНУТСЯ ОДНИ ШПИОНЫ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРИТ В КОММУНИЗМ

ЕЩЕ РАЗ О ПОДСЛУШИВАЮЩИХ УСТРОЙСТВАХ В ПОСОЛЬСТВЕ
США

«ЖУЧОК» — ДЕЛО ТОНКОЕ

ЧТО ДЕЛАЮТ НАШИ КОРАБЛИ В ТИХОМ ОКЕАНЕ? ОТВЕЧАЕТ ГРУ,
КОТОРОГО ЯКОБЫ НЕТ

«ПАВЕЛ АНДРЕИЧ, ВЫ ШПИОН?»

ШПИОНЫ ПРИХОДЯТ С ХОЛОДА?

БУДУТ ЛИ ВЫСЛАНЫ СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ?

РАЗВЕДЧИК МЕНЯЕТ ХОЗЯИНА

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ГЮНТЕР»

РЕАБИЛИТИРОВАН РАЗВЕДЧИК, КОТОРОГО ЗВАЛИ «КЕНТ»

МЫ С ТОВАРИЩЕМ — НЕЛЕГАЛЫ

ДВОЙНОЙ АГЕНТ ПИШЕТ МЕМУАРЫ

НАШ ШТИРЛИЦ — БОРМАН

СОВЕТСКОГО ШПИОНА ИЩЕТ УГРОЗЫСК

ВЫСЛАЛИ СОВЕТСКИХ СОТРУДНИКОВ

РАЗВЕДЧИК — УЗНИК ГЕСТАПО И СОВЕТСКИЙ ЗЕК

СОВЕТСКИЙ СТАЖЕР ОБВИНЯЕТСЯ В ПОДКУПЕ

ЗА ИЗМЕНУ РОДИНЕ — ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В СКРОМНОМ ДОМИКЕ С ОБВАЛИВШЕЙСЯ ШТУКАТУРКОЙ КОРО-
ТАЕТ ВЕК 83-ЛЕТНЯЯ СТАРУШКА-ШПИОНКА

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ПРЕДАТЕЛИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ
ВОЛНЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВ

АРЕСТ В ОТЕЛЕ «ДЕЛЬ-АРТИСТО»

СУДЬБА РАЗВЕДЧИЦЫ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ДМИТРИЯ БЫСТРОЛЕТОВА

EASTERN BLOC SPIES STAY OUT IN THE COLD

МИНИСТРОВ ДОПРАШИВАЕТ ФБР

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА МИХАИЛА ЕВГЕ-
НЬЕВИЧА ОРЛОВА. ОН ЖЕ — ГЛЕНН МАЙКЛ СОУТЕР

РАЗВЕДЧИК, РАБОТАВШИЙ ПРОТИВ ВОЙНЫ

ВСПЛЕСК ШПИОНОМАНИИ. ШУМИХА ВОКРУГ ВОЗДВИГНУТОГО В
МОСКВЕ ПОСОЛЬСТВА США

ВСПЫШКА ШПИОНОМАНИИ В КАНАДЕ

ДЛЯ ЧЕГО АНТИСОВЕТСКАЯ ШУМИХА?

ОБ ОКУРКАХ, АГЕНТАХ И ЗДРАВом СМЫСЛЕ

ШПИОНА КГБ АРЕСТОВАЛИ В ФРГ

О ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ АНГЛИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И ШВЕДСКОЙ РАЗВЕДОК ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ЛАТВИИ РАССКАЖЕТ ПЯТИСЕРИЙНЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «ИГРА». В ЕГО СОЗДАНИИ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ 75-ЛЕТНИЙ СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК КИМ ФИЛБИ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩ ФИЛБИ!

ПРОЩАЙТЕ, ТОВАРИЩ ФИЛБИ!

ВСЕ НАКОНЕЦ-ТО СВОБОДНЫ

Глава V. «КУЛЬТПОХОД В КРЕМЛЬ»

5.1. Итак, Безобразов жил тогда на Готланде, в маленьком пансионе, где решительно никто не говорил по-русски: ни высокий широкоплечий финн Юкка Маллинен с подругой адвокатессой, ни египетский князь Мальгин со свитой, ни китайский профессор Юй Ичжун с компьютером, ни польский магнат Адам Поморский с выводком маленьких детей, женой и любовницей, ни та странная пара из Москвы, которая то ссорилась, то мирилась, то явно перекармливала осетровой икрой своего юного ребенка, любителя музыки «рэп», ни даже та маленькая, сухонькая, средних лет иностранка в больших темных очках, закрывавших половину ее нервного лица. Сходились за табльдотом, перебрасывались короткими английскими фразами о погоде, политике и сексе, что было вполне доступно Безобразову, непосредственно перед поездкой прошедшему за 320 долларов США интенсивный курс этого нового эсперанто. Было ветрено и, как я уже говорил, прохладно, отчего у Безобразова в первый же день его пребывания в новых бытовых и климатических условиях отчаянно разболелись ноги: распух большой палец правой ступни, жгло подъем левой плюсны, потрескивала коленка, ныла голень. Он и пошел тогда в фирменную обувную лавку, он и увидел там на витрине те самые черные мягкие башмаки на «липучках»...

5.2.— То есть я, конечно же, все знал, но соображал весьма смутно, как следует проникать в Кремль. Потому что в последний раз я был там с отцом в 1958-м, когда СТАЛИ ПУСКАТЬ... С билетом, без билета? Не помню. Помню, отец был в тапочках на босу ногу, потому что страдал от мозолей. Видел Царь-пушку, Царь-колокол и Спасские ворота. Другие разы не читаются. В студенчестве был пьян до посинения, с девушкой вышел со встречи Нового года 1968-го, где все валялись на полу, а она мне не дала. Вместо этого гуляли по ночной Москве, дошли от площади Восстания аж до Кремля, куда, естественно, не пустили. Другой раз — актеры какие-то, тоже пьяные, везли среди ночи в 1978-м, один купил подержанную машину, обмывали, сдуру завернули в Кремль через Боровицкие ворота. Охрана очень смеялась, но ментам не сдали. В 1988-м тоже пытался осмотреть святыни, да помешала демонстрация против тоталитаризма, по Воздвиженке шли и кричали около Министерства советской обороны «Коммунисты — палачи!». Последняя попытка была с сыном-женой осенью 1993-го, в воскресенье. Удивило, что все кремлевские ворота заперты на крепкие засовы в огромных дверях. Оказалось — путч. На Кутузовском громили СЭВ, и толпа гуляла под пулями, как в Парке Горького, идиоты. Тогда же Белый дом болванками бомбили, выкуривая оппозицию.

Вскоре после этого и ОНА мне позвонила, известный театральный критик, ударившийся в политику. Хорошо писала, пользовалась уважением в просвещенном обществе демократов. Знаете, как бывает, из дому только хочешь выйти, телефонный звонок. Раз звонок, два звонок. На третий раз она звонит, уважаемая, никогда раньше не звонила. Мы, говорит, составили письмо против фашизма и коммунизма. Здравствуйте, очень рад. Я вам сейчас его прочитаю. Письмо длинное, против фашизма и коммунизма. Слышно плохо. Конечно, го-

ворю, ставьте мою подпись, какой разговор. Спасибо. Потом читаю в «Известиях» — текст сильно другой, против фашизма много, против коммунизма мало. Ладно, думаю, будет урок лоху, чтоб не лез куда не надо. Однако и методы, думаю, у новых-то, понимаешь, — читают одно, подписываю другое. Ладно, если надо для неокрепшей демократии, то годится, хотя и нехорошо, стыдно влипать в глупости под влиянием либеральной жандармерии из Салтыкова-Щедрина и текущей жизни.

Неделя проходит, звонят из Кремля, мы вас приглашаем в Кремль на встречу интеллигенции с Борисом Николаевичем. Понятно каким. Присылают приглашение к девяти часам утра на завтра. А я вечером выпивать взялся, друзья пришли, кто — не помню. Полночи кутили, просыпаюсь с похмельюги, старый стал, столько уже пить не могу, пью редко. Смотрю на часы — ба! На троллейбус сел около метро «Динамо» и в Кремль поехал. Однако порядки теперь такие, что троллейбуса сначала долго не было, потом только до Центрального телеграфа доехал этот троллейбус, и водитель сказал, что дальше троллейбус будет заворачивать влево. Ладно, пешком иду мимо «Националя», где рядом учился на Манежной в Геологоразведочном им. Орджоникидзе С., а теперь Церетели З. зверей и конусов понаставил там в аккурат напротив моих бывших окошек, на той самой площади, которая потом именовалась «60 лет Октября», того самого, естественно. Иду, естественно, в Спасские ворота, которые знаю и которые всегда раньше показывали до телевизоров в кино «Новости дня» в качестве заставки. Пропуск показываю менту-гэбэшнику, не туда, говорит, идешь, дуй через какие-то другие ворота, название назвал, но я не помню... Стену обогнул, где Вечный огонь Неизвестного солдата, вижу — опять попадаю в непонятное, а времени уже восемь пятьдесят семь. Нехорошо опаздывать потному человеку. Наконец нашел какой-то лаз в кирпичной стене правее Мавзолея, где Лукич который год в одиночестве скучает. Сюда, говорят, гражданин, пожалуйста, и честь мне отдадут под козырек. Пушка-Царь, Колокол-Царь, Борис Николаевич, где ты? А вот — вход, ступени, стены желтые, а гэбухи-то, гэбухи — невидимо-видимо! Защитники теперь. Стало быть, неокрепшей демократии, а все не злодеев-коммуняк... И все молодые, в черных костюмах, строгие такие, пороссята! Вы почему, говорят, опоздали?

Потому что транспорт, говорю, херово ходит, отвечаю. Взглядом буравят, но сдерживаются по причине неокрепшей демократии. Уже началось, говорят. Борис Николаевич уже говорит. Так я зайду, хорошо? Как вы так зайдете, когда он уже говорит? А так и зайду, сяду сбоку и буду слушать, что он говорит. Да вы понимаете ли, что он УЖЕ говорит. Тогда — ну вас, сержусь, я тогда домой пошел, а транспорт плохо ходит, а виноват в этом, видите ли, опять я. Так и скажу потом Борису Николаевичу: зачем тогда позвал, если сами же не пускают? Скандал? Тут старшой бежит, тоже в черном костюме, костюмы у всех хорошие, модные, наверное, я от моды совсем отстал. Не волнуйтесь, говорит, сейчас телевидение закончит снимать, возникнет пауза, и вы тогда войдете. А я и не волнуясь, я ж обыватель, я думаю — скорей бы домой да пивка выпить. Тут и двери те распахнулись, высокие да широкие, телевидение жопами ко мне выкатывается, камеры «Бетакам» на плечах держа, как солдаты четвертой власти. Я и прошмыгнул меж них, как мышь или какое другое мелкое животное.

А стол круглый бо-о-льшой такой, я таковых и не встречал в прежней своей несознательной жизни. По правую руку Бориса Николаевича уважаемая критик сидит, которая мне по телефону звонила, а по левую — дядя Жора, который меня из Союза писателей за идейно-ущербную незрелость альманаха «Метрополь» выгонял, а теперь тоже оказался, ко всеобщей радости, сильный демократ. Ах, ядрит твою налево, думаю, Феликса Феодосьевича Кузнецова тут только до полной колоды не хватает! Но и другие лица тоже замечаю, Булат Шалвович Окуджава, тогда еще живой. Еще один актер известный, который в комедиях подлецов играл, а теперь тоже обеспокоен общим рвением, теперь тоже депутат со значком. Академик Лихачев своею собственной персоной. И еще всякие почтенные личности: режиссер один хороший, три фильма гениальных снял, а на четвертый гениальный денег нету и обстановка нервная. И вообще, зря я так ерничаю, выплескивая вместе с водой неокрепшего ребенка. Людей

очень много славных там собралось из разных слоев того бывшего общества, которое их к пирогу выборочно пускало, зато «теперь в стране невиданные перемены, а демократия снова в опасности».

Это, последнее, уже Борису Николаевичу все говорят, а он слушает внимательно, но не записывает. Жаль, не расслышал, что он сам тогда сказал, хороший оратор. Помню, когда его в начале конца перестройки коммуяки тараканили, народ вываливает из подземных поездов в метро «Теплый стан» с карманными магнитофонами, включенными на полный звук, а там его речь, которую он произнес только что на митинге в центре. И плакат люди несут:

«ТРЕПЕЩИТЕ!
С НАМИ ЛИДЕР ОТВАГИ
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ».

Но это я снова назад скаканул, в 1987-й, что ли? Или в 1989-й, когда весной военные машины с военными солдатами стояли по всей ул. Герцена (ныне Б. Никитская, видите ли) прямо от (надо же опять) площади Восстания через ЦДЛ до Никитских ворот, где теперь новый памятник Пушкину с Натали зафиндили по случаю 200 лет юбилея, групповую композицию, деньги некуда девать, так дайте мне...

Дядя Жора взволнованно говорит: Борис Николаевич, интеллигенцию серьезно тревожит нарастание фашизма-антисемитизма, знаете ли вы, что в открытую выходят фашистско-антисемитские газеты, вот вам образцы. Хмурится Борис Николаевич, газеты те подлые видя. И еще один напористо: деструктивные националистические силы создают угрозу фашизма. А про коммунизм когда скажете, думаю? Забыли, что коммунизм с фашизмом братья навек? Или никогда не знали? Вдруг Булат Шалвович: меня гораздо больше беспокоит реванш коммунистов, чем фашизм. Меня тревожит, что коммунисты вновь распоясались, как будто так и надо, как будто не было 1991 года. Bravo, Булат Шалвович, bravo, старый солдат! *«А мы рукой на прошлое вранье, а мы с надеждой в будущее, в свет. А по полям жиреет воронье...»* Другие заверяют Бориса Николаевича, как некогда Партию и Правительство, что интеллигенция не подведет, всей душой на стороне, но в Чечню лезть не надо с автоматами, потому что болевые точки нужно решать мирно, в рамках неокрепшей демократии, дескать, хватит крови — Вильнюс, Тбилиси, путч один, путч другой. Тут тоже в черном костюме один какой-то, Коржаков-не-Коржаков, Барсуков-не-Барсуков, хрен его знает, кто такой, он Борису Николаевичу нечто шепотом шепчет и на часы показывает. «Дорогие друзья, — это уже Борис Николаевич говорит, не одышливо, как попозже, перед уходом на пенсию, а крепким, энергичным голосом крутого мэна. — Я рад, что вы пришли на эту встречу, и мы сейчас продолжим разговор за обеденным столом». Батюшки-светы, думаю. Нальют или не нальют? И что же это за атавистический обычай всегда и при всяком деле КУШАТЬ, как будто дома кушать ни у кого нету, как у бомжей?

В Георгиевском зале сидим, где цари пировали из фильма Эйзенштейна «Иван Грозный». Вспомнил: Лену Риффеншталь спрашивают — вам не стыдно было сотрудничать с нацистами? Старуха красивая отвечает, во-первых, я Геббельса видела только один раз, а во-вторых, если **Айзенштайну** было не стыдно сотрудничать с коммунистами, то почему должно быть стыдно мне? Резонно, натуральный «Гриумф воли» плюс «Бежин луг». Лакеев-то, лакеев видимо-невидимо в хорошем смысле слова «лакей», означающем «официант». То есть если нас штук сто, то лакеев тоже не менее, чем человек девяносто. Бокал синего стекла, рюмочка для водки, бокал белого стекла. Водки налили, а выпить не с кем, что-то смотрят все куда-то напряженно, как неродные, всё Бориса Николаевича глазами ищут, как волки рыщут... Нашли, он тост произносит за встречу и наше общее будущее. Быстро выпил я водки, думал, тут же еще нальют, не налили. Рыбка красненькая, икорочка, помидорчик, всего помаленьку, ну и хорошо — негоже пировати, братия, когда Отечество перманентно в экзистенциальной опасности и трансцендентальной пауперизации. Налили зато вина «Гурджаани» в бокал синего стекла, немножко. Я выпил, снова налили, я выпил, снова налили, я выпил, а снова-то и не налили. Дядя Жора говорит: а теперь мы хотим поднять наши бокалы за вас, Борис Николаевич,

чтобы — так держать, как говорится, и чтобы против фашизма-антисемитизма, за неокрепшую демократию чтобы. В вас, говорит, вся наша надежда... Совершенно правильно, думаю, и хрен с тобой, дядя Жора, что ты меня из Союза писателей попер. Раз ты здесь за столом, значит, все не так уж и плохо, если крысы с такого корабля еще не бегут и корабль куда-то плывет, как у Федерико Феллини. И все другие тоже — говорят в микрофон все только самое хорошее про неокрепшую демократию, коммунистов поругивают, к моей скромной радости, не люблю я коммунистов, признаться, есть у меня эта извинительная маленькая слабость... Но в основном кричат выступающие-тостующие так: Борис Николаевич! Вы! Борис Николаевич! Вы! Борис Николаевич! Умилно тако мне сделалось неожиданно, видать, развезло на старых дрожжах. Добрыми глазами на люд людской смотрю. Вижу, что театральный критик-демократка малость тоже поддала по правую руку Бориса Николаевича, строгая и красивая сидит, как моя жена Светлана, сидит да дирижирует выступающими-тостующими. Эх, думаю, дай я тоже что-нибудь ляпну, как русский, что не люблю коммунистов и согласен с Булатом Шалвовичем, хотя фашисты с антисемитами тоже те еще говнюки, а страна наша — тоже та еще пока тюрьма, а надо, чтоб была не тюрьма, а дом родной. Крадусь через столы в голова с целью идентифицироваться. Дядя Жора мне приветливо улыбается, как будто это я его тогда исключил, а он меня теперь по-христиански простил, а критик-демократка говорит — час дам СЛОВО, жди на месте. Я на место и вернулся. Смотрю — опять не налило, а в микрофон все опять — бу-бу-бу да бу-бу-бу. Борис Николаевич! Вы! Борис Николаевич! Вы! Эх, Борис Николаевич!

Тут этот в черном костюме, который Коржаков-не-Коржаков, Барсуков-не-Барсуков, коллеге своему тоже в черном, генералу тоже, видать, такому же Некоржакову-Небарсукову, шепчет шепотом свистящим злобные слова: ну как эти мудаки не понимают, что ВРЕМЯ ДАВНО ИСТЕКЛО, Борис Николаевич занят, устал, а они все трендят да трендят... Тихо, тот отвечает, интеллигенция же, так что не возникай... ЛИЧНО САМ СЛЫШАЛ ЭТОТ ДИАЛОГ! Так что какое уж тут СЛОВО, да и какое может быть от меня СЛОВО, когда ВРЕМЯ ДАВНО ИСТЕКЛО, когда все тут же и сворачиваться стали, потянулись к выходу, расползлись по кремлевским площадям, как те же раки из произведений Н. В. Гоголя. «*Филя, что молчаливый? А о чем говорить?*» (Н. Рубцов.)

И зачем слова, когда через две недели взяли да и ввели войска в Чечню победить за три дня. Посоветовался, называется, с интеллигенцией... И практически слава тебе опять получается, Господи, что не вышло мне у микрофона этого позорно засветиться, как шестерке при сдаче новой колоды. Потом прочитал сатирическую заметку в какой-то газете тоже демократической, но недружелюбной правительству. Называлась она, естественно, «Культпоход в Кремль». Не то от Явлинского, что ли, не то еще от какой партии-шмартии написали такую ехидную заметку. Ведь партийных да бугров нынче опять полным-полна коробушка развелась и все хочут жрать, а толку от них, как от все того же Салтыкова-Щедрина или от Алексея Константиновича Толстого, который правильно выразился — страна, дескать, обильна, а порядку в ней нет и не будет. Ладно, чего уж там, все ведь это давно прошло, как с белых яблок дым, а все же обидно мне до сих пор, как тому скульптору Киштаханову, которого не позвали на открытие им же изваянного памятника Ленину в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан...

— Чего тебе обидно? Может, тебе, поросенок, за державу обидно, как таможеннику Верещагину в «Белом солнце пустыни» или тому из Верещагиных, который нарисовал картину «Апофеоз войны», полную чужих черепов?

Скупое ответил:

— Может, и за державу...

— Ну так ты и выпей, если обидно.

— Ну так я и выпью, если нальешь. Вообще-то я почти не пью.

— Я тоже.

5.3. жить интересами народа, утверждать правду жизни, быть активными участниками коммунистического строительства — в этом видят свой высокий долг и призвание мастера многонациональной советской литера-

расположена около московской площади «трех вокзалов», копило деньги на поездку в Лхасу и на посещение Гроба Господня в Иерусалиме. Дети их, получившие образование еще в СССР, разъехались по белу свету в поисках счастья и, очевидно, его нашли, ибо лишь изредка посылали родителям открытки — кто из Амстердама, а кто и вообще из Южной Африки, иногда передавали «с okazji» подарки, два раза — деньги. Разве это не одиночество? Но Безобразов по-прежнему любил и не осуждал жену, потому что и сам верил в Бога, как верит в него всякий русский человек, вне зависимости от того, держит он на Пасху казенную свечечку в упомянутом Елоховском соборе или совсем наоборот. Любила ли его жена, я не знаю.

б.2. Медленно едучи велосипедом стен крепостных города Висбю мимо, что сохранились в *respectable* состоянии со времен тех аж до средневековья (башни квадратными были тогда, а не круглыми вовсе, как стали потом, когда полетели военные ядра), и размышляя о Духе, а также Материи (белая чайка царит над просторами плотного моря. Где Души?), зрея, как голая женская плоть расплзлась вдоль пляжу, а также мужская (камни валунные россыпью в воду уходят, водоросли шевелятся), я вдруг почувствовал вонь, что по-английскому *stink'* ом зовется (английский вот столько лет тщетно я изучаю). Сразу не понял природы такого явления, думал — сортир (*shame on you* тебе, Швеции чинной!), но лишь потом устыдился и сам, а пред этим вдруг вспомнил — жаркое лето того, пятьдесят и какого-то года. Мы в Красноярске живем, городе К., который на реке Е. расположен, вечно текущей ко льдам Ледовитого, вишь, океана с островом Диксон, куда добрались фашисты во время *Second' a War* (*First and Last* между *Stalin* и *Hitler*), да не добрались, уехали прочь в субмаринах. *Yellow, yellow, yellow* (памяти битлов). Папочка мой, водку зря потребляя, рано в могилу сошел, когда был я подростком, ну а в тот день маме сказал, что «с ребенком я рыбу ловить собираюсь». Было до смерти ему еще 5, ну а мне-то исполнилось 10 (наверное, точно сейчас и не вспомню). Мама смеялась довольная, что протрезвление настало и осознание, что надобно жить по-иному. Денег скопить, вдруг получена будет квартира, а то — в коммуналке (дом деревянный, *closet* во дворе, стыло зимою, мухи навозные летом лезут в окрошку). Рада-радешенька, нам приготовила в путь бутерброды с колбаской, утром на зорьке решили мы рано подняться. С вечера папа не пил, распрекрасная радость. Ночь миновала, восток заалел, как у Мао Цзэдуна, холодно, зябко, роса, ноги в сандалях. И пионерского галстука нет, не пошел бы он в *end sl.* В том-то году коммунаки свою *fucking power-station* еще не соорудили на реке Е., в городе К., что издревле славилась рыбой таймень и стерлядкой. Впрочем, я не был рыбак и папаша мой не был. Так... даже хобби-ем назвать вряд ли имею я право. Вот почему столь рельефно запомнилось мне это диво, что на заре мы идем, придорожную пыль загребая. Через поселок, который зачем, почему, непонятно, местные люди грозным Кронштадтом прозвали. Сами же вечно ходили, блатные, в наколках и «лондонках»-кепках, типа «букле», не «восьмиклинки», другое. Ясно, сидели в тюрьме, но оттуда всегда возвращались, быстро старели и фиксами ярко блистали. Скот разводили, пастух свое тощее стадо гнал вот как раз нам навстречу под стены кладбища с церковью Троицкой, что ль, разрешенной большевиками. Там и по сей день могила и папы, и мамы. Жалко мне плакать сейчас, да, пожалуй, и поздно. *Thank you*, товарищи, что не сравнивали кладбище, *sones of the bitch-revolution*. «Ведь здесь ДЕКАБРИСТЫ лежат», кто-то вдруг вспомнил. Низ-зя! — то ведь были предтечи счастья нашего в зрелом социализме *perfectly*. Надо же, позже чуть-чуть КУКУРУЗНИК (так называла *all country* Никиту Хрущева) сдуру вдруг отдал приказ, чтоб коров не держали, также — свиней, кур-петухов еще можно. Скоро-де все в коммунизм попадем постоянно, незачем частную собственность холить, меша-ет прогрессу. Вспомнил. И вспомнил, что тут же ударила *stink* мне в ноздри. «Что это, папа?» «То, детка, пониже Кронштадту цельный мясной комбинат городского значения. Бойнями вотще зовется, отсюда и запаха гниения, крови протухшей, кишок на дела не пошедших. Видишь, вороны кружат, падлом шурша перманентно? В устье реки Качи огромный отстойник. Мы тоже там червячков накопаем для ловли. Белый опарыш, что харьюсу будет любезен». Хариус —

рыба сибирская, да, но при чем же здесь Висбю? Сразу спешу успокоить — помнилось мне все из-за *stink'у*. Экологически безукоризненно шведское море, лодки советские только когда-то всплывали, сиречь *the submarines*, ну а теперь — водорослей мелких гниение, *putrefaction* всего лишь. Пусть будет стыдно тому, кто о Швеции плохо подумал, тот, зная, совок, и *constantly* лишь грезит о *stink'e*. Отповедь эту я сам себе дал, еду дальше. Велосипед только спицами мелко мелькает. Дивны пейзажи, деревья и травы, палатки цветные, коттеджи, *bicycles and cars*, известковые скалы (*of Trias?*), *pentacles from Pagandom*, виселица *medieval*, где шведы хорошие шведов преступных *and enemies* некогда строго казнили (нынче в тюрьме, говорят, у них сладко сидеть, как цветку в икебанае). *I beg your pardon, I am guest, I'm a stranger*. Просто взгрустнулось солдату империи бывшей, верней — дезертиру. Папа, зачем ты так рано ушел, мы б с тобой, глядишь, все обсудили. *Russian is enemy* иль это чушь *after death of Tzar Peter, a dad of the pavlicks morosov? After товарищ-madam Коллонтай Александра, когда-то дворянка? After ГУЛАГ, Holocaust, Hiroshima, Чернобыль?* Помнил и ты ведь отца своего, он священник был на реке Е., но только пришли коммунисты и для порядку под лед долгогривого тут же спустили. Ты им служил в промежутке промежду запоем и смертью, чин получить возжелал, только не вышло — все пьянка. Иль совесть? Вечный покой, а пока мы идем с тобой дальше. Черви в наличье, поклевка, зная, будет удачной. Под Красным Яром с тобою мы расположились, *visit card of Krasnoyarsk* эта красная глина. Надо кончать, слезы застыт глаза. Те блатные Кронштадта... их на собрание позвали для оглашенья указа Никиты. В зданье, представьте, все той же дирекции боен (щас на том месте сияет огнями проспектик и небоскреб новорусский *Joint Venture LTD*, а мне что за дело?). «Никита, мать твою, бля, итита!» — владельцы коров закричали со свиновладельцами вместе. Быстро их власть утишила, «пошли они солнцем палимы» (Некрасов), да после этого вскоре Никиту прогнали *partaigenossen* (что, впрочем, наверно, уже по-немецки). Что, впрочем, их есть коммуначее дело, не наше. Красное солнце восходит, шар против Красного Яра, свечение вод нестерпимо, как в Висбю во время заката. Папа седой, папа в гробу. Черви застыт глаза. Невозможно. Надо кончать. *Is it finish* иль все же начало? Черви в наличье, поклевка, зная, будет удачной. *Bellman (The bard of the XVIII) is singing*, вполне современная песня. *Hamlet* с Эдипом, «*blues brothers*», на ложе, обнявшись, лежат земляничной поляны под солнцем. Ну и спасибо, спасибо. *Godspeed, my little son*. До свиданья. Пока. Не прощаюсь. *God is the Father. The Father is Love*, ты когда-нибудь это узнаешь.

6.3. Социалистическая Венгрия скорбит по поводу кончины товарища Яноша Кадара, политического деятеля, посвятившего всю свою долгую жизнь благу венгерского народа, делу социализма.

Почти 50 лет Янош Кадар, настоящее имя которого было Янош Черманек, а кличка в подпольном движении Смуглый, играл определяющую роль в политике и формировании общественного, политического и экономического облика Венгрии. В Венгрии он дал название эпохе — «эпоха Кадара». В обиход западных политиков, журналистов прочно вошло понятие «кадаризм» и еще «кадаровская модель общества», что значило — венгерская модель социализма.

Были в нем природная интеллигентность, чуткость, тактичность, хоть происходил он из простой семьи. В детстве жил в деревне. Помогал свинопасу, получая за труд сало, хлеб. И до конца жизни осталась у товарища Кадара крестьянская привычка по утрам завтракать хлебом с салом.

В его кабинете висела картина, подаренная советским художником. «В. И. Ленин за шахматами».

Был он арестован по клеветническому обвинению в 1951 году, но после смерти Сталина реабилитирован и вскоре занял высокие посты в партии, государстве.

«Кто не против нас, тот с нами» — этот лозунг Яноша Кадара объединил силы, заинтересованные в спокойной, счастливой жизни.

В письме румынских товарищей, в частности, было сказано, что в Венгрии искаженно представляются достигнутые Румынией результаты, политика румынской партии по национальному вопросу.

Коммунистическое движение Венгрии, партия коммунистов всегда стремились к поиску новых путей развития. В этом заключается важнейший опыт нашей семидесятилетней истории. Так было в годы подполья, в период между двумя мировыми войнами, после освобождения от фашизма, затем после контрреволюции 1956 года, когда реорганизованная партия преодолела сектантские, догматические ошибки и на основе ленинских норм партийной жизни возглавила борьбу за общественную консолидацию.

Так говорил Кадар.

Так говорил младший брат недружной советской семьи тов. Янош Кадар в 1988 году.

Ну и говорил, да и говорил. Нам—то что?

Контрреволюционный мятеж или народное восстание? Именно таким диапазоном понятий определялась в последние дни в Венгрии оценка событий 1956 года. Начало острой дискуссии, разделившей страну на два лагеря, положило выступление по венгерскому радио члена политбюро ЦК ВСРП, государственного министра ВНР Имре Пожгана, который заявил: «В 1956 году в Венгрии произошло народное восстание против олигархической и унижающей нацию формы господства».

3 марта 1919 года Бела Кун, которому было предъявлено обвинение в «преступлениях против республики», был переведен в пересыльную тюрьму, где ему, как и другим арестованным по сфабрикованному обвинению коммунистам, предоставили наконец статус политического заключенного. Понимался этот статус весьма либерально. Вскоре в камерах застрекотали пишущие машинки, писались статьи для «Красной газеты», регулярно собирался Центральный комитет. По личному заданию тов. Куна партийный курьер направился в Москву, чтобы сообщить Ленину об изменившейся ситуации.

Среди членов правительства Венгерской социалистической республики были такие интеллигентные величины, как всемирно известный в будущем философ—марксист Дьёрдь (Георг) Лукач и выдающийся экономист академик Ёне (Евгений) Варга.

«Частичные реформы не могут привести к стабильным результатам», — говорят венгерские коммунисты.

ВЕНГЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ БОРЮТСЯ ЗА БОЕВИТОСТЬ ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Делегаты XII съезда Венгерского коммунистического союза молодежи приняли решение прекратить деятельность союза и создать новую массовую организацию.

Янош Кадар ушел с поста председателя ВСРП.

В связи с антисоветскими выступлениями, имевшими место в Будапеште 16 июня 1989 г., на перезахоронении Имре Надя и его сторонников,

Генеральный секретарь ВСРП тов. К. Грос сказал, что некоторые из выступавших в ходе церемонии использовали этот гуманистический акт для политической пропаганды, не проявив достаточного чувства меры по отношению к покойным, уважения к интересам государства.

Рядовым членам партии, указал он, нет причин стыдиться за ошибки прошедших десятилетий, поскольку они не несут ответственности за них.

НА ПУТЯХ ОБНОВЛЕНИЯ. Образована Венгерская социалистическая партия — преемница ВСРП.

РЕЖЕ НЬЕРШУ

НЬЕРШУ РЕЖЕ

Уважаемый тов. Ньерш!

Примите мои искренние поздравления и добрые пожелания по случаю избрания Вас Председателем Венгерской социалистической партии.

Позвольте мне выразить уверенность, что отношения между нашими народами будут опираться на опыт взаимодействия, которое всегда играло важную роль в отношениях между СССР и Венгрией и, несомненно, хорошо послужит делу мира и социализма и интересам обоих наших народов.

10.10.1989

М. Горбачев

УШРЕЬН ЕЖЕР

ЕЖЕР УШРЕЬН

ПОСЛЕДНИЕ КОММУНИСТЫ В ВЕНГРИИ?

В Венгрии начались гонения на членов «старой» и обновленной Венгерской социалистической рабочей партии, проявляются антисоветизм, антидемократизм. Идет чистка госаппарата, ведомств. На днях были уволены 900 офицеров министерства обороны за принадлежность к старому режиму. Лишаются рабочих мест многие сотрудники МВД, органов госбезопасности, депутат от демфорума генерал Кальман Кери назвал «справедливыми» бесславные походы на Советский Союз хортистской армии в годы Второй мировой войны.

Встреча М. С. Горбачева с Д. Тюрмером, Председателем ВСРП.

Имре Пожган порвал с социалистами.

Нам уже давно стало известно о существовании специального фонда КПСС, из которого перечислялись деньги на содержание зарубежных компартий. Однако не всех. Так, скажем, коммунистические партии Восточной Европы сами выделяли определенные суммы фонду. Уже в течение нескольких месяцев венгерские правоохранительные органы пытаются выяснить, сколько денег перевела Венгерская социалистическая рабочая партия на поддержку нищих собратьев. С соответствующей просьбой обратились к Генеральному прокурору России. На днях получен ответ. Выяснилось, что до 1987 года в Москву из Будапешта ежегодно поступало от 500 до 650 тысяч долларов. Механизм передачи окружала завеса секретности. О передаче валюты знали члены политбюро и еще несколько человек.

«Товарищи, конец» — многие видели эти плакаты венгерского демократического форума. По-русски написано. Советская фуражка и генеральский затылок такой мясистый. Половина Будапешта оклеена этой антисоветской стряпней.

— А что же чешские товарищи? — вспомнил Безобразов.

«...Чехословацкая сторона считает договор о временном пребывании советских войск в Чехословакии недействительным с самого начала. К концу 1990 года должен быть завершен их полный вывод. У гарнизонов, в самой Праге начались митинги. Плакаты «ОККУПАНТЫ, ИДИТЕ ДОМОЙ», «ГОСТЬ И РЫБА ВОНЯЮТ НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ» были вывешены и на воротах советского посольства», — писал один паренек 7 марта 1990-го своей любимой (*Родине*).

— А поляки, поляки—то что?

«У нас слабые карты в той новой игре, которая вскоре начнется в европейской политике,— откровенно пишет «Газета выборча», редактируемая бывшим диссидентом Адамом Михником.— Присутствие советских войск в стране — хоть это и звучит парадоксально — может быть нашим козырем. Европа заинтересована в том, чтобы они оставались на нашей территории до тех пор, пока не возникнет новая система безопасности. Вот почему, как заявил недавно министр иностранных дел страны, польское правительство не намерено поднимать вопрос о выводе советских войск.

Стоит отметить, что между статусом их пребывания в Польше и, скажем, в Венгрии и Чехословакии есть существенная разница. В Польше они находятся на основании международного договора, в Будапеште и Праге советские части, как все помнят, оказались при совершенно иных обстоятельствах...»

ВОЙСКА УШЛИ, НО ОСТАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ

...падали убитые, в том числе советские солдаты... Стреляли венгерские чекисты. Дьявольский расчет был прост: чтобы заставить русских воевать с народом, надо открыть по ним огонь.

29 октября 1956 года произошло событие, ставшее роковым для венгерской революции,— началась война в районе Суэцкого канала. Теперь внимание всего мира отвлеклось от Венгрии, а Запад был расколот — США не поддержали акцию своих союзников по НАТО. Руки у Хрущева были развязаны: теперь можно было решить «венгерскую проблему» без оглядки на Запад.

Сотни танков двинулись через границы, чтобы «сокрушить капиталистический и империалистический мятеж». События 56-го года — не вмешательство в гражданскую войну в Венгрии иностранного государства. Это была интервенция, имевшая целью свергнуть законное правительство и восстановить власть компартии.

Число погибших составляет 25 тыс. чел. Еще более 2 тыс. было казнено в 1957—1958 гг., в том числе и премьер Имре Надь. 15 тыс. осуждены на тюремное заключение, несколько сотен вывезены в СССР советскими чекистами и расстреляны.

200 советских солдат перешли осенью 1956 года на сторону венгерской революции и были расстреляны во дворе посольства СССР в Венгрии? Нет Юрия Андропова, который мог бы запросто опровергнуть эту гнусную ложь. А Владимир Крючков, бывший тогда пресс-атташе, сейчас, а именно 23 ноября 1991 года, находится в заключении по делу так называемого путча ГКЧП.

да не извольте беспокоиться, скоро уже и выйдет...

за стеклом витрины мясной лавки против железнодорожного вокзала «Келети» лежало окровавленное голое туловище без рук, ног и головы. Под ним на бумажке было написано «Мясо лейтенанта Иванова, 35 форинтов килограмм».

КОГДА УМЕР СЭВ. Промышленники и предприниматели Венгрии и России самостоятельно восстанавливают экономические связи.

Ласло Райк взошел на эшафот со словами «Да здравствует Сталин!». Об этом рассказал присутствовавший на казни член партийной комиссии тов. Янош Кадар.

советские войска ушли из Венгрии в 1991 году. Ушли, и исчезла лю-
тая ненависть к «русским», которая десятилетиями пронизывала венгер-
ское общество. День 16 июля стал в Венгрии Днем свободы. Подведена
черта под прошлым.

Но —

НАД ДУНАЕМ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО. Ненастье грозит всерьез разру-
шить отношения между Венгрией и Словакией. Румыния опять же...

ПОДВЕДЕНА ЧЕРТА ПОД ПРОШЛЫМ? «Подведена-то подведена,
да как бы это самое... ну... в общем... это... тово»,— путался Безобра-
зов.

Глава VII. ПРИЗНАНИЕ КОЗЛОВА (И БАРАНОВА)

7.1. Приказчик, сладко улыбающийся косовский албанец (как выяснилось в дальнейшем), подал Безобразову левый черный мягкий башмак на «липучке», и покупатель невольно залюбовался изящной работой неведомого ему мастера. Башмак был упругий, матовой кожи, с просторным мыском, легкой, но толстой подошвой.

— How much is it? — как бы небрежно спросил Безобразов.

— Six hundred,— answered Albanien.

— Why? It's more expensive — six hundred dollars! — невольно вырвалось у Безобразова.

— Not dollars. You are in Sweden. Six hundred SWEDISH KRONES,— разволновался албанец.

— How much is it in dollars? — напряженно asked Безобразов.

— About seventy five dollars...— (как выяснилось в дальнейшем, албанец, конечно же, немножечко наврал, это было чуть больше, чем 75 долларов).

Безобразов попросил второй башмак. Безобразов примерил оба башмака. Безобразов встал. Безобразов прошелся, и неведомое ему никогда чувство уюта, покоя, стабильности вдруг пришло к нему, что не ускользнуло от цепкого взгляда продавца.

— Как в домашних тапочках,— прошептал Безобразов.

— It's the resonable prise! — торжествующе выкрикнул албанец.

— Резонно,— согласился Безобразов, и сделка состоялась.

— Русски братушка,— вдруг тихо спросил продавец, получив деньги,— зачем твой братушка сербиян обижать моя родина Косово?

— I don't understand you,— вынужден был ответить Безобразов, который только тут обнаружил, что их разговор давно и явно подслушивает та самая маленькая, сухонькая, средних лет иностранка в темных очках, закрывавших половину ее нервного лица. Он поклонился ей и вышел из лавки.

7.2. БАРАНОВ. А вот начинаем наше представление завиральное, скомо-
рошь в одном действии и глубоком противодействии!..

КОЗЛОВ. Разумеется, для начала ты сообщишь всем нам тот самый скверный анекдот.

БАРАНОВ. Какой?

КОЗЛОВ. Как пенсионер Козлов пришел домой и говорит пенсионерке Козловой: «Зря, дорогая, клеветают на “новых русских”. Вот я щас дорогу переходил, меня на “шестисотом” мерсе один чуть не сбил, а потом выходит из ма-

шины и кричит: «Понастроили для Вас, Козлов, подземных переходов, а вы все через дорогу лезете!»»

БАРАНОВ. Что?

КОЗЛОВ. Он думал, что к нему обратились «на вы», а на самом деле новый русский его обозвал «козлом».

БАРАНОВ. Про Барановых таких анекдотов почему-то не рассказывают.

КОЗЛОВ. Зато среди Козловых есть много мужественных, талантливых, целеустремленных людей. Саксофонист Алексей Козлов, написавший книгу «Козел на саксе», слепой поэт Иван Козлов, автор песни «Вечерний звон», певец Козловский, тоже Иван, эту песню всегда исполнявший, пока не умер.

БАРАНОВ. Знаю.

КОЗЛОВ. Да нет, я, конечно же, понимаю ироничность ситуации. Я и сам не прочь над собой подшутить. Хочешь, вот я тебе спою:

Две козы в огороде паслись на природе.
Мирно щипали траву.
Вот пришел наш козел, сунул-вынул-ушел.
Вот он какой, наш козел.

БАРАНОВ. Не хочу.

КОЗЛОВ. Но ведь я уже спел?

БАРАНОВ. А я здесь при чем?

КОЗЛОВ. Признаться тебе?

БАРАНОВ. Не надо.

КОЗЛОВ. Хорошо, тогда вот тебе очередные бесполезные практические сведения о жизни. Как известно, козел есть очень вонючее существо и его запаха не выдерживают любые враги. Поэтому раньше существовал хороший обычай: если в конюшне заводились крысы, то начальство заводило туда козла, и через определенное время крысы исчезали бесследно.

БАРАНОВ. А лошади?

КОЗЛОВ. Что лошади?

БАРАНОВ. Лошади куда девались?

КОЗЛОВ. Лошади оставались на месте.

БАРАНОВ. Почему?

КОЗЛОВ. Да иди ты!

БАРАНОВ. А вот грубить нехорошо, тебя не для этого сюда позвали, чтобы ты грубил.

КОЗЛОВ. Извини, просто нервы ни к черту.

БАРАНОВ. Лечиться надо.

КОЗЛОВ. Бесполезно.

БАРАНОВ. Никогда не надо терять надежды.

КОЗЛОВ. Ты б хоть что-нибудь остроумное сказал, вот возьми, к примеру, меня. Сколько я тебе уже остроумного рассказал и смешного? Сколько?

БАРАНОВ. Много.

КОЗЛОВ. А мне не жалко. На тебе еще один анекдот, связанный с тем, что козлов поселяют в конюшнях. Два солдата советской армии, один другому говорит: «Давай в казарму приведем козла...»

БАРАНОВ. Зачем?

КОЗЛОВ. Что?

БАРАНОВ. В казарму козла?

КОЗЛОВ. То есть как «зачем»? Это же анекдот. А другой отвечает: «Так ведь будет вонь», а первый: «Ничего, мы привыкли, и он привыкнет». Понял?

БАРАНОВ. Нет.

КОЗЛОВ. Почему?

БАРАНОВ. Контекст неясен.

КОЗЛОВ. В каком смысле?

БАРАНОВ. В таком, что если в казарме была вонь и до козла, то почему первый солдат употребляет глагол «будет» в будущем времени?

КОЗЛОВ. У глагола «будет» нет будущего времени.

БАРАНОВ. Здесь ты прав, но все равно — неясным остается вопрос, зачем в казарме козел, если там, судя по анекдоту, и так воняет, как в конюшне.

КОЗЛОВ. А здесь я с тобой соглашусь. Как видишь, иногда можно добиться консенсуса между Козловым и Барановым. Эх, Русь!..

БАРАНОВ. Эх, гусь!

КОЗЛОВ. Это ты зачем?

БАРАНОВ. В рифму.

КОЗЛОВ. Вот и видно, что ты какой-то, как нерусский. Я тебе все карты открыл, душу тебе, можно сказать, излил, а ты все равно, как нерусский. Признаться тебе?

БАРАНОВ. Не надо.

КОЗЛОВ. Вот то-то и оно, что... Ладно. Говорит тебе Козлов — слушай дальше про козлов. Козел, например, с удовольствием выучивается курить табак. Раньше, при большем обилии домашних животных на наших просторах, нередко была картина, когда глядящий вдаль козел, стоящий задумчиво, курил толстую самокрутку на потеху подвыпившим селянам.

БАРАНОВ. Это когда было, при Ленине?

КОЗЛОВ. Что?

БАРАНОВ. Большое обилие домашних животных.

КОЗЛОВ. При Ленине. За год до того, как он угодил навечно в Мавзолей.

БАРАНОВ. Похвальная точность. Я это люблю.

КОЗЛОВ. Да потому, что ты — как немчура, Баранов. Откуда тебе знать, что российский козел — он ведь и читать может? Я в школе плохо учился, у нас русичка была Елена Демьяновна, по прозвищу Демьян, она меня вызывает к доске, а я — ни бе ни ме...

БАРАНОВ. ...ни кукареку.

КОЗЛОВ. Почему «кукареку», когда ты — Баранов, я — Козлов?

БАРАНОВ. Потому что нужно знать пословицы и поговорки своего народа, если берешься выступать от его имени.

КОЗЛОВ. ...Демьян мне и говорит: «Козел, Козлов, тоже читает. Подойдет к афише и смотрит на нее». Это у покойной Елены Демьяновны такая шутка была.

БАРАНОВ. Шутка?

КОЗЛОВ. Шутка, питающаяся добрым юморком, восходящим к народным глубинам. Не случайно козел является непременным персонажем древних языческих обрядов, что нашло отражение в русском лубке.

БАРАНОВ. Взял барашек карандашик, взял и написал...

КОЗЛОВ. Еще! Еще! Я вижу, что ты еще не совсем потерял для родины.

БАРАНОВ. Гусельки медовые — дзинь-дзинь-дзинь: баранчик божий по ополку летает, ягодку собирает, кричит, как баран, кто он есть сам? Сдаешься? Муку сею я ситком, тесто замесю крутком, поливаю кипятком, где барашеки кругом, зане ставлю протвинь в печь, чтоб барашку было лечь. Это о чем? У моей да у милашки шибко вьюстые барашки. Где? Почему? Открывай скорей, баран, угоришь как хулиган. Что это?

КОЗЛОВ. А это обыкновенное глумление, от которого уже устали и мы с тобой, и общество. Использование своей якобы учености, оторванной от народа, в противоположных целях. Как хорошо, что нам с тобой полгода не платят зарплату и мы вынуждены здесь выступать на потеху мешанской публике! Ты просто не хочешь признавать самых очевидных фактов. Как говорится, упрям, как баран. И баранина в магазине, кстати, теперь очень дорогая, гораздо дороже любого другого приличного мяса, прямо как на твоём Западе.

БАРАНОВ. Так я и знал: мужик на бараш, баба — у кЮхню. Где овечки, а где — бараньё. Почему это Запад ты решил отдать мне?

КОЗЛОВ. Да потому, что ты не хуже меня знаешь из выше и ниже приведенного текста, что БАРАН изображен на гербе шведского города Висбю. Полагаю, что это совершенно не случайная, а осознанная необходимость. Баран — изнеженное, но закалившееся в ходе эволюции хитрое, упрямое существо, и полагаю, что основной загадкой прогресса является анализ того удивительного факта, что в ходе эволюции козлы не победили баранов, а бараны не победили козлов.

БАРАНОВ. Висбю? Каку-таку — «в избу»? Их шпрене этвас дойч... Давай с то-

бой танцевать впрысядку, товарищ! Спой лучше славный русский зонг «Катюша»!

КОЗЛОВ. Понимаю твою юродивость, как прямую подспудную боль. Шведа били под Полтавой, а теперь Полтавы нет. Она теперь помещается «в Украине», а в России зато перестройка и Ельцин. Четырнадцать республик из СССР — тютю. Чечню просрали...

БАРАНОВ. И на крошеве бардина, и на киселе бардина, белым-то задернет, вот тебе и бардина. Козел с бараном — братья навек, крепнет единство народов как раз.

КОЗЛОВ. Что ж, опять ты получаешься прав, дружище! Дай-ка я тебе расцелую, как всегда. А знаешь ли ты, знаешь ли ты, друг, что я... что я... что я... во все не Козлов.

БАРАНОВ. Так ведь и я не Баранов.

КОЗЛОВ. Пошли скорее в кассу получать деньги за выступление, а то ее закроют навсегда.

БАРАНОВ. Ме-е-е-е...

КОЗЛОВ. Бяша, бяша... Помнишь «Бежин луг», русич ты мой милый?

БАРАНОВ. Эйзенштейна или Тургенева?

КОЗЛОВ. Обоих.

БАРАНОВ. Империя зла, полюбишь и козла.

7.3. Когда-то давно, в 1941 году, житель Днепропетровска, некто Островский, был арестован за физическое растление мальчика. В следственном изоляторе ожидал суда. Но пришли оккупанты, и вскоре этот негодяй стал редактором фашистской газеты. Нынче этот субъект носит фамилию Романов, живет в ФРГ и возглавляет НТС. А в Москве теперь, ничуть не маскируясь, член НТС Сендеров нравственно растлеивает наших детей, клеветая на родную страну, внушая им ненависть ко всему советскому. Хорошо же мы встречаем новый, 1988 год! Докатились, одним словом!

7 ноября 1986 года на трибуне у здания Госбанка появилась надпись: «Долой КПСС! Долой продажный Горсовет!»

Водитель 9-й автоколонны С. Жолдин был пойман с поличным при распространении листовок, в которых чернятся все достижения Советской Эстонии, нагнетается межнациональная вражда, содержатся призывы к возврату к временам Эстонской буржуазной республики.

«Есть ли в Таллинне памятник С. Жолдину? Являются ли полноправными гражданами новой демократической прибалтийской республики те эстонцы, которые его замели и везли в “воронке” исправляться?» — озаботился Безобразов, посягая тем самым на суверенитет, как империалист.

С некоторых пор на Западе прямо-таки любят машинуписным бюллетенем «Гласность». Его отцом считает себя некий Сергей Григорянц, кстати, судимый за уголовщину и антисоветскую деятельность.

Добрые перемены, процессы перестройки, отмечают в Литве, сильно беспокоят определенные антисоветские круги на Западе. Служащие для определенных целей диссиденты становятся дефицитом.

Кёльнская радиостанция «Немецкая волна» ошарашила своих слушателей очередной «жареной сенсацией». В Москве, утверждает этот радиоголос, 13 сентября 1987 г. арестовано «около 100 человек, пытавшихся собрать подписи в защиту гражданина ФРГ Матиаса Руста».

*Молодец Матюша Руст,
Поступил по-русски.
Видно, парень неплохой,
Раз сидит в кутузке.*

«Как смотреть на свою бывшую деятельность? Сегодня я твердо уверен: любая нелегальная диссидентская деятельность не только бессмысленна, но и преступна. Тот, кто любит Родину, имеет полную возможность приложить свою энергию», — сказал литовец Костас Мейдунис.

«С вступлением Латвии в состав СССР, — рассказывал заместитель Председателя Совета Министров республики Л. Барткевич, — латышский народ вырвался из тисков экономической зависимости от иностранного капитала. Развиваясь в едином народно-хозяйственном комплексе страны, Латвия получает из братских республик сырье для индустриальных центров, энергетические ресурсы, имеет широкий рынок сбыта продукции. Если лишиться всего этого, как того желают на Западе, настаивая на отделении Латвии от СССР, нашу промышленность ждет крах. Стоит вспомнить, как в послевоенные годы поднималась Латвия из разрухи: на украинском угле, уральской стали, узбекском хлопке».

Открыто говорилось о целях провокации: демонстранты будут требовать возвращения трем прибалтийским государствам — Латвии, Литве, Эстонии — независимости и суверенитета, которых эти государства якобы лишились в 1940 году, когда они были «аннексированы Советским Союзом». Провокация 23 августа 1987 года, как известно, не удалась. Даже «правозащитники» испугались публично выдвинуть эти абсурдные для народов Прибалтики требования.

«Ни один порядочный, хоть мало-мальски уважающий себя человек не станет плясать под дудку заокеанской разведки», — высказался на страницах газеты «Советская Литва» Балис Вайткус.

— Хайль Гитлер! — раздалось из ада.

«Процесс духовного обновления и демократизации нашей жизни привел к разрушению многих антисоветских стереотипов на Западе. Он размывает почву под ногами тех, кто привык на протяжении десятилетий не задумываясь повторять одно и то же по поводу ущемления прав и свобод советских граждан», — высказался Л. Владимирцев в газете «Известия» от 22 февраля 1987 года.

Л. Владимирцев, ау! На прежнем стоим али как, товарищ?

7 ноября 1951 года гражданин Мартыненко вышел и сорвал со стены портрет одного из руководителей советского государства.

7 ноября 1956 года студенты Аксименко, Китаенко, Красильников и Вауза во время демонстрации выкрикивали антисоветские лозунги «Долой Советскую власть, да здравствует свободная Россия!».

В городе Ярославле имел место следующий случай: около 11–00, во время демонстрации, один из правофланговых школьников вынул из-за пазухи плакат величиной с 1 кв. м с подписью «Требуем вывода советских войск из Венгрии». При допросе он заявил: «Я ходил в магазин. Я услышал разговор двух женщин, которые говорили, что наши войска вошли в Будапешт, а другая женщина сказала: «А попробуй, скажи это». Я, как комсомолец, знал, что если что не нравится, я имею право протестовать, и поэтому у меня и возникла мысль опротестовать это».

Ярославский областной суд осудил семнадцатилетнего комсорга класса Виталия Лазарянца, сына директора завода № 226, 1939 г. р., на 3 года лишения свободы.

«Комсомольцы, получается, разные бывают. Лидер Союза правых сил комсомолец Кириенко, видать, в тот 1956 год еще не родился. Кириенко, дай Лазарьянцу денег!» — озлобился Безобразов.

«Товарищи русские граждане! События в Венгрии, где рабочий класс выступил против антинародного режима коммунистов, близки и понятны народу России, доведенному до грани нищеты.

Довольно лжи и обмана о счастливой жизни народа. Долой Хрущева, Булганина, обagrивших вместе со Сталиным руки в крови. Да здравствует свободный русский народ!»

Суд приговорил автора этой листовки Осипова Сергея Ивановича, 1910 г. р., к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года и с лишением медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Его утверждение в суде, что все это им было написано в пьяном виде, признано несостоятельным.

«А вот последняя картинка — вчерашняя. Утром по дороге в подземке всегда напряженка. Прижали носом прямо к плакату с «Правилами пользования Московским метрополитеном имени В. И. Ленина». А их «открывает» рукописный призыв «УБЕИ КОММУНИСТА!». Неловко чувствовал себя в вагоне № 9124, пока ехал 20 минут от «Новогиреево» до «Третьяковской». Ведь я тоже член партии», — писал в газету «Рабочая трибуна» 27 июля 1991 года тов. Анатолий Сухонос.

А в Бродовском районе торжественно открыли монумент воевавшим на стороне гитлеровцев воинам украинской дивизии СС «Галичина».

Правда о событиях июня 1961 года в Новочеркасске наконец-то обнародована. Мы все — и те, в кого стреляли, и те, кто стрелял, — одинаково жертвы какой-то дьявольской затеи, заложники той самой системы, при которой «пол-России в лагерях, пол-России в палачах». От понимания всего этого мне становится страшно. Тем более сегодня, когда в стране вновь льется кровь, когда безусые вчерашние мальчишки втягиваются в те или иные политические, национальные, социальные горячие точки: ведь армия есть армия, а приказ есть приказ...

Участников Московского митинга 16 сентября 1990 года объединял главный лозунг: «Отставка союзного правительства».

...в постановлении отмечается, что выступление казахской молодежи в декабре 1986 года в Алма-Ате не было националистическим и в начальной стадии не носило противоправный характер. Комиссия сочла необходимым возложить ответственность за последствия декабрьских событий на прежний состав Политбюро ЦК КПСС и руководящие органы республики.

В ночь с 16 на 17 сентября 1990 года в Тбилиси после несанкционированного митинга возбужденная толпа совершила нападение на здание КГБ Грузии. Около 100 человек ворвались в здание и металлическими прутьями, обрезками труб, ломом разбили окна, мебель, телефонные аппараты...

...беспорядки в Андижане...

МОСКВА: оскорбительные — за рамками всех приличий — лозунги, порочащие руководителей страны, КПСС, Президента, грубые выкрики, близкие к нецензурной брани... И все это — в День международной солидарности трудящихся 1 мая 1990 года.

Митинг, организованный в Ереване армянским общенациональным движением и посвященный, как было объявлено, экологическим проблемам, завершился провокационным призывом к «ликвидации» КГБ республики. Значительная группа, в основном молодежь, двинулась к зданию КГБ и стала забрасывать его окна камнями и подожженными факелами. Подстрекатели, среди них оказались В. Новодворская и Е. Дебрянская, задержаны.

К СОБЫТИЯМ В МОЛДАВИИ: испещренное градом камней здание МВД, наспех кое-где заделанные оконные проемы.

Началась настоящая свалка: демонстранты выбегали на проезжую часть дороги, взбирались на телефонные будки, скандировали антисоветские лозунги. Движение на Страстном бульваре и Пушкинской площади столицы оказалось парализованным.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР: ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ КОДЕКСА «ПОЛИТИЧЕСКУЮ» СТАТЬЮ 190–1

16 апреля 1989 г. состоялось заседание бюро ЦК КП Грузии, на котором отмечалось, что обстановка в Тбилиси и в республике в целом постепенно нормализуется. Огромную роль сыграли обращение Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева к коммунистам, всем трудящимся Грузии, материалы XIV пленума ЦК КП Грузии, выступление на нем члена Политбюро ЦК КПСС Э. А. Шеварднадзе, а также серьезная работа, проводимая партийным и советским активом.

...особенно массивным атакам они подвергают работы и личность Ленина. Расчет понятен: именно по его наследию сверяет свой нынешний курс КПСС.

Лишь тогда руководство республики приняло решение — прервать антисоветское, антиобщественное сборище, очистить площадь у Дома правительства в Тбилиси. Подразделения МВД и войск строго выполняли инструкции о неприменении оружия, о мерах предосторожности, особенно к женщинам и подросткам.

1970. «Вещественное доказательство — пишущая машинка «Москва» как орудие преступления конфискована в доход государства. Председательствующий — КАПТУРОВ. Народные заседатели — ЖУЛИНА и КОТОВ».

1975. Согласно сообщению американского журнала «Ньюсуик», среди советских военнослужащих развивается тайное движение за проведение глубоких преобразовательных реформ.

1986. СЕРГЕЮ МИХАЛКОВУ НЕ НАДО ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ. Сергей Михалков утверждает, что ему в эпоху горбачевских перемен нет необходимости «перестраиваться» — он всегда работал в духе сегодняшних перемен...

Глава VIII. ГДЕ ТОЛЬКО ЛЮДИ НИ ЖИВУТ

8.1. ПОЧЕМУ БЕЗОБРАЗОВ СДЕЛАЛ ВИД, ЧТО НЕ ПОНИМАЕТ ВОПРОСА? Да потому, что он прожил в своей стране всю свою сознательную и бессознательную жизнь, любил свою родину, пожалуй, даже больше, чем жену, и постоянно корчился от стыда за все те глупости, которые происходили в его стране, а если еще шире — за все то, что вершилось, как многие полагали, по вине его страны во всем мире. Сначала какой-то там коммунизм, чуть было не слизнувший огненным языком половину планеты, затем перестройка, Чечня, кризис, опять Чечня, теперь вот с Сербией к нему пристали. При чем здесь Сербия? При чем здесь он? При чем здесь Россия? Где Россия, где Сербия, а где Швеция, остров Готланд? Какая бестактность! Надо же хоть когда-нибудь понять, что частные люди отвечают только за себя, особенно если они только что заплатили тебе семьдесят пять долларов. Надо же понять, что не только ноги, но и в конечном итоге душа у него болит только из-за того, что он — россиянин...

8.2. И все ж, очевидно, сладостен этот мир, потому что где только люди ни живут, если осмысленно посмотреть на географическую карту, а еще лучше — на глобус.

Ну, это понятно, что в традиционных местах обитания с умеренным климатом и отсутствием вечной стужи либо тропической жары сам Бог жить велел, что и делали, делают и всегда делать будут: Англия там, Франция, Германия, Швейцария, тот же, возьми, Люксембург или княжество Монако, а то и республику Сан-Марино с Италией, Грецией и всею бывшей Югославией возьми. Так нет ведь, даже в холоде лютот Гренландии, Аляски, Чукотки, Таймыра и Лапландии прижилось население, не говоря уже о пустыне Сахара, которая для русского уха сахарно звучит, о тропике Рака, давшем мощный художественный импульс восстающему творчеству Генри Миллера, или... или, например, чевер Сили взять, тьфу, пардон, север Чили, а вернее, не север, а юг, который ближе к ледяной Антарктиде, той самой, где тоже живут объединенные нации, хотя и временно, в виде экспедиций, посылаемых неизвестно с какой целью... Где на юге-севере томился в ссылке от Пиночета исчезнувший ныне незнамо куда товарищ Луис Корвалан, временный вождь чилийских товарищей-коммунистов, друзей Советского Союза и всего прогрессивного человечества, состоящего на тот промежуток времени (начало 70-х) из Болгарии, Польши, ГДРии, Чехословакии, Венгрии, упомянутой Югославии, Чаушеску-Румынии, Пол Пот — Кампучии, которую проплясал коммунистам принц Нородом Сианук («Синегуб», как именовали его люмпены в московских пивных), Северной (в братской семье не без дебила) Кореи, Северного, опять же, Вьетнама во главе с луноликим дядюшкой Хо, победившим американских агрессоров... Китая, Китая, конечно же, Китая, Китайской Народной Республики, хоть и подрались мы с нею до крови на развилке дорог к коммунизму, где налево пойдешь — коммунизм, говорили китайцы, нет, направо нужно идти, там — бесклассовое общество, говорили мы, первородно советские. И Куба, Куба, Куба, некогда мятежный остров свободы во главе с Фиделем, бородачам, как Маркс, умным, как Лукич, и решительным, как Троцкий, тот самый Лёва Бронштейн, которого боевые товарищи устили в Мексике до смерти ледорубом в процессе все тех же споров о правильном пути на развилке. Никого не забыл? Никарагуа? Или тогда эта передовая страна еще томилась под игом диктатуры и колониализма? Фронт освобождения имени геноссе Фарабундо Марти? Бокасса-людоед? Египтяне, которые ОАР? Черта лысого теперь вспомнишь, кто тогда был «прогрессивным человечеством», а кто ЕЩЕ или УЖЕ нет. Время тает, как дурное вино в стакане, и на дне дней тех — сухой осадок горького камня, товарищи...

Поэтому следует вернуться и, увеличивая масштаб, заметить еще одну странную вещь. Люди живут везде и в том еще смысле, что есть вот, например, большие красивые города, стоящие на реках и морях. Хельсинки, например... Знаете Хельсинки? Это же великий и уютный город, равно которому нет на земле, с его улочками, насквозь продуваемыми, и конным памятником дворянину Маннергейму, сумевшему трижды так хорошо отоварить большевиков, что даже они зауважали эту маленькую храбрую веселую страну, где летом солнце заходит в воду, а зимой все, кому разрешили врачи, пьют кофе со сливками. А Нью-Йорк? Что в таком случае сказать о Нью-Йорке, нагруженном сталью, стеклом и бетоном, где над беспечной статуей Свободы еще совсем недавно гордо высились небоскребы «WORLD TRAD CENTER» и вертолетный мост жужжал все выше и выше, все ближе и ближе к тому пределу, за которым — мощная космическая синева и Господь Бог... Лондон, да, Лондон — даже в районе «Seven Sisters», блистающем всеми оттенками черной кожи, ты бы почувствовал себя хорошо, если захотел. Ну а Мюнхен-на-Изаре? Звуки уличных скрипок на Мариенплац и стеклянное эхо литровых пивных кружек в биргартене на тысячу мест... А Прага? Будапешт?.. Каждый город что нор. Правильно? Правильно. И никому не обидно.

Но ведь если карту взять, которая окончательно крупная, то и здесь обнаружится интересная закономерность. Люди живут действительно ВЕЗДЕ, и в любой складке местности, в каждой единице укрупненного пространства есть жизнь: города, маленькие города, поселки, села, деревни, хутора, стойбища. Это

рационально или ИПРА? Это навсегда или исчезнет? Вот сколько возникает вопросов, гораздо более живо трепещущих, чем вся эта мелкая муть бытия, о чем можно прочитать в советских и антисоветских газетах.

Однако ни в одной газете не прочитаешь, как женился врач Валерий Иванович Царьков-Коломенский, и мы должны непременно заполнить этот пробел.

Был Валерий Иванович собою статен, пузат, бородат, и на одной из фотографий, окруженный пьяными медсестрами, приделал себе для съемок фальшивые белые крылья, сам одетый лишь в черные сатиновые трусы.

На одной из медсестер он и женился. Свадьба его не была шумной, потому что невеста уже сильно находилась «в положении». На вопрос, как он назовет будущего ребенка, врач добродушно отвечал — Артуром или Розамундой, а когда я как-то спросил, зачем тогда его покойные родители окрестили будущего жениха Валеркой, Валерий Иванович не менее добродушно ответил: «Неграмотные, простые люди были».

Однако сам он сильно тянулся к знаниям. Будучи блестящим, от Бога, врачом, сильно отставал в области изящной культуры и, отправляясь на суточное дежурство, запасаясь по благу дефицитным индийским чаем «со слоном», всегда у меня просил «что-нибудь почитать». И всегда просимое получал — будь то роман покойного древнеримского Петрония «Сатирикон» или просто роман «Гля» тоже покойного, но советского писателя Ивана Шевцова, разоблачавшего стилияг, абстракционистов и (дозированно) волюнтариста Никиту Хрущева. Из прочитанного Валерий Иванович всегда делал самые глубокие и серьезные выводы, например, выучил наизусть гимн табосоранцев, маленькой народности на Кавказе, помещенный в сборнике «Горы поют», а, отправившись в свадебное путешествие к месту проживания родителей Кати-невесты, возвратился оттуда очень удивленный.

— Где ж ты был? — спросили мы его.

— Понимаете, это очень трудно сказать. Летели мы самолетом до Казани.

— Ну...

— А потом ехали поездом, Катя сказала, в сторону Уфы.

— Понятно. В Башкирию?

— Нет, мы были около Йошкар-Олы, а там пересели на автобус и поехали.

— Куда?

— Я не знаю. Там уже говорили почти совсем не по-русски, и я только понимал — Муром, Муром.

— Ну, ты загнул! Ты на карту посмотри. Где Йошкар-Ола, а где Муром. Илья Муромец хренов!

— Вы сами, удаки, географию изучайте, а я это уже давным-давно сделал и ничего на карте не нашел.

— Что за бред! Как-то ведь все-таки эта местность называется, куда ты приехал?

— Разумеется, называется, но только как — я не знаю.

— Так ты бы Катю спросил.

— Спросил.

— Она что-нибудь сказала?

— Сказала. Сказала, нашу деревню всегда русские именовали «Пенечки».

— Там что, и по-русски не говорят?

— Кто говорит, а кто — нет.

— Тесть твой по-русски говорит?

— Нет.

— Так на каком же языке вы разговаривали?

— Ни на каком. Он пасеку держит, мы пили медовуху, в бане парились...

А потом я уехал.

— Что это значит, «я»? А твоя молодка?

— Она осталась рожать.

И родила ведь, между прочим. Валерий Иванович через определенный промежуток времени показывал нам славенькую белозубую черненькую дочку. Подбрасывал ее. Девочка гугукала. «Мордочка ты моя маленькая», — умильно говорил Валерий Иванович, не похожий на себя.

— Так все-таки мордовка, да, Валера? — привязался к нему я, первым чтением которого были «Мордовские народные сказки», 1941 г., г. Саранск, изд-во

Саранского государственного университета. Жуткие, между прочим, сказки — секс, насилие, богохульство.

— Да это я так, условно,— объяснял добрый Валерий Иванович.

Добрый. Действительно добрый. Умер. Лежит на кладбище Бадалык в роде К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан. Дочка его выросла и изменилась. Жена нашла себе другого. Жалко Валеру, но не очень, потому что все там будем. Везло мне в жизни на добрых людей, а может, и еще повезет.

8.3. «А вот еще было неправильное безумие,— вдруг вспомнил Безобразов.— Советская власть перманентно боролась с водкой и перманентно это состязание с народом проигрывала».

С полным одобрением откликнулись труженики пищевой отрасли на постановление партии и правительства по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Наши коллективы резко сократили выпуск коньяка, шампанского и виноградных вин, не говоря уже о водке. Низкосортные плодово-ягодные вина, метко окрещенные в народе «бормотухой», вообще сняли с производства.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВОВИЧ: «РУСИ ЕСТЬ ВЕСЕЛИЕ ПИТИ, НЕ МОЖЕМ БЕЗ ЭТОГО БЫТИ».

До X века наши предки вообще не знали вкуса вина. В дни праздников, торжеств они потчевали друг друга ароматными пирогами, квасом, грибами. И лишь на пышных пирах гостей угощали таким легким напитком, как медовуха. На «посошок» подносили не рюмку, а сала шматок — «из добрых рук за доброе сердце». Это русофобы пытаются приписать нашим предкам пальму первенства в употреблении крепких спиртных напитков, утверждая всю ту же гнусную ложь о «вечно пьяной Руси».

...в то время, когда на Руси водка только-только появлялась, в некоторых западных странах, как пишут историки, «сильно царило пьянство». «Германия зачумлена пьянством»,— негодовал Мартин Лютер. «Мои прихожане каждое воскресенье смертельно все пьяны»,— жаловался английский пастор Вильям Кет. Если к началу XX века во Франции годовое потребление алкоголя на душу населения составляло 23,3 л, то в России всего лишь 3,1. Впереди нас были Бельгия, Италия, Дания, Швейцария, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Северо-Американские Соединенные Штаты, Швеция.

Хронические алкоголики, уклоняющиеся от добровольного лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, подлежат направлению в лечебно-трудовые профилактории для принудительного лечения и трудового перевоспитания по постановлению народного суда.

При рассмотрении дел о самогонварении не принимаются во внимание никакие аргументы, обычно приводимые виновными в свое оправдание («гоним только для себя», «к празднику», «дом ремонтировали», «огород пахали»).

КУКЛЫ ПРОТИВ ПЬЯНИЦ: в борьбе против пьянства и алкоголизма в г. Хмельницкий участвует кукольный театр.

— Город Хмельницкий немедленно переименовать! — приказал Безобразов.

В Винницкой области не уделяется должного внимания производству безалкогольных напитков.

— Винницкую область за название запретить! — безобразно острил Безобразов.

Безобразие! Многие пьющие склонны расценивать свой дом как неприкосновенную территорию.

К вечеру некто В. Хромченко, приставленный к охране общественного поголовья скота, выпил флакон одеколону и лег отдыхать.

Очень любят спирт отдельные бойцы животноводческого фронта Тувинской АССР.

В феврале 1986 года Томский винзавод выпустил с конвейера последнюю бутылку спиртного и прекратил свое существование. Теперь здесь кондитерская фабрика № 2.

...минутах в пятнадцати езды отсюда другой новорожденный — завод прохладительных напитков. А ведь еще в апреле тут располагался пивзавод.

Но сторонники спиртного не всюду сдали свои позиции. В частности, в связи с событиями на Чернобыльской атомной электростанции среди некоторых групп населения распространились слухи о якобы «целебных свойствах» красного вина и водки.

Райнер Фассбиндер, 1946 г. р., Цветкова Матрена, 1930 г. р., Лидерс Айвар, 1956 г. р.: объединил этих разных людей медицинский вытрезвитель при ОВД Пролетарского райисполкома г. Риги.

Почти на три недели территория базы управления «Магаданстройлесснаббыт» превратилась в кабак. Десятки грузчиков, механиков, посторонних людей гуляли здесь: пили ворованный спирт. И чистый, и разбавленный. Днем и ночью.

Многих взволновала трудная судьба женщины, жизнь которой сломала пьянка.

«В результате осуществления мер по борьбе с пьянством и алкоголизмом произошло сокращение потребления спиртных напитков, что способствовало общему оздоровлению обстановки в стране. На одну треть сократились прогулы рабочих, преступность снизилась на четверть, число дорожных происшествий — на пятую часть», — пишет журнал «Агитатор» в январе 1987 г.

«Фунфырики» — это те, кто регулярно потребляет одеколон, лосьоны, зубные пасты, эликсиры, различные средства для дезинфекции кожи, стеклоочистительную жидкость, гуталин, антифриз.

«СПАСИБО ГОРБАЧЕВУ!» Это говорю вам я, бывший алкоголик!

«Дежурство милиционеров у дверей винных магазинов — непозволительная роскошь. Лучше бы на дорогах порядок наводили», — ничтоже сумняшеся заявил задержанный.

НЕТ ПОРЯДКА. Редакционная почта утверждает, что на кладбищах нет порядка.

Врачи-наркологи сами охотно прикладываются к рюмке.

До якого падіння може довести людину алкоголізм?

Именно самогон, говорилось в МВД СССР, все больше становится основной угрозой утверждения трезвого образа жизни. Самогон и брага обнаруживаются в каждом 3—4-м доме. Самогонщики покупают сахар мешками — об этом говорит почти полуторный рост продажи сахара в магазинах.

Как быстро бежит время! Казалось бы, еще не закончился антиалкогольный бум, а накал борьбы с пьянством мало-помалу стихает.

Разливали аккуратно, никого не обделили, никто не отказывался. Обычную в таких случаях торжественную тишину прорезал игривый возглас: «Вы знаете, а на работе я — секретарь общества трезвости». Смех усилился, когда кто-то еще отрекомендовался: «А я — председатель. Так давайте, — он поднял рюмку, — уничтожим эту проклятую».

IS GORBACHEV'S ANTIDRINKING CAMPAIGN LOSING ITS KICK?

С начала 1987 года на улицах Москвы подобрано 200 000 пьяных.

Drunks are starting to reappellate in public places, and the production of homemade liquor (samogon) is up.

Во всем этом есть одна положительная черта: административно-командный метод и тут доказал свою универсальную беспомощность в регулировании экономики.

Обретенный опыт позволяет нам заново оценить так называемые «зоны трезвости», немислимые винные очереди, спешное переоборудование импортных пивзаводов под розлив отечественных соков, варварскую выкорчевку виноградной лозы.

ПРОДАЖА ПАРФЮМЕРНЫХ НАПИТКОВ В СССР ПРОИЗВОДИТСЯ С 14-00.

Всесоюзное общество трезвости находится на дотациях, ничего не дает и дать не может.

Водитель автобуса объявил: «Остановка — «винный магазин». Следующая остановка — «конец очереди».

Самогоноварение стало прочной традицией: даже в Москве милиция оказывается бессильной.

Всего за два года — 1986-й и 1987-й — продажа спиртосодержащего клея «БФ» возросла на 30%, жидкости для очистки стекла — на 14%, «Дихлофоса» — на 17%.

В стране произошел скачок наркомании и токсикомании, страна потеряла миллиарды рублей от сокращения продажи алкоголя, была вынуждена ввести карточную систему на сахар, в тяжелом состоянии оказалась техника, требующая промывку спиртом. 180 миллионов декалитров самогона в год — это больше, чем то, что делает сейчас вся наша «алкогольная промышленность».

I won't thank you again, Mr. Gorbachev!

Глава IX. НОВЫЕ ШТАНЫ АНДРЕЯ ПОЗДЕЕВА

9.1. Тем не менее его настроение было безнадежно испорчено. Безобразов шел по пустынному пляжу в своих новых башмаках на «липучках» и думал о том,

что гармония скорей всего недостижима и как это ужасно, если жена вдруг ошибается и никакой ТОЙ ЖИЗНИ не существует, равно как и знаменитого СВЕТА В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ. А вдруг действительно правы те сукины дети, которые утверждают, что впереди лишь черная дыра, мрак, забвение?.. Все те негодяи, начиная с персонажа, утверждавшего, что на его могиле будет расти лопух, ибо только это и является результатом жизни, только это, и ничто иное. Мыслимо ли бессмертие? Мыслима ли смерть? Бессмысленна ли жизнь?

Он поежился. Но погода была столь приятна, солнце светило столь ласково, новые башмаки столь уютно, почти как домашние тапочки, опекали его измученные ноги, что душа Безобразова стала смягчаться, и на секунду ему показалось, что к нему действительно возвращается молодость или на худой конец уменьшится количество содержащегося в нем зла, прогрессирующего по мере движения человека от родильного дома к погосту и являющегося основной причиной человеческой смертности.

Он засунул в мусорную урну свои старые, стоптанные башмаки, которые за чем-то держал близ сердца, и вдруг обнаружил себя на пляже, где не было почти никого, кроме громадных белых чаек, пикирующих на берег, как белые огромные бомбардировщики на ту страну, в связях с которой его недавно упрекал албанец. Смешной албанец, и если он действительно патриот, то зачем он живет в Швеции, на острове Готланд, а не на своей мятежной родине? А зачем он сам, Безобразов, оставив свою жену, свою Москву, свою родину, находится здесь, где все так сладко и покойно, где все чуждо и нереально, как в детских компьютерных играх или виртуальной реальности? Но ведь он — временно. Ему нужны были башмаки. Сбылась его относительно главная мечта — он наконец-то купил себе такие башмаки, которые помогут ему жить дальше. Самое важное, что они на «липучках», теперь не нужно будет наклоняться, бессмысленно пыхтеть, завязывая постоянно развязывающиеся шнурки, теперь он забудет про боль в распухших суставах, теперь все будет хорошо. Ведь и другая его мечта тоже сбылась — он находится на острове Готланд. Он будет находиться на острове Готланд еще много дней, после чего радостно вернется в опостылевшую Москву, к опостылевшей жене, и ему будет радостно, что он вернулся, что у него есть жена, Москва, родина.

Мысли уже путались. Припекало. Он нашел пляжный топчан. Он разделся. Он снял башмаки, аккуратно поставил их в изголовье. Он лег на топчан и закрыл глаза.

9.2. В городе Красноярске есть художник. Вернее — Художник. Его зовут Андрей Поздеев. В прошлом году человек Андрей Геннадьевич Поздеев пересек границу земного бытия. Художник Андрей Поздеев остался.

Теперь Андрея Поздеева, слава Богу, знают не только в Красноярске, не только в Москве, не только в России. О нем сняты фильмы, о нем пишутся страницы. Я, его скромный почитатель и сопереживатель, не претендую на ученость, анализ и мнение, а лучше расскажу-ка вам о том, как мы вместе с ним покупали ему штаны в магазине ОРСа, Отдела Рабочего Снабжения Речного флота, что был расположен на улице Парижской коммуны в непосредственной близости от реки Енисей, моего дома.

— Надо бы мне купить новые штаны, — задумчиво сказал Андрей Геннадьевич, свершив мокрую приборку своего помещения, той самой мастерской, что отведена была ему в старом здании Художественного фонда, на проспекте Мира.

— И то дело, — отозвался я, глядя на его старые штаны. Мне было тогда 27 лет, и я, имея диплом геолога, подвизался в упомянутом Художественном фонде в должности «искусствовед по работе с народными мастерами и по привлечению заказов».

(Работа эта заключалась в том, что я писал в Москву отчеты о том, как я работаю с народными мастерами, которых большевики к тому времени уже вывели на корню как частных и спекулянтов, отчего уцелевшие мастера таились, как мыши под венником, и избегали любых контактов с властью, хотя бы и в моем лице. А «привлечение заказов» — это я должен был снабжать «творческой работой» красноярских художников, скульпторов, навязывая услуги Худфонда советским предприятиям, заключая с ними «предварительные договора».

Надо сказать, что получалось это у меня очень хорошо, и поэтому, когда я переехал в Дмитров Московской области и поступил на такую же работу в Худфонд РСФСР, по художественному Красноярску прошел слух, что меня за ударные деяния вознесли с повышением в столицу и я теперь — большой человек, что вскоре и подтвердилось, когда меня со скандалом выгнали из Союза писателей, а из Худфонда не выгнали, потому что там и так работали исключительно люмпен-интеллигенты широкого спектра — от «инакомыслящих» до спившихся кагэбэшников и официального должителя, бурята Пампилова: 91 год, из них 72 в партии.)

Но речь не обо мне, КГБ или должителях, а о Поздееве. Мне удалось заключить с каким-то ПТУ, профтехучилищем, если кто забыл (при Сталине и Хрущеве это называлось ФЗУ, и пели песню «фуражечка, фуражечка, носить тебя не грех», а нынче, при неокрепшей демократии, важно именуется «техническим колледжем»), договор на два «Натюрморта из серии “Цветы и фрукты”, холст/масло, р-р по б. стороне 80 см., цена 300 руб. 1 шт.» (из которых на долю художника пришлось бы руб. 200 за упомянутую шт., а может, и того меньше).

Я, к сожалению (а может, к счастью), никогда не имел отношения к «распределению заказов», отчего не мог (вариант — не хотел) хапать левые деньги с советских творцов изящного, чтобы составить «первоначальный капитал» и в перспективе стать «новым русским». У меня были свои дела. Я был одинок, только что побывал на совещании «молодых писателей Сибири и Дальнего Востока», мне платили 120 рублей, премию, командировочные, и я был очень доволен тем, что мне не надо ходить с утра «на службу», а можно вольно шататься по городу и вообще существовать, набираясь тех жизненных впечатлений, за которые потом выгоняют из Союза писателей. Натюрморты, к моей великой радости, «распределили» Поздееву. Он взялся за дело серьезно: получил аванс, купил множество тюбиков дешевой краски, приобрел на рынке дорогостоящие «цветы и фрукты», увлекся, пел песню «Это было давно, лет семнадцать назад», расхаживал по мастерской в длинной рубахе навыпуск, творил.

...ПТУ отказалось от оплаты и сообщило, что расторгает «предварительный договор», а также требует назад аванс. Объясняться с заказчиками ПОСЛЕ того, как их УЖЕ угостили отдельными «цветами и фруктами» социалистического реализма, например — спьяну и косо срисованным с открытки посредством фильмоскопа и без того косым Лениным, не входило в мои прямые обязанности, но тут я глубоко вздохнул и быстро пошел.

Пошел в то самое двухэтажное деревянное здание в начале проспекта Мира (бывш. Сталина), где теперь какой-то билдинг, сверкающий сталью, бетоном и стеклом. Злобно встретил меня директор ПТУ и сразу же стал орать, что у него «пятилетний сын лучше рисует», а натюрморт — это когда «на яблоке капельки росы видно». На мой просветительский рассказ о путях и достижениях современной живописи он реагировал презрительно и сказал, что если «говны накалякали, так не хер лапшу на уши вешать, ПИКАССЫ ТУТ НЕ ПРИ ЧЕМ», после чего мне удалось уговорить его пойти в мастерскую Поздеева «хотя бы из любопытства».

Этот моложавый коммунист был простой сибирский мужик, но только директор профтехучилища. И Поздеев был простой сибирский мужик, но только художник. Один мужик вдруг увлекся неизвестно почему, стал показывать другому мужику всякие КАРТИНЫ, десятки картин и объяснять, что вообще всякие картины ЗНАЧАТ. Второй мужик вдруг затосковал, явно озадаченный наглядными сведениями о том, что земное бытие вовсе не ограничивается советской властью, а потом тоже увлекся.

— Ладно,— хмуро сказал он мне, когда мы вышли на улицу. — Заплатим, не обеднеем. Человек хороший, жалко человека.

«Себя жалея», — чуть было не брякнул я.

— Хотя... Хотя это, конечно же, называется ФОРМАЛИЗМ, — вдруг вспомнил он, чему учила.

— То — говны, то — формализм, выбрал бы уж что-нибудь одно! — наконец-то обозлился и я.

— Не... — Он вдруг даже (верьте мне, люди!) неожиданно робко и смущенно улыбнулся. — Это не говны, это — другое. Тут все ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, му-

жик действительно старался, и я заплачу, но это формализм, и я это у себя такое никогда не повешу, чтобы люди надо мной смеялись, и если какая инспекция...

— Так подари их тогда мне, — якобы шутливо сказал я.

— А вот этого ты не видел? — Он, конечно же, сделал неприличный жест, и на этом я обрываю наш содержательный диалог, а то, как видите, меня что-то на сочинительство потянуло. К примеру, написать, что меня кто-то окликнул на шведском острове Готланд, где я это пишу, и то был он, конечно же, он, загорелый, с проседью, сигарой и длинноногой секретаршей-мяукой директор, но не простой, а Генеральный, и не ПТУ, а того самого билдинга, что залудили «новораши» в моем родном городе во славу дикого капитализма и неокрепшей демократии. И, доверительно наклонившись ко мне после martini и абсента, Виктор Степанович сказал мне: «А догадайтесь-ка, уважаемый, где теперь те самые “Цветы и фрукты”!»

Но, во-первых, я на Готланде пока еще не видел ни одного русского, кроме себя, а во-вторых, я спешу скорей закончить свое правдивое, СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОЕ повествование, потому что колокол церковный лютеранского храма напротив пробил сначала двенадцать, а потом раз, а потом два, а потом три, и темнота чуть порозовела там, где море смыкается с небом, а утром будут парить чайки и поплывут вдоль кромки горизонта белые корабли неведомого флота... А затем и вовсе осветились старинные дома той чистой богатой земли, где двести лет не было войны и советской власти, каким-то Божьим неземным ласковым светом осветились. Без тени был тот свет.

...Андрей Геннадьевич Поздеев перебрал тогда добрый десяток новых штанов из плотного флотского сукна. Он придиричиво ощупывал швы, изучал подкладку, прикидывал на руках длину штанин и, наконец, кажется, выбрал искомое. Он вышел из примерочной. Он, к моей великой радости и аналогичному ужасу продавщиц, вдруг присел на корточки и принялся скакать, как заяц.

— Э-эх, хорошие штаны, крепкие штаны, обязательно куплю себе такие штаны, чтоб до смерти не сносить! — на весь магазин кричал он, выкидывая невиданные коленца и сверкая металлическими зубами.

9.3. 6 ноября 1985 года в редакции раздался звонок:

— Правда ли, что в Америке открыли новую болезнь, от которой нельзя вылечиться?

Да, болезнь есть. Полностью она именуется «Синдром приобретенного иммунодефицита» — СПИД.

У нас случаев этой болезни не зарегистрировано. Тут все дело в том, что проблема во многом социальная, поскольку связана с половой распущенностью, — она, увы, терпима в определенных кругах на Западе, но для нашего общества противоестественна.

Вот тут-то Вигену Артваздовичу и был задан вопрос: можно ли опереться на его теорию в рассуждениях о том, что же такое настоящий мужчина и настоящая женщина?

ВИДЕО — НОВОЕ И ОЧЕНЬ МОЩНОЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Какой уж тут Рахманинов! В квартире видеоспекулянта наматывалась шипящая пленка: одновременно «на запись» порнофильмов работало до шести магнитофонов.

В статье под названием «Девочки в ресторане» корреспондент рассказывал (едва ли не впервые в советской печати последних лет) о девушках от 16 до 21 года, «ступивших на кривую дорожку». Характерно, что слово «проституция» в статье ни разу не называется, но описание «развеселых девиц» и их отношений с «мужчинами, у которых водятся в карманах деньги», вполне ясно указывает, о чем идет речь.

Можно ли рекомендовать какое-то абсолютное средство против ревности? Ревнивцу, прежде чем дать волю страстям, следует вспомнить, что

это чувство действует на партнера не только подавляюще, но и всегда отталкивающе.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС: общество кровно заинтересовано в прочной, духовно и нравственно здоровой семье.

После Кирилла был Саша, потом Сергей, потом Андрей, а дальше попережку Кирилл, опять Сергей, Саша, Андрей...

Таких, как Муха, в милиции условно называют ЖЛП — женщинами легкого поведения.

Настораживает другое — отсутствие в арсенале различных советских органов иных, чем уголовные репрессии, средств для решения наболевших проблем. Так было с алкоголизмом, с нетрудовыми доходами, с тунеядством. Так, по-видимому, после официального признания этого явления будет и с проституцией.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ПЕРМИ ЗА ВИДЕО-ПОРНОГРАФИЮ

ЭДМУНД ИОДКОВСКИЙ, автор песни «Едем мы, друзья, в дальние края»: «Да, у нас немыслимы порнофильмы в кинотеатрах. Очевидно, поэтому мутноглазые, грязнодушные людишки потянулись к видеотехнике».

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ: «Сексологи пошли по Руси, сексологи!»

«Руководящим работником» назвал себя в последнем слове подсудимый Ю. Пахомов, мастер Кунгурского локомотивного депо. Ему захотелось просветить жителей Кунгура секс-фильмом «Последний девственник в Америке», приобретенным в Москве у «неустановленного гражданина». Одичавшие девственники в Америке — это, как говорится, «их проблемы», а вот парторганизация Кунгурского депо хоть и с опозданием, но выяснила, как одичал Ю. Пахомов, как дошел до жизни такой. И 17 октября 1986 года, ровно через месяц после приговора, исключила его из партии.

Упомянутая троица беспрепятственно попала на судно «Готланд». Затем подонки беспрепятственно покинули «Готланд», перебрались на «Балтийское море», где их и задержали комсомольцы.

...в Киеве на Подолі спиймався на гарячому ще один «відеобізнесмен» — В. Биченко. Сорокаричний чоловік цей за гроші розбещував неповнолітніх. Коли в це відеокубло прийшла міліція тут саме демонструвався фільм про гомосексуалізм!

ЭКСПЕРТНА КОМІСІЯ: ФІЛОСОФ, ПСИХІАТР, СЕКСОПАТОЛОГ, КІНОЗНАВЕЦЬ І ПРАВОЗНАВЕЦЬ

73,8% проституток получили образование не ниже среднего, а 7,1% — высшее и незаконченное высшее.

Морального порицания и презрения уличная девка заслуживает не больше, чем проституирующий писатель, ученый, публицист, политик. Пока существуют товарно-денежные отношения, будет и проституция.

Как свидетельствуют социологические исследования, по отношению к проституции, гомосексуализму, потреблению алкогольных напитков и иным «преступлениям без жертв» репрессии скорее причиняют вред, нежели приносят пользу.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУТКИ ИЗ ГОРОДА НАХОДКА

Детей проституток отличают среди их сверстников грустные и вечно голодные глаза.

Лаура не делает секрета из своей профессии. Она не без гордости именуется себя **путаной**.

СПИД В ГРУЗИИ

Как-то читал книгу о ленинградском комсомольском патруле. Много лет тому назад он успешно вел борьбу с ворами, хулиганами, той же проституцией. Думается, и в наше время целесообразно создавать подобные формирования.

Тринадцать лет девочке, а она уже с мужчинами путается!

Семь тысяч лет назад в Индии повсюду были храмы, построенные в честь бога любви и плодородия. На огромном постаменте перед входом в храм возвышалась гигантская скульптура фаллоса — олицетворение мужского начала.

Новая статья кодекса РСФСР об административных правонарушениях 164–2 предусматривает, что занятие проституцией влечет предупреждение или наложение штрафа в размере до 1000 рублей.

Москва, 25 августа 1987 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о мерах профилактики заражения вирусом СПИД.

В Москве зарегистрировано 1100 проституток.

Зато в Калифорнии стал модным так называемый **спортивный пуританизм**. Его сторонники объединяются в клубы, где общими силами борются с половым влечением.

Хорошее, доброе начинание, между прочим. В этом убеждает и положительный опыт решения проблем полового воспитания молодежи некоторых братских стран. Например, ГДР, Венгрии, Кубы.

КАК БЫТЬ С ЭРОТИКОЙ В УСЛОВИЯХ ГЛАСНОСТИ?

ГОМОСЕКСУАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

ANTI-HOMOSEXUAL LAW IS SAID TO BE EXCLUDED FROM NEW CRIMINAL CODES

«Несколько лет назад в ходе борьбы с порнографией и эротическими фильмами проходили массовые судебные процессы. Оказалось, что 90% фильмов, которые квалифицировались безграмотными экспертами (партийные работники, врачи, учителя) как «порнографические», на самом деле таковыми не являлись. В результате 60% людей были привлечены к уголовной ответственности без достаточных оснований», — заявил в январе 1991 года известный социолог Игорь Кон.

«Ставшая крылатой фраза “Секса у нас нет!” — не оговорка. Мы все время пытались выкинуть секс из нашей жизни. И когда проблема про-рвалась наружу, секс предстал в дикой и примитивной форме, оказался таким же грязным и несимпатичным, как вся наша повседневность», — обобщил и подытожил ученый.

5 февраля 1991 г., за полгода до военно-коммунистического путча (когда ее закроют на 20 минут), горюет и газета «Правда». О том, что «мутная волна сексуальной эйфории захлестнула нашу жизнь. На экранах кинотеатров, телевидения в самых пикантных подробностях демонстрируется “любовь” в постели, обнаженные красавицы бесстыдно смотрят с глянцевого обложки журналов, “интимом”, изощренной техникой секса, откровенной порнографией завалены киоски, самодельные лотки».

— **Сексуальная эйфория! Так это ж здорово, товарищи! И совершенно не противоречит основам марксистско-ленинского учения, углубленного тов. М. С. Горбачевым. Это ведь означает, друзья, что перестройка удалась, и в стране все снова стоит,— обрадовался Безобразов.**

ИВАН ПРЕЖДЕ БЫЛ МАШЕЙ

НЕУЖТО ОДИЧАЕМ?

Уже который день в Кремле, в Верховном Совете СССР, настойчиво звучит слово «порнография».

Результат не заставил себя ждать. 12 апреля 1991 года, в День космонавтики, Верховный Совет СССР выносит постановление «**О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости**».

Из этого постановления все мы наконец-то узнали, что в стране имеется не только официальная пропаганда, но и порнографическая. Жаль, что такой хороший Совет в августе 1991 г. накроется медным тазом, как и представляемая им Советская власть. А не устраивай путчей!

...шестнадцатилетний пионер переспал со всеми приглянувшимися пионерками-ровесницами, а также нанес ночной визит молоденькой пионервожатой.

Советские груди за марки и доллары. Под видом конкурсов на лучшую фотомоделю в СССР проводится вербовка девушек в публичные дома западных стран.

«Комсомольцы со стажем, как, например, председатель жюри конкурса, выпускник Высшей комсомольской школы Артур Г., рядятся в тогу демократов, спеша продемонстрировать, что ничто человеческое им не чуждо. Ансамбль Советской Армии сопровождает маршевой музыкой настоящий стриптиз», — пишут строгие коммунисты 26 июля 1991 г., за месяц до ихнего часа X.

ЦЕЛУЯСЬ, ВЫ ПРЕДОТВРАЩАЕТЕ ПУТЧ!

Александр Козлов информирует: «Итак, нашу страну с энтузиазмом приняли во Всемирную ассоциацию сексологов. Многие западные специалисты совершенно не разделяют стенаний отечественных “экспертов”, будто в СССР секса нет и мы в этом смысле абсолютно невежественны. Французский сексолог Иветт Блюм убеждена: “Русские в любви неутомимы и изобретательны. Но они еще вносят в отношения между мужчиной и женщиной столько души и чувства! На остывшем и бесстрастном Западе этого давно нет. В самые тяжелые времена в Советском Союзе было множество образцов самой высокой любви, и это был вызов бесчеловечной системе и лучший аргумент жизнестойкости и великой будущности русского народа. И не надо учить русских сексу, они сами кого угодно научат!»

Итак, с путчем **кончили!**

«Лично я приближение диктатуры почувствовал, когда Верховный Совет два дня обсуждал и торжественно принял постановление по борьбе с порнографией, под которой, естественно, понималось все, что спрятано под тулупом», — вспоминает О. Пшеничный.

И предлагает: «А вместо памятника Дзержинскому нужно построить фонтан с амурами и грациями: пускай из окон напротив смотрят на него и радуются. Авось рука к кобуре не потянется».

Большевизм довел наше общество не только до экономической, моральной, политической, но и до сексуальной катастрофы. Вместо предполагаемого розовощекого и широкоплечего дебила — строителя коммунизма на свет появилось зачуханное существо, страдающее всеми мыслимыми и немыслимыми комплексами.

Сегодня мы свободны. Секс в СССР вышел из подполья.

Вечером она подошла к медсестре.

— Простите, вы не могли бы налить мне спермы? — И протянула пустую поллитровую банку.— Хочу лицо намазать. Говорят, француженки делают такую маску. Очень полезно для кожи. И цвет лица лучше.

Медсестра опешила.

В Ленинграде происходит всемирная конференция лесбиянок и «голубых». Организатором этого необычного для СССР форума выступает Фонд культурной инициативы и защиты сексуальных меньшинств им. Чайковского.

Украинский парламент принял Закон, который делает Украину первой республикой в бывшем СССР, где гомосексуализм не преследуется как уголовное преступление.

«А продавцы эротики испугались и дрожали еще несколько дней после поражения путчистов, которые в том ублюдочном “Обращении к народу” обещали наступление “против порнографии”», — утверждает А. Рубинов в октябре 1991 г.

Может, где-то среди небоскребов, лазурных пляжей и пальм стриптиз выглядит столь же естественно, как авокадо по утрам, но в нашем загазованном, угрюмом городе К.? И все-таки на берегах реки Е., впадающей в Ледовитый океан, стриптиз существует и, как заверили корреспондента в компетентных органах, весьма распространен.

Уже 37 женщин стали мужчинами и живут нормальной семейной жизнью со своими возлюбленными благодаря коммерческому медицинскому центру «Феникс».

Предприимчивые люди давно обратили взгляд на застенчивых мужчин. И предложили им услугу, которую на Западе называют «секс по телефону». В Москве эту службу романтически поименовали «Розовым телефоном».

Министерство юстиции РФ прекратило обмен паспортов лицам, желающим сменить свой пол.

30 гомосексуалистов и лесбиянок начали в среду в Москве трехдневную голодовку с требованием легализовать гомосексуализм в России, как это уже сделано на Украине.

Смотрите, до чего эти перестройщики довели страну! Стриптиз, сплошной стриптиз!

В лихорадке парламентских будней чуть не прошла незамеченной важная новость: в четверг опубликован указ президента Ельцина, отменяющий наказание за гомосексуализм.

Сейчас всем столицам бывшего соцлагеря русские проститутки предпочитают Будапешт. Сюда приезжают на секс-туры немцы из бывшей ГДР. Привлекает их дешевизна секс-услуг. Несколько десятков тысяч девушек из СНГ осваивают панели Будапешта, столкнувшись с жестокой конкуренцией со стороны румынок.

Совершенно прав Анатолий Рубинов, большой специалист по части этих проблем: «В Москве за годы сексуальной революции стало намного больше женщин, у которых глаза светятся. Особенно легко это почувствовать, стоя на эскалаторе. Меньше стало женщин, погруженных в свои заботы, и больше тех, кто перебирает взглядом плывущих навстречу, на миг замирает, рождая напрасные надежды у мужчин, которые находятся на ленте, плывущей в обратном направлении».

«А ведь главное в конечном итоге — это счастье советского человека, которое каждый понимает по-своему, как справедливо заметил дедушка Гайдар», — умильно подумалось Безобразову, едущему вниз по лестнице-чудеснице, ведущей вверх.

Глава X. СЧАСТЛИВЫЕ ГЛАЗА

10.1. ЧТО ГРЕЗИЛОСЬ БЕЗОБРАЗОВУ? Да ничего особенного. Что грезится человеку, когда он блаженно лежит на пляже, закрыв глаза, овеваемый свежим морским ветром? Картины детства иногда мелькают, волк, каковым непедагогично пугали в дошкольном возрасте покойные нежные родители, эротические видения забытой юности, какие-то неопределенные геометрические фигуры — окружности, клинья, квадраты, прямоугольники, параллелепипед, оргазм первомайского салюта над Красной площадью, тела, лица... Бред, конечно, но где-то, кажется, он все-таки уже встречался с той маленькой, сухонькой, средних лет иностранкой в громадных темных очках, закрывавших половину ее нервного лица...

— А-а, вот ты где, — услышал он вдруг русский скрипучий голос и, резко разлепив веки, внезапно понял и вспомнил все: нервное лицо, наполовину закрытое темными очками, склонилось над ним, тонкие губы шевелились.

10.2. Дело было в Швеции, на острове Готланд. Странные штуки тут со временем, прямо как у Альберта Эйнштейна, понимаешь. Ведь только тогда, когда часы на церковной башне пробили двенадцать, Анна Вронски вдруг сказала мне (в черновом переводе с подстрочника):

— Вы — русские, а есть наука, культура, наконец, цивилизация, хотя я не хочу говорить ничего дурного о Достоевском, Солженицыне и Иосифе Бродском. Это же не то, что Шолохов, который получил Нобелевскую премию неизвестно кого. Моя мама рассказывала, когда немцы покидали город, они распространили плакат: русский солдат-освободитель стреляет во врага из винтовки вошью. И хотя то был советский, ощущение этого до сих пор царит в наших головах.

А знак мысли, что Европа есть единое целое, ты можешь приобрести, посетив местный музей древностей Готланда. Там есть карта походов викинга внутрь Европы, включая Новгород, Киев и Холмогоры. Викинг, да, он разграбил город Прагу и вывез оттуда «Серебряную Библию» на готском языке, которого больше нет, но его изучают в университетах. Викинг был та самая связь постепенного цивилизования пространства от лесов Урала до балтийских вод,

которая, если бы не прекратилась, дала бы совсем другую карту. Ты, конечно, скажешь, что то была одна кровь, кровь да кровь до самого конца девятнадцатого века, если не считать в двадцатом Гитлера и Сталина, но то есть путь цивилизации, который Россия проходит обратно. И если ее организовал Рюрик, то это она победила Рюрика, а он ее нет. Хотя и в шведской истории был один король Карл Юхан, который пришел из Франции, где был сыном адвоката, но потом приехал в Швецию, где его избрали королем во время Наполеона, и он основал небольшую династию, которая правит до сих пор. А в России цари растворяются в просторах, которые русским самим не нужны, но отдавать даром жалко, а еще говорят, что иностранцы — скупые. Но это — история, а цивилизация-то будет совсем иное, ближе к науке и культуре. Про русскую науку я говорить ничто не могу, потому что то есть звонкая наука от кто изобрел радио Попов до академика Сахарова, великого человека. Но ты сам, может, мне сказал сегодня, что космос не есть для тебя хорошая резервация, потому что выкачивает деньги из народа, не дает строить теплый ватерклозет и создавать общую инфраструктуру дорожного движения по всей стране до мелких ее мест и местечек. Так за что борется такая наука, если есть таблица Менделеева, а клозетной бумаги в Советском Союзе не было, хотя говорят, что теперь при демократии ее хоть жопой ешь? То не мои слова, а, наоборот, твои, и я не хочу все поливать одним цветом, как ночь, но зачем все, что творит наука, есть одно разрушение, горе и смерть, особенно если тоталитаризм? Третий мир, что развратили не деньгами, а ракеточкой да калашников-автомат, зачем? То не есть цивилизация так, как европейская, но ты будешь прав, если скажешь, что американ тоже нецивилизованный и воевал индейцев, как русские эвенков и чукчу. Но ты так не скажешь, поскольку русские любят американов, а те гордятся ими. Как говорят, два ботинка — пара, вам бы еще и третий сапог — Китай, да у мира всего две ноги, и больше сапогов вам не треба. То шутка, но вы сами не разберетесь, пока мы вам не дадим прикурить мирно. Потому что европейско есть европейско, как Достоевский сказал, не то Толстой, и европейско свое возьмет рано или поздно в такую же лунную ночь, как ща, ли при свете солнца — неважно. И вот что в вас остается у разбитого корыта, так едина культура и спирт, которым вы так гордитесь с утра до ночи, как пьете водку. Что ж, может, тут и есть правда да едина ваша надежда на цивилизацию, которая тоже дружно надеется на вас таких, если кто, как Тарковский, кто здесь на Готланде съемку делал его звонкого «Жертвоприношения», или Юрий Петрович Любимов, который, храбро борясь с большевиком, и сейчас поставил «Марат-Сад» Петера Вейса, троцкиста, чтоб ему пусто было — этому коммунисту Троцкому, кто хотел разграбить Варшаву, как викинг Прагу, да руки коротки, зато альпеншток длинный. Но вы нам если дадите культуру, то от нас берите цивилизацию, а то ченч будет не туда и возникает Чечня. Когда культуры много, а жопа гола, то возникает агрессия, как милитаризм. Ваш авангард весь дюже милитаристичен, хоть и Хлебников ты есть, а все хочется трахнуть Европу, как быку, и то есть не та традиция, которая прохилает передовой сейчас, когда — sexual harassment и доступная маскулинизация. Тогда тут ваш крепкий штырь не пройдет, не нужно, как тогда, когда все были нежные до начала середины века двух братьев-разбойников Сталин — Гитлер, один из Австрии, другой — Гуталин. Но я и то, другое вижу, что в вас на сей день нежность больше дышит, чем раньше, когда Иван вошь в винтовку заряжал с того немецкого плаката, а то, может, она была всегда, да мы вашу нежность не разумели...

Долго она еще говорила. И только когда часы на церковной башне пробили двенадцать, мне удалось ответить ей.

— В порядке постановки тобою идиотских вопросов, дорогая Анюта, снабженных аппаратом поверхностных знаний ни о чем, ты допустила отдельные антирусские высказывания, на которые мне, собственно, наплевать, потому что я слишком уверен в могуществе своей родины и ее небывалой способности что ни день поражать мир той широтой русского человека, а которой толковал упомянутому миру упомянутый тобою Достоевский, предупреждая: «Люди, будьте бдительны», как Юлиус Фучик из упомянутой тобою Праги, имени которого до сих пор есть улица в Москве, даром что он был коммунист. Потому что секс, Та-

натос и водка — вот те три кита, на которых держится Россия, а Духовность, о которой ты сегодня столько много говорила, — это российский воздух, одним из составных элементов которого является изрядная порция веселящего газа, от которого вечно все в России пляшут, поют и занимаются не своим делом, как химик Бородин. Достоевского я никогда не видел, зато Бродского и Солженицына — да. Первый из упомянутых поразил меня тем, что выглядел старше своих лет, зато Александру Исаевичу только слепой с минусом зрения больше десяти мог бы дать его восемьдесят. В чем тут дело, я не знаю, и пусть об этом спорят западники и славянофилы, а я лучше буду о сексе и Танатосе, потому что о водке я уже все сказал раньше.

Собственно, в долголетию нет ничего хорошего, особенно для художника. Диагноз этот не нов, его поставил один сумасшедший из Дублина, которого звали не Леопольд Блум, а Джонатан Свифт. Применительно к Тарковскому это означает, что тех фильмов, которые он успел снять до своей ранней кончины, народу хватит вполне, а все остальное, если бы было, рисковало оказаться нужным только ему самому и вполне могло бы привести мастера к отрыву от народа и той почвы, на которой он стоял обеими ногами, как Антей, хоть и жил последние годы за границей, справедливо опасаясь гаснущих, как свечки, большевиков. «Главное в профессии пулеметчика — вовремя смыться», — гласит циничная советская поговорка, и она, как и все поговорки этого ряда, совершенно точно и философически отражает истинное положение дел по этому вопросу, по крайней мере в России, не говоря уже обо всем мире, о котором я судить пока не берусь, ибо не собрал еще достаточное количество сведений о жизни для экстраполяции своих глобальных выводов на всю человеческую цивилизацию, а не только на российскую, где мне равных можно сыскать только с помощью милиции и ее плакатов, аналогичных тем, что на Западе оснащены заголовком «WANTED». Или взять Шолохова. Когда я спросил одного шведа, который общался с нобелиантом во время выдачи через него Советскому Союзу больших денег динамитчика Нобеля (очевидно, на борьбу за мир с упомянутыми тобой китайцами), что он о нем думает, тот кратко ответил: «Свинья!» И повторил это слово около десяти раз практически без акцента. «Ну, зачем уж так сразу?» — помнится, подумал я, но поскольку не я разговаривал с Шолоховым в Стокгольме, а мой собеседник, то какое мне дело до того, что каждый о другом из этих «шестидесятников» думает? Но я отвлекся, дорогая Аннет, Анни, Энн, Нюра, Нью... И, прежде чем перейти к вопросам секса, я, пожалуй, исполню тебе песню, которую мне спел месяц назад в поезде, идущем из Аахена (Германия) в Кельн (тоже Германия), один пьяный чех, одетый весьма прилично в твид и букле, с трубкой, тростью, жилеткой, часами, газетой, но только совершенно пьяный. Чех пел мне на мотив «Лили Марлен»:

Як ушли германцы, тут пришли руси,
Сразу отобрали уси наши часы.
Я не хотел часы отдать, Иван схватил свой автомат:
«Отдай, fuck твою мать!»
Пришлось часы отдать...

А ему подпевали случайно оказавшиеся в поезде поляк, словак, венгр, болгарин, румын, албанец и другие народы, прошедшие путь от знакомства с викингами до развала Советского Союза. Я, впрочем, тоже пел. Я ведь знаю мотив «Лили Марлен», а слова — что слова? Такие слова для русского не обидны, потому что содержат даже некоторое добродушное любопытство к брату по соцлагерю, смешанное с жалостью, что у русского бедолаги, даже если он еврей, коммунисты и политруки отобрали все, и он теперь вынужден грабить чужих, как тот самый пришелец, что спер «Серебряную Библию» для грядущего изучения по ней готского языка. Время все смыывает, какосу в море, и весь вопрос лишь в том, что есть суша, что есть море, а что — океан...

— У тебя такие счастливые глаза, — посерьезнев, вдруг сказала Анна Бронски.

— А у тебя такие горячие губы, — не остался я в долгу.

— Ты, правда, русский?

— Русский. А ты?

Анна дышала. Я замер. Часы на церковной башне как раз пробили двенадцать. Странные штуки тут со временем, зато с пространством все в порядке.

10.3. Год 1989-й поверг весь мир в изумление. В одночасье, один за другим рухнули, казалось бы, вечные и незыблемые восточноевропейские режимы. Год 1990-й принес новый сюрприз. Среди демократической оппозиции, расшатавшей в этих странах власть коммунистов, стали раскрывать людей, связанных с прежними органами госбезопасности, самыми верными стражами коммунистического порядка. И каких людей! Прозвучал призыв к лицам, сотрудничавшим с ГБ, уйти самим со своих постов. Иначе через 15 дней их фамилии будут опубликованы. В Чехословакии называют цифру 140 тысяч агентов на 15 миллионов населения. **Каждый сотый чех стукач?**

Издержки экономической реформы в Чехословакии. Цены пустились в пляс: подорожало практически всё — от хлеба и мяса до сигарет и пива. Кто это там сказал, что правительство, которое осмелится поднять цены на пиво в этой стране, не удержится у власти?

«РУДЕ ПРАВО» МЕНЯЕТ СВОЕ ЛИЦО

Было заявлено, что в последнее время становится все более явной «пропитанность» центральных государственных органов теми, кто сотрудничал с госбезопасностью.

Спору нет, рынок, который становится реальностью и в СССР, и в Чехословакии, и даже в Монголии, ставит жесткие условия.

Двадцать три года хранился в глубокой тайне составленный якобы в пяти экземплярах секретнейший «Протокол о встрече партийно-правительственных делегаций Болгарии, ГДР, Польши, Венгрии и СССР, проходившей 24—26 августа 1968 в Москве».

Вряд ли высшие партийные и государственные деятели пяти стран, задушивших чехословацкую попытку построить «социализм с человеческим лицом», могли предположить, что их откровенные высказывания станут когда-нибудь достижением гласности. И уж, конечно, ни Живков и Велчев, представляющие Болгарию, ни прибывшие из ГДР Ульбрихт, Штоф и Хонеккер, ни польские руководители Гомулка, Циранкевич и Клишко, ни венгерские участники Кадар, Форс и Комочин, ни тем более советские — Брежнев, Подгорный и Косыгин не могли представить, как будет выглядеть Европа в 1991 году, равно как все мы не можем понять, как будет выглядеть Земля после Третьей мировой войны.

Никакого «заговора-1948» против Москвы не было. Что же было на самом деле? Только алкоголизм К. Готвальда, снобизм его жены Марты и склонность к гомосексуализму их зятя-министра А. Чепички.

В последнее время в Чехословакии одна за другой появляются публикации, в которых Юлиуса Фучика обвиняют в предательстве, сотрудничестве с гестапо. Одновременно ставится под сомнение авторство «Репортажа с петлей на шее».

Приведенные документы дают основание сделать заключение: ввод войск в Чехословакию — дело коллективное как по замыслу, так и по практическому исполнению. Лидеры союзных государств, коммунистических партий как бы соревновались между собой в резкости оценок ситуации в Чехословакии.

Живкова судят в Болгарии, Хонеккера защищают от правосудия лишь стены советского военного госпиталя, судьба Чаушеску общеизвестна. А как с «бывшими» в ЧСФР? Роковую роль в судьбах таких деятелей, как Биляк, Гусак, Ленарт, Гофман и другие, могло бы сыграть существование так называемого «пригласительного письма», ссылаясь на которое войска пяти стран Варшавского Договора оккупировали Чехословакию в августе 1968-го. Подписавшим такое письмо грозит приговор за измену родине. Но письма нет — здесь считают, что Москва скрывает его в своих тайных архивах.

Биляк каждый год отсылал в СССР 500 тыс. долларов наличными, причем непременно в мелких купюрах (по 5—10 долларов). Все это перевозилось спецсамолетом в чемоданах или портфелях и, естественно, без всякого таможенного досмотра.

РАЗВОД ПО-СЛОВАЦКИ НЕ РАЗВОД, А ПЕРЕГОВОРЫ ЧСФР: ФЕДЕРАЦИЯ ПОД УГРОЗОЙ

Нераспакованными пачками доверху забит склад. «20 лет спустя» А. Дюма, «Избранное» В. Высоцкого, Жюль Верн, А. Беляев, К. Симонов, М. Булгаков, А. Ахматова, О. Мандельштам — основная база советской книги под угрозой закрытия. Ситуация — типичная нынче для Чехословакии.

«Хотите — верьте, хотите — нет: торгую с Советским Союзом, и он, представьте себе, платит!» — сказал в беседе с репортером Ладислав З.

5 крон за кружку пива — чепуха, а 5 рублей за ту же кружку — цена фантастическая.

Последний договор о сотрудничестве с КГБ шеф госбезопасности ЧССР генерал А. Лоренц подписал 17 ноября 1989-го, в тот самый день, когда началась «бархатная революция». Этот факт породил много спекуляций. Вплоть до того, что сама «бархатная революция» — дело рук КГБ и Горбачева.

Главную сенсацию принес декабрь 1990-го. В прессе появился почти полный текст секретного договора между КГБ и МВД Чехословакии сроком на 5 лет. Внизу факсимиле подписей В. Крючкова и Р. Сахера, датированное 26 февраля 1990 года, то есть во время приезда в Москву Вацлава Гавела.

«Но если копнуть глубже, то было ведь и вывезенное чехословацким легионом из Сибири российское золото», — заявил он.

В заключение — еще одна цитата из книги Й. Фролина, известного чешского контрразведчика, бежавшего на Запад после августа 1968-го:

«Сваливать все на 30 советников и Анастаса Микояна — сказки, которые, однако, с любовью подхватила печать. Советники несут большую вину за то, что у нас было. Но эти тридцать или пятьдесят человек, уж точно, не ловили и не убивали наших людей на границах, не могли ежемесячно допрашивать сотни тысяч, давить их, следить за ними на улицах, проверять их почту, монтировать подслушки, руководить сотнями тысяч «агентов» и доносчиков. Все это сделали сыны чешских и словацких матерей».

Б. Н. ЕЛЬЦИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ЧСФР НЕ С ПУСТЫМИ РУКАМИ

«Период несвободы» — так называет время между приходом к власти коммунистов (25 февраля 1948 года) и началом «бархатной революции» (17 ноября 1989 года) постановление, принятое федеральным собранием ЧСФР.

Сегодня их можно встретить в каждой европейской стране. В официальных документах они значатся как постоянно проживающие за границей советские граждане. В жизни их коротко называют *совгражданами*.

*Помнишь, как ты сюда приезжал?
С автоматом заряженным спал
И читал на стене любой:
«Оккупанты, идите домой!..»*

Словацкий национальный совет принял закон о предоставлении материальной компенсации лицам, арестованным и вывезенным из Словакии в СССР отрядами НКВД в 1944—1946 гг.

«Не надо было идти в Чехословакию, не надо было идти в Афганистан» — так говорят не диссиденты, а коммунисты.

Мы ставим ему в вину подпись под Московским протоколом, которым была легализована интервенция. Александр Дубчек стоял во главе внутрипартийной чистки, последовавшей сразу после шестьдесят восьмого. Раздражает, что Дубчек все годы «нормализации» не принадлежал, собственно, к чехословацкому диссидентству.

«Это было другое, чем восстание в Венгрии. Там все было более или менее ясно: под окнами Андропова вешали вниз головой венгерских коммунистов. А в Чехословакии шел политический процесс, очень быстро развивавшийся. Он вызвал у наших «товарищей» оторопь», — вспоминает помощник генерального секретаря Брежнева.

Москву коробила лексика пражских площадей, раскованность чехословацкой прессы, настораживало взаимное тяготение «верхов» и «низов», странное для тоталитарных режимов.

«Около пяти утра к ЦК подъехал автомобиль, затем подошли танки. Парашютисты встали вокруг здания. Часть из них с оружием в руках бросилась внутрь. У них уже были чешские сопровождающие», — вспоминал Йозеф Смрковский.

«Путчисты хотели повторить 21 августа 1968 года, а повторилось 17 ноября 1989 года — победил народ», — сказал Зденек Млынарж, когда его попросили дать оценку военно-коммунистического путча августа 1991 года в Москве.

Эхо московского путча отдается и в Праге. Чехи примеряют, так сказать, этот кафтан на себя.

Бесспорно, преобладающие чувства — радость и солидарность.

Они проявились с первых же минут провала путча, продолжают и сейчас. Впервые после «бархатной революции» пришлось слышать такое выражение применительно к нашему народу, как «братья», вновь звучит слово «дружба», но уже не в том насильственно-формальном смысле, которого требовал «старший брат» от «младшего».

И еще это совпадение дат: 21 августа 1968-го и 21 августа 1991-го. Просто мистика!

В Чехословакии странным образом возрождается девиз «СССР — НАШ ПРИМЕР». Парламентский совет намерен включить в повестку дня федерального собрания запрещение компартии, как это сделали в России.

В советском посольстве ликвидировали партком.

Накаляется ситуация в Чечено–Ингушетии, однако активную позицию с требованием восстановить конституционные нормы правления и в нормальных условиях организовать выборы заняли представители научной и творческой интеллигенции.

ВЛАДИВОСТОК. На граните выбито «1918» и строки на чешском и русском языках «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ СЛОВАКАМ».

ЛЮСТРАМАНИЯ, ИЛИ ВСЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ ПОД КОЛПАКОМ

Всего 2 советских гражданина посетили в этом году Чехословакию по путевкам «Интуриста». В 1989 году таких туристов было 150 тысяч.

Колчака вызвали на переговоры в помещение станции. В этот момент чехи отцепили паровозы, угнали в депо, погасили котлы.

Волны этого цунами — они докатились и до Чехословакии.

К выполнению своего решения лидер компартии приступил немедленно: он пришел к пиджаку большую звезду (шестиконечную, какие носили евреи в нацистских гетто, но красного цвета) с надписью по–немецки: «Я — коммунист». В парламент ему доставили спальный мешок.

Преступные группировки из России обосновываются в Праге.

Вслед за «бархатной революцией» в Чехословакии — «бархатный развод». Чехи направо, словаки налево.

«Или наоборот», — подумал Безобразов.

25 августа 1968 года, в 12–00 на Красную площадь вышли К. Бабицкий, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюга, Н. Горбаневская, П. Литвинов, В. Файнберг.

В Якутске, Чернигове, Одессе появились надписи: «Позор партии коммунистов».

Солдат Варфоломеев сказал солдату Сердюку: «Как в сказке получается: нам что–то не понравилось, так мы сразу и войска ввели».

Беляев, будучи в нетрезвом состоянии, кричал: «Свободу — Свободе!»

Проявили недопонимание в таком важном вопросе интернациональной помощи Чехословакии также Аксенов, Ахмадулина, Афанасьев, Бродский, Вознесенский, Глоцер, Евтушенко, Канторович, Капица, Ростропович, Самойлов, Сахаров, Солженицын...

Направляю вам в целях информации сводку писем враждебного характера, полученных «ЛГ» за период октябрь–ноябрь 1968 г.

А. Чаковский, гл. редактор «Литературной газеты»

Поэт Виктор Урин в письме на имя тов. Демичева от 23 сентября 1968 года пишет про тех, кто не осудил Чехословакию.

Секретно

Токарев в нетрезвом состоянии во время смены караула перелез через цепь ограды к Мавзолею и выкрикивал лозунги антисоветского содержания.

Секретно

Поэт Алексей Марков сказал: «Что касается Чехословакии, то впервые за тысячелетнее существование Руси мне стыдно, что я русский. Волосы на голове шевелятся».

— Так кто же настаивал на вводе войск наиболее активно? — спросил корреспондент.

— Вальтер Ульбрихт, Гомулка, Живков. Особенно был настойчив Ульбрихт. Брежнев не устоял перед ними, — пояснил П. Шелест.

Итак, все вроде бы говорило за то, что государственный переворот в Чехословакии — дело рук Горбачева, КГБ и местной ГБ. Кремль решил устранить консервативное руководство Чехословакии, чтобы поставить перестроечных товарищей и спасти идеи социализма. Но потом инициативу перехватило ЦРУ.

«Железный занавес» на границах России вновь может стать реальностью, но управлять им теперь будут с другой стороны.

1 января 1993-го на карте Европы появилась новая граница — между чехами и словаками. Продолжение следует.

Глава XI. ИСЧЕЗНУВШИЙ КРЕСТ

11.1. ЧТО ВСПОМНИЛ БЕЗОБРАЗОВ? Как, будучи еще неженатым молодым специалистом, временно жил в отдельной комнате общежития, окна которого выходили на другие окна, другого общежития, где под вечер обычно раздевались и одевались студентки Педагогического института, приехавшие из деревни в город К., стоящий на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, получать высшее образование. Оставив свои интересные книги, благодаря которым он и приобрел тогда свои обширные беспорядочные знания, кормившие его теперь и позволявшие ему делать то, что заблагорассудится, Безобразов гасил свет и тут же начинал принимать бесполезные практические сведения о жизни: вот девушки, сняв лифчики, вертятся перед зеркалом или шуточно толкают друг друга упругими бюстами, вот какая-то из них рассматривает на просвет свои бедные, но кружевные трусики, а вот какая-то шалунья вообще прыгает на общежитской пружинной кровати, как на батуте, в той самой одежде, в которой когда-то родила ее мать, то есть безо всякой одежды. Сладко и страшно становилось практически девственному молодому одинокому г-ну Безобразову от обилия этой телесной жизни, и он, понимая, что еще вот-вот и случится что-то непоправимое, резко включал погашенное электричество и снова брался за книги, в очередной раз давая себе слово не зреть в эти брызжащие энергией окошки больше никогда. Но наступал следующий вечер и все начиналось сызнова.

Но кто осудит молодого одинокого человека? Это ведь теперь по телевизору показывают разнообразные ночные программы, которые при желании могут усладить ищущий счастья взор зрителя, а тогда подобные зрелища были строго-на строго запрещены коммунистами, которые, как стало теперь известно, сами-то погрязли в разврате, а вот другим делать этого не давали. Однако я был бы необъективен, если бы забыл о том, что если раньше ВСЕ ЭТО делалось бесплатно, из любви к жизни, то теперь стоит приличных денег, в чем можно легко убедиться, пройдя вечером тот отрезок Садового кольца от бывшей площади Восстания до нынешней Триумфальной, бывшей Маяковского площади, где на всем пути стоят приезжие корыстные девушки, не имеющие московской регистрации.

11.2. Взялась рассказывать пляжная компания, как кто и где утратил свой натальный крест. Ничего нового, интересного, информативного или хотя бы занимательного не услышал я, не узнаете, соответственно, и вы. Так, одни беспорядочные знания, бесполезные практические сведения о жизни, одна словесная бяка с вяловатым сюжетом (сюжетами), фабулой (фабулами) и слогом, не отличимым от лексики и грамматики любых других рассказней, когда собравшимся людям уже совершенно не о чем говорить, но они тем не менее это упорно делают, как, например, я сейчас.

Ну, в самом деле — сначала обсуждали местные и мировые новости: младший Кеннеди разбился на личном самолете, Саддам Хусейн в последний раз призвал арабский мир сплотиться, в Тегеране тучи ходят умуро, а в России, наоборот, пожар за пожаром, и доллар все лето стоит 24 рубля. Зато во Владивостоке выпустили борца за экологию Григория Пасько. Я что-то об этом слышал... Откуда выпустили? Да все оттуда же, из тюрюги, приятель, где он сидел по случаю неокрепшей демократии двадцать месяцев!.. А за что?.. Да ни за что!.. Ай, не может быть!.. Ай, может быть, если под следствием по обвинению в государственной измене!.. А подоплека?.. Вскрытые им факты коррупции и жуткого загрязнения побережья Приморья радиоактивными отходами... Вот суки! Вот суки-то! Как были суками, так суками и остались!.. Еще — вспышка неизвестной болезни. В Ростовской области уже унесла эта вспышка шесть человек... А вот в Швеции актеры убили двух полицейских. Двух шведских зеков взяли играть в спектакле про горькую судьбину шведских зеков, а они сбегали и убили двух полицейских... Ой, достукается цивилизованный мир со своей демократией, своими human rights, political correctness, sexual harassment до Третьей мировой войны!.. А ты колдун. Знаешь анекдот про мужика, который под собой сук рубит, а, нагнувшись с дерева, ругает предсказателя-прохожего, что тот — колдун... Зато на Готланде, слава Богу, все спокойненько — прохладная жара, ветер кроны сосен шевелит. БОЖЬЯ ЗЕМЛЯ! Налились соком фруктовые ягоды, закончился сезон шведской клубники, нету больше клубники, вы заметили? Скоро будет фестиваль средневекового образа жизни: шуточные турниры, состязания, исконные народные игры, исполнение песни «Оп-ца-ца!». И самое главное, что не орет музыка, как в городской России «от Москвы до самых до окраин», наглая, блатная, пришепетывающая музыка... Вообще здесь музыка не орет, заметили? Ни «рэп», ни другой хрен, вроде, как там это — «рейв», что ли? Не орет — и все. Не иначе как запрещено местными законами... А в Турции, между прочим, тоже орет. Мы там были... А мы были на Кипре, там тоже орет. А вот здесь не орет. Духовой оркестр в порту, музыканты в белых брюках, так это не в счет — встречают корабль, играют «Глори, глори, аллилуйя» и «Янки дудль». Молодые все. Студенты, может, и школьники. Толстая девка в очках и фуражке, как у раннего Жириновского, играет на бейном басы. Что такое «бейный бас»? Прочитай «Самоубийцу» Эрдмана. Там безработный Подсекальников в качестве последней надежды решил выучиться играть на бейном басы. А чем кончилось? Тем и кончилось, что самоубийца остался живым, а коммунист Федя Петунин застрелился. Туда и дорога... Не скажи, если по христианской этике... Здесь тоже кривая самоубийств и вообще... Бергман. Он живет на острове Форе, соединенном с Готландом посредством моста... Не Форе, а Фарё — вот же шведский язык, труднее финского — красиво пишется, трудно произносится. Например, Visby — произносится вовсе не «Висбю», но все-таки и не «Висби», а на конце опять же все же буква типа Ю, типа В-и-с-б-и-Ю, но Ю почти глотается... Рифма: Висбию-Лесбию... Я тоже знаю рифму: Ленин — Сталин... Глупо, как все в мире. Нога болит, растянул связку на велосипеде, у меня вообще с суставами плохо. Ноги мои ноги, как говорил Шукшин в фильме «Калина красная»... А мне рассказывали, что этот мост через Форе-Фарё разрушил личную жизнь Бергмана. Бергман, бывало, поссорится с женой, хлопнет дверью и бегом из дома. Садится в личный автомобиль да к парому, который тогда ходил между островами, а моста не было. Пока парома ждет, остынет и обратно домой. А тут, как построили мост, он сел в машину, взял да и уехал к чертовой матери навсегда... Так он теперь здесь не живет?.. А я откуда знаю? Я, извините, с ним свиней не пас и «Жертвоприношение» не снимал... «Жертвоприношение» — это Тарковский, последняя лента,

это надо знать... А чукча — не читатель, чукча — писатель... Тарковский, кстати, снимал на Фарё. Не на Фарё, а на Готланде... Разницы нет... Большая разница... Разницы нет, по крайней мере для нас. Да и для него теперь — тоже. Тарковский умер в 1986 году... Вот ты говоришь, музыка не орет, а на прошлой неделе был рок-фестиваль, дуло в динамики так, что стекла в доме дрожали. Я вышел — воздух звука в грудь толкает. Бейный бас электрогитары... Так ведь городской праздник был: фестиваль, качели, лакрица. Салют вдруг ударил в 12 часов ночи... Мы думали, город спалят, ничего, обошлось. А красивый, правда, был салют? Феерический фейерверк!.. *Фейерверкический*, ты прав. Ничего подобного не видел. Разрывы высоко, полная иллюзия фантастически обжитого светом пространства. Рунические знаки, соляр, кресты. Вдруг в воздухе вычерчивается крест огромных размеров. Побудет-побудет, огромных размеров, как бы колеблясь, а потом тает и исчезает в сопровождении бейного баса электрогитары и восторженных воплей шведской и интернациональной молодежи... Да-да, а я свой крест на пляже потерял, хороший был крест, серебряный, освященный в церкви около метро «Динамо», где поп на прошлое Вербное воскресенье сказал, что католики и протестанты будут гореть в геенне огненной... А у меня тоже был раз один хороший крест, я жил тогда в гостинице города Гусино-озерск, что в бывшей Бурятской АССР, где теперь избрали депутатом певца Иосифа Кобзона, русского, видите ли, Синатру...

И пошла, как говорится, писать губерния. Кроме серебряного, были кресты из слоновой кости, золотые, бронзовые, медные, латунные, алюминиевые, деревянные. Найденные, оставшиеся от «белогвардейской бабушки», изготовленные «в зоне», подаренные «одним подлецом, но крест есть крест», купленные по внезапной и неясной душевной необходимости у еврея на Манхэттене за десять долларов (приказчик в лавке просил пятнадцать, но старый хозяин внимательно осмотрел взволнованного приезжего русака, зараженного вирусом перестройки, потной рукой сжимающего тощий кошелек, и велел приказчику оценить сделку всего лишь в один американский червонец).

Чудны дела Твои, Господи! Много глупостей было сказано наряду с толковыми вещами. Но подчеркиваю, что ничего нового, интересного, информативного или хотя бы занимательного не услышал я, не узнаете, соответственно, и вы. Ведь не считать же занимательным или информативным, интересным или хотя бы новым следующий рассказ:

— Я ехал сидячим поездом из Ленинграда в Москву, где у меня была жена, а в Ленинграде любовница. Мне к тому времени они надоели уже обе, и я вскоре с одной из них начисто развелся и делил квартиру, а другая собиралась есть таблетки от несчастной любви, но у ней ничего не получилось, и она вышла замуж за инженера, которого тогда посадили, а теперь он весь в бизнесе, крупный воротила, имеет дачу на Канарах или где там все они такие дачи имеют? Вот почему я, едуци в этом сидячем поезде, все присматривался средь бела дня к одной интеллигентной горожанке, девочке лет восемнадцати, путешествовавшей в сопровождении родителей. Да все выходил в тамбур курить демонстративный «Мальборо», который был тогда в дефиците, а я запаса в городе Михайлове Рязанской области на цементном заводе «Спартак», где в магазине был только комбиджир, мятый хлеб и штабеля «Мальборо», остаток от роскоши московской Олимпиады 1980-го, два рубля пачка. Вам сейчас считай что даром, а я тогда получал сто десять рублей в месяц, и это тоже было накладно, хотя я два блока все же купил в запас. Горожанка уже тоже присматривалась ко мне с любопытством, а я (опять же демонстративно!) почитывал «тамиздатскую» книгу писателя Битова, чтобы она «случайно» видела обложку. «Пушкинский дом», издательство «Ардис». Горожанка красивая была, грудастая, черные глаза такие, как маслины, как гречанка. Разрез на платье был, туда спускалась цепочка, и когда девочка случайно наклонилась, то я случайно увидел, что между пышных ее грудей покоится золотой крест. Что-то со мной явно происходило и с ней тоже, и родители ее, очевидно, почувствовали, что уж вовсе начали циркулировать между нами те флюиды, которые означают надвигающуюся любовь. Закряхтели, задвигались, стали бросать косые взгляды, которые называются оценивающими. Ай да дела, думаю, но вдруг просыпаюсь, потому что я в Питере вел не-

потребный образ жизни — лежа в постели, часами крутил включенную «на весь звук» пластинку «На волне моей памяти», музыка композитора Давида Тухманова, обжирался с любовницей мясом и картошкой в ее коммунальной квартире,пил водку да трахался день и ночь, как кролик из журнала «Плейбой», главный редактор Артем Троицкий. Так вот, я просыпаюсь и вижу ужасную картину, мне поначалу совершенно непонятную: родители ее окаменели, не смотрят больше на меня, но я вижу по их каменным шеям, что не смотрят они на меня опять же, извините за повторяющееся выражение, ДЕМОНСТРАТИВНО, нарочито, хотя сами — интеллигенты, очевидно, не меньше, чем во втором поколении, а то и больше. И горожанка — лишь на секунду обернулась ко мне. С мукой глядела на меня моя несостоявшаяся любимая, с которой я при правильном раскладе мог бы делить остатки своих дней, как, например, инженер-ворюга делит их с моей бывшей любовницей, а некий другой козел — с моей бывшей женой. Взглядом просила она меня о чем-то неведомом, как у поэта Александра Блока. Умоляла меня не быть таким, каким я был, есть и буду! Призывала отринуть Телесное, погрузиться в Духовное, как одинокий парус белеет в Черном море. Верила, в отличие от родителей, что я, быть может, и не совсем еще пропащий человек, что Бог поможет мне выкарабкаться, но ее-то силы кончились, еще не начавшись, и она бросает меня, еще не обрета... Проехали город Химки, где у меня украли шапку в 1967 году, проехали Моссельмаш, где живет бродячий проповедник, неофит Горич. Вот она уж и Москва, Ленинградский вокзал с носильщиками-татарами, которые набросились на их роскошный багаж, как львы, а девочка-мечта последний раз наклонилась за своей замшевой сумкой, и я вторично обомлел: креста на ней, в ней, на НИХ (я имею в виду груди, молочные железы по-научному), креста уже нигде не было. Крест этот исчез. Или привиделся мне первоначально, но неизвестно зачем. Или все-таки исчез. А если исчез, то — зачем? Я не знаю. И никто не знает, кроме Него. Но история эта перевернула всю мою жизнь, я практически стал совсем другим человеком, вы видите...

— Видеть-то видим, но ты скажи, что случилось там такое во сне и отчего ты проснулся уже персоной нон грата? — посмеивались все мы.

— Да откуда ж я знаю? Мне кажется, будто я помню, что мне снился чистый, светлый остров с белыми известковыми утесами и желтым песком, соснами, пиниями, фигами, тутовником, руинами храмов, белеющими в ночи, пирсом, молом, чайкой, низко парящей, тот самый остров, где — прохладная жара и ветер кроны сосен шевелит...

— Так тебе снился Готланд? — ахнули мы тогда.

— Да. Готланд. Божья Земля. Тот остров из того сна. Я ведь тотчас узнал этот остров, как только сюда попал... пожалуй, слишком поздно попал... — Он низко опустил голову, но потом резко вздернул подбородок, и его побледневшее лицо говорило о крайней степени волнения, охватившего этого молодого, но уже много испытавшего человека. — Что ж, друзья, признаваться, так до конца. Очевидно, вследствие съеденного и выпитого с любовницей, сон мой закончился кошмаром: остров захватили краснорожие коммунисты, одетые в шлемы викингов, украшенные красными звездами. На танках они утюжили островное пространство, а их желтые подводные лодки с теми же звездами всплывали везде, как грибы в лесу. Меня повели к стенке и велели отречься от Него. Я и отрекся. Но все равно: грянул громовой выстрел, от которого я и проснулся.

— Ну и что?

— А то! — вдруг рассердился он. — Что я скорей всего, извините за ненормативную лексику, пернул во сне! Неужели это нужно объяснять? Неужели непонятно, что это рассказ о том, как Плоть чуть было не победила Дух?

Фу, как все это грубо, не ново, не интересно, не информативно и даже не занимательно в смысле беспорядочных знаний, бесполезных практических сведений о жизни. Молитва всегда лучше. Молитва. В открытое окно заглянет луна, в черном воздухе прощуршит летучая мышь, часы на церковной башне отмерят необходимое количество времени. Молитва лучше. Молитва. Все будет хорошо.

11.3. Сегодня мы говорим: «Больше социализма — значит больше демократии».

«Все более важной задачей,— отмечал на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— становится всемерное совершенствование и обогащение сотрудничества, развитие всесторонних связей с братскими странами социализма, обеспечение их тесного взаимодействия в политической, экономической, идеологической, оборонной и других областях, забота об органическом сочетании национальных и интернациональных интересов всех участников великого содружества».

Мы убеждены в способности социализма решать самые сложные вопросы.

Мы являемся свидетелями нового этапа развития мировой системы социализма, когда Советский Союз не в одиночестве, а сообща с другими социалистическими странами развивает на практике идеи социализма.

Странное это образование — современная КПСС.

В арсенале современной коммунистической прессы особое место занимает журнал «Проблемы мира и социализма» — совместное теоретическое и информационное издание братских партий. Его первый номер вышел более тридцати лет назад, и с тех пор журнал проделал большой путь, став своеобразной летописью развития международного коммунистического движения.

КУДА ИДУТ КОММУНИСТЫ?

В Праге вышел последний номер журнала «Проблемы мира и социализма». В июле 90-го года в особняк на Тхакуровой улице, где три с лишним десятилетия издавался этот коммунистический печатный орган, заселились его прежние владельцы — римско-католические служители.

ДОЛЖНЫ ЛИ КОММУНИСТЫ НЕСТИ АКТИВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОШЛОЕ?

Из развитых демократических государств лишь в США за открыто объявленную принадлежность к компартии можно угодить под суд. Речь, естественно, идет о тех штатах страны, где пока не отменены принятые в период разгула маккартизма реакционные законы. В одном ряду с ними стоят теперь РСФСР и другие наши республики, принявшие по ее примеру антикоммунистические указы.

Были свои «любимчики». На первом месте коммунисты-французы — 24 миллиона долларов за последние 10 лет, потом США — 21,25 млн., финские коммунисты — 16,6 млн., Португалия — 9,5 млн., Израиль — 6,5, Чили — 6, Ливан — 5,2, Индия — 5,1 млн. долларов. «Платить нашим партийным функционерам зарплату ниже трех тысяч долларов в месяц просто негуманно», — откровенничали в своем письме в ЦК КПСС израильские коммунисты.

Чтобы обеспечить безбедное существование «борцов за идею» за рубежом, был создан специальный международный фонд. Формально он существовал на взносы партий Восточной Европы, но участие в фонде наших товарищей по соцлагерю было минимальным, их совместных усилий еле-еле хватало примерно на два с половиной миллиона долларов в год. Зато КПСС действовала с размахом: ее ежегодный вклад в общую партийную копилку составлял от пятнадцати с половиной до двадцати двух миллионов. Деньги эти по решению Политбюро изымались из Госбанка СССР и передавались на хранение во Внешэкономбанк.

АФРИКАНЦЫ ТОЖЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ КОММУНИЗМА

Особенно большие суммы греческим коммунистам стали поступать в разгар перестройки. 1987 год был для Коммунистической партии Греции «золотым годом» — 2 млн. 400 тыс. долларов!

В 1990 году, когда наш народ уже сам получал массивованную гуманитарную помощь, Политбюро тем не менее опять обязало правление Госбанка СССР (Герашенко В.) выдать Фалину В. М., заведующему Международным отделом ЦК КПСС, 22 млн. долларов на «специальные цели».

Только 2 млн. долларов, отправленных в феврале 1990 г. для КП США, остались непередаваемыми. По одной из версий из-за того, что Г. Холл стал критиковать М. Горбачева за отход от марксизма-ленинизма. Вот почему живущий ныне в Германии Валентин Фалин сказал в интервью немецкому еженедельнику «Штерн»: «На суд я пойду вместе с Горбачевым».

Суд.. Суд.. Судья — коммунист, подсудимый — коммунист, прокурор — коммунист, адвокат — коммунист. Кого судим, товарищи? Коммунистов, барин!

С КОМПРИВЕТОМ, ГОСПОДА!

Глава XII. ИСТОРИЯ С ФИНЛЯНДИЕЙ, КАК...

12.1. — А-а, вот ты где... Я-то тебя сразу узнала, хоть оплешивел ты, обрюзг, прямо надо сказать. Наверное, так и прожил все эти годы, не занимаясь спортом? Фу, джином от тебя разит, как из бочки...

Безобразов молчал. Перед ним стояла она, по прозвищу Пловчиха, а имени ее он никогда не знал, а может, и знал, но забыл это имя, он многое в жизни забыл или пытался забыть.

— А ты здесь что делаешь? — почти грубо спросил он.

— А я здесь живу. То есть не здесь, я замужем в Эстонии, приехала on vacation, без визы, мы ведь теперь почти тоже, считай, страна НАТО, будем скоро против вас воевать, ха-ха-ха... А правда, что тебя при коммунистах посадили, мне кто-то рассказывал?

— Ерунда, были кое-какие неприятности, так они у всех были.

— Хорошие у тебя башмаки.

— Хорошие.

Помолчали. Замолчали. Она тоже стала раздеваться. Сняла для начала темные эти свои очки, в брючном костюме она еще была, так тоже сняла. Белье тонкое, французское сняла, вовсе не стесняясь Безобразова, его телесного присутствия. Мелькнул рыжий ее пах, и он вспомнил все.

12.2.

Над темной молчаливою Державой

Какое одиночество парить.

Завидую тебе, орел двуглавый,

Ты можешь сам с собой поговорить.

А. Вознесенский. Альманах

«Метрополь».

М., 1979

Лежа на готландском берегу близ города Висбю, где скалы нависли над морем и солнце загружается в пучину, слепя глаза, а на горизонте контрастно бликует одинокий парус, я вдруг увидел средних размеров неизвестную птицу, которая, паря в шведских небесах, отличалась от всех других знакомых мне птиц лишь тем, что у нее было две головы, и головы эти беседовали друг с другом по-русски. Клянусь, что водки я в тот день не пил. И не судите меня, но я почему-то отчетливо слышал все, доносящееся с этих небес, будто птица жила рядом со мной или даже во мне...

— Вы про Финляндию если и знаете, то лишь всякие глупости, которые я вам не советую повторять, особенно в Скандинавии, где вашу некомпетентность мигом выведут на чистую воду. Нет в Финляндии сухого закона! Вы понимаете? Нет. И финская баня вовсе не обязательно является баней сухого пара, это придумали партийные любители советских закрытых «саун». И вранье, что финская марка неконвертируема. Очень даже она конвертируема, дай бы Бог нам с вами так конвертироваться, а то мы с вами, извините за грубость, выгляди́м, как...

Так сказала одна голова, а другая ей ответила:

— Теперь, когда у нас расцвела заря свободы и неокрепшей демократии во главе с Борисом Николаевичем и Владимиром Владимировичем, чем вы можете объяснить широкой публике тот постыдный факт, что Финляндия выдавала советских беглецов через границу, как...

— Ну, вы себя ведете прямо, как тот коммунист, которому с утра доложили, что есть Бог, он к вечеру направился в церковь, а на следующий день уже яростно громит тех, кто вчера в церкви не был. Это я к тому, что не хрен спихивать на Финляндию свое свинство, заключавшееся в том, что и в самой Совдепии почти никто и не возникал тогда против властей за исключением тех, о ком мы можем прочесть в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Сама лично я отказалась подписать протест против высылки в Горький академика Сахарова, мотивируя это для себя тем, что в противном случае не смогу ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО. Скорей всего тут даже не трусость, а печальное осознание неизбежности хода вещей и что борьба титанов происходит или там наверху, или в открытом море за волнорезом. В чем, кстати, есть доля истины. А может, и вся истина, если рассматривать ее с низкой точки зрения отдельного взятого человека, а не с высот Истории или, упаси Господь, Государства — демократического или тоталитарного — не суть важно. Так и Финляндия. Пять веков под руководством Швеции, век под руководством России кого угодно хоть чему-нибудь да научат. Ленин не сдуру отпустил Финляндию на волю в последний день семнадцатого года, и Сталин не спяну ляпнул потом, что это было «отсоединение для воссоединения». Как коша с мышей хотели играть, да того не заметили, что, как в страшном сне, уж и не мыша тут вовсе, а — неведомый зверь, которому тут же дали прозвище «белофинн», но было уже поздно, так как...

— Что «поздно»? Как?

— Все. Рубеж был пройден, и красное хулиганство в Финляндии не прошло, потому что там нашелся маршал Маннергейм, а в России такового маршала не нашлось, и все поехало в сторону Советского Союза, как...

— Это... это слишком легкое объяснение, даже обидно, когда трагедии народов облекаются вами в формы такого обильного словоизвержения! Не «красное хулиганство», а половина, между прочим, населения сражалась друг с другом... 800 000 на 800 000 бились, и если бы не немцы, то еще неизвестно, чем бы у финнов дело закончилось. Ведь могло бы закончиться подобно тому в России как, как...

— Не удержусь заметить, что у нас зато полная определенность была, считай, семьдесят лет. А в Финляндии все было, как есть, и есть, как было. Вот если бы все другие страны так же «живот свой клали» за себя и клали хрен — на всякую ЧУЖУЮ идею, вот тогда всем стало бы хорошо. А немцы, что немцы? Немцы — это третья сила всегда, но немцы тоже дураки, вроде нас... Ленин на немецкие деньги устроил всю эту заваруху, а в результате все обернулось против тех же немцев. Товарищ Гитлер, товарищ Сталин... Товарищи поссорились у свиного корыта, а у хлопцев всей земли чубы затрещали... Ну, а советско-финляндская, то есть «зимняя», война — это вообще подлость, направленная за советскую власть против Финляндии и тех российских людей, которые в результате стали трупами, не дожидаясь войны Второй мировой. Финны ведь явно НЕ ХОТЕЛИ, здесь не надо «советологов», возьмем отдельно взятую газету «Правда» за тридцать девятый год, там все грамотно написано и вовсе не между строк. Финны предлагают разобраться с «инцидентом на границе», который им шьет Молотов, Сталин расторгает договор и бомбит Хельсинки. Пролетарии всех стран, соединяйтесь: товарищ Отто Вильгельмович Куусинен тут как тут. Со-

здает, понимаешь, в Териоках, которые нынче расположены в Ленинградской области со столицей в городе Санкт-Петербурге, правительство Финляндской, видите ли, Демократической Республики, состоящей из него самого и «группы товарищей», которым «старший брат» тут же приходит на помощь. С тех пор, что ли, в Финляндии этот анекдот про лесоруба на границе? На лесоруба падает дерево, но орать «Помогите» он не может: Красная Армия на выручку придет. Red Army... А про товарища Куусинена газета «Правда» уж ничего больше не пишет, равно как и про возглавляемую им «Финляндскую Демократическую Республику». Сгинули, как нечисть на заре... Товарищ Куусинен, правда, потом стал начальником русских коммунистов, как некогда господин Синебрюхов — начальником финского пива. Улица Куусинена в Москве до сих пор есть, а улицы Синебрюхова в Хельсинки до сих пор нету. Досадное упущение с обеих сторон, как...

— Да потому что — империя. Империя должна крепить и крепиться, как...

— После чего ей необходимо просрать, как нам с вами. По русскому алфавиту: Англия — не империя, Германия — не империя, Голландия — не империя, Испания — не империя, Португалия — не империя, Франция — не империя, Швеция — не империя. Просрались, ну и хорошо! Заново живут себе-поживают, чай-кофий пьют, а кто хочет — виски, джин, пиво, шнапс, водку. Интересно, кто следующий. Интересно, как...

— Куда, как...

— На выход с вещами, как...

— Да нет, не прохилиют у вас эти цинические штучки. Против того факта, что Финляндия с Гитлером напали на Советский Союз, никак не попрешь, как...

— Я понимаю, что вы хотели бы, чтобы Германия с Советским Союзом напали на Финляндию, как...

— Как? Как? Как?

— Как на Польшу, Латвию, Эстонию, Литву... Совместный парад в Бресте в тридцать девятом году. Хайль Гитлер — зиг Сталин! Потом — Чехословакия, Англия, Франция... Лишь потом — кто бы мог подумать! — запели «Вставай, страна огромная!» Как...

— Вы... вы... Это — святое, как... как... как...

— Вот и я говорю. Финны воевали-воевали с нами, и даже был один героический случай, когда немецкий отряд заблудился в скалах, и к ним на выручку прибыли финские коллеги, которые всех их спасли. «Как ваше имя, мой благородный друг?» — спросил старый вояка Отто Лили Марлен финского офицера. «Зачем вам это?» — удивился тот. «Как? Фюрер, очевидно, вручит вам награду за ваш героический подвиг во имя Великой Германии...» «Вряд ли. Меня зовут лейтенант Рабинович», — засмеявшись, ответил ему храбрый финский воин по-немецки, но с тем самым характерным акцентом, который, как... И еще — в Лапландии, когда шли военные действия, то местные жители очень хорошо вели торговлю с войсками, продавая грозным пришельцам битую птицу — рябчиков, глухарей. Но все кончается в мире — кончилась битая птица. Тогда находчивые охотники стали продавать союзникам битых ворон, галок, воробьев, после чего кончилась война со Сталиным и началась война с Гитлером, которого финская армия постепенно выселила в Норвегию. Сорок четвертый год. Финский президент Рюти пообещал Адольфу, что будет погибать с ним до конца, но вскоре вышел в отставку, нарочито не подписав с немцами никаких документов, а Маннергейм сказал: «То, что наделал этот Рюти, меня не касается, так как...» А Кекконен и со Сталиным, и с Хрущевым, и с Брежневым керосинил. Бывало, нахлещутся, как...

— Мне просто лень опровергать то, что вы плетете... Мою точку зрения вы можете прочитать в «Большой советской энциклопедии», т. 27 «Ульяновск — Франкфорт», Москва, 1977 год издания. Эта точка зрения известна, как...

— Но ведь советская власть вроде кончилась. Или как?

— Нет, дорогуша! Советская власть кончилась, зато империя осталась, и мы всем еще покажем кузькину мать, как только объединимся с настоящими друзьями России — Слободаном Коммунист Милошевичем, Александром Колхоз Лукашенко, Саддамом Химия Хуссейном. Мы еще покажем миру где раки зимуют и как...

— Я вроде слышала, что Милошевича собираются судить, а Лукашенко с двадцатого августа тысяча девятьсот девяносто девятого правит незаконно, исчерпав пятилетний срок, определенный ему для президентских действий. Многотысячная демонстрация в Минске была, и в Белграде оппозиция требует того же, что оппозиция в Минске и оппозиция в Багдаде, как...

— Это — не что иное, как враждебная пропаганда Запада, смыкающего кольцо, которой вы поддались с непонятной для меня поспешностью и явным удовольствием, как...

— И все-таки послушайте меня. Колосс на глиняных ногах рано или поздно рухнет, тем более когда тулово у него — железобетонное. Лучше раньше, да лучше. Раньше — лучше, потому что меньше боли. Потому что основная цель человечества — меньше боли, а не драгн нах ост, вест и далее по компасу. А если колосс рухнет аккуратно и возникнут новые российские государства, штук пять, а то и двадцать, может, наконец, и русские станут тихо-мирно жить-поживать да добра наживать, а не тратить добро и жизненные соки неизвестно на что. Конечно, и между ними может быть «мелкосемейное», но ведь деревенская драка лучше атомной войны, или вы по-другому считаете? Как?

— Империя! Россия! Это — все наше, это все, как...

— Россия, но не империя! Империя более невозможна. Огромные, грязно обжитые пространства более невозможны, и жить там счастливо людям будет нельзя никогда. И нечего кивать на Америку, на ее процветание. Во-первых, Америка — это интернациональная модель мирного мира, где, как писал местный американский житель Колдуэлл, полным-полно шведов, а также (по алфавиту) англичан, болгар, венесуэльцев, гренландцев, датчан, евреев, жизнелюбов, заирцев, ирландцев, китайцев, ливанцев, марокканцев, москвичей, немцев, организаторов, поляков, русских, сицилийцев, турок, угандийцев, финнов, халдеев, церемониальцев, чехов, швейцарцев и так далее. И одновременно никого из вышеуказанных там нет, потому что в Америке мирно сосуществует сама с собой лишь одна нация — американцы. То есть, получается, просто люди. Любые люди. Ну, а во-вторых, даже такая хорошая Америка, похоже, сходит на быстром ходу с ума от своего величия. Тут тебе и сексуальная озабоченность, тут тебе и курить нигде нельзя, а надо бегать джоггингом, да political correctness, да всякие меньшинства не трожь, если сам не хочешь оказаться в меньшинстве и изоляции от денег. Государство «за» становится государством «против», как только начинает утверждать, что лучше простого человека знает, лучше как. Государство противно любому человеку, как...

— Все это мне слышать от вас отнюдь не ново, а скучно. Мы заговорили о Финляндии, я думала обогатит себя какими-нибудь знаниями об этой стране или просто послушать занятные истории о нравах экзотических ее обитателей, а вместо этого вы опять пропагандируете среди меня весь этот анархически-монархический бред, от которого у патриотов вянут уши на радость космополитам, которые, как...

— Мое сердце действительно завоевано Финляндией, и я считаю, что это главная ее победа, потому что птицы, как люди, живут на Земле один раз. В подвале — хтонические силы скопились, как взрывоопасный газ. Люди обитают на первом этаже, выше — лязг, грохот, война, еще выше мы с вами парим, над нами — лишь облака, вечность да Господь Бог. История с Финляндией, как «С нами Бог». В том смысле, что будущее — за хитрым финским кулацким сознанием с его специфическим ощущением истории, ощущением своего уникального пребывания в ней и способностью лавировать в пространстве и времени, как... Отвалите от меня с вашими «глобальными проблемами», дайте и мне пожить в собственное удовольствие, а не то ведь укушу, как тот неведомый зверь, — разве этот девиз человека не годится для народов? Так что благослови, Господи, страну Финляндию, ее поля, пастбища, скалы, реки, озера, буржуев, кулаков, пролетариев, цыган и феминисток. Благослови! Но и Россию не забывай, добрый наш милый Господи! Ведь Россия — всегда будет великая страна, сколько бы ни было в мире России. Лично я не менее вас уверена, что Россию по-прежнему ждет не дождется доброе будущее, и тот, кто в этом сомневается, выглядит в моих глазах таким же удаком, как...

— А вот здесь я с вами, наконец, буду согласна, даром, что вы бранитесь, попирая традиционную русскую нравственность, просто прямо как... Ой, нас, кажется, подслушивают. Этот тип явно русский, видите, он выглядит, как...

Как! Неизвестная птица, спикировав, какнула в очередной раз, но теперь уже непосредственно на меня. Глупая птица! Нездоровое любопытство! Обосранный я! И — о, этот готландский берег в Висбю, где скалы нависли над морем, и солнце загружается в пучину, слепя глаза, а на горизонте контрастно бликует одинокий парус! Я никогда не забуду тебя, Готланд, но мне непонятно, как попала в твои небеса эта двуглавая птица. В отпуск, что ли, прилетела из Кремля, как «новый русский» на Канары? А водки я в тот день действительно не пил, граждане свободной России с ее неокрепшей демократией. Я водки на Готланде вообще никогда не пил. Двадцать пять долларов, граждане, стоит на Готланде средних размеров бутылка водки, и зачем мне такая бутылка, если завтра я отправляюсь в Москву, где пьянство обходится в 7 раз дешевле, чем в Швеции и Финляндии вместе взятых, а жизнь вообще ничего не стоит. Грустно: все люди давно заняли свои места в пространстве и времени, один я куда-то все время скольжу, как...

12.3. «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес! Хонеккер родной», — пел Безобразов.

Агентство «Рейтер» сообщило в ноябре 1991-го о решении российского правительства выдворить Хонеккера со своей территории.

Эрих Хонеккер пишет президенту СССР: «Я вернусь в Германию только в гробу».

Ким Ир Сен приглашает Эриха Хонеккера на лечение в КНДР.

Джохар Дудаев готов предоставить политическое убежище Эриху Хонеккеру.

Эрих Хонеккер продолжает находиться в резиденции Посла Чили в СССР.

Хонеккер не останется навсегда в Москве, считает министр юстиции Германии.

Россия не может быть ответчиком в деле Хонеккера.

Российское правительство не возражает против помещения Эриха Хонеккера на обследование в Боткинскую больницу.

Судебный процесс над Хонеккером вообще не состоится в случае его смертельного заболевания.

Эрих Хонеккер вернулся в чилийское посольство.

В Боткинской больнице его признали фактически здоровым.

В деле Хонеккера нельзя оставлять без внимания внутривнутриполитическую обстановку в России.

Правительство России обратилось к руководству Чили с призывом выдворить Эриха Хонеккера с территории чилийского посольства в Москве.

Чилийское правительство опровергло сообщение о намерении выдать Хонеккера германским властям.

«В настоящее время нет никаких оснований для судебного преследования Хонеккера», — считает немецкий юрист.

Берлинская прокуратура предъявила Хонеккеру вместе с другими бывшими руководителями ГДР обвинение в связи с убийствами на внутри-германской границе.

Хонеккер не может без согласия Бонна прибыть в Чили.

Москва, Пхеньян или Берлин — дальнейшая судьба Хонеккера по-прежнему неясна.

Правительство ФРГ требует немедленной выдачи Хонеккера.

Один из руководителей Финляндии в годы войны сотрудничал с советской разведкой.

Оппозиция в Чечне захватила радио и телевидение.

Судьба Хонеккера вновь обсуждалась в Москве.

Правительство Чили предложило использовать пакт ООН для решения «проблемы Хонеккера».

Российский суд может не принять иск Хонеккера о пересмотре решения относительно его высылки из страны.

Хонеккер не желает возвращаться в Германию.

Эрику Хонеккеру предъявлено обвинение в злоупотреблении доверием и растратах.

Супруга бывшего руководителя ГДР заявила, что она и Эрик Хонеккер хотели бы вернуться в Германию, но остались бы и в России.

Джохар Дудаев отказался подтвердить или опровергнуть версию о готовящемся побеге Хонеккера из посольства, который, по утверждению немецкой газеты «Бильд», был организован правительством Чечни.

Чилийское посольство опасается самоубийства Эрика Хонеккера.

Правительство ФРГ не может обещать Хонеккеру, что ему не придется находиться под стражей, если он вернется в Германию.

Хонеккер согласился покинуть Посольство Чили в Москве.

Во второй половине дня Хонеккер покинет Посольство Чили и будет возвращен в Германию.

Эрик Хонеккер на пути в Германию.

«Он бежал из Германии в Москву в марте 1991 года на военном самолете с одной из советских баз, где скрывался от германского правосудия. Он стал гостем Михаила Горбачева. В то время как товарищ или гражданин Хонеккер прибывает в тюрьму, его товарищ и партнер по поцелуям Михаил Сергеевич Горбачев получает почетное звание почетного гражданина города Берлина», — сообщают КУРАНТЫ. Среди льгот, положенных обладателю такого звания, бесплатный проезд на транспорте и, извините, бесплатное место на берлинском кладбище.

Рейган, Коль и Горбачев — почетные граждане Берлина.

Михаил Горбачев считает Хонеккера виноватым.

Михаил Горбачев считает, что «Хонеккера нужно оставить в покое».

Во внутреннем дворе чилийского посольства Хонеккер сжал пальцы в кулак: «Рот фронт!»

Хонеккер содержится в следственной тюрьме Моабит.

Предали руководителей Чехословакии, Польши, Болгарии, арабского мира... А с Югославией что творится!

Хонеккер намерен посадить на скамью подсудимых всех бывших советских руководителей.

Эрик Хонеккер получает теперь пенсию по старости. Очевидно, она составляет 700—800 немецких марок.

Выяснилось, что по состоянию своего здоровья он может содержаться под стражей.

«Ему осталось жить не более полутора лет»,— говорят врачи.

Хонеккер предстал перед судом. Большинство граждан ФРГ убеждено, что суд над Эриком Хонеккером — справедливый правовой акт.

Прекращение суда над Хонеккером было бы великодушным, считает Президент Казахстана.

Эрик Хонеккер покинул берлинскую тюрьму Моабит.

Большинство немцев недовольно освобождением Хонеккера из тюрьмы.

Большинство граждан Германии убеждено, что «он знал слишком много».

Протестуют родственники погибших на германо-германской границе.

14 декабря 1993 года: на борту бразильского самолета Хонеккер покинул Германию.

Отвечая на вопросы о возможности прогнозирования и предотвращения путча в августе 1991 года, о котором Горбачева предупреждали неоднократно, экс-президент СССР подчеркнул: «Я знал, что путч обречен, и поэтому я был убежден: тот, кто мог бы пойти на этот переворот, не пойдет на это...»

Российский юрист сказал: «Хонеккер, Живков и все другие лидеры восточноевропейских стран по сравнению с нашими — просто святые. На самом деле давно нужно спросить, почему бывшие партийные функционеры в нашей стране не привлекаются к ответственности».

КОГО СПРОСИТЬ? Русь, что ли? Так она, как известно, не дает ответа.

Глава XIII. КЛАДБИЩЕ ГОРОДА ВИСБЮ

13.1. ДА ЧТО ЖЕ ЭТО ОН ОПЯТЬ-ТО ВСПОМНИЛ? А вспомнил Безобразов, что однажды напился пьян и стал нагло, дерзко глядеть, вернее — ГЛАЗЕТЬ в эти окошки, которые тут же погасли, и он чувствовал, что на этот раз ЕГО ИЗУЧАЮТ. Он стал делать приглашающие к себе, малопрстойные жесты, но окна молчали. Одино-

кий г-н Безобразов выскочил на улицу, подошел к соседнему общежитию и стал бросать в упомянутое окно мелкие камешки. Внезапно он увидел, что по пожарной лестнице спускается какое-то ловкое, мускулистое, но явно женское существо.

— А, это ты,— только и сказала незнакомка, в дальнейшем — Пловчиха.

— Это я,— сказал он,— пошли ко мне, посмотришь, как я живу.

— Да я все про тебя знаю. Ты ведь меня звал, да?

— Конечно, тебя,— соврал он.

— Конечно, врешь, да? — уточняла она.

Так они и стали, как это раньше называлось в совершенно определенном смысле, «жить». То есть она приходила к нему, они трахались, она уходила. Она была у него практически ПЕРВАЯ, она действительно была мастером спорта по плаванию и, кроме того, передвигалась с аквалангом по каким-то там подземным пещерным озерам. С ней особенно не о чем было говорить, но Безобразову нравились их отношения. У нее был ключ от его комнаты, и однажды она смея ради запустила ему в комнату живого петуха, после чего явилась к нему с подружками похихикать. Обозлившись на глупую шутку, в результате которой петух обделал всю его комнату, Безобразов петуха задушил и в момент прихода подружек варил из него густой суп. Незваных гостей он не пустил, супом не угостил, сказал, что занят. Но расстались они не из-за этого, а из-за какого-то другого пустяка. То есть одинокий г-н Безобразов отлично помнил, из-за какого именно пустяка они расстались, но вспоминать не желал, потому что это и была та самая его мечта — о том, о чем не должен знать никто... Так-то они, я же говорю, трахались направо, ко взаимному удовольствию, в разнообразных позах, а тут ее как заклинило. «Этого никогда не будет, это неспортивно, негигиенично», — не раз и не два защищалась она. «Дура! — не раз и не два злился он, весь располосованный ее острыми ногтями.— Пошла вон, дура, чистюля, пловчиха!» — кричал он, а потом однажды уехал из этого общежития, вообще уехал из города К., стоявшего на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан.

13.2.— Все обстояло следующим образом,— сказала она.— Первым поселенцем острова был легендарный Шелвар, по-шведски пишется Tjelvar, по-английски Thjelvar...

— Да, именно так назывался паром, на котором мы прибыли сюда. Вижу — написано в рекламном «Welcome on a board our ships»: M/S THJELVAR, а на борту: TJELVAR. Все хотел вас спросить — что это за, тьфу, никак не могу выговорить. Что это за... Трэжер и зачем пишется по-разному? Теперь понятно.

— Первый поселенец, Готландский, можно сказать, Прометей. Дело в том, что Готланд, согласно легенде, находился под водой...

— Да, я знаю, в путеводителе написано, что остров поднимался и поднимается над уровнем моря на несколько миллиметров в год. Там, где средневековая крепостная стена непосредственно шла вдоль воды, теперь — суша, а некогда причаливали корабли к причалам, для которых были сделаны бесчисленные ворота в городской стене, то есть не бесчисленные, но много. К тому же известняки, силурийские известняки, основная скальная порода острова. Каждый Образованный Студент Должен Курить Папиросы. Ты, Юра, Мал, Подожди Немного.

— Это что?

— Это мы так в институте заучивали названия геологических эпох. Кембрий, Ордовик, Силур, Девон, Карбон, Пермь, Триас, Юра, Мел, Палеоген, Неоген.

— Согласно легенде, остров ночью, когда было темно, находился под водой и показывался на поверхности лишь с первыми лучами солнца...

— Да. Шелвар. Вот, слушайте, перевожу с английского: THJELVAR построен в 1981-м на верфях Вяртсиля в Хельсинки, Финляндия. Отремонтирован в 1997-м. Магазины, ресторан, кафе и широкоэкранный видеозал. Длина — 141 метр, ширина — 22, скорость — 19 knots. Что это такое «knots»? В единственном числе, наверное, knot?

— Узел.

— Какой узел? Миля?

— Нет, это что-то другое, чем милья. Но тоже что-то такое морское...

— Стало быть, скорость 19 невыясненных морских узлов, пассажирская способность — 1500, кают — 79, коек — 316, пассажирских автомобилей способность — 450, trailer metres — 1110. Не может быть, чтоб в него входила тысяча с лишним трейлеров.

— Наверно, trailer в этом контексте — прицеп?..

— Зачем же на 450 автомобилей планировать 1110 прицепов? Нет, тут что-то не то. Ладно, черт с ним, путеводителем... Значит, Шелвар — это Прометей? Откуда же он украл огонь?

— Об этом ничего не говорится. Сказано, что он принес на Готланд огонь, и когда мир погружался во тьму, остров в воду уже более не погружался. От Шелвара все и пошло. У него было три сына...

— Да. И он разделил между ними остров так, что это административное деление остается до сих пор: Север, Юг, Восток и Запад... Я знаю, я читал, но только я не знал, что это и есть тот самый Шелвар, о котором написано на корабле. Там еще это... да... еще в путеводителе. Шелварова могила в форме ладьи. Tjelvar grave — в английском путеводителе было написано именно Tjelvar, а не Thjelvar, как положено. Tjelvar grave — ship-setting in Boge. Корабельная ограда в Боге. Это где, Бог?

— Чуть южнее Слита.

— Понятно. Датируется поздней Бронзовой эрой. Соответственно легенде, Шелвар упоминался в Gutasaga — понятно, сага. Был островной первый житель. Жил на Шелдеровской ферме и был похоронен в ship-setting. O'key!

«Интересно, он только прикидывается идиотом или нет?» — мельком подумала она и сказала:

— Хорошо. Дальше — спасибо за компанию, и, прошу прощения, вам придется гулять одному. У меня сегодня еще три экскурсии по городу. Как пел Булат Шалвович Окуджава — работа есть работа.

— Работа есть всегда! — смеясь, подхватил он. — Звериный оскал капитализма, эксплуатация прав человека, доживает ли Советский Союз до 1984 года? Это вам спасибо, что бы я без вас здесь делал...

«Добрая улыбка блуждала по лицу идиота, — думал он, поднимаясь в гору. — Булат Шалвович... Живет одна среди шведов? Зачем? Почему? Экскурсии. По городу. Katia Sherman: English-language guid. Тема докторской диссертации: «Остров Готланд и современная русская литература». А что, перспективная, актуальная тема, товарищи!

*В Готланде народу много,
Шведов много, русских нет, русских нет.
Там, скажу я вам по чести,
Жил я словно Магомет.*

Катя. Чушь. Катя есть Катарина, по-шведски — Карин, по-фински — Катри. Существительное «англыязычные» — нет такого слова в словаре. А может, есть? «Русскоязычные» — тоже нету или все-таки есть? На Западе все ясно, известно и понятно — в позднюю Бронзовую эру тов. Шелвар принес огонь людям. Зато у нас везде, куда ни сунься, — психологическая проза читающей страны, хуже чушь, чем как я сейчас накручиваю... Бронзовой эры геенные зоны... На Западе — секс, у русских — Любовь (Орлова). А если кто русский оказался на Западе навсегда, то это будет секс или любовь? Лю=бо=у=ув!.. Нет уж, пускай лучше Запад РОМАНТИЗИРУЕТСЯ! Эй, друг? А ты записался добровольцем, чтоб честным пирком да за свадебку? «Оп-ца-ца! Оп-ца-ца!» — так пели в трактире студенты припев старинной шведской песни. Пе-пе-пе-сни... «Viking safe». Студенты, они же — официанты, они же — исполнители «старинной готландской музыки», они же — фокусники и глотатели живого огня независимо от пола. Что паренек с серьгой в ухе, что девушка в средневековой хламиде: глотают, мля, и не поперхнутся, выдувая из организма огненные шары. Вредно, наверное, для организма... «НА ТАК НАЗЫВАЕМОМ “БОЖЬЕМ” ОСТРОВЕ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫЕ ШВЕДСКИЕ ТРУДЯЩИЕСЯ ВЫНУЖДЕННЫ ГЛО-

ТАТЬ БЕНЗИН И ВЫДУВАТЬ ЕГО В ФОРМЕ ОГНЕННЫХ ШАРОВ НА ПОТЕХУ СЫТЫМ АПЛОДИРУЮЩИМ БУРЖУЯМ». Высоцкий: «*Та-ра какой-то там грузин, /Так тот вообще глотал бензин. /А я же ведь не пью один. /Где деньги, Зин?*»

Длинная стена, сложенная из плиток все того же силурийского известняка, вела в никуда. Он шел и шел вдоль стены, тщетно любопытствуя — что там? Что еще готовится ему в подарок, залетной птице, на этом острове, который по ночам погружался в воду?

Вскоре любопытство его было удовлетворено. Полуоткрытая ковая черная калитка уже ничего не скрывала. Он толкнул калитку и оказался на кладбище. Да, на кладбище, городском кладбище города Висбю. Почему бы ему там, спрашивается, было не оказаться, если он поднялся в гору, а на горе покоилось кладбище? Кладбище города Visby, Gotland, Sweden.

VANJA LERMAN

«Надо же, только дверь открыл — и тут же Ваня. Да еще Лерман. Сам я, что ль, гримасы мира навлекаю на себя?»

KNUT H. LANDBERG

13.11.1900 — 3.9.1982

HANS MAKA GERDA

16.12.1902 — 18.11.1986

То есть скорее всего Герда — это жена Кнута. Младше на два года, а пережила — на четыре. Старички. Шведские бодрые старички. В 82-м наш развалина Брежнев концы отдал, почему так рано, почему в 86-м загудел осиный улей, перестройка началась?.. HANS MAKA — странное имя для шведки... Родились, когда в Швецию еще входила Норвегия, а Японская война еще не началась, и Ленин был такой молодой, что женился на Наденьке. В Минусинске в церкви венчались, безбожники! Или тогда, может, еще верили? А может, и всегда? Надюша по крайней мере как баба... 1900, 1902... Стиль модерн, но Швеция уже тогда НИ С КЕМ НЕ ВОЕВАЛА! А вот и

OLAF PERSON

1905—1981

Не иначе как был морячок просоленный — штурвал на могиле, круг, в который вписан крест. Крест. Все — христиане. Мы тоже — христиане, только Бога забыли, а Он нас — нет. Могилки здесь без ограды, не то что у нас в стране — частная собственность, огорожено, возьми хоть в Кузьминках, хоть в Красноярске, хоть в любой деревне на погосте. Кладбищенский социализм шведский... А у нас-то как же разрешили большевики, чтоб была собственная частность хоть и на кладбище? Вот то-то и оно, что как смерть, так у всех руки коротки...

SADELMAKARE

WERNER JONSON

16.9.1911—23.7.1983

Вот так имя, вот так имяще — Садель да еще и Макар. Василию Макаровичу Шукшину в этом году исполнилось бы 70 лет, коли он жив был бы. Ан нет его! Сколько тогда ему было, в 74-м? 1) 1999–70=1929. 2) 1974–1929=45. Бог ты мой! Мальчишка! Пацан! Я и то уже СТАРШЕ его сейчас на ВОСЕМЬ лет, а ведь был МОЛОЖЕ на СЕМНАДЦАТЬ (1946—1929)! О, Боже мой, как жизнь уходит, как песок в воду, как «Титаник» в океан, как соловей в лето... Как! Как! Как! А, впрочем, Садельмакар — это, поди, должность какая-нибудь шведская вроде ШАХЕРМАХЕРА. Загонят тебя туда, куда САДЕЛЬ-МАКАР телят не гонял... И памятники — не такие, как у нас взгрохивают (кто во что горазд, каждый богатый другого перещеголять старается, бандиты — вообще), а скромные вертикальные плитки, жаль, рулетки нету измерить для беллетристической точности, чтоб потом рассказывать о шведской скромности, не скупости же...

RUTH FREDIN
17.10.1915—9.2.1983

Очень интересно! Как же все-таки им удалось, чтобы не было ЭТОЙ проблемы даже в мозгах? Ведь я на что как бы всемерно — ВНЕ, но ведь все-таки обратил внимание НА... Гриша Фрейдин (Стэнфордский университет, USA) недавно по Радио Россия выступал в виде цитаты про Интернет... Гриша давно уехал, и он теперь, поди, уже цельный американец на «еи» с русскою душою демократа. А в 83-м кто у нас правил? Андропка или уже КУЧЕР — К. У. ЧЕР(НЕН-КО)? В 15-м империалистическая бойня уже везде бушевала, но только не в Швеции, и — молодцы шведы, так держать, пока не началась Третья мировая война...

ARTHUR HAUQUISTS
FAMILJEGRAV
DOTTORN MARGARETA
1955—1982

Бог ты мой! А эта — была когда-то моложе меня на СЕМЬ, а теперь я ее старше уже на ШЕСТНАДЦАТЬ. Родилась, когда у нас Никита всю страну курузой засеял и разоблачил «антипартийную группу», а в Швеции шла чинная политическая борьба, выработка «моделей», и цветы так же чинно на окошках в Висбю стояли, как на витрине, только лучше. GRAV — это ведь не иначе английское GRAVE, сиречь — могила. Семейная могила. Я что-то по-шведски стал понимать, все — братья, все от Адама и Евы. Бедная Маргарита, что привело тебя сюда из той реальности, где забыли про войну? Мотоцикл (о, силурийский известняк, скалы, где ездить нельзя без шлема, говорили же)? Или несчастная любовь с летальным исходом? Или-или, как написал земля-скандинав **Киркегард**, или просто, как простые люди говорят — Господь прибрал. Нет, не кощунствую, что вы! Печален и строг, жалко Маргариту, и жалко вас, себя. Жалко всех. Без исключения. Исключения.

ERIK SALIOMONSSON
1908—1978

Просто камень морской плоский, поставленный «на попа». Фу, как грубо — «на попа»! Грубый камень морской плоский, поставленный именно «на попа», а то как же еще — вертикально, что ль? ERIK, ERIK! Бедный Эрик, закончивший дни свои, когда мы с товарищами ладили альманах «Метрополь», обязательно расскажу о тебе, дай Бог, другу Салимону Володе поэту, и выпьем с ним за упокой твоей души, раз уж так все случилось, и взгрустнем, рассуждая, кто больше любит своих мертвецов — русские или все другие народы? .

CARL-IVAN YNSTROM
1904—1981

Ну, уж это — вообще! Практически — еще один деда Ваня лежит на кладбище города Висбю, где шведы сплошные живут. И Карл почему-то через «С» у него пишется, а не через «К». И был бы кто — не спросишь. На кладбище вообще ни о чем спрашивать нельзя, для этого есть другие пространства.

(пауза, во время которой может исполняться какая-нибудь торжественная симфоническая музыка)

А тут, видишь, еще и производство новошведское организовали. Новых мегильных плит, которыми, похоже, собираются заменить кое-где плиты старые, а может, и новых покойников ждут, потому что только в этом не следует сомневаться, что непременно будешь ТАМ, хоть бы ты трижды Мафусаил, или те, которые у Свифта вечно жили, противные и скандальные. «Главное в профессии пулеметчика — вовремя смыться»: вроде уже где-то на этих страницах употреблял таковой идиотский советский афоризм, да ничего, в повторах ведь тоже имеется свой хаотический смысл... Высокие СТЕЛЫ, чья старину, стилизуют, где викинг вечно плывет на ладье в бесконечность. Церковь. Церковь, что ль? Простая, без всяких затей, лютеранская квартира Бога...

LANDSFISKALEN
 THURE HOLMQVIST
 1880—1962
 HANS MAKA
 ELIN F. NYSTROM
 1881—1959
 SONEN BO
 1912—1917
 HIPOTEKSDIREKTOREN
 STIG HOLMQVIST
 1906—1993

Ну, здесь уж почти все понятно или становится таковым: ландсфискален Туре Холмквист с женою Элин фон Нистром (из благородных, а HANS MAKA — то ведь не иначе, как означает «его жена») родили в 906-м, когда в России бушевала реакция, и заодно Финляндию взяли в железные когти, Стига, будущего гипотексдиректора, который дожил аж до Второго коммунистического путча в России, когда Егор Гайдар велел нам выходить с голыми руками да чистой совестью, да, слава Богу, тут же все и захлебнулось... Всех, говорю, жалко, а маленького братика Стига Холмквиста, сына Туре и Элины (звали Бу) — особенно, потому что — деточки, их есть Царство Божие, пять лет было, дожил до Октябрьской проклятой революции в России, до которой никому здесь не было ровным счетом никакого дела, а уж ему особенно.

Деточки! Да что ж это такое? Уж не отдельное ли это детское кладбище среди чинных взрослых могил и куп скорбных деревьев? И камешки-то какие махонькие стоят

VAR LILLA INGRID

VAR LILLA ULF

VAR LILLA GRETA

39—41, 40—46, 48—54, 57—62, 65—70, 72—80, 81—87, 89—92, 94—99...

Плачу, и хочется водки, как на русском погосте, где папа и мама лежат, и деда Ваня, и баба Мариша, и тетя Ира, и дядя Коля, и все-все-все... Деточки, Божии деточки все беззащитные, и все, как на острове, который чуть ночь и под воду уйдет. Не на вулкане живем, а на острове том, что под воду уйдет, коль не хватит огня у Шелвара».

13.3. В течение суток работники таможни задержали у польских туристов на выезде из СССР 480 телевизоров, 686 тысяч штук электротоваров, почти 9 центнеров сахара, больше тонны масла, 350 комплектов посуды, 1200 литров водки, 1800 упаковок облицовочной плитки.

«Для Польши,— утверждает Адам Михник,— принципиальными являются вопросы: какой дорогой пойдет Россия? Как сложатся ее отношения со странами Центральной и Восточной Европы?»

Разрушенные памятники, оскверненные могилы навевают грустные мысли.

«То, в чем нуждаемся,— это диктатура или сильный режим, который будет требовать, чтобы люди работали, и который способен их к этому принудить. Плюрализм и свобода не отвечают нынешней ситуации»,— сказал в интервью шведской «Экспрессен» Лех Валенса, в дальнейшем сообщивший, что его высказывания шведами искажены.

«КАТЫНЬ — ЭТО ПОСТОЯННО ОТКРЫТАЯ РАНА»,— сказал Президент Республики Польша Войцех Ярузельский.

Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с трагедией Катыни, заявляет, что эта трагедия представляет одно из тяжких преступлений сталинизма.

«Коммуна» — так называют в обиходе административно-командный польский социализм.

«Кило ветчины — более 50 тысяч złotych, а пособие по безработице — 120 тыс. в месяц. На каждом шагу узнаю родимые товары: утюги, электрозажигалки, дверные замки, электродрели, кастрюли-скороварки. Вот бы такое изобилие московским магазинам!» — мечтает М. Ботян.

Как же ты в Польшу поехал без дрели?

«Мы поддерживаем идею создания конфедерации Польши, Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, возможно, Словакии и Румынии, высказанную в свое время Пилсудским. На наш взгляд, это должно быть своего рода государство «от моря до моря», — говорит Мариуш Роман.

«Ни один народ не остался в белых одеждах. Стоит ли полякам уж так жаловаться на НКВД, если Польша сама помогала утвердиться большевикам у власти? Так в 1919-м Пилсудский вел тайные переговоры с большевиками через Мархлевского (оба были социалистами), гарантировал им свое невмешательство. Ни для кого не секрет, что «славные органы» создавались в основном поляками (Дзержинский, Менжинский и т. д.) и выходцами из Польши (Ягода из Лодзи и т. д.). Как говорится, за что боролись...» — вступает в полемику «Литературная Россия».

Эти два события — победа Октябрьской революции в России и восстановление независимости Польши — связаны не только хронологически, но и глубоко внутренне.

Советско-польская война 1920 года, Катынь, насильственная депортация поляков в Сибирь... Однако есть и такие драматические события нашего недавнего прошлого, о которых польская печать вспоминает крайне неохотно.

В частности, это касается драматической истории взаимоотношений поляков с украинцами, проживавшими на бывших «восточных окраинах» довоенной Польши. Проведенные в 1929—1930 гг. массовые репрессии и кровавые расправы над западноукраинскими крестьянами вызвали протесты мировой общественности. Людей вытаскивали из хат, привязывали к деревьям, заборам, вешали на столбах, вырезали для забавы на их груди трезубцы и кресты, отрубали им руки, резали горло... **ПОЛЬСКИЙ ПУБЛИЦИСТ ПРИЗЫВАЕТ НАЧАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ.**

На днях арестованы несколько проституток из СССР. В Варшаве они «работали» всюду. В их кругу не раз замечали парней из Риги, Таллинна, москвичей и варшавян. Есть сведения о сращивании преступной группы с таможенниками.

Мафия не признает границ. Польская полиция и МВД СССР объединяют усилия.

Ползет и такой слух: существует целый грузовой состав, курсирующий под одним и тем же номером по определенным дням между Германией и Советским Союзом без какого-либо таможенного досмотра.

Адам Михник: «...президентство Леха Валенсы может стать для Польши катастрофой».

МОСКАЛЬ НЕ БУДЕТ НИКОГДА ПОЛЯКУ БРАТОМ

Екатерина II, Катынь, СЭВ, Варшавский Договор...

ПОЧЕМУ ВЫ ТАК СТРАШНО НАС НЕ ЛЮБИТЕ?

Двадцать пять тысяч польских офицеров, содержавшихся в лагерях НКВД, после нападения Гитлера на СССР были частью расстреляны в Катынском лесу, частью утоплены вместе с баржей.

«В общей сложности литовские “зондеркоманды” расстреляли около 136 тысяч евреев, в основном граждан Польши», — пишет в католическом еженедельнике «Лад» политолог А. Давидович.

В знак протеста против действий советских военнослужащих в Вильнюсе в Польше атакованы советские представительства.

Сенсации не произошло. Валенса стал президентом.

Литовские юноши призывного возраста, выехавшие в Польшу с целью уклониться от службы в Советской Армии, согласно документам верховного комиссара ООН по делам беженцев, не могут рассчитывать на получение официального статуса беженца.

Поражение Польши осенью 1939 года СССР праздновал вместе с фашистами.

Тогда же в Закопане был проведен семинар по обмену опытом между НКВД и СС.

О ТРАНЗИТЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ ГЕРМАНИИ

Апогеем стала публикация в журнале Ежи Урбана рисунка женского полового органа величиной с половину газетной полосы, а рядом маленькая табличка «**Польская политика — цена 100 долларов**».

ПОЛЯК ШАГАЕТ ПО ЕВРОПЕ

Из-за такой контрабанды Австрия закрыла безвизовый въезд для поляков.

Местная печать не скрывает своей озабоченности хлынувшим потоком наших туристов в Польшу.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛИ ЛЮБИТЬ РУССКИХ?

Анджей Дравич, анализируя последствия трех грозных московских дней путча, замечает, что как бы свершился акт исторической реабилитации России. Для прежней России вывод танков на улицы города был жестом ритуальным, послушные властям люди, увидев танки, покорно шли домой, чтобы узнать по радио, что же случилось. Нынче все иначе. Люди вышли на улицы, чтобы спасти демократию. «Кончилось великое противостояние, империя меняет свой характер», — заключает Анджей Дравич.

Из Литвы приходят вести, которые все больше беспокоят поляков: власти этой республики дискриминируют проживающее там польское население. Предлог вроде бы благовидный: якобы они поддерживали намерения московских путчистов.

ПОЛЬША. ПУТЬ ВНИЗ?

Почему в Польше полны магазины?

Уедут ли в Польшу советские поляки?

Крест от Папы Римского для советских военных прокуроров.

Польша приветствует перемены на восточной границе, но относится к ним с опаской.

«От Варшавы до Москвы всегда будет ближе, чем до Нью-Йорка», — сказал президент Польши Лех Валенса.

26 ноября 1981 года Хонеккер просил Брежнева о коллективных мерах помощи польским друзьям.

Генерал Ярузельский предотвратил вторжение советских войск в Польшу, назначенное на 14 декабря 1981 года.

2/3 интернированных составляли офицеры запаса. Польские инженеры, учителя, преподаватели вузов, лицеисты, студенты, священники.

Хоронили пленных, сваливая всех в одну кучу. Закапывали экскаватором «Комсомолец». «Настоящая индустрия», — бесстрастно заметил очевидец. Расстрелы начались, когда ночи уже были короткими...

Комендант Карцев, по свидетельству его дочери, напившись, покаянно рыдал на могилах поляков, а еще позднее покончил жизнь самоубийством.

Вывод северной группы войск из Польши идет планомерно.

Символом России в Болгарии остается Шипка, в Польше — Катынь.

Глава XIV. ЧУЖИЕ ДЕНЬГИ

14.1.— Раздевайся, ты чё? Идем искупнемся, — предложила она.

Безобразов в упор разглядывал ее. Спорт, надо сказать, сделал свое хорошее дело. Тело ее сохранило знакомые очертания, ну а груди, что груди? Молочные железы. Маленькие груди свои она и раньше называла, смеясь, «прыщиками».

— Да я вроде уже раздет, — ответил он.

— Нет, ты все снимай! — вдруг повелительно сказала она, и он выполнил требуемое.

После чего они, смеясь, хохоча и брызгаясь, поплыли.

О ЧЕМ ОН ДУМАЛ ТОГДА? ЧУВСТВОВАЛ ЛИ, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ? Нельзя сказать, что он о чем-либо думал, равно как и нельзя правомерно утверждать, что он что-либо чувствовал. Он ведь действительно любил свою жену, страну, родину. Жизнь прожить — это, знаете ли, не поле перейти.

14.2.— Нет, если это вам действительно интересно, то, пожалуйста, я вовсе не собираюсь уходить от вопросов. По-моему, я с самого начала вам совершенно определенно сказал: вы можете задавать любые вопросы. Я подчеркиваю — **ЛЮБЫЕ**. Из любой сферы действия. Материальной или Духа — все равно.

Ну, например, молоко. Молоко на Готланде стоит **ШЕСТЬ** шведских крон литр, а точнее — от **ШЕСТИ** до **ДЕСЯТИ**, а то и **ДВЕНАДЦАТИ**. Знаете ведь эти прибаумбасы — экологически чистое, то, се, пятое-десятое, хотя в принципе все продукты должны быть экологически чистые и невредные, а иначе зачем их производить? Я, конечно же, округляю, но отнюдь не схематизирую. Поэтому давайте поместим цену одного литра молока в пределы **ШЕСТЬ—ДВЕНАД-**

ЦАТЬ, нет, честнее все-таки будет ШЕСТЬ—ДЕСЯТЬ. Не шестьдесят, а ШЕСТЬ тире ДЕСЯТЬ шведских крон (кефир, который йогурт, он — дороже). И еще — давайте сразу договоримся. Как я люблю говорить — на берегу. Цену одного американского доллара мы возьмем ВОСЕМЬ целых ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ сотых шведской кроны. Именно таков был курс покупки доллара на почте, когда я этот доллар на почте менял в июле. А шведскую крону я не продавал, поэтому не знаю, сколько долларов стоит одна шведская крона. Крону не продавал. Родину, между прочим, — тоже. Это я к тому, что вы спросите, почему я не считаю в рублях. Детский вопрос! Доллар весь прошлый год при премьерере Кириенко был, почитай, максимум ШЕСТЬ рублей, даже меньше, а как все началось, вы знаете — дефолт, тогда уже он стал совсем другой, в июле этого года ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ и ТРИ, так что возьмите на себя труд сами пересчитать, сколько это будет, как вы выражаетесь, «в рублях». В долларах это будет (литр молока) НОЛЬ ЦЕЛЫХ СЕМЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ТЫСЯЧНЫХ доллара тире ОДИН доллар СОРОК ЧЕТЫРЕ цента. То есть не удержусь и единственный раз пересчитаю, СЕМНАДЦАТЬ рублей СОРОК ШЕСТЬ копеек — ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рубля ДЕВЯНОСТО ДВЕ копейки литровый пакет. «Однако!» Вы говорите? Ах, ждите... То еще цветочки, потому что ягодки будут впереди.

Что для русского человека всему первая голова? С третьей попытки угадываете правильно — хлеб. Тут — сложнее, потому что хлебов тех на Готланде невиданное количество, включая булочки, булки, лепешки, сухари, которые раньше у нас назывались ОБДИРНЫЕ ХЛЕБЦЫ, батоны и так далее. Но в среднем штука от ДЕСЯТИ до ДВАДЦАТИ шведских крон (СЕК). Булка ли, батон — от ДОЛЛАРА ДВАДЦАТИ до ДВУХ СОРОКА. В рубли уже переводить не стану, сами ужасайтесь. И от СЕКА, пожалуй, освобожусь для краткости. Буду дальше дуть прямо в долларах, считайте себе, сколько бы это все утянуло рублей из вашего кошелька, особенно если нам под Новый год Санта-Клаус подарков ОТТУДОВА не принесет, и рубль наш бедный опять раздуется, как противозачаточное средство, надутое хулиганами младших классов. ТРИДЦАТКУ РУБЛЕЙ за булку хотите платить? А-а-а... То-то!

А что для русского человека всему вторая голова? Разумеется, картошка, завезенная немцами. ДЕВЯНОСТО центов и, как говорится, ноу комментс. Считайте, завидуйте, что вы теперь — гражданин России... Русский ЧЕТВЕРТАК за кило картошки в июле, не слабо?

А вот вам сырку захотелось, такой вы, знаете ли, эстет, что вам захотелось сырку. ШЕСТЬ долларов — самый дешевый! Но если вы уже ограбили банк, продали последнее казенное имущество или выполнили смертельный заказ по убийству, то можете побаловать себя и каким-нибудь уже окончательно эстетически выдержанным ЧИЗОМ, долларов так это за ВОСЕМНАДЦАТЬ. Кушайте на здоровье, этот ваш трудовой килограмм!

А может, вам и мяса хочется? Извольте, но какого? Если баранинки, то от СЕМИ до ДЕСЯТИ, говядина — от ВОСЬМИ до ДВАДЦАТИ ТРЕХ (это та самая «вырезка», которую фальшивые молдаване продают на улице у Белорусского вокзала по ВОСЕМЬДЕСЯТ (рубλικов), свининка дешевле — от ТРЕХ с ПОЛТИНОЙ до все тех же ВОСЕМНАДЦАТИ. Так что лучше кушайте курочку — ТРЕШКА, но и до ШЕСТИ может дойти, если потеряете бдительность. Но упаси вас Боже куриными яичками на Готланде пользоваться — ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ цента штука, и я не вру, правда, как объективный человек вынужден заметить — если купите сразу двадцать штук, то заплатите за штучку уже по ПЯТНАДЦАТЬ (центов США).

Дальше мой организм уже совершенно устает сообщать вам эти шведские премудрости, но я креплюсь. Сигаретки курите? Курите на здоровье — около ПЯТИ долларов пачка. Пивком побаловаться: из магазина — СЕМЬДЕСЯТ ДВА ЦЕНТА — ДОЛЛАР ДВАДЦАТЬ бутылочка (и не то чтобы большая), а если от всего устал, то иди в кабак, и там с тебя за все это дело уже возьмут от ТРЕХ до ШЕСТИ, чуток больше, чем в книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» про детей того возраста, который пиво еще не употребляет. На таком фоне цена за стаканчик вина кажется уже сущей чепухой — ШЕСТЬ долларов

самая дешевая бутылка в магазине, а сколько в кабаках — сие мне неизвестно, там я такового вина не пивал за свой счет. Кажется, я снова повторяюсь, но бутылка водки на Готланде стоит больше ДВАДЦАТИ ПЯТИ долларов, и почему здесь население поголовно не гонит самогон, русскому человеку не может быть понятно. Сошел с ума — иди в кино (ДЕВЯТЬ долларов), а еще лучше — в театр (от ДЕВЯТИ до ДЕВЯНОСТА, вот, видать, хороший театр, который за девяносто, куда, поди, лучше, чем за девять).

Фу. Нет. Так все-таки нельзя. Так у нас совсем не останется времени на Духовное. Поэтому я ограничусь беглым перечнем, но вы, если хотите, сможете задать вопросы. Но, подчеркиваю, потом! Стало быть, в долларах и килограммах или (на худой конец в специально оговоренных случаях) в штуках:

БАНАНЫ — доллар шестьдесят.

ВИНОГРАД — три с полтиной белый, два с полтиной черный, такой же, как у тех же фальшивых молдаван, что у Белорусского за ДВАДЦАТЬ, но все-таки рублей.

ПОМИДОРЧИКИ готландские свеженькие, красненькие да желтенькие — тоже два с полтиной.

ОГУРЧИКИ довольно длинные до непристойности — та же цена! Да у нас луховицкие и рязанские уже пошли по цене центов двадцать уже, наверное! (Горько как вдали от Родины испытывать ностальгию, а на самой Родине — ничего, не горько.)

АРБУЗ — восемьдесят центов.

ДЫНЯ — доллар! Почему?

ЛИМОНЫ — доллар сорок. Тут у меня рожу наконец не перекосило. У нас, кажется, столько же стоят. Или я начинаю забывать любимые реалии Родины?

ПЕРСИК — доллар двадцать. Ну, почему не покушать, если зрелый и сладенький?

ЯБЛОКИ ЗАТО — ДОЛЛАР СЕМЬДЕСЯТ! И это летом! «О, сад, сад!» (В. Хлебников.) Натуральный маркиз де Сад!

КАПУСТА зато пятьдесят центов.

ЛУК репчатый — доллар двадцать.

Зато луку пучок — доллар тридцать.

А ПЕРЕЦ — три шестьдесят.

А МИНЕРАЛКА (1,5 литра) — доллар плюс посуда сорок восемь центов. Итого: доллар сорок восемь. Но посуду сдашь, если не барин, а если барин — не рпайся, что дорого.

АПЕЛЬСИН опять же — доллар двадцать.

А его младший брат ГРЕЙПФРУТ — девяносто пять (центов, вишь ты как! У нас-то все наоборот, родные! И грейпфрут тот куда выйдет дороже апельсина, потому что раздружились с тов. Кастро Фиделем Рус).

КОЛБАСА самая дешевая — три сорок, а сколько самая дорогая, даже и сказать противно.

РЫБКА зато, КАМБАЛА зато — два доллара зато, а хочешь СЕМГИ — плати зеленый червонец и в десятый раз поминай Родину.

РАК, он и в Швеции рак. КРЕВЕТКИ, стало быть, пять тридцать. А нормально, между прочим, товарищи, зачем все мазать одной краской ночи?..

СОЛЬ — восемьдесят центов.

МУКА (2 кг) = полтора доллара.

Туалетная, туалетная, туалетная БУМАГА: 8 шт. = \$3,6; 32 шт. — 5,8. Вот и считай, что выгоднее. А еще есть такая бумажка, очевидно, совсем мяконькая, для нежных, поскольку называется «Барашек», так сколько стоит такая, я не знаю, в конце концов я же вроде как типа писатель или типа товаровед, товарищи?

Одна штука БЕЛЛЕТРИСТИКИ — от пятнадцати до двадцати долларов. Чуете, други? А научная, с картинками, потянет уже на тридцатку.

А пачка БУМАГИ 500 страниц — шесть долларов.

Сил моих больше, товарищи родные (по алфавиту), совершенно нету! Товарищ Егорчиков, товарищ Гаврилов, товарищ Климонтович, товарищ Рубинштейн,

товарищ Русаков, товарищ Салимон, товарищ Солнцев, товарищ Сысоев, вы меня слышите? Вот вам демократия, вот вам социализм! Открытку, чтобы вам послать, купить будет \$0,359 да за почтовую марку \$0,958, слышите? Письмо на родину еще, наверное, будет дороже стоить, но мне теперь уже все равно, и я смело иду на эти расходы. Но нету больше моих сил любоваться на такие красоты, и я возвращаюсь теперь к вам, обратно. Чтобы честно жить, умудрясь подобным опытом. И не спрашивайте меня, сколько на Готланде средняя зарплата трудящегося населения. Дело это тухлое — считать чужие деньги! Совсем тухлое.

А теперь я, как всегда, перехожу к Духовному. Раздвиньте Душу на ширину ног. Начинаем наши процедуры!

14.3. Свобода! Как долго ждала ее Болгария и как много надежд было связано с ней!

Болгарин и русский нашли мешок с золотом. «Давай разделим по-братски», — сказал русский. «Нет, лучше поровну», — возразил болгарин.

МАНИФЕСТАЦИЯ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ: исполняются Государственные гимны Болгарии и Советского Союза. Разрезается ленточка.

Старт советско-болгарского космического экипажа был назначен на 7 июня 1988 года.

Единственный в мире журнал «Факел» был целиком посвящен советской литературе.

Когда болгарская сторона, вооружившись фактами, взялась разьяснить общественности нелепость так называемой «болгарской версии» покушения на Папу Римского, на Западе просто положили эмбарго на эту информацию о пресловутом «деле Антонова».

У коммунистов Софии, парторганизация которых насчитывала в своих рядах более 160 тысяч человек, ежедневно были какие-нибудь гости из Москвы.

Перемены в Болгарии вызывают широкую общественную дискуссию. Пресса отмечает принципиальное совпадение направлений и целей перестройки в НРБ и СССР.

Касаясь вопроса о выезде болгарских граждан в Турцию, некоторые средства массовой информации, равно как и ряд официальных кругов на Западе, употребляют понятия «изгнание», «депортация» и т. п. Это неверные и тенденциозные утверждения.

«Как предупреждал великий сын Болгарии Георгий Димитров, путь к заветной цели не будет легким», — сказал товарищ Живков.

Отставка Тодора Живкова далеко вышла за рамки простой организационной процедуры.

Поток возвращающихся из Турции болгарских мусульман все больше начинает походить на весеннее половодье. 300, 400, 800, теперь уже тысяча человек в день.

Пальцы, разведенные в форме буквы «V» — самый распространенный жест в сегодняшней Восточной Европе.

Всенародную поддержку вызвало решение Политбюро ЦК БКА о передаче личных резиденций Тодора Живкова (их оказалось 30!) детям-си-

ротам, рабочим коллективам, туристическим организациям, а многочисленных его охотничьих домов и угодий — министерству земледелия и охотничьей туристической организации «Мургаш».

Крах диктатуры Чаушеску в Румынии вызвал ликование болгар.

Возвращены права мусульманам.

Самой большой ложью режима Тодора Живкова называют сегодня в Болгарии начатую с конца 1984 года кампанию якобы «добровольного» изменения имен тюркоязычного и мусульманского населения страны.

О результате диктаторской деятельности Тодора Живкова и его приближенных красноречивее всего кричат полупустые магазины с очередями приезжающих со всей Болгарии людей, чтобы приобрести банку кислого молока или килограмм брынзы.

Изобилие информации захлестывает Болгарию.

КАК МЫ ЧУТЬ НЕ СТАЛИ СОВЕТСКИМИ. История одной авантюры Тодора Живкова.

Монастырь в Чувашии. Раньше здесь жили монахи, при советской власти солагерниками здесь стали 17 тысяч политических эмигрантов из Венгрии и Польши, Румынии и Германии, Финляндии и Чехословакии. Сапожником работал болгарин Асен Папаётов, начальником лагерного медпункта — немецкий врач Франц Францевич.

Ностальгия по прошлому неуместна.

Болгарский народ, посмотрев показанную недавно по телевидению передачу, посвященную последствиям чернобыльской аварии, был просто потрясен невежеством, нелепостью и бесстыдством людей, занимавших еще до вчерашнего дня самые ответственные посты в государственном аппарате.

В болгарском языке нет слова «стукач».

В Болгарии немало экстрасенсов, которые используют свои природные способности для бесконтактного лечения больных.

Что расскажет Тодор Живков?

Да, времена сейчас явно не лучшие для нерушимой советско-болгарской дружбы.

Президентом стал лидер оппозиции Жельо Желев.

Перед опустевшим мавзолеем Георгия Димитрова красуется старый разбитый автомобиль «Варшава», вокруг которого разбросаны труды классиков марксизма-ленинизма, произведения Тодора Живкова и его окружения, учебники по общественно-политическим дисциплинам, коммунистические символы — ржавые серп и молот, звезда...

Пламен Станчев поклялся сжечь себя, если к одиннадцати часам вечера со шпилья Партийного дома не будет снята рубиновая звезда.

С разных сторон слышались реплики: «Это революция, как в Румынии», «Надо бы зажарить всех коммунистов».

Болгарский парламент назвал поджог и разгром Партийного дома в Софии провокацией большого масштаба.

НАШИМ ОТНОШЕНИЯМ С СССР НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ!

«Дайте нам советскую прессу!» — вынуждены требовать болгары.

ИЗ КРАНА БОЛЬШЕ НЕ КАПАЕТ: с октября в Болгарии установлен лимит на бензин для личного автотранспорта, в Чехословакии у автозаправочных станций вновь длинные очереди.

Ломать — не строить.

«НЯМА ТОК!»

В центре Софии дурачатся мальчишки: забираются на трибуну опустевшего и брошенного без охраны мавзолея Димитрова и машут рукой воображаемым колоннам, передразнивая Живкова.

Каждый шестой в болгарском парламенте был осведомителем тайных служб.

Премьер–министром стал Попов.

Естественно, демонтируется памятник Ленину.

Прощайте, другари!

Суд над Тодором Живковым.

Взаимодействие КГБ СССР и МВД Болгарии осуществлялось в строгом соответствии с договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

«Козлодуй» — болгарская атомная электростанция.

«Депутат Стоян Ганев выступил с требованием «судить» СССР. И мне хотелось бы спросить этого депутата: за что? Может, за то, что мы «кормили» обширную советскую страну ничтожным количеством винограда, помидоров, перца? Или за то, что отдыхающие у нас советские туристы покупали за свои деньги детские вещи?» — спрашивает Цветан Рангелев.

К вопросу о посылке болгарских войск в Чехословакию...

Одобен проект закона о непродлении советско–болгарского договора.

ТАМ, ГДЕ УЖЕ ЕСТЬ МНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА И НЕТ КРАСНОЙ АРМИИ, КОММУНИЗМ ПРОСТО ИСЧЕЗНЕТ

Болгария получала ежегодную безвозмездную помощь из СССР на сотни миллионов долларов. Эта помощь была прекращена Горбачевым.

«Произошла ужасная подмена. Любовь к России стала как бы синонимом любви к торжествовавшему в ней тоталитарному режиму. Болгарию сделали самым верным сателлитом Советского Союза, болгарская правящая верхушка изощрялась в таком лакействе, что даже у тех, перед кем они пресмыкались, это, наверное, вызывало только презрение», — сказал Жельо Желев.

ЕЩЕ ОДНИМ КРАСНЫМ ФЛАГОМ СТАЛО МЕНЬШЕ

БЕРИ ШИНЕЛЬ, АЛЕША. ПОШЛИ ДОМОЙ!

Арестован Андрей Луканов, бывший болгарский премьер–министр.

Арестованы 9 из 12 бывших членов Политбюро.

Приговор Тодору Живкову — 7 лет тюрьмы.

БРАТЬЯ РУССКИЕ, БОЛГАРЫ ВАС ЛЮБЯТ!

Глава XV. КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР НА ОСТРОВЕ ГОТЛАНД (ШВЕЦИЯ)

15.1. Они плыли, стремительно удалялись Швеция, остров Готланд, пляж, на котором уже еле заметно чернели его черные мягкие башмаки на «липучках».

— Отдохнем,— предложил Безобразов, переворачиваясь на спину.

Она все смеялась. Мокрые кудряшки облепили ее некогда страшенькое, теперь нервное лицо.

— А хочешь, я сделаю тебе то, о чем ты тогда так мечтал? — сказала она.— Или трусишь, как я тогда трусила?

Он задумался, он соображал, поможет ли ему это умножить его беспорядочные знания, бесполезные практические сведения о жизни, которыми он так ловко торговал, но было уже поздно.

Она уже начала.

15.2. Вот именно что. Ветер. День. Еще вчера бестрепетный и тусклый. Жара купания. Сегодня ветер. Ревет и стонет. Волны в море — льдины. Как льдины. Барашки белые на ультрамаринном, как льдины. Это образ. Художественный образ. Образы не Образа. Это ветер ветку клонит. Ветка лопаается. Звук хруста. Бом-м-м. Ударил колокол. Волна накатывает. Брызги влево. Брызги вправо. Брызги вверх. Волна вниз. Ветра ком. Ком ветра в глотку. Ком вон. Ком цурюк. Тент полосатый. Изгиб гриба обратно. И понесло полиэтиленовый пакет цветной. Песок пересыпает асфальтовую дорожку. Песчаная пыль. Хруст другой. Хрустит на зубах. Сахар. Не тает. Пустыня Сахара. Модель пустыни. Модель ужаса. Смешно ужасно. Ужасно смешно. Щекотит ветер под мышкой. Спрятавшиеся под вышкой. Галдят. Как галки. Слов нет. Гыр-гыр-гыр. Продуваемы насквозь. Не я. Вдоль берега туда прямо. Вдоль берега назад. Голову наклона. Упорно борясь. Зевотой рот раздирая. Ветер — кислород. Кислорода недостача. Озонная срамная дыра. Хруст суставов сопротивляющихся. Еще третий другой. Жалкий раздражитель ветер. Апокалипсису. Или знак. Или прививка. От расстрела. Который от Иоанна Богослова. Поверхностные знания ведут к халтуре. Стыд ветер щекотит. Фрейд дурак. Один я (ты) умный. От ветра вода закипела в заливе. Как от лопастей вертолета. Садящегося на голову. Флаг шведский параллельно флюгеру звенящему. От напряжения. Ультразвук. Звук ультра. Кувзартьлу. Брондингем. Глюмдалклич. Курбанали Алиев. Надырхасийлолы Иванов. Товарищи здравствуйте. Друзья споемте. Какой большой ветер. Какой большой ветер. Дзынь. С треском вылетело стекло дорогое прозрачное шведское. Ножки порежут дети. Велосипедисту не видать спидвэя. Вот и черепицы кусок, соревнуясь, отменный. Желтая крепкая. Хлесь на землю. Лом. Обнажая каверну в крыше. То-то убытку! Ветра штуки зачем? Неизвестен ответ человека. Все теории ложны. Бог знает. Снова ударил колокол. Бом-м-м. Переходит в систему. Знаков каких иль законов писанных ветром. Нужно неясно писать. Неясно всем будет яснее. Как Иоани. Неопределенно. Но ясно. Лето проходит. Пройдет ли? Пройдет несомненно уже не волнуешься. Ленивое лето ленивое время ленивое море ленивое солнце. Ленивая жизнь. Ленивая баба. Глупо как ветер. Как ветер глупая жизнь порывами до-

стигает. Как ветер. Не страшно но странно. Странная жизнь не кончается ветром. Шизофрения узнаете сами сказал. Но то паранойя. На то паранойя. Ветер предтеча. Иль символ. Образа. Не Образов. Образа те далече. Там за казенной грядой. Где пространство. Россия. Швеция. Финланд. Германия. Инглад туманный далече любимый. Россия любимей. Родина наша сынок. Крот истории молвит в пространство и время. Ветер. Геноссе Адольф. Рядом Сталин кацо. Маннергейм на коне. Карл Двенадцатый. Скучно пространству. Ветер сжимает пространство до некой модели. Холодно зябко сынок. А все говорили что лето тепло. Только ветер. Карты мешает. Играет один в подкидного. Жалко что скоро не быть. Только ветер гудит в проводах. Только ветер. Полиции нету ментов. Прекратить беспорядок. И разойтись по домам. Там не дует. Но нету домов. Только ветер. Колокол снова. Бом-м-м. Бом-м-м-бом-м-м-бом-м-м как бон-бон. Нежный ветер. Монпансье из коробки жестяной. Дробно летит на асфальт по песчаному свею. Презервативы на ветку сукастую. Не возрожденье. Средневековье. Жизни печальной цветы запоздалые к ветру лицом понижают. Ветер гестаповец. Иль коммунист. Скрижали ГУЛАГа скрипели. В друзьях Хирросима. Чернобыль. Горе польнь. Тебя предупреждали. Точно предупреждали. Ветер снесет черепную коробку. Не тот этот город. Витрины окошки витрины. Глухие засовы. Дорога имеется к храму. Не видно ни зги. Слепящее солнце слепое и ветер. Вскричали враги. Человечьего рода. Не надо. Чтоб к храму. А лучше. Чтоб ветер. Завыло в печенках согласное «р». Только ветер не надо обратно. Чтоб к храму дорогу. А тут вот как тут. Снова бом-м-м. То зовут на молитву. Догадка. Где. У католиков звон. Заглянул. Тонзуры ли постные лица. Не трэба, не трэба, не трэба их треба. Другое пространство искать. Только ветер. Не местные мы. Православные. Ищем пространство. Находим. Святая Мария для всех. Святая Мария. Для всех. Для всех Святая Мария. Христос наш един. И Бог наш един. Для всех. Как Святая Мария едина. Заходим и стихло. Нет ветра. Шуршанье бумажек. Псалмы и орган. За органом красotka. Куда православному деться? Но ветер. Вы что ль лютеране? Вестимо. Но Бог наш един. Ты не прав. Нет я прав. Начинают. Орган заиграл. И заходит процессия в двери. Красивые скромно одетые люди. PER ASPERA ET DEI ADVIS-TORIAN. На доме просмоленном черном. Слоган. Я б знал, что такое так сразу сказал но не знаю. Ровно в одиннадцать. Бом-м-м бом-м-м бом-м-м бом-м-м непрерывно. Пенье псалма 289. Пение. Пенье. Встают и садятся. Поют. Я пою. Это Божье. Не наше. Священник в рясе зеленоватой такой цвета хаки но только пестрее. На возвышенье. Проповедь десять минут. Но по-шведски. А впрочем понятно о чем. Все о том же. Правильно. Пусть все о том же. И только о том. Все о том же. Так надо. Пусть будет. Ведь ветер. Во вне и везде. Но только не здесь. Здесь нет ветра. Изрядно нет ветра. Играет орган но без пенья. Одиннадцать тридцать и пять. Общая молитва товарищи братья без пенья. Скажите хоть слово. Сам не знаю о чем. Только ветер гудит за стеной. Шмелеобразно. Но в Храм не пускают. Поп взошел на алтарь и сказал. Но не понял слова. Только понял другое. О том. Это Он. Это Бог. Это Вера. Восемь их уже на алтаре. Да алтарь ли? Пространство моленья. Поп. Двое в белом. Дьякон один из них. Кто же другой? Как узнаю? Как православный скажу вам. А вы лютеране католики братья Христовы по Вере. Надежде. Любви. В то что Он был и пребудет и ныне и присно. Девушки в белом и красном. Белые платя с красными воротниками. Мальчик. Он в бело-красном как девушки. Гордо блестя позолотою утвари. Прелесть обряда. Две в сером в очках. Пожилые. А может так надо? Чтоб пожилые. Служки. Дали программу служения. Вот из нее. Ноты. Английские буквы (цитата). Программная речь. Однозвучно звенит колокольчик. Звучит однозначно. Их шпрыхе них свенски. Не надо. Господь Вавилонскую башню построил. Надежно. Неслышно. Невидно. Одиннадцать сорок. И тут дьяконесса что в сером выходит читать. И читает по книге. Не очень огромной. Ее бело-красная тут же сменяет. Свобода. И плюрализм. Интересно. Возможно ль такое где церковь? В паузу звуки органа. Где ветер? Нет ветра. Лишь пули свистят в неизвестном пространстве. Где ветер? Палка такая. Как будто сачок пионера. Служки обходят ряды. В сачок подаянье. Церкви ремонт. Или просто. Молитва. Нет денег нет денег. Есть

деньги. Мальчик мой маленький. Сын. Одержимый наживую детской копленья бессмысленных сумм на подарки себе и друзьям. Но не жалко копейку полкроны иль крону иль рубль или финскую марку иль доллар иль йену на Божье. Откуда я знаю? От Бога. Спасибо. Вдруг все запели. Мы тоже. Мотив, он един. Ни песчинки. Но Божьего. Нет. То не ветер. А только Его дуновение. Нежное. После чего все вдруг снова запели. Поем. Что-то круглое. Плоское поп показал. Может это просфора у этих такая. И колокольчик звонит да звонит. Это чаша. Я знаю. Читал. Это чаша. Моление о чаше. Еще колокольчик. Стоя запели. Поем. Колокольчик. Орган. И уходят уходят. Тот что в зеленом и с белым шарфом. Тот что в белом с зеленым шарфом. Те что в красном и белом. И серые бабы в косынках. Хоругви скромные. Главное. Книга. Сладко и страшно. Мы ставим свечу. Сын мой ставит свечу. Я стою. Сын мой ставит свечу. Значит надо. Значит надо чтоб так. И представьте себе что к концу мой рассказ. Только вышли из Храма и ветра не стало. Все тихо. Лазурь. Можно снова купаться в заливе.

15.3. В Финляндии высоко ценится тот факт, что советское правительство во главе с Лениным подписало 31 декабря 1917 года Декрет о признании государственной независимости Финляндии.

О Суоми говорят, что она вошла в XX век на деревянных ногах.

Отношения дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией — образец осуществления ленинских принципов мирного сосуществования.

25 лет со дня подписания договора о передаче в аренду Финляндии советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий.

Творчески развивать богатые традиции Паасикиви и Кекконена — задача нелегкая для финского политика любого ранга.

Рынок Суоми не резиновый.

Аландские острова — отрезанная водой малюсенькая частичка своей страны, связанная незримыми нитями с Советским Союзом, как и вся Финляндия.

Важнейшую роль во внешней политике Финляндии играют отношения с Советским Союзом.

По словам премьер-министра Холкери, в Финляндии тоже осуществляется перестройка.

Все знают, как тратить деньги, но никто не знает, где их взять.

Оборудование для сушки целлюлозы не имеет равных.

В беседе с Кекконеном в начале 50-х Молотов признал свою долю вины за развитие событий, приведших к «зимней войне»...

Остается добавить, что по продолжительности жизни Финляндия в списке стран стоит на одном из высоких мест.

Образование правительства Куусинена ясно свидетельствует, что целью «зимней войны» было изменение государственного строя Финляндии, чтобы затем присоединить ее к СССР либо превратить в государство-сателлит.

Понятие «финляндизация» справедливо получило негативную окраску, однако обвинять финнов в недостатке смелости было бы крайне не-

справедливо. С исторической точки зрения гораздо уместнее выразить восхищение по поводу того, как умело финны сохранили собственное государство под боком у огромного соседа.

*Страна долин, холмов и гор
Зимой и летом див полна,—
Что за чудесная страна!*

Финн знает, что он живет в государстве, опирающемся на закон.

Правительство Рюти пыталось обратиться к Советскому Союзу с предложением немедленно остановить военные действия. Переданный через советского полпреда в Швеции А. Коллонтай ответ ошеломил Рюти. Оказывалось, что СССР не только не находится в состоянии войны с Финляндией, а, напротив, заключив с ней военный союз, помогает финскому народу в его борьбе за освобождение Финляндии от шайки хельсинкских белобандитов.

Красная Армия потеряла за 105 дней войны 289 510 чел., из них 74 тыс. убитыми, 17 тыс. пропавшими без вести. Финны — 25 тыс. убитыми. Всего числ. нас. Финл.— 4 млн.

Гитлер для демонстрации своих симпатий к Москве преподнес сюрприз вчерашнему «союзнику»: тридцать новеньких самолетов «Фиат», отправленных финнам по указанию Муссолини, были интернированы на территории Германии.

Мехлис устроил показательный суд над командованием дивизии. После 50-минутного разбирательства полковники Виноградов и Волков, а также комиссар Пархоменко были расстреляны перед строем.

Все это ускорило принятие Гитлером решения о войне с СССР.

Одна моя знакомая из Турку шесть лет обучалась музыке в Минске.

В ставке Маннергейма в течение всей «зимней войны» простояла фотография императора Николая II с его дарственной надписью и припиской, сделанной рукой маршала: «Это мой государь».

С авоськой в Финляндию?

XXII съезд коммунистической партии Финляндии (КПФ).

Закон и водка. Как они сосуществуют в Финляндии?

Времена, когда Финляндию считали своеобразным «заповедником» пьениц, канули в Лету.

Каково же было его удивление, когда в конверте оказалось не 4800, а всего 2000 марок. Удивление это выразилось в целом ряде специфических финских выражений, переводить которые переводчица категорически отказалась.

...бывший чекист, а ныне директор построенной финнами гостиницы «Дружба»...

... председатель исполкома совета народных депутатов...

... первый секретарь горкома партии...

... другие официальные лица обновленной России...

Чингиз Айтматов сказал, что в стране Суоми социализма больше, чем у нас.

Главный герой романа Антти Туури запутался в уплате налогов и вынужден бежать с беременной женой в США.

На 100 тыс. населения в Финляндии приходится 25,7 случая самоубийств. Более высокий уровень отмечен лишь в Венгрии (47,3 случая), ГДР (36,2) и Дании (31,6).

Пиво при регулярном потреблении в больших количествах ведет к импотенции.

Финская бумага. Будем ли мы ее получать?

«Эпидемия авиапиратства» — так окрестили в Финляндии два за шесть дней угона советских самолетов, приземлившихся в Хельсинки.

Ценный груз, отправленный из Хельсинки в Москву, пропал.

Около 70 советских туристов, находящихся в Финляндии, обратились с просьбой к местным властям предоставить политическое убежище.

Риббентроп, Молотов...

Предлагаю переименовать музей Ленина (Тампере) в музей жертв коммунизма.

Можно ли ждать в Москве в ближайшем будущем стремительно нарастающего экономического бума? Оказывается, такая перспектива очень даже реальна. Это исследование-прогноз проделано в Финляндии.

Финляндия может столкнуться с притоком беженцев из Советского Союза, если нехватка продовольствия и суровая зима заставят людей бежать через границу.

«Английская история» — пьеса Пааво Хаавико (пер. С. Васильевой), «Мама, я жулика люблю!» — музыкальное представление в жанре кабаре, созданное на основе одесского мелоса и советского лагерного фольклора (пер. Ю. Маллинен).

Все, что бесплатно, — плохо!

На устном выпуске альманаха «Весть» выступили поэты Яркко Лайнен, Илко Тийхонен и Класс Андерсон. Они уже не раз встречались с хозяевами вечера, поэтами метареалистами. Вечер вели Евгений Попов и Юкка Маллинен, переводчик прозы Попова и новой московской поэзии.

Благополучные финны готовятся к трудным временам.

Тема «советской мафии» становится все популярнее в Суоми.

Матиас Руст не был пионером. За 11 лет до его посадки на Красной площади была проведена генеральная репетиция. Два накаченных пивом финна пролетели в нашем воздушном пространстве 350 километров и поняли, куда залетели, только услышав отборную русскую ругань.

Суоми называли «пьяным закоулком Европы».

Почему финны не закусывают после первой?

На 127 марок, государственную стоимость пол-литра водки в магазине «Алко», в СССР можно было купить 101 бутылку водки.

Почему с советских прилавков исчезли финские сыр, куртки, мебель?

Достоин удивления, насколько живуча легенда о финском «сухом законе», который был отменен еще 30 лет назад.

Недавно две дамы из Таллинна, прогуливаясь по центру Хельсинки, пытались продать водку полицейскому.

АПРЕЛЬ 1935. Циркуляр главного управления милиции НКВД «Об очистке 22-километровой погранзоны от кулацкого и антисоветского элемента».

Куйвозеевский финский национальный район в Ленинградской области. Здесь в 24 часа выслали свыше 22 тыс. человек. Цифра эта занижена, не учитывались дети, изгоняемые с родителями. Было заброшено без малого 100 населенных пунктов, прекратили существование 130 национальных сельских советов, ликвидировано более 500 колхозов, закрыты все национальные школы (только финских было 322).

Встреча советских и финских ветеранов советско-финской войны 1939—1940 гг.

Жириновский заявил, что Ленин совершил преступление, когда дал независимость Финляндии.

Финляндия закупит советское оружие.

Известия об августовском путче вызвали в Финляндии двойственные чувства — страх перед коллапсом демократии в СССР и облегчение по поводу установления хоть какого-то порядка в Москве.

Последствия московского путча: уже в четверг министры иностранных дел трех республик (Эстонии, Латвии, Литвы) предъявили в Хельсинки свои верительные грамоты, хотя еще в прошлую субботу министр иностранных дел Пааво Вяюрюнен заявил, что прибалтийские республики не отвечают критериям независимых стран.

Большинство граждан Суоми отрицательно относится к идее возвращения восточных территорий.

Пояса затягивают даже финны.

Советский Союз — Россия. Считаясь с новой реальностью, финны правильно ставят акцент.

Явлением в Финляндии стало рассекречивание истинного имени таинственного «Юрия Комиссарова», рупора Москвы.

Называть вещи своими именами становится новой доброй традицией в двухсторонних отношениях России и Финляндии.

Открыт мемориал советским воинам на финской земле.

Конец «финляндизации»!

Нелегкие времена переживает сейчас Финляндия.

Москва и Хельсинки прощаются с «финляндизацией» без грусти.

Хельсинкский филиал КГБ при свете дня.

Владимир Сорокин и Евгений Попов нашли своего читателя в Финляндии гораздо быстрее, чем где-либо еще на Западе.

Вину с советской стороны снять невозможно.

КГБ финансировал переиздание У. Кекконена.

В Финляндии нашелся бывший сотрудник КГБ, решивший не возвращаться в Россию.

Как чухонцы стали финнами.

«Если ты любишь Родину, то никогда не получай стипендию для изучения русского языка», — учил он.

Русские финны.

Суоми переживает экономическую депрессию невиданных масштабов.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХЕЛЬСИНКИ!

Глава XVI. СТАЛИН И ДР. НА СТРАСТНОМ БУЛЬВАРЕ

16.1. Безостановочно, прилежно склонив голову с распущенными волосами, трудилась она, и невыразимое блаженство охватило одинокого г-на Безобразова, когда они погружались все глубже и глубже. Он задержал дыхание, он, кажется, уже умирал, но ничто более не удивляло его. Широко раскрытыми глазами он видел ту тьму, которая своей интенсивностью равнялась цвету его только что купленных черных башмаков на «липучках», а больше он уже ничего не видел. Естественно, что в его голове вдруг лопнул огромный золотой шар.

16.2. Всякому пожилому москвичу хорошо известно, что Страстной бульвар является одним из самых значимых мест столицы за исключением Киевского вокзала.

Овеянный легендами седой московской старины Страстной бульвар возник, как и сама Москва, в незапамятные времена, о чем каждый может прочитывать в многочисленных книгах, посвященных этому вопросу.

Многое видел Страстной бульвар, расположенный в нынешние времена практически между двумя крепкими спинами двух металлических памятников: Александру Пушкину (Пушкинская пл.), у ног которого коммунисты били диссидентов, а нынче живут проститутки, и Владимиру Высоцкому, который теперь вечно будет глядеть на издревле существующий на углу (ул. Петровка — Петровский бульвар) магазин «Рыба», где раньше продавали рыбу. Кстати, если встать на место Высоцкого и «только чуточку прикрыть глаза», как велели ранние «шестидесятники» в своей культовой песне «Бригантина поднимает паруса», то можно увидеть ОДНУ малую родину упомянутого Пушкина (Харитоньевский переулок) плюс ДВЕ малых родины упомянутого Высоцкого: тихий Большой Каретный пер., где он, в отличие от Пушкина, родился, как бард, и грозную ПЕТРОВКУ-38, на свет которой он появился в качестве майора Жеглова из фильма «Место встречи изменить нельзя». Что само по себе говорит о живительной силе искусства и советской власти, ибо наш народ зачастую существует в разладе со стражами правопорядка, именуя их «ментами», а Высоцкого, наоборот, до сих пор любит.

Неудивительно, что между двумя этими спинами находится легендарный журнал «Новый мир», где бился за свободу титан Солженицын, чье имя вполне достойно еще одного металлического памятника, но его до сих пор нету. Зато рядом раскинулся бывший орган ЦК КПСС, ныне оплот нашей неокрепшей де-

мократии журнал «Новое время», где у меня напечатали статью о Джойсе, но денег до сих пор не заплатили. То есть это место получается такое как бы даже ЛИТЕРАТУРНОЕ, в отличие от Киевского вокзала, вышедшего из народного фольклора и туда же на старости лет возвратившегося. В пределах Страстного часто выпивали на скамейках делатели всякой культуры, а некоторые там даже и спали, обоссавшись, и их забирали упомянутые «менты».

Скульптор, поэт, прозаик и эссеист Федот Федотович Сучков, в юности друживший с лучшим российским писателем XX века Андреем Платоновым, раскрыл мне как-то глаза на важный секрет Страстного бульвара. И это вовсе не была та знаменитая дощатая «Блинная», которую нынче снесли, построив на ее месте какое-то нью-рашенское чудище, где продают пиво за безумную цену, но вкусное. Там тетя Маргарита была, а у нее дочка, которая облизывала детским язычком красную икру в баночке для придания этой икре дополнительной свежести. Тетя Маргарита позволяла, если возьмешь блины с икрой, распивать принесенные с собой водку и пиво, которое было тогда дешевое, но невкусное. Однако пустые бутылки обласканный посетитель должен был отдать непременно ей, иначе всегда получался скандал.

В пространствах Страстного можно было наблюдать прозаика Юрия Осиповича Домбровского, отбывшего 15 лет в сталинских тюрьмах, концлагерях, ссылке, и, конечно же, упомянутого Федота Федотовича, отсидевшего всего лишь 13 лет. Они тихо рассказывали творческой молодежи, среди которой были ныне покойные: лидер и предтеча гей-культуры Евгений Харитонов, романист и нравственный философ Владимир Кормер, погибший от советской власти и пьянства поэт Лев Таран; ныне временно живые: будущая звезда сценографии Владимир Боер, уроженец города К., стоящего на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, тогдашний плейбой и нынешний светский лев, замечательный прозаик Николай Климантович, автор исследований о 1937 годе Леонид Новак, актер Кузьмичев, Дмитрий Александрович Пригов и др.

Тихо рассказывали о том, что видели и пережили в упомянутых концлагерях, отчего в сердцах молодежи разгорались искры презрительного отношения к существовавшему тогда режиму и зрели «гроздя гнева», что нашло отражение в их творчестве, надолго опередившем вялотекущее время. Тихо запевали песню «Будь проклята ты, Колыма», закуривали, после чего добрая тетя Маргарита выгоняла всех на улицу, где Федот Федотович подсаживался на скамейки к «девочкам», которые тогда все делали бесплатно, и говорил им хорошую фразу: «Хотите посмотреть, как живут художники?» (Его мастерская располагалась рядом, в одном из бесчисленных Колобовских переулков, тогда еще не имевших никакого отношения к Евгению Колобову, будущему великому дирижеру «Новой оперы».)

Однако не о «Блинной» в данном случае идет речь и не об опере, а о вожде и тиране тов. Сталине. Дело в том, что однажды мы с Федотом Федотовичем прогуливались в хорошую минуту вдоль Страстного бульвара, размышляя об истории России и ее месте в обояме цивилизованных народов. Мы все тогда только что прочитали отдельные труды философа Василия Розанова и находились под его несомненным влиянием. Федот Федотович сказал, что Розанов тоже очень любил Страстной бульвар. Я ответил, что об этом у него нигде не написано, и мы немного поспорили.

— Да ты, я вижу, вумный, как вутка, — пошутил Федот Федотыч, подражая «челдонскому» сибирскому языку, изучению которого он, уроженец все того же города К., стоящего на все на той же великой сибирской реке, посвятил немало творческих минут. — А ну-ка ответь-ка мне, вумник, что вот это есть такое?

И он указал мне на изрядный постамент красного гранита, размером (ориентировочно) 1 м × 1 м и в высоту метра полтора, расположенный примерно в 300 шагах от редакции журнала «Новый мир» или, вернее, от доски «ВСЯ НАША НАДЕЖДА ПОКОИТСЯ НА ТЕХ, КТО САМ КОРМИТ СЕБЯ», расположенной напротив редакции этого журнала и висящей до сих пор, не потеряв актуальности.

Федот Федотович указал. На постаменте лежала алая гвоздика. Сам постамент был красный, а гвоздика — алая. Предания седой старины. Федот Федото-

вич рассказал мне, что в его бытность студентом Литературного института (куда он возвратился непосредственно из лагерей) здесь, на постаменте, покоился БЮСТ СТАЛИНА, который исчез непосредственно после того, как сам Сталин исчез из Мавзолея, где он преспокойно полеживал в виде набальзамированного трупа рядом с аналогичным трупом своего старшего товарища Ленина, чьи нормы он, как выяснилось на очередном съезде коммунистов, грубо нарушил, а также был груб с его женой (вдовой).

Сталина убрали, однако с тех пор на осиротевшем постаменте каждый божий день появлялась алая гвоздика. То есть, может быть, и не каждый день, но уж это точно — как только старый лагерник шел мимо, алый цветок на постаменте уже был.

Я выразил сильное сомнение. Я сказал, что, конечно же, видел этот постамент, но, не зная его происхождения, всегда был к нему равнодушен. Но что-то никогда не замечал там ежедневного цветка, да к тому же его непременно украли бы нищие, чтобы продать кому-нибудь более обеспеченному, ожидающемуся без цветов свидания у ног Пушкина.

Федот Федотович надулся и обвинил меня в отсутствии писательской наблюдательности, незнании жизни: нищий не станет воровать ОТДЕЛЬНЫЙ цветок, потому что ему нужна ОХАПКА ЦВЕТОВ. Нищий мог бы, конечно, каждый день брать по цветку до накопления целого букета. Но ведь ПЕРВЫЙ цветок непременно заявет до приобщения к коллекции ПОСЛЕДНЕГО цветка (тогда еще не было голландских увядающих гвоздик, цветы вообще тогда не покупали, а ДОСТАВАЛИ). А во-вторых, сталинисты подкараулят нищего, набьют ему морду.

Я вынужден был согласиться с его логикой и в очередной раз подумал о том, сколь необъятно познание мира и сколь многими беспорядочными знаниями и бесполезными практическими сведениями о жизни мне еще следует овладеть, чтобы адекватно реагировать на уроки суммарно накопленной этим миром мудрости.

Шли годы. Наступила перестройка, затем — постперестройка, «дикий капитализм», «неокрепшая демократия», предчувствие Третьей мировой войны. И в один божий день я увидел, что постамент исчез, а ЦВЕТОК ЛЕЖИТ НА ЗЕМЛЕ.

Все исчезло, кроме цветка. Не исключаю, что постамент украли воры в рамках накопления первоначального капитала для дальнейшего развития капитализма в России. Наличие же цветка свидетельствует о том, что пауперизация бывшего советского населения является тотальной, но не всеобъемлющей, а Духовность этого населения как всегда соответствует его недюжинному менталитету.

Теперь самое главное. Я предлагаю считать место исчезновения сталинского постамент на Страстном бульваре ВЕДУЩИМ ПАМЯТНИКОМ современной России, отражающим ее прошлое, настоящее и будущее. Памятником без четко очерченных границ в пространстве и времени. Памятником, символизирующим чаемое гражданское согласие в обществе после всех ужасов, пережитых этим обществом. Памятником, на который должны равняться все остальные существующие и несуществующие памятники. Местом, куда каждый может подойти, чтобы плюнуть или положить алую гвоздику. Мочиться там будет нельзя, а демонстрации можно будет проводить, но только с разрешения начальства.

Что же касается Киевского вокзала, то там вообще море разлитое мистики и лирики, что нашло отражение в многочисленных частушках. Чего стоит хотя бы это:

Как на Киевском вокзале
Тридцать три ... связали.
Положили на весы.
Во все стороны усы.

Про Белорусский, Павелецкий, Рижский, Ленинградский, Ярославский, Казанский и даже про Савеловский вокзал таких частушек почему-то не слагают, и одно это уже говорит о многом, если не обо всем.

Глупо, но все это так, так... Глупо и больно. Всюду жизнь. Всюду боль.

16.3. КУРИШЬ, ПЬЕШЬ ВИНО И ПИВО, ТЫ — ПОСОБНИК ТЕЛЬ-АВИВА!

Антисемитизм — один из важных идейных принципов.

О классовой сущности сионизма.

В яме — останки расстрелянных детей, беременных женщин (внутри некоторых женских скелетов обнаружены маленькие скелетики).

Так защитим и кров!
Спасем Россию от **шотов!**
Им русской крови надо,
Они — исчадь ада.

Прикрываясь рясой православного священника, Глеб Якунин обвиняет в страшных грехах служителей церкви.

России дорого платить за выходки антисемитов.

Николай Булганин подтвердил ходившие в течение многих лет слухи о намечавшейся после процесса врачей-убийц массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток.

Гитлера окружали еврей-юдофобы: Гейдрих, Франк, Розенберг. Да и сам Гитлер был на одну четверть еврей, его бабка работала прислужкой в доме богатого еврея по фамилии Шикльгруббер и забеременела там от сына этого еврея.

Иосиф Геббельс, член гитлеровского «политбюро», тоже был с прожидью.

Рудольф Гесс был полуевреем и в молодости — гомосексуальным любовником Гитлера.

Министр труда Лей — алкоголик и на четверть еврей.

Ева Браун — на четверть еврейка.

Адмирал Канарис по происхождению греческий еврей.

Эйхман был еврей-выкрест. Говорят, что его последние слова перед повешением были: «Ну что ж, еще одним жидом будет меньше».

О происхождении нынешнего президента России Ельцина тоже вряд ли кто знает. На митингах вы можете увидеть лозунги, согласно которым «Борух Эльцын» — главный еврей России.

Годами думали и гадали, кто такой бывший мэр Москвы Гавриил Попов. Как поведала израильская пресса — мариупольский еврей.

Это они боролись за бредовые идеи полового извращения еврея К. Маркса и обезумевшего сифилитика полуеврея В. Ульянова (Ленина).

Определить, сколько сейчас в стране издается антисемитских журналов и газет, трудно, поскольку их количество растет непрерывно.

Всем известно, что из-за наличия в крови негритянской примеси зараженные СПИДом евреи умирают.

На конференции было еще раз подчеркнуто, что первым президентом России стал сионист и еврей Борух Ельцер.

«Спор славян между собой» идет минометами в долинах Савы и Дуная.

«Оказывается, святой князь Владимир был рожден от рабыни—малки, естественно, еврейки. Она и наставила князя свершить этот подлый акт: крестить Русь. Выходило, что старорусские князья вовсе даже не Рюриковичи, а Кагановичи»,— пишет М. Семажко.

Естественно, что в силу своей природной скромности Лазарь Моисеевич Каганович нигде не афишировал, что он — цадик («праведник»), к числу которых он был причислен за огромные революционные заслуги, особенно в широчайшем применении репрессий. Вот почему, чтобы причастить его, в Москву вдруг съехались 200 раввинов из всех стран, где есть хасиды.

«Масонство, сионизм, иудаизм. Главная их цель — образование общемирового сверхгосударства рабов с помощью сверхпреступлений»,— пишет Вл. Фомичев.

— Я не могу понять, кто по происхождению поэт Евтушенко, кто такой экономист Шмелев, который для расправы с противниками перестройки предлагает создать ВЧК. Лично мне ничего не говорят фамилии: Георгий Арбатов, Олег Богомолов, Юрий Бондарев, Татьяна Заславская, Марк Захаров, Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, Сергей Станкевич, Виталий Коротич и другие. Не получится ли, что некоторые из них станут лучшими сынами Израиля, как стали ими Троцкий, Свердлов, Литвинов, Володарский, Ленин, Мартов, Роза Люксембург и другие? — тревожился Фетисов.

В своей квартире был убит прямой наследник русского царя Петра III художник Борис Энгельгард, не желавший претендовать на российский престол.

Настоящее имя небезызвестного Александра Федоровича Керенского — Аарон Саблер.

Все иностранные союзники «Памяти» — Хусейн, Каддафи, Арафат — с восторгом поддержали российских путчистов.

Нарком земледелия Я. Яковлев (Эпштейн), Урицкий (Радомысльский), председатель колхозцентра Г. Каминский, Лазарь Каганович, Шая Голощекин, Ягода (Иегуда), Гамарник, Янкель Свердлов и его сынок Андрей (Адик), Я. Агранов (Сорензон), Л. Бельский, Я. Раппопорт, братья Бельенькие, братья Леплявские, братья Берманы, их свояк Мороз, Григорий Зиновьев (Апфельбаум), Луначарский (Баклих—Мандельштам), Ленин (Бланк), Чичерин (Мейендорф), Загорский (Абрам Крохмаль), Володарский (Гольдштейн), Крупская (Фишберг), Радек (Собельсон), Стеклов (Нахамкис), Владимирский (Гиршфельд), Ларин (Лурье), Суханов (Гиммер), Солнцев (Блейхман), Каменев (Розенфельд), Дзержинский (Руфин), Кедров (Цедербаум), Бела Кун (Лейба Кунтиш), Богданов (Зильберштейн) и многие другие.

«Товарищ Карасев имеет право социализировать в городе Екатеринодаре 10 молодых девушек от 16 до 20 лет по своему выбору. Никто не должен оказывать ему никакого сопротивления. Он снабжен особыми полномочиями, что и подтверждается подписью».

«Чекист Петерс, переведенный в Москву, залил кровью весь город, среди его прислужников были китайцы и один негр, специальностью которого было вытягивать жилы у людей, в Вологде свирепствовал палач Кедров, в Воронеже людей бросали в бочки с вбитыми кругом гвоздями и скатывали бочки с горы, в Николаеве замуровывали в стены, в Орле выкалывали глаза, вырезали на лбу или на груди советские звезды, бросали живых людей в кипяток, ломали суставы, сдирали кожу, заливали в горло расплавленное олово, в Пскове китайцы распилили 200 пленных офицеров на куски, в Полтаве чекист Гришка предал лютой смерти 18 монахов, приказав посадить их на кол; этим же способом пользовались чекисты Ямбурга, в Благовещенске загоняли под ногти пальцев граммофонные иголки, в Омске пытали беременных женщин, вырезали животы и вытаскивали кишки, в Казани и Екатеринбурге распинали на крестах, сжигали на кострах или бросали в раскаленные печи, в Симферополе чекист Ашин ударом сабли отрубал уши, носы, руки, выкалывал глаза, в Алушке раны, полученные на фронте, вскрывались и засыпались солью, грязной землей, известью, а также заливались спиртом и керосином, в Пятигорске чрезвычайка убила всех заложников, в Тифлисе наводил ужас чекист Панкратов. Как ни ужасны способы мучений, практиковавшихся в чрезвычайке в европейской России, все они бледнеют перед тем, что творилось озверелыми чекистами в Сибири. В цветочный горшок сажали крысу и привязывали к животу или заднему проходу, а через небольшое круглое отверстие на дне горшка пропускали раскаленный железный прут, коим прижигали крысу. Спасаясь от мучений и не имея другого выхода, крыса впивалась зубами в живот и прогрызала отверстие, через которое и влезала в желудок, разрывая кишки и поедая их, а затем вылезала с противоположного конца, прогрызая себе выход в спине или в боку», — пишет князь Жевахов.

Главная задача коммунистов — дать отпор ползучей сионистской контрреволюции.

Глава XVII. ЛАГЕРЬ

17.1. Грань была перейдена, в конце тоннеля мерцал свет, Безобразов слышал какие-то голоса... Жена, дети, Москва, город К., стоящий на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, Готланд, Швеция, Россия, Сербия, Эстония, Америка, философ А., генсек Г., фантаст К., постмодернист П., Юкка Маллинен, египетский князь Мальгин, мэр Юрий Лужков, албанец из Косова, коммунисты, урановые рудники, Государственная Дума, артрит, джин, тоник, а также доллары, кроны, рубли и другая валюта, а также все беспорядочные знания, все бесполезные практические сведения о жизни — все-все-все целиком осталось в прошлом. Тут и появился Мастер Хаос. Мастер Хаос, стало быть. Добрый Мастер Хаос.

17.2. Иноземное слово ЛАГЕРЬ, привезенное в Россию ПЕТРОМ I на память о Германии, претерпело здесь дивные метаморфозы и стало в XX веке культовым знаком несвободы, ибо растворило в себе и тюрьму, и каторгу. Пионерские, военные, туристические лагеря отнюдь не противоречат этому утверждению, а ЛАГЕРЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ сие скорбное наблюдение натуралистически иллюстрирует, что памятно всякому, имеющему память. Суть любого лагеря едина — в рамках борьбы с хаосом огородить забором кусок земной территории и установить там свой порядок, большей частью богопротивный, зачастую дьявольский, иногда смешной. Однако любое глупое дело обычно приводит к обратному результату. Вот почему в пионерских лагерях часто вырастают хулиганы, в военных — пацифисты, в туристических — сторонники однополый любви. По этой же причине исправительно-трудовые лагеря исторгли из себя великих писателей, а СОЦЛАГЕРЬ накрылся медным тазом, если не сказать грубее, чем он накрылся.

Жаль тех, кто умер раньше времени, но, с другой стороны, это ждет всех нас без исключения, и лагерь здесь ни при чем. Вопрос же о том, является ли

ВЕСЬ земной шар лагерем, решал еще принц датский Гамлет, но так и не решил. Поэтому я предлагаю человеку, читающему в данную секунду эти строки, открыть рот и спеть на мотив танго «Брызги шампанского» старинную советскую песню:

НОВЫЙ ВЕК,
ПОРЯДКИ НОВЫЕ.
КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ НАШ ЛАГЕРЬ ОБНЕСЕН.

17.3. 26 апреля, в годовщину аварии на Чернобыльской АЭС, в селе Грушеве Дрогобычского района Львовской области видели лик Богоматери.

...считают, например, победу советского народа в Великой Отечественной войне результатом милосердия Бога, оказанного в ответ на молитвы тех, кто выступал против Гитлера. Короче, как писал поэт Глазков:

*Господи, вступи за Советы,
Господи, вступи хоть в этот раз,
Потому что все Твои заветы
Гитлер нарушает чаще нас.*

Каково человеку, живущему в век компьютеров и космических кораблей, узнавать, что в Швеции проходил съезд гадалок и ведьм?

«Как с поисков “фирменных джинсов” начинается порой слепое преклонение перед западным образом жизни, так маленький крестик на шее, одетый “просто так”, порой оказывается вовсе не невинным украшением», — писал 26 мая 1984 года в газете «Правда Востока» какой-то Тюриков

Написание слова Бог с большой буквы в нашей печати теперь не редкость...

— Готовь документы, будем принимать тебя в кандидаты в члены КПСС.

— Спасибо, не могу. Я верю в Бога...

Кое-кто еще мирится с тем, что в армейском подразделении есть верующие воины.

Клара Ажибековна Ажибаева много лет занимается вопросами атеистического воспитания.

Атеїзм потрібен. Це — питання принципів світоглядних позицій.

— Еще Карл Маркс показал, что не религия создает человека, человек религию,— парировал лектор.

Сейчас получила распространение точка зрения, что религия может быть использована для решения задач, стоящих перед социалистическим обществом в нравственном, культурном воспитании людей и что пора, мол, переосмыслить ряд традиционных суждений. Кандидат философских наук А. С. Попов, автор одной из брошюр, запланированных для издания в 1989 году (серия «Научный атеизм»), показывает несостоятельность этих взглядов и выявляет методологическое значение атеистического наследия марксизма-ленинизма для поиска верных ответов на поставленные задачи.

— Обратите внимание, как стремительно демократизируется наше общество,— сказал главный раввин Московской хоральной синагоги А. С. Шаевич.

Мнение читателя–татарина: религиозное чувство — явление вечное.

Клубы юного атеиста работают во многих общеобразовательных школах. Темы для бесед подсказывают сами ребята.

Преподаватель марксизма–ленинизма Быковский крайне возмущен «заигрыванием с боженькой».

Не случайно на приеме патриарха Пимена и членов синода Михаил Горбачев подчеркнул, что мы с церковниками на разных позициях.

Стоял Григорий — рабочий станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе — перед товарищами, красный от стыда. Что тут скажешь? В неприглядном, недостойном деле оказался он участником, и этому не может быть оправдания. Снова и снова вставал перед парнем вопрос: как же могло такое случиться, что он, комсомолец, передовой рабочий, грамотный, в общем, человек, допустил, чтобы крестили в церкви его ребенка?

Военнослужащие из числа офицерского состава, исповедующие религию, не могут быть проводниками политики партии в реализации ее идеологии среди личного состава Советских Вооруженных Сил.

Маркс, как всегда, прав: «...религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм». Бог есть, а социализм накрылся...

Госавтоинспекция и церковь нашли точки соприкосновения.

Под негромкий, вполне современный аккомпанемент гитары эти четверо парней и четыре девушки стали распевать — что бы вы думали, товарищи? — псалмы. Пели о том, что мир наш — суета и грязь, что Христос-спаситель пострадал за их грешные души и т. д. Я хотел было сделать замечание, да жена остановила: «Не имеешь права — у нас свобода вероисповедания».

...и благословил митрополит летчика...

11 марта 1981 года наша сестра ГАРУС Любовь Яковлевна была схвачена работниками КГБ в квартире единоверца ЛАЗАРЕНКО Любови Александровны. Схваченную девушку отвезли в венерический диспансер закрытого типа. Там ее стали допрашивать работники КГБ, угрожая, что она будет оставлена в этой больнице навсегда. В диспансере ее продержали трое суток. Здесь ее допрашивали назвавший себя Сергеем Ивановичем «уполномоченный по делам религии» и не назвавший себя работник КГБ.

«Иезуитский институт богословия во Франкфурте? Вы не поверите, но слово “Бог” там не произносилось, наверное, лет тридцать. Слушатели срывают лекции, литургия превращается в митинг, вместо Евангелия читают Че Гевару, все в красных рубашках и плюс к этому постоянные демонстрации — то в защиту Никарагуа, то Сальвадора», — сказала религиозная деятельница Татьяна Горичева.

Библия утверждает, что настоящую пустыню мог оживить только бог. Председатель колхоза «40 лет Октября» Талды–Курганской области Герой Социалистического Труда Н. Головацкий доказывает другое...

Игорь сказал неожиданно просто: «Бог — это любовь».

Религия — единственная в нашем обществе легальная форма существования чуждой коммунизму организованной и направленно пропагандируемой идеологии.

Я, коммунист, с тревогой наблюдаю за распространением религиозного дурмана.

Н. А. Заболотский: «...царство Божие шире любой исторической манифестации».

Полезные традиции церкви, думается, сослужат добрую службу каждому человеку — и верующему, и атеисту.

Ю. Лощиц: «В невообразимой идеологической сумятице последних лет как-то незаметно испустил дух один скучный и тертый персонаж. Поди теперь вспомни, как его звали и откуда он родом. Впрочем, партийная кличка персонажа все еще на слуху: НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ».

— Нельзя забывать, что наше государство состоит не только (и не столько!) из верующих,— считает Баранов из Сумской области.

Граждане Советского Союза!

Партократия, давно превратившаяся в мафиократию, через все средства массовой информации развернула неслыханную религиозную пропаганду.

Все более крепнет союз православной церкви, партийной мафии и черносотенцев.

«Чем мы лучше темных предтеч своих, когда обливаем зажигательной смесью Мавзолей, учиняем акты вандализма у памятников Ленину и Дзержинскому?» — гневно спрашивает рабочий.

Станем ли мы жить по совести?

«Предлагаю начать создание на предприятиях, в учреждениях, по месту жительства секций Общества свободомыслия», — пишет К. Крижановский из Воскресенского района Московской области.

Перед отлетом в Италию на чемпионат мира по футболу сборная СССР посетила Успенский собор в Кремле.

Вчера на совместном заседании палат Верховного Совета СССР выступил Патриарх Всея Руси Алексей Второй как глава православной церкви и одновременно народный депутат.

Теперь можно верить в Бога, не рискуя попасть в лагерь...

1983. В Москве арестована группа православных христиан, вина которых заключается лишь в том, что они участвовали в размножении и распространении молитвенников и религиозной литературы.

Офицеры-пропагандисты научного атеизма: Киров, Грызов, Укупин, Федотченко...

«Если им верить, то и мать Тереза, лауреат Нобелевской премии мира, посетившая нашу страну и предложившая организовать у нас миссию милосердия, действовала по заданию ЦРУ, Сигуранцы или какой-либо иной мифической силы, призванной “в период застоя” условно обозначать зловещего и “антисоветски настроенного” Кощея, ткающего жуткую паутину “крестового похода” из своего “тридевятого буржуинства”». Довольно с нас этой лжи!» — пишет А. Бессмертный-Анзимиров.

Молодой солдат Никифоров был вовлечен в сектантскую общину и стал придерживаться учения, что надо заботиться о Небесной отчизне, а не о земной.

Я старался отгородиться от коллектива, но коллектив не позволил мне этого. Коммунист Митрофанов, политработники, солдаты терпеливо разъясняли мне вред моих религиозных взглядов. Каждая беседа словно открывала мне глаза. Постепенно я избавился от религиозных убеждений.

В наш дом пришла церковь, а не религия!

В молитвенном доме христиан–баптистов состоялся первый рок–фестиваль христианской песни.

Был освобожден писатель–диссидент Л. Бородин, приговоренный в 1982 году к 10 годам особого режима и 5 ссылки...

...амнистированы Ф. Светов, осужденный в 1986 году на 5 лет ссылки, и З. Крахмальникова, осужденная в 1986 году на 1 год лагерей и 5 лет ссылки.

— Нельзя не пойти в церковь, если сам Президент выстаивает Всеночную,— справедливо рассудил коммунист.

Огородников в феврале 1987–го ГУВД СССР был направлен на прописку в пос. Болшево Московской области, но до сих пор, несмотря на многочисленные хлопоты и заявления, не может получить разрешение в местном исполкоме.

І ВІРУЮЧИЙ, І АТЕІСТ КОЖЕН МАЄ СВОІ ПЕРЕКОНАННЯ...

В ПОТОЛКЕ ОТКРЫЛСЯ ЛЮК: НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ЭТО «ГЛЮК».

Откуда вдруг у большевиков взялась любовь к православию?

Атеист ни за какие деньги, ни за какие блага не стал бы петь в церкви.

«Но поскольку дискуссии на темы религии ничего не давали, скорее наоборот — обнажали всю беспомощность комиссарской мысли,— перешли на методы трудового перевоспитания. Это называлось “поставить на лопату”. Помнится, замполит части, где я служил, говорил: “Если он святой, пусть докажет это большой совковой лопатой”, — вспоминает священник Марк Смирнов.

РОССИЯ С ПАРТБИЛЕТОМ И КРЕСТОМ.

«И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Бывшие политруки частью разогнаны, частью переименованы в «офицеров по работе с личным составом». Начальство военных училищ теперь считает плохим тоном проводить выпуск курсантов без благословения священника.

Наряду с крещением и венчанием предлагаются новые виды услуг — освящение фундаментов, колодцев, гаражей и автомобилей.

КАК МОЖНО ТАК БЫСТРО ПЕРЕКРАСИТЬСЯ ИЗ БЕЗБОЖНИКОВ–КОММУНИСТОВ В ИСТИННО ВЕРУЮЩИХ?

В отчетах есть упоминание о награждении в 1983 году одного из руководителей буддийской церкви агента «Саяна» грамотой КГБ СССР «за

многолетнее сотрудничество и активную помощь органам госбезопасности». По оценке самого КГБ к «ведущей агентуре» из числа руководителей Русской Православной Церкви относились «Аббат», «Адамант», «Антонов», «Кузнецов», «Нестерович», «Скала», «Алтарь». Агент «Потемкин» принимал участие в заседании ЦК Всемирного совета церквей, проходившего в ФРГ, агент «Адамант» принял участие в Генеральной ассамблее ЮНЕСКО, с осуждением действий Израиля на Ближнем Востоке выступили агенты «Святослав», «Воронов», «Антонов», агенты «Павел» и «Кузнецов» продвинуты на руководящие должности в Русской Православной Церкви и Всемирном совете церквей.

«...берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "Я Христос", и многих прельстят».

СЛЕДОВАТЕЛЬ:

— Откуда у вас Евангелие?

СВИДЕТЕЛЬ:

— От Матфея.

Глава XVIII. РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

18.1. ...все беспорядочные знания, все бесполезные практические сведения о жизни, все-все-все целиком, осталось в прошлом. Тут и появился Мастер Хаос. Мастер Хаос, стало быть, Добрый Мастер Хаос.

И все-все-все целиком осталось в прошлом. Включая черные мягкие башмаки на «липучках», которые исчезли с пляжа еще до прихода полиции.

18.2. Простые бедуины Ближнего Востока знают двадцать поколений своих предков.

Простые евреи государства Израиль могут заказать компьютерную распечатку, чтобы узнать, из какого они колена.

Простые россияне долгие годы предпочитали не интересоваться своим родословным древом, потому что могли оказаться отпрысками князей, кулаков, попов и белогвардейцев со всеми вытекающими из этого (с помощью коммунистов) последствиями.

Возвращаемся к корню. Все мы всегда жили на Земле, потому что всех нас кто-то родил. Русский философ Николай Федоров предлагал воскресить отцов, души которых обитают на дальних планетах. Циолковский изобрел для этого космический аппарат. Но как Царствие Божие внутри нас, так и предки наши — здесь, в том неведомом пространстве, сквозь которое прорастает Древо. И шумит крона, и восходит солнце, и поют птицы, и жизнь — вечна. Прохожий! Не толкай меня, ведь мы с тобой родственники. «ВСЕ МЫ — БРАТЬЯ, НО НАШ ОТЕЦ, ВИДИТЕ ЛИ, УШЕЛ В МОРЕ» (Ш. Андерсон).

18.3. ...и оползень, сошедший с горы, в мгновение накрыл несколько зданий военного городка

в живых осталась одна женщина — в момент трагедии она оказалась на сопке, поэтому и спаслась

5 января на Калининской АЭС произошла утечка радиоактивной воды

правое крыло от удара об арматуру сломалось, самолет перевернулся на «крышу» и, продолжая движение, начал разрушаться

у нас и в Соединенных Штатах одна жертва приходится на 4 миллиона пассажиров

из-за разрушения линий электропередач прекратилась работа гидроузла, который питает водой центральную водогрейную поверхность

В ульяновском доме ребенка из-за лопнувшей батареи обварились кипятком и погибли восемь детей в возрасте от года до трех лет

в Макеевке на шахте имени Почепова в лаве шестого участка произошел взрыв метановоздушной смеси

в результате небывалого снежного урагана в Воркуте жители этого северного города оказались в снежном плену

в промышленности произошло 790 крупных аварий, ежегодно в стране происходит около миллиона случаев группового травматизма, в результате несчастных случаев на автодорогах, отравлений и травм ежегодно погибает примерно 250 тыс. человек. На производстве пострадало свыше 670 тыс. человек, а 14,4 тыс. погибло

Черное море будет гореть сильнее, чем в 1927 году

вот и землетрясение в Спитаке (Армения)

в южном водозаборе Уфы было обнаружено превышение предельно допустимой концентрации по фенолу

меч-рыба атаковала танкер и своим острым носом пробилась стальную обшивку

горящий хлопок дождем упал на город

живой человек проглочен кашалотом и находится в его желудке

от страха он потерял сознание

корабль разлетелся на тысячу кусочков

голос звонившего звучал взволнованно: «В районе Строгино города Москвы взорвались цистерны с ядовитой жидкостью»

титановый труп «Комсомольца» с раскрывшимися от удара крышками торпедных аппаратов зарылся в ил юго-западнее острова Медвежий

на дне Цемесской бухты покоится потерпевший катастрофу пассажирский пароход «Адмирал Нахимов»

мощные потоки воды из верховьев взбесившейся Агидели, сметая все на своем пути, неся мощные бревна, как щепки, прорывались к центральной, наиболее густонаселенной части республики

в результате утечки хлорбензола с Горловского химкомбината три горняка погибли, а восемьсот получили разной степени поражения

два с половиной часа хлестала нефть из трубы, пока авария была обнаружена. Смертоносная жижа залила шесть гектаров, сгорели сотни кубометров леса, много молодой поросли

«голубая отравка», которая просачивается на шахту, может попасть в основные питьевые водохранилища Центрального Донбасса, в ручейки, реки, а по ним и в Азовское море

На заливе дамба,
Ленинграду — амба!

не дай Бог никому побывать в морге судебно-медицинской экспертизы

Гиссарское землетрясение в прошлом году обнажило несовершенство существующей в стране системы защиты населения

их было пятеро — тридцатилетних, достаточно опытных авиаторов. Двоим из них оставалось жить считанные секунды

в 14 часов 42 минуты в Москве было зарегистрировано землетрясение в 2—3 балла, эпицентр которого находился в Румынии

в пос. Новосиньково Дмитровского района Московской области раскопался пополам памятник Ленину

наш край буквально пропах гарью пожарищ и людской бедой

в столице Грузии произошла авария на канатной дороге, ведущей на гору Мтацминда. Все произошло в какие-то мгновения. Резкий хлопок лопнувшего несущего троса, верхний вагончик стремительно заскользил вниз, по пути ударившись о железную опору, а через секунды — и о крышу здания. Через отлетевшую нижнюю часть выпали люди. Одновременно с бешеной скоростью покатился назад вагончик, начавший свой путь с нижней платформы. Страшный удар о стену станции... Погибли 13 человек

два вагона с взрывчаткой, пущенные с горки, столкнулись с проходящим составом. Было уничтожено полкилометра пути, 70 транспортных объектов, повреждено 650 домов, погибло 6 человек, ранено более 900

— Он немой,— сказала мать,— после взрыва

пригородный поезд «Суоярви — Петрозаводск» столкнулся с рейсовым автобусом

при выполнении специального задания под Магаданом трагически погиб экипаж пограничного самолета «АН-26». Под Певеком зацепился за скалу и разбился самолет ледовой разведки, на Шантарских островах недавно столкнулся с горой самолет «ИЛ-14»

ОБРЕЧЕНЫ НА ЧП?

ядовитое облако над Ростовом

засуха в ряде районов Алтайского края, Омской, Новосибирской и Томской областей, Бурятской, Якутской, Тувинской автономных республик; ураган в Пермской области и Марийской АССР

палаточный городок, где находились 43 альпиниста, был сметен и сброшен на ледопад

не передать мучений тех, кто получил сверхдопустимую норму облучения. У людей изменились лица, отказала речь

погибли старики, которые спустились в подвал за продуктами и задохнулись газом метаном, выдавленным водой из-под земли

земля дернулась вдруг, уходя из-под ног...

на Смоленской АЭС из-за теплового нагрева возникло очаговое возгорание наружного высоковольтного кабеля

взрыв огромной силы сотряс два вагона мчащегося в ночи поезда и едва не сбросил их под откос

что случилось? Взлетела на воздух установка по производству ароматических углеводородов на Ново-Ярославском нефтеперерабатывающем заводе. Причина аварии неизвестна

панические настроения вызвали в Удмуртии слухи об ожидаемых в агусте подземных толчках большой силы. Одни грешат на интенсивную нефтедобычу, другие говорят о влиянии водохранилища Нижнекамской ГЭС

несколько семей из домов, расположенных в непосредственной близости от горящих артиллерийских складов, отнеслись ко всему философски — накрыли стол в противоположной от стреляющих сопок стороне дома, пили кофе и вино

семья Н. Симко готовилась ко сну, когда на кухне раздался страшный грохот. Рама окна вывалилась, горшки с цветами полетели на пол

пропала валюта

дети были спасены воинами

как в фильме о ядерной катастрофе Усть-Каменогорск оцетинился противогазами и респираторами. Дело в том, что взрыв произошел на заводе ядерного топлива

сигнал о том, что на базе треста «Тындатрансстрой» горят химикаты, поступил в пожарную часть города вечером 10 июля

...поджечь обком, убить Горбачева, взорвать завод, повредить трубопровод на атомной электростанции...

зияет многометровая дыра в потолке над агрегатом. Именно туда ударили сорванные взрывом крышки печных люков, каждая не в одну тонну весом. Затем они обрушились с высоты, круша все на своем пути

вропрочем, о секретном взрыве давно знали на Западе

незаживающей раной стало озеро Карачай, куда многие годы сливались радиоактивные отходы, и теперь его берега вместили 120 миллионов(!) кюри

под боком у поселка почти месяц стоял съехавший набекрень аварийный вагон. Все это время жители ждали взрыва. Случись он — и от станции Иртышской осталось бы одно название

от огромной температуры плавилась металл и камни, дотла горели сенокосы и лес. В считанные секунды взрыв прорыл траншею длиной 280 метров. За какие-нибудь три часа эта адская топка поглотила 9,5 миллионов кубометров метана

железнодорожный переезд — самое опасное место на дороге

страшные волны высотой с двухэтажный дом вновь обрушились на коосу, перехлестывая через нее, разрушая дома

Ельцин посетил уральский город Асбест, где на днях произошел взрыв на небольшом заводе, выпускающем взрывчатку

командование судна куда-то исчезло. Первым с борта спрыгнул секретарь парторганизации. За идейным вожаком ринулись и другие члены экипажа. Марков оставался на борту до последнего и вместе с пароходом ушел под воду

химическая бомба затаилась рядом с Петербургом

маршрутный пассажирский автобус был разрезан надвое двигающимися друг навстречу другу электричкой и товарняком

в одном из цехов военного олеумного завода в Бийске произошел взрыв

вертолет взорвали в Каракумах

в аэропорту Алма-Аты потерпел аварию самолет, летевший из Ташкента, а в Капчагайском водохранилище затонул буксирный пароход

взрыв на Ново-Уфимском нефтеперерабатывающем заводе потряс многих

столкнувшись с дорожным валом, огромная машина, словно хрупкая игрушка, раскололась надвое. А поле окрасилось в золотистый цвет. Это рассыпались мандарины

пятеро кемеровчан и столько же жителей Ленинска-Кузнецка скончались, отравившись питьевым спиртом Мариинского ликероводочного завода

от удара и взрыва локомотив отбросило метров на пятьдесят в сторону, на тот самый путь, по которому в эти секунды из Москвы на Харьков следовал пассажирский поезд номер 237

от удара «Икарус» загорелся. Раненый водитель не смог открыть дверь. 56 человек погибли в огне

вагоны пылают, как спичечные коробки. Крик, стоны, плач

взрывом большой силы вдребезги уничтожен памятник Степану Бандере, сооруженный 14 октября 1990 года на усадьбе его родителей

ничего на НЛО пенять!

долгое, слишком долгое время мы жили в стране, где ничего не происходило. Внезапное землетрясение, безудержное наводнение, железнодорожные и авиационные катастрофы — все это было только у них

этот тихий, неслышный удар снес ходовую рубку и всю верхнюю палубу с кинозалом и устои моста до такой степени, что вагоны проходившего по мосту состава опрокинулись и на застрявшее судно сверху посыпались бревна, уголь и просо

недалеко от Абакана потерпел крушение товарный поезд. Из разбитых цистерн вытек нефтяной продукт — пек

сошли с рельсов 23 полувагона с углем

в районе Бермудских островов произошла очередная трагедия — бесследно исчез советский гидронавт Михаил Фалин, член экипажа научно-исследовательского судна «Мстислав Келдыш»

там, где погиб русский «Титаник»...

и вновь авиакатастрофа: сгорел самолет...

одновременно с началом тотальных воздушных налетов на Ирак приборы Института геологии показали четко выраженные изменения шумов в недрах

пожар на Дону, наводнение на Ставрополье, пекло на Амуре...

виновником аварии оказалась крупная чайка, которая попала в воздухозаборник двигателя, вызвав его перегрев и возгорание

бесследно исчез вертолет МИ-8, выполнявший рейс Абатское—Перегрбное

наводнение в районе Сочи и Туапсе...

ударив 2 машины, автобус «Урал» с 17-ю пассажирами на борту резко вильнул в сторону, съехал с моста и начал медленно падать с 12-метрового моста в реку

при развале Союза опасные производства становятся сверхопасными

трагедия у острова Шикотан

в книжных магазинах списывают устаревшие книги

падает все, что может падать: самолеты любых типов и наименований, вертолеты. Авиация начинает играть с пассажирами в подобие «русской рулетки»

катастрофа на разъезде «Подсосенка»...

сорок секретных протоколов кремлевских мудрецов: ложь о Чернобыле так же страшна, как и сама катастрофа

погибли 52 горняка, о подробностях умалчивается...

жить в России становится небезопасно

заминирована Дубоссарская плотина

233 человека отравились грибами, 30 умерли

столкнулись Тянь-Шань с Памиром

самолет упал удивительно тихо

год красного петуха

летом 1974-го ЦРУ занималось погребением советских моряков

авария в Томске. Плутоний в выбросе пока не обнаружен

советские летчики атомных бомб не теряли

Красноярский край вооружен и очень опасен

КАТАСТРОФА НАЗНАЧЕНА НА ЗАВТРА, ГИБЕЛЬ ПОМПЕИ МОЖЕТ СТАТЬ ВПОЛНЕ СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНОЙ

И все же хорошо, когда хотя бы одна человеческая мечта рано или поздно сбывается.

1998—2001 гг.

Висбю—Будапешт—Т/х «Семен Буденный»

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВЛАДИМИР А. ВИТТИХ, д. т. н., профессор, директор Института проблем управления сложными системами (ИПУСС) РАН. ЦЕЛОЕ БОЛЬШЕ СУММЫ СВОИХ ЧАСТЕЙ

По своим целям, организации материала и принципам изложения роман Евгения Попова «МАСТЕР ХАОС» (как, впрочем, и некоторые другие его книги) существенно отличается от классических произведений традиционной литературы, для которых обычно характерна четкая нравственная позиция автора, ориентирующая читателя в определенном направлении, и безукоризненная причинно-следственная логика развития событий. На первый взгляд роман кажется хаотичным, обладающим слабыми связями между фрагментами повествования, не говоря уже о том, что автор вовсе не стремится к навязыванию своих моральных принципов в явном виде. В то же самое время после прочтения этого текста остается ощущение его целостности и четкой позиции автора.

В своих попытках понять, в чем существо такого «неклассического» подхода к созданию литературных произведений, я исходил из того, что любой писатель в своем творчестве вскрывает и описывает не только индивидуальные особенности людей, но и рассматривает проблемы их социального взаимодействия. Причем в России с ее общинным менталитетом и нелюбовью к законам «социальная составляющая» в литературе играет существенную роль.

Принятая модель самоорганизации в открытых социальных системах, взаимодействующих (в отличие от закрытых) с окружающей средой, представлена на рис. 1. Самоорганизация как возникновение порядка (**глобальных структур**) из беспорядочных **локальных взаимодействий** возможна только в **открытых системах**, где ресурсы окружающей среды «подпитывают» циклическую динамику самоорганизации. **Циклическая причинная зависимость** обеспечивает взаимное усиление локальных взаимодействий и глобальных структур, стабильность их взаимного воспроизводства. **Неопределенность**, как недостаточная предсказуемость индивидуального поведения и социальной деятельности, является движущей силой социальной динамики. Она заставляет людей снижать уровень неопределенности, вырабатывая правила взаимодействия. В допустимых пределах индивидуумы могут регулировать свое взаимодействие и на локальном уровне. Лишь тогда, когда уровень неопределенности превышает некоторое критическое значение и выходит за рамки локального взаимодействия, **урегулирование неопределенности** происходит на глобальном уровне.

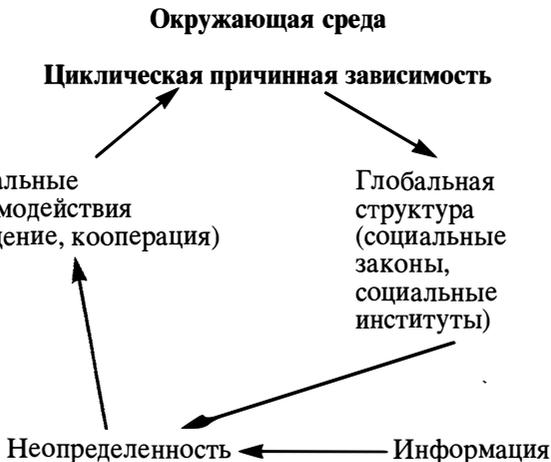

Рис. 1. Модель социальной самоорганизации

Предположим, например, что группа индивидуумов, составляющих своеобразную «мультиагентную систему», живет в некоем мире, где законы социума (глобальная структура) не обязательны к соблюдению. Каждый «агент» действует только в целях личной выгоды, и когда за скудные ресурсы принимаются бороться несколько соперников, то вскоре они начинают препятствовать друг другу в достижении цели. Если же все они стремятся завладеть одним и тем же ресурсом, то им приходится вступать в конфронтацию, которая может привести к потерям куда более весомым, чем выгода, получаемая в результате достижения цели. Соглашаясь на социальные правила кооперации, «агенты» снижают неопределенность конфронтации до такой степени, что становится возможным действовать в личных интересах индивидуумов, направленных на удовлетворение их субъективных нужд.

Писатели по-разному подходят к отображению социальных процессов в своих произведениях. Одни берут за основу глобальные структуры (принятое государственное устройство и идеологию, моральные и нравственные принципы, то или иное религиозное учение и т. п.), приспособляя к ним локальные взаимодействия. Иными словами, они подчиняют поведение и взаимодействие своих героев некоторым идеологическим догмам. Для того, чтобы позиция автора была понятна и «доходила» до читателя, изложение строится с применением каузальных (причинно-следственных) цепочек, причина (некоторый побудительный мотив) порождает следствие (действие), которое, в свою очередь, является причиной другого (логически обоснованного) действия.

Таким образом «под идею» придумывается взаимосвязанная совокупность событий, степень достоверности которой для читателя зависит от таланта и мастерства писателя. К числу таких писателей, ориентированных на глобальные структуры, можно отнести, например, Льва Толстого и целую «плеяду» авторов, сочинявших и сочиняющих на основе принципов «соцреализма» или эксплуатирующих эти принципы. Все они отрицают возможность внезапного (самопроизвольного) возникновения порядка из случайных локальных взаимодействий, опираясь на веру в причинно-следственную картину мира, то есть, по существу, отрицая социальную самоорганизацию.

Иных взглядов придерживаются писатели, в центре внимания которых оказываются локальные взаимодействия. Они не рассматривают человека как звено («винтик») каузальной цепочки, выполняющее четко заданную функцию, а видят его как целостность, вступающую в отношения с другими целостностями, создавая новые целостности. Иными словами, они стоят на позициях холизма — учения о целостности, одним из важнейших положений которого является то, что «целое больше суммы своих частей». Целое рассматривается с точки зрения возникающих при взаимодействии его частей новых свойств, отсутствующих у составляющих систему компонентов. Целостные системы, к числу которых относятся живые и социальные системы, принципиально отличаются от «аддитивных» (например, механических) систем, в которых целое равно сумме своих частей, то есть результирующее поведение системы прогнозируемо на основе изучения свойств ее частей. Поскольку открытые целостные системы обладают способностью к самоорганизации, писатели холистического (целостного) направления в своем творчестве исходят из того, что **порядок может возникнуть из хаоса**, т. е. из локальных, в значительной степени случайных взаимодействий. Это и определяет специфику их творчества, столь чутко реагирующего на те изменения, которые произошли в мире к концу XX века, когда человечество мужественно ищет выхода из множества тупиковых ситуаций.

Автор благодарит за доброту и предоставление возможностей **Baltic Center for Writers and Translators** (Sweden, Visby), **Open Society Archives** (Hungary, Budapest), **Администрацию Самарской губернии** (Т/х «Семен Буденный»), а также любого, кто прочитает эту книгу и передаст ее товарищу.

Владимир САЛИМОН

Колючая вода

* * *

Начало листопад берет,
как крестный ход,
во мраке — то и дело
одна свеча зажглась, другая догорела.

Но негасим небесный свет.
Лес, точно Спас нерукотворный.
И сохраняет плат узорный
кровавый след.

* * *

Рукоположена земля
осенним садом.
А прежде голые поля
лес одарил своим нарядом.

Немногим с царского плеча
к лицу одежда.
В избытке бархат и парча.
Все — чересчур немножко.

* * *

Все ради нас.
И лес и поле,
где скорчившийся, как от боли,
терновый куст в снегу увяз.

Он остается недвижим.
Но, если куст заденет птица,
когда она столкнется с ним,
куст может вдребезги разбиться.

* * *

Пища духовная слаще засушного хлеба.
Значит — в меня опрокинулось небо.

Небо запало мне в душу, хотя
принял его я за струи дождя.

Счел кисло-сладкие соки
за водяные потоки.

Как ручейки в придорожной пыли,
горько-соленые слезы текли.

* * *

Наутро солнце не взошло.
Напротив, как мне показалось,
корнями в землю проросло
и там осталось.

Быть может, им обзавестись
решили черви земляные?
В конце концов — все остальные
без солнца могут обойтись.

* * *

Кто смерти не боится?
Поднявшись в полный рост,
под нож идет пшеница.
А постовой — на пост.

Под мышку взявши ватник,
идет охотник в лес,
идет в атаку ратник
с копьём наперевес.

Труднее жить иначе —
как в заводи карась,
подчас сидишь на даче,
от ужаса трясась.

* * *

Как будто многовековая
история родного края
на невысоком берегу
увязла по уши в снегу.

Когда снежок, ложась на поле,
сбивался в кучу вдоль шоссе,
она — знакомая до боли —
являлась нам во всей красе.

Угадывались очертанья
в нагроможденье кирпичей.
Как голос в зале ожиданья,
в ночи набат звучал над ней.

Не в силах уследить за смыслом,
не разобрав отдельных слов,
о нашем времени некислом
кто походя судить готов?

Солдат, от поезда отставший?
Сошедший на берег матрос?
Иль в церкви службу отстоявший,
сребробородый Дед Мороз?

* * *

На маковках — кресты.
На шпильях — звезды.
Красоты
единой ради —
двуглавые орлы
на спицах в стольном граде.

Из мглы
веков иная птица
взглянуть на белый свет боится.
С годами, сидя на гнезде,
ослепла в полной темноте.

* * *

В отсутствии креста
и полумесяц, и звезда
играют не присущие им роли.

Поземка треплет в чистом поле
перестоявшие хлеба.
Идет незримая борьба.

Невидимые миру слезы
сковали первые морозы.

* * *

Озимую повалит в грязь,
все кости ей переломает,
а что на славу удалась,
об этом ветер знать не знает.

Ржаное поле полегло.
За тридевять земель отсюда
чуть было нас не унесло
туда, где за морем житье не худо.

* * *

Снег белый лишь на первый взгляд.
На самом деле — черный,
готов побиться об заклад,
когда он подзаборный.

Он по обочинам дорог —
мозгами пораскинем —
в конечном счете стать бы мог
зеленым или синим?

* * *

Грязь налипает на подметки.
Который год у нас

ни зги не видно в околотке.
Фонарь погас.

Но, если приглядеться, можно
во мраке разглядеть,
как безнадежно и тревожно
мерцает медь.

В ночи над башней привокзальной —
высокий шпиль.
Подобен свечке поминальной
ее архитектурный стиль.

* * *

Особенно начало
запомниться смогло:
тогда всю ночь стучало
оконное стекло.

Не в силах удержаться,
в конце концов к нему
решил я лбом прижаться
и заглянул во тьму.

Ни запаха, ни вкуса —
бесплотная, точь-в-точь
гигантская медуза,
парит над миром ночь.

* * *

Лес кровью на корню истек.
Насквозь прозрачным стать бы мог.

Но кровеносные сосуды
в отличие от стеклопосуды
прозрачны лишь на первый взгляд.

В них кровь, как мед.
А мед — как яд.

* * *

Пейзаж осенний входит в дом.
Громоздкий, будто шкаф зеркальный,
с трудом пройдя в дверной проем,
быт воссоздал патриархальный.

Коврами услан шаткий пол.
В хрустальной вазочке — конфетки.
И бьется, выпорхнув из клетки,
в стекло оконное щегол.

* * *

В затылок дышит куст багряный,
и долго дух его медвяный
во тьме преследует меня.

Я знаю, дыма без огня
не может быть,
но как от дыма
глаза слезятся нестерпимо.

* * *

Кленовые листья легли на лопатки.
На глине заметны листвы отпечатки.

Посмертные маски с осин и берез
снял, словно играючи, первый мороз.

Навеки впечатала в мерзлую глину
осенняя стужа сирень и рябину.

* * *

Сирень переживает бум.
И превращается в изюм
на солнцепеке.

За исключением танца живота
все остальное — клевета,
злой вымысел в рассказах о Востоке.

* * *

Рисунок на чертеж
не должен быть похож.

Тут дрогнула рука.
Тут карандаш сломался.
Тут коршун свысока,
как камень, вниз сорвался.

И вот уже летит,
в когтях неся добычу.
Кричит.
А крик его победному подобен кличу.

* * *

Тоска зеленая — сомненья
ни капли нет на этот счет —
как пруд, стоящий без движенья,
куст молочая у ворот.

Оттенки могут быть любими.
Но ни за что и никогда
ни алыми, ни голубыми —
куст у ворот,
в пруду вода.

* * *

В чем каждый может убедиться,
кто на крючок поймал леща?

Глубокой осенью водица
в реке уж больно горяча.

Река, как баня водяная.
В ней рыболовы поутру,
иного способа не зная,
готовят рыбу на пару.

* * *

Закон не писан рыбакам.
Лодчонки жмутся к берегам.
В ночи над чащей камышовой
витают дух ухи ершовой.

Когда костер давно потух,
еще ее вигаает дух.
Подолгу стойкий запах
стоит на задних лапах.

* * *

Мошка роится на закате,
изнемогая от жары.
От ученической тетради
смерть принимают комары.

Поскольку более не в силах
мы кровь напрасно проливать,
с любовью станем вспоминать
о фиолетовых чернилах.

* * *

Литература — не предмет.
А то, чему названья нет.

Со словом отчего-то
работать неохота.
Кропать стихи.
Строчить роман.
Смешно за словом лезть в карман.

* * *

Воды колодезной глоток,
как сумеречный холодок:
хотя ничуть не больно,
поморщишься, поежишься невольно.

Слегка плечами поведешь —
вода в реке колючая, как рожь.

Весна в Карфагене

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Для радости нужны двое*.

ХЛІ

Вчетверг, 3 ноября 1941 года, Карен-маленький и безродная хохотушка Надя расписались в одном из работавших на тот момент загсов Москвы.

Погода стояла мгlistая, хотя иногда проглядывало солнышко, казавшееся в серой мути особенно ярким и желанным. Проглянет на минуту-другую — заблестят лужи с льдистой кожей, заиграют блики на окнах, сплошь перекрещенных бумажными лентами, невольно разулыбаются люди, а оно — раз, и исчезло, и снова беспросветная мгlistость, а то и дождь со снегом сорвутся, но тоже как-то коротко, будто неуверенно, один только низовой северный ветер дул неизменно, ровно — мокрый, пронизывающий, как бы не оставляющий никаких надежд на потепление. В очереди у дверей загса кто-то мерз, у кого-то не попал зуб на зуб, кто-то согрелся спиртиком раньше времени, а Карену, Наде и их свидетелям, Сашеньке и Марку, сам черт был не брат. Накануне в их больнице, переименованной в военный госпиталь особого назначения, всему медицинскому и обслуживающему персоналу была выдана военная форма. При том бывший завхоз больницы Ираклий Соломонович, переименованный ныне в заместителя начальника госпиталя по тылу, проявил такие чудеса снабженческой хваткости и изворотливости, что каждому досталось и по шинели, и по овчинному полушубку, и по сапогам, и по валенкам на толстой резиновой подошве, и по шапке-ушанке, не говоря уже о прочем обмундировании, вплоть до нижнего белья и немереного количества байковых портянок. Вова-полторы жены и еще два шофера на трех полуторках целый день возили барахло с армейских складов откуда-то с Зацепы**. Все было новенькое, с иголки и насквозь пропахшее нафталином, видно, пролежало на складах не один год.

Наверное, была дана команда к тотальной раздаче барахла — Москва висела на ниточке, и хранить было теперь как бы уже и не для кого, разве только для немцев... А Ираклий Соломонович оказался в нужное время в нужном месте, да еще при своем транспорте. «Ну и молоток наш Ираклий Соломонович! — восхищался им Вова-полторы жены. — Ты представляешь, нам полушубки хотели зажать, так он как заорет на завсклада: “Ах ты, сучий потрох, немца ждешь? Да я тебя лично пристрелю!” И даже кобурю свою стал расстегивать, а я-то знаю,

---

Продолжение. Начало см. «Октябрь», 2001, №№ 5, 10; 2002, № 1.

* Пословица, приписываемая разным народам.

** Зацепа — один из районов Замоскворечья.

там у него деревянный, сам ему делал, боевые — в оружейной комнате. Вот какой молодец наш Соломоныч, а всегда был такой тихий! Ну тот завсклада сразу перетрухал и говорит: «Да забирайте вы хоть все! Ты прав! Не немца же нам одевать!» Вот какой молодец Ираклий Соломонович!»

Так что группа Карена-маленького под дверями загса завидно выделялась среди прочей публики — все четверо были в полушубках, в ушанках, в сапогах. А желающих скрепить брачные узы оказалось так много, что очередь втекала в замызганные грязно-серые двери с улицы, и пришлось ждать почти три часа из тех двадцати четырех, что были отпущены новобрачным начальником госпиталя. Сашеньке было теплым-тепло в полушубочке, хоть и провонявшем насквозь нафталином, а некоторые девчонки стояли в пальтишках на рыбьем меху или в фуфаячках, да еще и в туфельках; одна белобрысенкая, лет восемнадцати, вообще была в лакированных лодочках, и жених оттирал ей между большими красными ладонями то одну, то другую ступню в фильдеперсовом чулочке.

Из торчавшей на столбе у автобазы черной тарелки репродуктора вдруг раздалась бравурная музыка, и через секунду-другую все пространство заполнил чеканный голос Левитана:

«Сегодня, 3 ноября 1941 года, перед рассветом, на ближних подступах к городу Севастополю завязался бой с подошедшими передовыми частями врага. В ожесточенном бою малочисленные войска Севастопольского оборонительного района, состоящие из отдельной приморской армии генерала Петрова и части севастопольского гарнизона, корабли и авиация Черноморского флота под командованием вице-адмирала Октябрьского отразили все попытки врага овладеть Севастополем. Враг прекратил атаки и отошел на исходные позиции...»

Все заулыбались, несколько человек вразнойбой крикнули «ура», и вдруг блеснуло из-за туч солнышко, пусть на минутку, но блеснуло... Все расценили это как добрый знак их будущему супружеству, и очередь пошла веселей.

В большой, заставленной картонными коробками комнате давно не топили, так что даже чернила замерзли в старинном бронзовом приборе с головами львов, перекочевавшем в этот загс, верно, с какого-то дореволюционного барского стола или из богатого присутствия*. Расписывались химическим карандашом, чтобы роспись получилась наверняка, каждый жених и каждая невеста слонявили острие карандаша, а потом расписывались, и от этого на кончиках их языков оставались синие метки, а кто-то умудрялся и губы вымазать синим — смеялись по этому поводу все, с восторгом показывали друг дружке языки и хохотали так неостановимо, так сладко! Смеялись невесты, смеялись женихи, хохотали свидетели, и даже строгая женщина в темно-синем кителе — заведующая загсом — и та сдержанно хихихала. Женихи и невесты были в основном молоденькие, но попадались и тридцати- и сорокалетние пары, так что уже по одному этому факту можно было сделать вывод, что народ приготовился воевать не на шутку, что люди слепляются, чтобы стоять тверже, а не собираются бежать врассыпную.

Свидетельницей со стороны невесты Нади была, конечно, Сашенька, а свидетелем со стороны Карена — сын Софьи Абрамовны Марк: оказывается, они с Кареном играли в одной шахматной команде и даже занимали какие-то призовые места на московских городских турнирах, что говорило о довольно высоком уровне их мастерства.

Еще до загса, рано утром, Марк принес в пристройку к кочегарке, где жили Сашенька и Анна Карповна, килограмма два говядины, десяток луковиц, две головки чеснока, бутылку шампанского 1938 года розлива** и кулек карамелек — по тем временам это была баснословная щедрость; Карен принес пол-литровую банку топленого масла из Армении, Надя, как самая неимушкая, свою пайку хлеба, Сашенька купила у знакомой торговки пять яиц и килограмм пшеничной муки первого сорта, квашеная капуста и картошка были у Анны Карповны припасены свои. Так что стол накрыли отменный, жаркое получилось у Анны Карповны такое — пальчики оближешь! Еще Карен принес какой-то странный предмет, завернутый в розовое потертое байковое одеяльце, и положил его на кровать.

* Присутствием называли до 1917 года всякого рода государственные учреждения.

** А в эти дни 1941 года на заводе шампанских вин в Замоскворечье была пущена линия по розливу в бутылки из-под шампанского зажигательной смеси.

— Он замерз! Тепер, пока мы на загс, пуст погреет! Хорошо? — спросил он Анну Карповну.

Та согласно кивнула, и, не любопытничая, что там, в свертке, принялась готовить еду, а молодые вывалились гурьбой за двери пристройки и пошли скорым шагом в загс, уверенные, что дел там у них минут на десять — пятнадцать, что они будут единственными в своем роде.

Стол, накрытый Анной Карповной, источал такие ароматы, а все были так голодны и счастливы, что свалили полушубки и ушанки кучей на ларь с книгами — и сразу с места в карьер... Марк ловко откупорил шампанское — пробка вылетела в потолок, едва не угодив в потолочное окошко, крест-на-крест перечеркнутое бумажными полосами.

— Эй, Марк, — вскрикнула Надя, — ты так их без стекол оставишь!

— Ничего, — сказал Марк, — не бойся, Наденька, я не промахнусь! — И разлил шампанское по граненым стаканам и чайным чашкам, которые удалось собрать.

Выпили за молодых.

Выпили за родителей Карена в их далекой каменистой Армении.

Выпили в память родителей Нади, умерших в 1933 году от голода, в степном селе под Сальском.

Выпили за то, чтобы немец не взял Москву.

Хвалили жаркое, хвалили капусту, хвалили картошку, хвалили оладушки. Ну и, само собой, хвалили в первую очередь искусницу Анну Карповну, а она только кивала головой и улыбалась: она ведь не говорила по-русски...

Карен встал и прошел из-за стола к кровати, к свертку в байковом одеяльце.

— Что там у тебя? — полюбопытствовала Сашенька.

— Скрипк, — сказал Карен, разворачивая ее, как дитя из одеяльца, и его большие черные глаза вспыхнули так ярко, так одухотворенно, что всем как-то сразу стало по-детски радостно, и война словно отодвинулась куда-то далеко-далеко, а не нависала над стенами Москвы своей огнедышащей окровавленной тушей.

Скрипка была не стандартная, но вроде и не самоделка, темный лак лежал ровно, линии были отточенные, чистые, смычок был тоже вполне хороший на вид.

— Моя дед сама немножко отремонтировала этот итальянски скрипк, он немножко ломал. Моя дед играл всегда и сам делал скрипк. У нас на свадьб всегда играют песня «Царен, Царен», я тоже хочу играл, чтобы был как армянский свадьб мало-мало...

— Давай! Давай! Играй, Каренчик! — поддержали его все, кроме Анны Карповны, хотя и она тоже кивала и улыбалась в знак согласия.

Карен заиграл. Песня была красивая, протяжная, немножко печальная.

— О чем эта песня? — спросила Надя.

— О любимый девушк, — ответил Карен.

— Ну если уж армяне играют на скрипках, то нам, евреям, сам Бог велел! — весело сказал Марк. — А ну-ка, дай инструмент!

Марк довольно профессионально сыграл чардаш Монти, а потом гавот Госсека.

— А вы хорошо играете, — похвалила его Сашенька. — Карен, конечно, тоже хорошо...

— Еще бы мне не играть! — засмеялся Марк. — Из каждого еврейского мальчика пытаются сделать Никколо Паганини или на худой случай хотя бы Яшу Хейфеца*, а когда всем становится понятно, что номер не удался, наконец отдают в дантисты. Моя дорогая мамочка Софья Абрамовна таскала меня семь лет в музыкальную школу как проклятого.

Было заметно, что Марк и играет на скрипке, и острит для одной только Сашеньки, что она ему очень нравится. Сашенька все это тоже видела, чувствовала, но не радовалась своей власти над взрослым, красивым и как будто весьма неглупым мужчиной. Ей было лишь неловко перед мамой и перед Кареном с Надей. И она сразу после чая с оладушками предложила:

— А не пора ли нам в госпиталь? А вы, Наденька, располагайтесь как дома, будь хозяйкой. Мама дарит тебе пуховую подушку, а я две простыни, не новые, но очень крепкие, полотняные.

* Яша Хейфец в 1934 году приезжал в СССР на гастроли, и его имя было у всех на слуху.

— А я дарю шахматы! — не замедлил проявить себя Марк и вынул из кармана коробочку со своими заветными миниатюрными шахматами, которые подарил ему когда-то дед Лейбо и которые до последней секунды он никак не имел в виду подаривать Карену. Но слово не воробей — передарил, хотя Сашенька в эту минуту вообще отвернулась от стола и не видела столь шикарного жеста. Анна Карповна, Сашенька, Марк оделись, притом Марк церемонно помогал женщинам, и, протрившись с молодоженами, вышли в темную ночь, можно сказать, в черную — Москва была затемнена наглухо. Всем троицм предстояло ночное дежурство. Сашеньке хотелось поговорить с мамой, но Марк тараторил без умолку, и его шансы на доброе отношение Сашеньки катастрофически падали с каждой минутой. Хотя он говорил и умно, и весело, но, увы, не в том месте, не в то время и не с теми, кого это могло заинтересовать. Когда подходили к черному прямоугольнику госпиталя, Сашенька уже почти ненавидела своего ухажера.

XLII

Анна Карповна перешла из посудомоек на работу в госпитальную прачечную и работала по двенадцать часов в день, а потом еще два часа «поддежуривала» на крыше госпиталя на случай налета немецких бомбардировщиков, для борьбы с «зажигалками», как они называли между собой зажигательные бомбы.

Сашенька, при ее новой должности, можно сказать, работала всегда — бывало так, что она по нескольку суток не выходила из госпиталя даже во двор, глотнуть свежего воздуха. Война оказалась прежде всего тяжелой, непрерывной работой, притом кровавой и грязной. Кровь, гной, вонь, черви в ранах, вши, и не штучные, а копошащиеся слоем, ампутированные руки, ноги, выбитые глаза, раскроенные черепа, и каждый Божий день — смерть, смерть, смерть. Когда соприкасаешься с этим в единственном числе, тебя потрясает, ужасает, выбивает из колеи, а когда все это день ото дня и ночь от ночи стоит на потоке, то оказывается, что человек способен выдержать, человек, оказывается, так устроен, что способен превозмочь нечеловеческое. Ни свыкнуться, ни смириться с этим нельзя, но ты понимаешь, что должен это делать, потому что, кроме тебя, это не сделает никто. И тогда возникает «запредельное торможение»* нервной системы — ты видишь, осязаешь, обоняешь, осознаешь, но не воспринимаешь всю полноту отрицательных эмоций. Запредельное торможение наступило, и ты живешь и действуешь за этим прозрачным щитом, за пределом человеческих возможностей.

Так и летели дни и ночи...

3 августа 1942 года, день в день через девять месяцев, у Карена-маленького и хохотушки Нади родился сын Артем, и все они как бы очнулись и снова собрались дома у Сашеньки и Анны Карповны отметить это событие.

XLIII

Когда в пристройку к кочегарке ввалились молодые радостные Карен, Марк, Сашенька и Надя с младенцем на руках, у Анны Карповны уже был накрыт стол. Даже более богатый, чем в день свадьбы: на этот раз позаботился о продуктах лично заместитель начальника госпиталя по тылу Ираклий Соломонович Горшков. Про него не зря ходила байка: «Что ему доставало, он тотчас же доставал — самый лучший доставала из московских доставал». Секрет успеха был в том, что к тому времени Марк уже переквалифицировался из обычного дантиста в челюстно-лицевого хирурга и достиг на этом новом для него поприще удивительных успехов: он еще не был лучшим в госпитале, но дело к этому шло. А что касается Ираклия Соломоновича Горшкова, то ему Марк привел в боевое состояние обе челюсти, и тот не знал, как его отблагодарить, отсюда и продукты на столе: и сухая колбаса, о которой все собравшиеся думали, что ее

* Медицинский термин, введен в научный оборот академиком А. А. Ухтомским (1875—1942).

давно уже нет в природе, и шпроты, и канадская белейшая мука для пышек, и даже бутылка шампанского, бог весть из каких запасников.

— Та како воно манэсэнко! Ой, хлопчик гарний! Ой, гарний! — засюсюкала над маленьким Анна Карповна.

Они с Надей положили его на кровать и стали менять пеленки. Младенец обкакался, и это было громогласно признано всеми как добрый знак, а точнее, намек на будущее богатство.

— Богатый будет! — первым сказал Марк, который всегда старался быть первым, и все подхватили:

— Богатый! Уй, богатый!

И тут же рассмеялись: откуда у человека взяться богатству при советской власти? Хотя ошиблись: Артему Кареновичу действительно предстояло богатство, притом настоящее: со счетами в иностранных банках, с большим загородным домом в ближнем Подмоскowie, с телохранителями, с челядью и т. д. и т. п. Но разве тогда хоть кто-нибудь мог это вообразить? Нет, конечно, не мог... Но до этой превратности в судьбе Артема Кареновича было еще полвека с маленьким гаком. А пока будущего буржуя помыли, запеленали и взяли за стол на первое в его жизни пиршество. На руках у Анны Карповны он вел себя вполне прилично — уснул после первого же тоста в его честь и не просыпался во время всего застолья.

— Тетя Аня, — сказала Надя, — вы прямо секрет какой-то знаете. Как это он у вас вдруг уснул?

Анна Карповна улыбалась и кивала головой — она ведь не говорила по-русски.

Всем было хорошо. Карен гордился, что у него родился продолжатель рода. Марк был рад, что есть возможность посидеть рядом с Сашенькой — он все так же неустанно оказывал ей знаки внимания и все так же не имел ни малейшего успеха. Надя светилась от счастья: у нее и муж, и сын, и все, слава Богу, идет нормально, даже обещали дать комнату, а пока они жили по разным общежитиям — Карен в мужском, а она, Надя, в женском. Но Ираклий Соломонович вчера сказал: «Я буду не я, если я эту комнату для вас не вицпылю!» Теперь они верили, ждали: Ираклий Соломонович слов на ветер не бросал. Надя похудела и похорошела, с материнством она даже как бы вдруг поуменела, а может быть, просто стала меньше тараторить по любому поводу. Сашенька тоже сияла от счастья и была вся напряжена, видимо, от какой-то одной ей известной тайны.

На скрипке в этот раз не играли, времени на гулянку было отпущено всего четыре часа. А потом Карен и Марк заступали на дежурство, каждый в своем отделе. У Сашеньки и Анны Карповны было что-то наподобие выходного дня и полной свободной ночи — такое выпадало примерно раз в три-четыре недели. У Нади была в запасе уйма времени, может, неделя, а то и все две! Чего в общежитии сидеть? А как будет с малышом, бог его знает. Как-нибудь все устроится, девчонки помогут, Карен поможет, Анна Карповна, — все помогут, тут даже и говорить никому ничего не надо.

Ни о войне, ни о работе в госпитале за столом не говорили. Только Надя вспомнила про пса Хлопчика и про кошек: Гусю, Мусю, Марысю и Панночку, которые, несмотря на войну, прекрасно жили в затишке при посудомойке. Котят разбирали теперь не так охотно, как до войны, поэтому их скопилось за последнее время довольно много. Старшие кошки не давали особой воли своим отпрыскам и драли их беспощадно, а подростки котов вообще изгоняли за больничный забор. Исключение было сделано только для некоего Мурзика, сына Панночки, который вошел в такое доверие к Хлопчику, что спал вместе с ним в его будке, ловил на нем блох и еще исполнял такой цирковой номер, на который сбегалось посмотреть полгоспиталя, фактически все ходячие. Ни мало ни много Мурзик засовывал свою буйную голову в огромную, широко раззявленную пасть Хлопчика, и они замирали на десять — двенадцать секунд — такая у них была игра на доверие.

Застолье пролетело как одна минута.

— Ого! — взглянул на свои наручные часы Марк. — Пора бежать! — Но не встал из-за стола, а налил себе и Карену спирту и сказал: — Извините, что молчал. Ну, в общем, так получилось, добился я, наконец... Послезавтра ухажу в действующую армию. Давай, Карен, выпьем на дорожку.

Мужчины чокнулись, выпили.

— Да,— сказал Карен,— на госпитал разнорядк пришел, я знай. Шест человек разнорядк. Кто точно, я не знай.

Сашенька побледнела. Марк благодарно улыбнулся ей, потому что подумал, что это она побледнела из-за него. Анна Карповна перепеленывала на кровати маленького и не видела этой сценки, и еще они о чем-то шептались с Надей. Надя по-русски, Анна Карповна по-украински, но, видимо, они достаточно хорошо понимали друг друга: языки-то родственные.

Мужчины простились и ушли, а женщины остались помыть посуду и почавничать. День стоял жаркий, томительный, а здесь, в пристройке к кочегарке с ее толстенными стенами, было вполне сносно, так что малыш спал в свое удовольствие. Попили чайку с сахарином, потом Надя вдруг сказала, пряча глаза:

— Сашуль, ты отдохни, а мы тут с тетей Аней сходим по моим делам.

— Ради Бога,— пожала плечами Сашенька,— не бойся, я за ним присмотрю.

— Да мы его тоже возьмем,— сказала Надя.

— А его зачем? Ма, зачем вы в такую духоту берете Артема?

Но Анна Карповна в этот момент уже выходила из двери и сделала вид, что не услышала Сашеньку.

Надя подхватила на руки малыша и выбежала вслед за Анной Карповной.

Сашенька сразу смекнула, что от нее хотят скрыть что-то очень важное. Она чуточку приоткрыла дверь и проследила в щелочку, как ее мать и Надя с младенцем торопливо пересекли их широкий двор и скрылись за углом. Не долго думая, Сашенька пустилась за ними следом, она пошла им наперерез через проходной подъезд, и скоро они попали в поле ее зрения. Куда они шли, пока было неясно. «Ну что ж,— решила Сашенька,— куда они — туда и я». Минут через десять стало понятно, что направляются беглянки напрямик к Елоховскому собору. Собор действовал. Нужно сказать, что с войной позиция власти преержающей в отношении верующих заметно смягчилась. И это было понятно: чтобы удержать дух народа на высоте, годилось все, и в первую голову старые средства, испытанные веками.

Анна Карповна и Надя с младенцем направились к черному ходу собора. Сашенька знала здесь каждый уголок, и ей не составило труда прокрасться за ними следом и пока не выдавать себя. В храме было пусто и полутемно, особенно со света, но через минуту-другую Сашенька присмотрелась: Надя с младенцем на руках приткнулась в темном углу и зверовато озиралась по сторонам — было сразу понятно, что не только в этом соборе, а вообще в церкви она в первый раз в жизни. Анны Карповны не было видно, значит, она скрылась где-то в боковой двери, наверняка ищет батюшку. Зачем? Теперь-то понятно. «Значит, маленькому Артему предуготована участь креститься в той же купели, что и Пушкину,— подумала Сашенька.— Что ж, быть тогда мне крестной матерью!»

Скоро появился низкорослый батюшка в темной рясе, а за ним Анна Карповна — по всему было видно, что они успели договориться.

— Ну, шо, молодайка,— весело обратилась Анна Карповна к Наде,— пан отец згоден*.

И они деловито направились к купели, Надя с младенцем на руках поспешила за ними.

— А что армяенок, то не беда,— степенно говорил пожилой грузный батюшка, лица которого Сашеньке не было видно.— Я и китайчонка, было дело, крестил, а армяенок — это тебе не штука, армяне, они почти православные, а этот по матери тем более русак. Крещеного Бог лучше сохранит. А что армяенок, ничего, война и не такое спишет. По-моему, там воды нету,— заглянув в купель, добавил батюшка,— надо принести со двора. Если подкачать колонку, то, может, и набежит ведерко.

Анна Карповна взяла от купели два пустых ведра и быстро пошла знакомой ей дорогой на выход. А как только она вышла, тут-то Сашенька и выдала себя, неловко переступив с ноги на ногу. Реакция у батюшки была мгновенной, только за пистолет не схватился.

* Батюшка согласен (укр. разг.).

— А вы почему здесь, гражданка?

— Саня, ты что, тебе нельзя! — испуганно зашептала Наденька. — Тебя накажут, ты что!

— А тебя? — усмехнулась Сашенька.

— Да я за ради Артемки на все готова! — вдруг горячо сказала Надя, сказала тоном, совершенно ей не свойственным, не слыханным от нее доселе.

— Я дочь Анны Карповны, — сказала Сашенька батюшке.

— А-а, это другое дело... А вы, барышня, сами крещеная?

— Да, я крещеная. И сейчас хочу быть крестной матерью этому мальчику Артему.

Анна Карповна принесла полные до краев ведра воды и сделала вид, что совсем не удивилась Сашеньке. Она слышала последние слова дочери, они ее не смутили, а только порадовали — в конце концов будь что будет! Сколько можно все это терпеть, молчать, таиться? Тем более не дело играть в дурика в храме Божьем!

Младенец крестился вполне благополучно и радостно, он даже не заплакал — имя ему было дано Артемий, а крестной матерью записана Александра Галушко. Анна Карповна передала ребенка батюшке, и тот повесил на шею новокрещенному легонький оловянный крестик.

Из церкви Надя с Артемом побежала в общежитие — пришла пора сцеживать молоко, а Анна Карповна и Сашенька поцли вечерующими улочками Москвы к себе домой. Улочки были тихи и безлюдны, жара спала, они шагали не спеша и говорили между собой по-русски.

— Теперь тебя затаскают, — сказала мать.

— А как они узнают?

— Это элементарно. У них всё на контроле.

— Не успеют! — жестко сказала Сашенька. — Ма, ты прости, что я до сих пор молчала, но я, как и Марк...

— Понятно, — сказала мать после долгой паузы. — И что, в одну часть?

— Вряд ли. — Сашенька улыбнулась. — Какой он все-таки нудный...

— Просто у тебя другой на уме. Что о нем слышно?

— Софья Абрамовна говорит, что он на передовой, а где, она толком не знает, говорит — главный хирург, а чего — тоже толком не знает — то ли госпиталя, то ли целой бригады или армии. Говорит: семья за него хорошо получает.

— Слава Богу! Хирург он, конечно, отменный, а что за человек, не знаю... И когда ты уходишь?

— Послезавтра с вещами, а куда — не знаю.

— Что ж, — сказала Анна Карповна, — дело военное, рассуждать тут не о чем. А может, оно и к лучшему — развеешься, встретишь кого...

— Мне никто не нужен.

— Нужен не нужен — жизнь подскажет. Только еще раз прошу тебя — не пей на фронте!

— Да ты что, ма? Ты что?

— Саша, не будь наивной. Разве ты не видишь, сколько пьют у нас в госпитале? А это еще не фронт, не ад, это только предбанник ада. И пьют не от распушенности, а от страха, от жизни, от смерти чужой заслоняются, от боли. И женщины многие многие попивают, а для них это дорога в бездну. Женский алкоголизм безвозвратен, его не лечат.

— Но я ведь тебе обещала! Я же поклялась!

— Ой, смотри, смотри, доченька, благими намерениями дорога в ад вымощена.

— Ма, я поклялась, сколько можно!

— Ладно. Больше не буду об этом. Немец рвется к Волге, сегодня утром я слушала — идут бои под Сталинградом. Наверное, туда вас и бросят. Там все главное только и начинается, помани мое слово*.

* Нанося главный удар на Сталинградском направлении, противник потеснил ослабленные в предыдущих боях части Юго-Западного фронта и к 15 июля овладел Богучаром и Миллеровым. В районе большой излучины Дона враг был временно задержан резервными войсками, выдвинутыми Ставкой Верховного Главнокомандующего для прикрытия Сталинграда. С 17 июля началась борьба на дальних подступах к Сталинграду. Сталинградская битва была развязана.

— Ты разбираешься в стратегии? Откуда у тебя это?

— Не знаю! — засмеялась Анна Карповна. — У нас ведь род армейский да флотский. Чего тут разбираться? Если немец возьмет Сталинград, будет очень плохо. Бакинская нефть, Кавказ — все будет отрезано.

— Ма, а какую роль в нашей жизни сыграл папин денщик Сидор Галушко?

— Большую. Потом как-нибудь расскажу, это отдельная история.

— Когда же потом? Я ведь на фронт ухожу!

— А вот придешь с фронта, я и расскажу, — нежно глядя на дочь, улыбнулась Анна Карповна.

— А мы победим?

— Непременно!

— А хороший был человек этот Сидор Галушко или очень хороший?

— Неплохой.

Мама явно уходила от разговора, и Сашенька настояла на его продолжении.

— А хоть фамилию его носить не стыдно?

— Раз мы столько лет ее носим, значит, не стыдно. Что, графская кровь заговорила? — усмехнулась мама.

— Да! — засмеялась Сашенька. — Получается, что так... Раньше мне до того не нравилась наша фамилия, что я ее, ух, как не любила! А теперь, когда знаю, что есть и другая, настоящая, я вроде бы смирилась.

— Ну да, — сказала весело мама, — это когда у тебя в гардеробе висит хороший костюм, то можно поносить и плохонький, притом совершенно спокойно. Так человек устроен: ему главное — знать, что у него за душой есть запасец. Я видела очень богатых людей, которые одевались кое-как, но при этом у них была такая властность в движениях и жестах, что никто не признавал их за бедняков или за людей, нарушающих правила хорошего тона. В любой ситуации держись уверенно, и все подумают, что так и надо, что это не у тебя какая-то оплошка, а они чего-то недопонимают.

XLIV

На другой день, накануне отъезда на фронт, все шестеро открепленных из госпиталя неожиданно получили правительственные награды: Сашенька — Орден Трудового Красного Знамени*, Марк — «Знак Почета», а остальные — медали «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие»**. Начальник госпиталя, главврач, поздравляя награжденных, скромно умолчал о том, что все эти награды добыты исключительно его хлопотами и ходатайствами, в том числе и благодаря его личным связям, его громкому имени. В свое время он был знаменитым хирургом, а где-то к шестидесяти годам его руки поразил артроз, и он, как говорил сам о себе, «выбыл из игры» и занялся организаторской деятельностью. Начальник госпиталя не получил никакой награды и, кажется, ничуть не огорчился этому. Что касается Сашеньки, то ей не хотели давать сразу такой высокий орден, но начальник госпиталя объяснил в инстанции, что это у нее не первая, а вторая правительственная награда — он имел в виду ту самую пресловутую Грамоту ВЦИК за физкультурный парад на Красной площади, которая, как оказалось, открыла для Сашеньки многие тяжелые двери, так что она совсем не зря простояла пять минут вверх ногами над знаменитой брусчаткой.

С ответным словом от награжденных выступила Сашенька, как получившая наиболее высокую награду.

— Спасибо, что вы нас отпускаете, товарищ главный военный врач! Спасибо вам, дорогой Иван Иванович, — вдруг сбилась с официоза Сашенька, и все присутствовавшие в зале заулыбались и захлопали в ладоши.

— Да разве ж я вас отпускаю? — сказал главврач. — Отрываю с кровью, у меня все хорошие, но вы — из лучших. Воюйте, ребята! За Родину! Ура!

* Орден Трудового Красного Знамени учрежден 7 сентября 1928 г.

** Медали «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие» учреждены 27 декабря 1938 г.

— Ура! Ура! — громко и нестройно подхватили медсестры, врачи, санитары и ходячие больные, набившиеся в конференц-зал.

— Так ты у меня и в генералы выйдешь! — счастливо сверкая глазами, сказала мать, когда они остались дома одни.

— В адмиралы! — засмеялась Сашенька. — Обожди, я до моря доберусь и выйду в адмиралы!

— Дай Бог! Дай Бог!

— Ма, ты не ходи меня провожать, хорошо?

— Хорошо. А почему?

— Такая примета есть — это мне Матильда сказала.

— Ну ладно, поверим Матильде, ей, циркачке, видней. У них риск на каждом шагу, а где риск — там и приметы. Ты знаешь, я ведь верю в приметы. У нас, у морских, тоже есть похожая. С Богом, доченька, я тебя дождусь, не сомневайся. — Мать троекратно перекрестила Сашеньку и трижды поцеловала. — С Богом! — И она осталась стоять у порога пристройки, а Сашенька шла, оборачивалась и махала ей рукой. Так как мама не говорила на людях по-русски, они настолько научились понимать друг друга при помощи мимики и жестов, что даже простое помахивание ладшкой над головой имело для них столько оттенков, сколько никакими словами не перескажешь. Так и порхали над их головами ладшки, как птицы, так и переговаривались, пока Сашенька окончательно не скрылась за обшарпанным углом их многоквартирного дома.

XLV

Всю свою жизнь до фронта, даже на одни сутки, Сашенька никогда не ставалась с мамой. Нельзя сказать, что мама контролировала каждый ее шаг, нет, мама была настолько умна и деликатна, что не позволяла себе ни поучать, ни навязывать свое мнение — все шло как бы само собой, якобы при полной самостоятельности Сашеньки, но это была лишь видимость, за этим стояло виртуозное умение мамы управлять, как бы не управляя.

Сашенька обожала маму, они так крепко притерлись друг к другу, что многое понимали без слов. А что слова? Сколько можно сказать руками, плечами, движением бровей, губ, сколько можно сказать молчанием? А глазами?! Да это же целый мир! Не зря сказано: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». В некотором роде жесты и мимика тоньше и богаче словесного выражения. Иногда то, что не высказать словом, можно показать с таким количеством и качеством оттенков и контекстов, которые недоступны ни устной, ни письменной речи. Только кивнуть головой можно в десятках, если не в сотнях смыслов. Обычно они с мамой так и переговаривались на людях — молча. Сашенька думала, что она никогда не сможет оторваться от мамы, что это выше ее сил. А оказалось, что, вдруг оставшись один на один с миром, она почувствовала такую неизъяснимую свободу, такую легкость в душе, так воспарила, что ей даже сделалось стыдно перед мамой, как будто бы она ее предала. Всякий день на фронте она вспоминала тот миг, когда обернулась в последний раз и помахала маме рукой, а мама стояла на пороге их несурзной пристройки к еще более несурзной кочегарке, которые к Первомаю* почему-то выкрасили в нежно-розовый цвет, с серыми потеками от весенних дождей, стояла с поднятой в ответном жесте рукой, и такая она была маленькая, худенькая, такая старушка, что слезы выступили у Сашеньки на глазах, и она так и повернула за угол, почти слепая.

Как всегда, мама не ошиблась. Сашеньку направили в район Сталинграда, хотя правильнее будет сказать, на окраину зарождающейся битвы, потому что до самого города от места дислокации ее ППГ** было километров двести пятьдесят, не меньше. Фронт, на который она попала, назывался Донским, и командовал им молодой Константин Рокоссовский. Сашеньке это очень понравилось, она даже хихикнула про себя: графиня Мерзловская при командующем Рокос-

* Праздник 1 Мая отмечался в стране как День международной солидарности трудящихся.

** ППГ — полевой подвижной госпиталь (военно-медицинская аббревиатура).

совском. На фронте Сашенька почувствовала себя очень хорошо, она будто проснулась после московской монотонности, как после летаргического сна, и увидела мир во всем его блеске и многоцветье. Оказывается, жить так весело! Оказывается, столько разных уголков русской земли! А какие веселые парни хирурги! А как безропотно признали ее верховенство над ними девчонки-медсестрички! Сашенька была назначена старшей операционной сестрой — ее орден, а в особенности то, из какого прославленного госпиталя Москвы она прибыла, автоматически сделали свое дело. А после трех-четырёх дней и нескольких операций, в которых она была занята, ее авторитет и вовсе стал непререкаем.

— Теперь я как за каменной стеной! — восхищался Сашенькой начальник госпиталя К. К. Грищук — здоровенный дядька килограммов на сто двадцать, совершенно лысый, но с густыми черными усами и живым блеском в умных, хитреньких карих глазках, которые, может быть, и были сами по себе нормальных размеров, однако на его большом округлом лице с мясистыми румяными щеками казались очень маленькими, прямо-таки малюсенькими буравчиками; он всех сразу так и буравил насквозь — такая у него была манера, а потом начал улыбаться, и глазки вообще западали. По специальности он был врач «ухо-горло-нос», что не мешало ему страдать хроническим гайморитом, на вид ему было лет пятьдесят, хотя не исполнилось еще и сорока. — Я, извините, как раз перед вашим приездом лично командующего фронтом Рокоссовского принимал. Инспекторскую поверку он нам сделал, и мы ему чуток помогли. Как раз по моей части оказалось дельце — воспаление среднего уха. Ну я ему все наладил, ординарец его даже потом, через недельку, звонил, благодарность передавал. Так что нас теперь и наше собственное медицинское фронтовое начальство просто так не стопчет, о нас уже есть мнение, что мы — хорошие! — Начальник госпиталя рассмеялся, как бы давая понять Сашеньке, что он тертый калач и всему цену знает.

— Командующий к вам специально приезжал? — удивленно переспросила Сашенька.

— Та не, просто проезжал мимо, видит — госпиталь, а тут у него ухо стреляет, так что мочи нет, вот он и завернул: «Есть у вас кто по ушам?» И тут я ему в масть как дам: «Так точно, товарищ командующий, есть!» «Кто?» «Я, товарищ командующий, начальник госпиталя Грищук К. К., опыт работы врачом «ухо-горло-нос» пятнадцать лет». «Пятнадцать — это годится, — через силу улыбнулся командующий. — А что значит «К. К.»? «Константин Константинович, товарищ командующий!» «О, так мы с тобой еще и полные тезки! Тогда давай, лечи!» — Ну, я от страха сам не свой, а все осмотрел толково и полез с инструментом в его ухо. Гноя пришлось откачать — будь здоров! Но он терпеливый мужчина, молодой, не старше меня.

— Да что вы? — удивилась Сашенька. — Ему, говорят, чуть за сорок.

— Ну а мне ж сколько? Мне только через полгода сорок будет. Я и говорю — моих лет товарищ командующий.

Госпиталь со всеми его причиндалами помещался на двух десятках новеньких полуторок и был экипирован самым лучшим образом. Здесь были и солидные запасы медикаментов, и операционные столы, и просторные палатки со слюдяными окошками, и широкий набор хирургических инструментов, и мощные рефлекторы, и новенькие аккумуляторы, — словом, все, что нужно.

— Как у вас замечательно! Никогда не думала, что наши фронтовые госпитали так оснащены!

Начальник госпиталя побагровел от смущения, польщенно кашлянул, разгладил свои молодецкие усы и скромно сказал:

— Да, маленько пришлось покрутиться. Кого на горло брать, кого лаской, кого как — это когда я его укомплектовывал. Правду сказать, таких госпиталей, как наш, немного, некоторые живут гораздо беднее. Кто сам прошляпил, а кому просто не достало. Я по всему нашему Донскому фронту всех госпитальных знаю — люди золотые, работают на износ. И у меня хирурги, вы не смотрите, что молодой, они уже почти опытные, а еще мастерства поднаберутся, они и вашим москвичам нос утрут. Главный хирург у меня вообще в полном порядке, у него и отец хирург, и дед был хирург, родовая косточка — это вам не шутки, он

у меня с закрытыми глазами может работать. Я про него нарочно никому ничего не болтаю, но уже по всему фронту прознали — чуть что, звонят, консультируются, а то и выдернуть норвят, но я его не отдам, ни-ни-ни! А медсестрички какие у нас лапоньки, и красотули, и трудяги. А водители — звери ребята! Сами посмотрите всех в деле.

— Какой вы милый! — вдруг сказала Сашенька как-то совсем по-домашнему, не по-армейски.

— Я?! Да чего во мне хорошего, кроме усов?

— К людям хорошо относитесь. Извините, — зарделась Сашенька. — Я не из подхалимажа, а так — само вырвалось!

— Спасибо! Спасибо! — улыбнулась Сашенька. — Доброе слово и кошке приятно. — И тут же постарался нахмуриться. — Ладно, проживем — увидим. У нас госпиталь третьей линии, и это хорошо, не потому что я боюсь фронта, а потому, что мы способны делать мало-мальски серьезные операции, и выживаемость получается выше, живых больше остается, пока до тыла доедут, понимаешь?

— Трудно не понять, — улыбнулась Сашенька.

— Так пойдем, я тебя моим архаровцам представлю честь честью.

Оперирующих хирургов в госпитале было семь человек. Шестеро сразу после института, а главный хирург, хотя и тоже еще молодой, но успевший поработать на гражданке. Как-никак ему уже было двадцать восемь лет и через денек должно было стукнуть двадцать девять. Когда начальник госпиталя представлял Сашеньку своей команде, хирурги дурашливо выстроились в шеренгу на сухой, пожухлой травке в тени крытой тентом полуторки.

— Я хочу вам представить нашу старшую операционную сестру Александру Александровну Галушко, — значительно сказал главврач и дал Сашеньке знак познакомиться с каждым за руку.

И тут своевольная Сашенька сделала то, чего от нее никто не ожидал: пошла к самому левофланговому, совсем молоденькому, протянула ему руку и сказала по-свойски:

— Саша!

— И я Саша!

Второго звали Илья, третьего — Николай, четвертого — Дмитрий, пятого — Виктор, шестого — Василий, а когда она, наконец, подошла к главному хирургу, тот церемонно отшагнул в сторону, взял ее протянутую руку и, вместо того чтобы пожать, как все, поднес ее к губам, чуть прикоснулся и, лихо щелкнув каблукми начищенных до блеска сапог, представился:

— Раевский Адам Сигизмундович!

— Раевский был герой войны двенадцатого года, — усмехнулась Сашенька, глядя прямо в его лицо. — Вам повезло с фамилией.

— Я не из тех. Наши Раевские по другой линии. Другая генеалогическая ветвь, хотя одного и того же родового древа. Прапредок у нас один, если это вам будет понятно.

— Мне это очень понятно! — дерзко сказала Сашенька. — Нам это преподавали по арифметике в фельдшерской школе.

Наконец она нашла в себе силы отвести взгляд от его лица. Никогда в жизни не видела она ничего подобного. У него была смуглая чистая кожа, высокий лоб под шапкой темно-каштановых кудрей, прямой, чуть с горбинкой нос, красиво очерченные полные губы, зубы ровные, чистые, что называется, один к одному, и необыкновенно белые («Интересно, чем он их так чистит? Наверное, древесным углем, — подумала Сашенька. — Прямо-таки сахарные зубы»), но совершенно необыкновенными были глаза — эмалево-синие, чуть-чуть раскосые, однако эта раскосинка не портила их, а придавала им какой-то дополнительный оттенок необыкновенности, и еще на его лице были усики, в общем, черные, но со светло-русскими подусниками. «Как у Печорина», — подумала Сашенька, она хорошо помнила портрет Печорина. Адам Сигизмундович был ростом чуть выше среднего, но благодаря исключительной пропорциональности телосложения казался высоким.

— Если разрешите, я покажу Александре Александровне окрестности, — обратился главный хирург к главному врачу.

— Показывай, — взял тот под козырек и даже не улыбнулся, чем как бы дал понять, что никто не знает Адаму Сигизмундовичу неровня и это его личное дело — показывать Александру окрестности или не показывать.

Окрестности были бедные — купы чахлах деревьев, нежатые, побитые колесами и гусеницами нивы, заросшие сорняком овраги, в которых и прятались операционные палатки, маскировался госпитальный скарб, палатки с больными, где-то далеко-далеко бухали то ли взрывы, то ли раскаты грома, но какой в сентябре гром?

— Бомбят, — сказал Адам Сигизмундович, — фрицы бомбят наши позиции. Скоро повезут, к утру будет много работы. У нас всегда так: или аврал, или затишье, как сегодня.

— А вы что, правда, из рода Раевских?

— Правда.

— А почему? Ну то есть, как же...

— Наверное, вы хотите сказать, почему я до сих пор жив, здоров и на свободе с такой фамилией?

— Да.

— Вы слышали такое понятие: военспец? Так вот, мой папа — военспец. Другими словами, царский генерал, но очень нужный советской власти. Он хирург, руководил когда-то всей медсанчастью у генерала Брусилова*. Наверное, вы и не слышали про такого, а он чуть не выиграл первую войну с немцами. Не дали.

— Как это? Кто? Почему?

— Кто? Царь. Другие политики из его окружения. Политики всегда мешают военным в их работе.

---

* Алексей Алексеевич Брусилов родился в 1853 г. в Тифлисе, умер в 1926 г. в Москве. Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус, офицерскую кавалерийскую школу. С 1871-го по 1926 г. прошел громадный путь воинской службы. Всемирно известен как руководитель и организатор знаменитого Брусиловского прорыва в мае — июле 1916 г. Войскам Юго-Западного фронта под командованием А. А. Брусилова удалось прорвать глубоко эшелонированную оборону австро-германских войск на участке шириной около 600 и глубиной около 150 километров. В наступательных боях российской армией было уничтожено более полутора миллионов солдат и офицеров противника, тогда как русские войска потеряли около полумиллиона человек — соотношение потерь для наступательной операции беспрецедентное. К сожалению, прорыв Брусилова не был поддержан и развит должным образом, хотя враг был настолько деморализован, что находился на грани капитуляции или исключительно выгодного для России мира. Безусловно, решающую роль в столь очевидном упущении сыграло предательство в вышних эшелонах власти России и местные интересы отдельных лиц. С мая по июль 1917 г. Брусилов назначается Верховным Главнокомандующим русской армией, но время уже упущено... С 1920 г. генерал Брусилов служит в Красной Армии, в роли так называемого «военспеца», занимая весьма высокое положение, — с 1920 г. в центральном аппарате Наркомвоенмора, в 1923—1924 гг. — инспектор кавалерии Красной Армии, с 1924 г. — инспектор для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР. Мы не знаем, что продиктовало Брусилову выбор последних лет в его блистательной военной карьере. Уверен, что не шкурные интересы и не любовь к большевикам в армии во главе с Троцким, а какие-то другие мотивы, скорее всего патриотического характера, связанные, может быть, с иллюзией кратковременности советской власти и желанием поучаствовать в сохранении русской армии, а значит, и целостности государства. Думается, что Брусилов попал в ситуацию, сходную с судьбой французского маршала Петена, кстати, в том же 1916 г. удержавшего Верден и спасшего Францию. Да, очевидно, Брусилов стал заложником своего просчета; как и Петен, он уже был немолод...

Автор бы не считал нужным делать столь пространную сноску, если бы... если бы уже в «Русском военно-историческом словаре» издания 2001 г. служба Брусилова в Красной Армии не была полностью опущена... Увы, последние шесть лет жизни великого военачальника в фундаментальном на вид издании XXI века как корова языком слизала. Зуд к переписыванию истории, наверное, наша вечная болезнь... А между тем нет сомнений, что Брусилов не нуждается в «выпрямлении» его биографии.

К счастью, есть и другие издания. В том же 2001 г. в России вышла книга самого А. А. Брусилова «Мои воспоминания», в которой прямо говорится о его отношении к новой власти и указывается причина, почему с 1917-го по 1920 г. столь активный генерал бездействовал. Оказывается, непосредственно накануне октябрьского переворота в окно квартиры Брусилова влетел артиллерийский снаряд, ему тяжело раздробило ногу, и почти год он был прикован к постели, здоровье его было навсегда подорвано. К слову сказать, несмотря на пышные названия его постов в Красной Армии — Председатель Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами и пр., реальных полномочий он не получил, и его надежды на какое-то конкретное противодействие власти не оправдались. А. А. Брусилов похоронен в 1926 г. на Новодевичьем кладбище.

— Зачем?

— Ну это трудно сказать: то по глупости, то по дезинформации и наущничеству — по разным причинам. Поэтому великие полководцы, такие, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, никому не говорили о своих решениях, а принимали их как бы внезапно. Иногда делали вид, что советуются, а поступали наоборот. Наполеон тоже так делал, пока не попер на Россию, — ошибся. Теперь Гитлер ошибся.

— Так мы победим?! — восторженно спросила Сашенька.

— Безусловно, но какой ценой...

— Вы видите меня в первый раз, а говорите так смело? — удивленно сказала Сашенька. — А вдруг я стукачка?

— А чего мне бояться? Дальше фронта не пошлют, так я уже здесь. Так называемым органам все про меня известно — каждый чих. Когда я буду не нужен, меня ликвидируют, а пока я нужен.

— Вы так говорите о себе, что страшно делается!

— Да, говорю. Просто я устал дрожать за свою шкуру — как будет, так и будет. Я фаталист. Вы читали у Пушкина?

— У Лермонтова, — робко поправила Сашенька. — Это «Герой нашего времени».

— Точно! Ха-ха-ха! Дурею я с этой работой. А у вас в фельдшерской школе был хороший литератор! — Он взглянул на нее с неподдельным интересом.

— Да. У нас и хирурги были хорошие, и литераторы...

Они вышли из мелколесья в поле, широкое русское поле. Было тепло, тихо, солнышко отбрасывало из-за ветвей кружевные пятна.

Видимо, пан Раевский решил взять свое и начал тихим, но очень глубоким, красивым баритоном:

— Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

— Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

— закончила декламацию стихов Сашенька.

— Вот это сестрицу из Москвы прислали! — восхищенно глядя на Сашеньку, сказал Адам, взял ее руку, нежно поцеловал и уже не отпускал из своей руки. — Какая у вас была замечательная фельдшерская школа! Вы, может быть, и «Войну и мир» читали?

— Читала. Правда, войну мы с мамой иногда старались пропускать, а мир читали до буковки.

— И это правильно, — сказал Адам Сигизмундович. — В войне ничего интересного, убийство людей друг другом — это самое тупое, жестокое, самое бессмысленное, что только есть на свете. И кровь течет по нашим рукам, но иногда удается ее остановить, не дать ей всей уйти из человека. Я имею в виду конкретных людей, нашу работу хирургов.

— Да, — сказала Сашенька, почему-то не освобождая свою руку из сухой, горячей ладони Адама Сигизмундовича, — я не один год проработала в хирургии, но кончится война, если я останусь живой и невредимой, то после института в хирургии работать не буду.

— А где? — живо спросил Адам Сигизмундович, подхватывая Сашеньку за талию, чтобы помочь ей разом, вместе с ним, перепрыгнуть через неглубокую канавку.

— Наверное, я буду детским врачом, — сказала Сашенька и робко попыталась убраться руку Адама Сигизмундовича со своей талии, но тут на их пути возник-

ла еще одна канавка, за ней другая, третья, они ловко перепрыгивали через них, смеялись, и рука Адама Сигизмундовича как бы приросла к ее талии, ничего большего он себе не позволял, но и без того они были уже так близко друг к другу.

— Вы коренная москвичка?

— Почти. Мы с мамой много ездили, а с семи лет я в Москве.

— А я никогда не бывал в Москве. Даже смешно. Собрался двадцать второго июня ехать. Чемодан сложил, билет купил. Решил провести отпуск в столице, там у нас дальние родственники живут, списался я с ними, обещали приютить. У них три дочки на выданье, а я как бы приличный жених — врач. Не получилось. Вместо этого двадцать третьего повестку в зубы — и в строй. Отец очень смеялся, он мне за несколько дней до этого говорил: «Адась, ну куда ты собрался, не сегодня-завтра немцы начнут войну!» Я ему говорю: «Папа, у нас же пакт, о чем ты?» А он смеется, ему хоть и далеко за шестьдесят, но он у меня очень бодрый, главный хирург республики. Мы живем в Дагестане.

— Там, наверное, горы? — сказала Сашенька и сделала еще одну, но совсем уж робкую попытку убрать его руку со своей талии. А когда опять ничего не получилось, она так обрадовалась этому, что лицо ее залилось краской стыда: в сознании промелькнули мама, Домбровский, маленький Карен, «затишок», Елоховский собор, где она стала крестной матерью Артема, снова услышала она глуховатый голос грузного батюшки: «Ничего, что армяненок, я и китайчат крестил, война все спишет, а крещеного Бог сохранит лучше». — А вы крещеный? — спросила она спутника.

— Я? А как же? Правда, я не католик, а православный, мама у меня русская, православная, она и настояла на православии. Хотя, думаю, большой разницы нет.

— Наверное, — сказала Сашенька, чувствуя, что все ее тело охватывает какой-то сладкий дурман, что она почти не принадлежит себе.

— Мой отец, Сигизмунд Адамович, — настоящий царский генерал. Я родился в тринадцатом году. Мы живы случайно, вернее, закономерно — мы живы, пока нужны вашей советской власти. Знаете, у моего отца и на работе, и дома стоят два таких маленьких фибровых чемоданчика с полной укладкой — на случай ареста, он у меня как пионер — всегда готов! — И Адам Сигизмундович засмеялся так непринужденно, будто говорил не о страшном, а о веселом.

— Вы не бойтесь все это говорить мне? — приостановилась Сашенька и твердой рукой сняла его руку со своей талии.

Боже, какие у него были глаза! Синие, влажно блестящие — бесподобные глаза!

Он погладил ее по щеке, точно так, как погладил когда-то при расставании Домбровский, и тихо, ласково произнес:

— Я, Сашенька, ничего не боюсь, кроме потери близких и долгой, мучительной смерти, — это было бы неприятно. А что касается вас, мадемуазель, то интуиция мне почему-то упорно подсказывает, что мы с вами сделаны Господом Богом из одного и того же куска глины. Вы не так просты, как ваша фамилия, можете меня не разубеждать.

Сашенька оцепенела. Первым ее желанием было упасть перед ним на колени и рассказать все, все... Но она пересилила себя, зато вдруг сказала ни с того ни с сего:

— Хотите верьте, хотите нет, но никогда в жизни... — Тут спазмы сжали ей горло, и не в силах продолжать, она упала ему на грудь и дала волю слезам.

Он обнимал ее нежно-нежно и целовал в виски, в макушку, чуть-чуть в шею. А когда она отплакалась, он взял двумя руками ее залитое слезами лицо и бережно притронулся своими губами к ее губам, раз, два, три... Нет, она, оказывается, совсем не умела целоваться, ее нежные губы были как деревянные.

— Я сейчас! — Она вырвалась из его объятий, отскочила к маленькой кривой березе. Нашла носовой платок, утерлась, высморкалась, посмотрелась в крохотное ручное зеркальце, которое всегда у нее было в кобуре вместо нагана. И вдруг спросила своего кавалера: — А вы и раньше целовались?

— Конечно! — расхохотался Адам Сигизмундович. — Ну это номер! Я же старый дурак! — Божья коровка села на рукав его гимнастерки, он сдул ее и добавил: — Грешен — целовался и улечу на небо по первому требованию, как эта

божья коровка. Помните: «Божья коровка, улети на небко — там твои детки кушают котлетки».

— А я... а я,— сказала Сашенька,— первый раз в жизни поцеловалась!

— Охотно верю. Жизнь развивается не по законам арифметики. Конечно, никто не подумает: красавица, орденосноска и ни разу не целовалась. А я верю. Целоваться вы действительно не умеете. Я вас научу, хорошо?

— Хорошо! — сказала Сашенька, ни секунды не задумываясь.

Он смотрел на нее долго, а потом тихо произнес:

— Слава Богу, что я тебя встретил, иди ко мне!

И она шагнула ему навстречу, ни о чем не желая думать, ни о чем...

XLVI

Как опытный мужчина Адам Сигизмундович понимал, что Сашенька в его власти, но он не хотел ничего торопить. Он чувствовал всей душой, что это не заурядное приключение, что, может быть, именно ее, Сашеньку, ждал он все долгие годы своей пылкой юности и свободной от родительской опеки молодости, не обделенной вниманием девушек и женщин.

Ствол кривой березки, к которой они подошли, был наклонен едва ли не параллельно земле, видно, березку ударили танком или тягачом, она чуть надломилась, покосилась, но удержалась корнями в земле и начала расти не вверх, как все ее соседки, а в сторону. Рана быстро затекла, образовался бугорчатый нарост, и жизнь в березке пошла своим ходом.

— Присядем,— предложил Адам.— Смотри, какое солнышко садится — красное, мирное, садится за холмом, который, может быть, завтра станет высотой, и полягут при ее штурме десятки, если не сотни наших и немцев. А на юге всё бухают, работает тяжелая артиллерия фрицев, я их уже давно отличаю от наших — и звук у них чуть другой, а главное — интервалы очень ровненькие: немцы — народ аккуратный, первое дело у них — орднунг, порядок, даже убивать они могут только по порядку. Видно, засекли большое скопление наших ребят. Если так, то скоро будет у нас в госпитале жарко. Хочешь мне ассистировать?

— Хочу.

— Тогда договорились.— Он пожал ее горячую ладошку и нежно поцеловал в щеку.— А ты очень ловкая, так через канавы прыгаешь, что другой парень не сможет, и даже юбка тебе не мешает.

И тут Сашенька не удержалась, похвасталась:

— Все-таки я акробатка!

— Ишь ты! Значит, гибкая, как кошка?

— Еще гибче! — засмеялась Сашенька и в первый раз сама попробовала поцеловать его в губы — сухие, чистые, чуть шершавые. Боже, как сладостно! У нее закружилась голова. Он поцеловал ее, чуть отодвинул от себя и, уловив ее помутневший взор, понимая, что она теряет контроль над собой, вдруг стал рассказывать ей громко, как слабослышащей.

— Знаешь, у нас в горах Дагестана много таких кривых березок, там камни мешают им расти. Они у нас почему-то называются «березы реликтовые», хотя обыкновенные карлики, кривобокие, с такими же бугорчатыми наростами. Ты слышишь меня?

— Теперь уже слышу,— срывающимся голосом негромко сказала Сашенька.

— Ну тогда слушай дальше.— И он стал говорить тише, вполголоса.— Особенно много таких березок я видел под Гунибом, в тех местах, где князь Барятинский пленил Шамиля*. Страна у нас такая большая, что мы мало что о ней знаем, а Российская империя была еще больше — на Польшу, на Финляндию, на Бессарабию... А в Дагестан наше семейство попало давно, еще мой прадед после

---

* Война на Кавказе шла с 1816 г., с первого Ермоловского похода — молниеносного, очень губительного для горцев и на первый взгляд абсолютно победоносного, полностью, на сто процентов. Но потом вдруг оказалось, что до победы еще очень далеко, началась затяжная партизанская война, появился имам Шамиль, и война закончилась только в 1864 г., присоединением Кавказа к России.

восстания 1830 года был сослан под горские пули. После каждого очередного польского восстания шляхту — офицерство — ссылали на Кавказ, искупать грех кровью, а крестьянство — в Красноярский край. Известное тебе село Шушенское — сплошь из поляков... Мой прадед Войцех был отправлен на службу в Темир-Хан-Шуру, сейчас это Буйнакск, там была Ставка. Сейчас все по-другому называется. Например, Махачкала — это бывший Порт-Петровск, и основал город лично Петр Великий во время своего второго персидского похода. Так вот, Войцех родил Адама, Сигизмунда и Тадеуша, естественно, все трое стали военными. Адам и Тадеуш погибли в боях, а Сигизмунд выучился в Московском университете на врача и вернулся в армию, домой, в Дагестан. Он стал полковым врачом, а когда умер, вернее, утонул в Аварском Койсу — это такая горная река, очень бурная, — его разрешившаяся от бремени жена назвала своего первенца опять же Сигизмундом. Так и появился мой отец. Выучился и стал военным врачом. Я тоже учился, в Ростове-на-Дону, и меня распределили домой, в Дагестан, послали хирургом в далекий горный райцентр, хотя там приходилось лечить все. Опыт я получил бесценный.

— Не страшно в горах?

— Да ты что! Там такие чудесные люди, и чем глуше место, тем лучше. Простой народ далек от национализма. Я весь Дагестан и всю горную Чечню объехал на лошадке или обошел пешком, и везде я встречал только добро. Может быть, потому что я врач и нес исцеление, не знаю... Так к чему я все это рассказываю? А вот к чему. Как-то пробирался я на лошадке в горах, где-то в районе большого аула Согратль (кстати, он заслуживает отдельного разговора), плетемся мы кое-как по каменистой горной тропке, в любую секунду можно сорваться и полететь в тартарары, но лошадки там чуткие, им тоже жить хочется, главное — не понукать их без дела, отпусти поводья, доверься — и она сама тебя вывезет. Еду — небо высокое-высокое, горы вокруг, серые осыпи, скалы, кое-где эти самые реликтовые березки, чахлые, кособокие, слепополуденное солнце светит еще ярко, но уже почти не греет, дело было тоже в начале сентября, ночью в горах холод лютый, да еще с ветерком... Воздух!..

— Чист и прозрачен, как поцелуй ребенка! — с робкой улыбкой подсказала Сашенька.

— Именно так: «Чист и прозрачен, как поцелуй ребенка». Великие поэты говорят точно. Так вот, плетется мой конек-горбунок по каменистой тропке, проезжаю мимо развалин русской крепости, со щелями бойниц, с полуобвалившимися смотровыми вышками о четырех углах. На стенах крепости растет орешник, а на северной стене, ближе к России, приютилась все та же карликовая березка. И внутри крепости деревца, бурьян, крапива, все, как обычно. И вдруг конек мой встал как вкопанный, и почти на тропе я увидел надгробие. Одним своим углом массивный плоский камень касался тропы, и я различил, что он рукотворный. Я спешился. Конек мой не нуждался в привязи. Я разгреб кнутовищем бурьян — толстая бурая медянка, пригравшаяся на солнечном пятачке, вмиг утекла с надгробной плиты.

— А что значит «медянка»?

— Змея. Самцы бывают ближе к бурому, с медным отливом, а самки — ближе к серому цвету. Они неядовитые, почти как ужи — это одно семейство.

— А они большие?

— Нет. Та была в длину сантиметров шестьдесят. Я тебе так подробно рассказываю, потому что в детстве увлеклся змеями, ящерицами, аллигаторами и старался узнать про них все. Иногда приносил своих змеюк на уроки — такой переполох поднимался в школе!

— Веселенький ты был мальчик!

— Редкий пакостник! Переходный возраст — это со всеми бывает. Не сбивай меня! Так вот, увидел я надгробие — мощное, плоское, все заросшее зеленым мхом и голубоватым лишайником, лишь крест едва проступает, а крест, вижу, выгбит католический, без нашей православной косой планки внизу. У меня всегда были при себе старенькая двустовка и кинжал — не от людей, а если ночь в дороге застанет — от шакалов, от волков, да и на рысь можно наскочить, как дважды два, горы есть горы, а ночь принадлежит хищникам. Стал я счищать кинжалом мох и лишайник, и постепенно вырисовыва-

лись надписи. Сначала эпитафия по-польски: «Здесь, дважды на чужбине, лежит одинокий юноша, никогда не выдавший свою милую Польшу. И никто во веки веков не придет в эти забытые богом теснины, и не поклонится праху его, и не скажет: “Спи спокойно, дорогой Адам!”» А чуть ниже, сбоку, выбито по-русски: «Здесь покоится прах штабс-капитана Эриванского полка Адама Раевского, павшего смертью храбрых в неравном бою с горцами 9 сентября 1842 года. Покойному было 23 года». Представляешь, сегодня, 9 сентября 1942 года, Господь ниспослал мне тебя. Вот чудо! И как после этого не верить в Бога! Скажу правду, до войны я не верил и хихикал над верующими мамой и папой, а сейчас верю. Мой отец и другие поляки, кто родился в России, ознакомили себя поляками. А мама у меня русская — Анна Ивановна, учительница русского языка и литературы, и я ощущаю себя русским. И мамина мама, баба Катя, крестила меня в православной церкви, тайком от отца, потом, конечно, ему признались, он очень сердился, однако простил, он у нас вспыльчивый, но отходчивый.

— А у меня мама — Анна Карповна, — сказала Сашенька.

— Значит, у нас мамы тезки, дай я тебя поцелую! — И он снова прикоснулся губами к ее щеке. — Да, вот какие бывают чудесные совпадения!

Сашенька хотела было сказать, что 9 сентября 1842 года и 9 сентября 1942 года записаны в разных стилях и, стало быть, совпадения фактически нет, но промолчала.

— А ты крещеная? — спросил Адам.

Сашенька молча расстегнула гимнастерку с чистым воротничком, и на обнажившихся ключицах, которые резко отличались от загорелой, обветренной шеи, свободной от ворота гимнастерки, на белой коже сверкнула тонкая серебряная цепочка. Сашенька вытянула скрытую меж сомкнутых лифчиком грудей часть цепочки с крестиком и поцеловала его. Адам тоже поцеловал ее крестик, плоский, легонький, а потом молча расстегнул еще несколько круглых металлических пуговок на ее гимнастерке и нежно, бережно, но уверенно стал целовать ее никогда не знавшие мужской ласки девичьи груди. Все поплыло у Сашеньки перед глазами, дыхание перехватило, но неожиданно подломилась березка, на которой они сидели. Сашенька удержалась на ногах, а Адам упал на бок. Она подала ему руку, помогла подняться.

— Какие сильные у тебя руки!

— Ничего, — приходя в себя, сказала Сашенька. — Я на них с пятого этажа училища на спор с девочками спускалась. Тебе не больно?

— Не больно, но примета плохая.

— Да брось! — засмеялась Сашенька. — Какой суеверный! До свадьбы заживет!

— До свадьбы? — Адам взглянул на нее как-то растерянно и удивленно, и в его эмалево-синих глазах вдруг промелькнул огонек озарения, как будто открылась ему некая тайна, пришло в голову то, о чем он раньше никогда не задумывался.

Сашенька почти очнулась, прыгающими пальцами стыдливо застегнула пуговички на гимнастерке.

— Личный состав, на построение! — раздался за полосой мелколесья зычный, начальственный баритон.

На построении начальник госпиталя К. К. Грищук сказал, что есть сведения о большом наплыве раненых, так что он велит всем службам «подобрать хвосты», а хирургам и операционным медсестрам в приказном порядке ложиться спать «хоть на три-четыре часика».

— А по парам не разобьете? — подал голос самый молодой из хирургов Саша.

— Я те разобью! Сам разберешься! — перекрывая всеобщий хохот, гаркнул начальник госпиталя. — Вопросы есть?

Других вопросов не было.

— Разойдись! — скомандовал Грищук.

Продолжая ерничать и хихикать, народ разбрелся по своим местам. Сашенька потеряла Адама из виду, он куда-то пропал, и сердце екнуло: а вдруг забудет, что она ему ассистирует? Не долго думая, Сашенька направилась к Грищуку.

— Константин Константинович, я пойду отдохну, но хочу сказать, что мы с Адамом Сигизмундовичем... что сегодня я буду ему ассистировать. Вы не против?

— А мне что? — удивился Грищук.— Вы оба в своем деле асы, вам и вытывать самых тяжелых.

Ей очень хотелось спросить, куда подевался Адам Сигизмундович, но она сдержалась и пошла к своему грузовичку, плотно задраенному тентом. Как старшей операционной сестре госпиталя, ей полагался свой грузовичок, даже с часовым наружного наблюдения, потому что там хранились самые дефицитные медикаменты и часть спирта, хотя был и ее личный уголок, с умывальником и пологом лежанки.

Не раздеваясь, только сняв сапоги, Сашенька свернулась клубочком на своей лежанке в грузовичке, наполненном запахами прорезиненного тента и лекарств, а на дворе догорал чудный осенний день, вкусно пахло палыми листьями, сухим бурьяном, полынью из степи, простирившейся сразу же за редкими деревцами перелеска. Она и сама не заметила, как уснула, и приснилась ей большая медно-блестящая рыба, живая, но лежащая далеко в горах, на серой могильной плите в голубоватых пятнах лишайника. Рыба шевелила хвостом, а потом открыла рот и сказала, что она штабс-капитан и желает ей счастья. И что-то еще сказала, но Сашенька уже не расслышала, в борт крепко постучали:

— Вставайте, товарищ старшая медсестра, прибыла первая партия!

Адам Сигизмундович нашел ее сам, и они оказались в операционной палатке за одним столом, освещенным мощным рефлектором. Быстренько приготовились к операции и дали добро класть на стол первого раненого.

— Четверть первого! — сказал Адам.— Я слышал, сейчас кто-то сказал за палаткой. Ну с Богом!

Константин Константинович Грищук правильно сделал, что дал людям отдохнуть, все хоть чуть-чуть, да вздремнули и чувствовали себя сейчас свежо и бодро. Адам Сигизмундович оперировал хорошо, очень похоже на Домбровского, в том же захватывающем жестком стиле, но, конечно, до Домбровского ему было еще далеко. А вот что касается Сашеньки, то он, Адам Сигизмундович, был ею очень доволен, с операционными сестрами такого класса ему еще не приходилось работать. Сашенька предугадывала его намерения или пожелания, всё у нее волшебным образом оказывалось под рукой, на месте. Уже через час работы они достигли абсолютного взаимопонимания и взаимораспознавания малейших жестов.

Оперировали тяжелое ранение в брюшную полость, работа была не из простых.

— Слушай, я поражен! — сказал после операции Адам Сигизмундович.— Никогда не думал, что операционная сестра может играть такую большую роль. Ей-богу! Благодаря тебе мы сэкономили минут двадцать!

— Спасибо на добром слове! — просияла польщенная Сашенька.— Ты будешь замечательным хирургом! — добавила она простодушно.

— Да? — Адам Сигизмундович покраснел.— Я думал, что я уже замечательный.

Сашенька испугалась, хотела сказать что-то в свое оправдание, но он нашел в себе силы улыбнуться.

— А у тебя школа будь здоров, не зря ваш московский госпиталь славится на всю страну. А кем ты была там?

— Старшей операционной сестрой отделения неотложной хирургии.

— Ого! Так ты уже и там не в рядовых ходила? А почему попала на фронт, почему отпустили?

— Я очень просилась. Может, сама не знала, что хотела встретиться...— Сашенька лукаво подмигнула ему и сказала сияющими глазами все, что только можно было сказать. Он понял.

— Спасибо... Ладно, поехали дальше.

— Товарищ Раевский, вам спиртику плеснуть полстакашка? — спросила, взглянув в палатку, немолодая сестра с белым эмалированным чайником в руках.

— Нет, Клавдия Пантелеевна, я пока бодр. Еще рано.

— И ты пьешь? — удивленно спросила Сашенька.

— Все пьют, но я первые шесть-семь часов держусь, а потом всякое бывает. Иногда ведь приходится оперировать сутками, так что заправляемся.

Сашенька промолчала.

Было утро...

Был день.

Адам Сигизмундович на Сашенькиных глазах дважды «заправлялся». И она видела, что это ему помогает. К утру вторых суток поток раненых схлынул. Адам и Сашенька еле держались на ногах.

— Все, хлопчики! Все, девоньки! Всем отдыхать! — скомандовал К. К. Грищук.

Сашенька не помнила, как добралась до своего грузовичка. Утро было ясное, солнечное, будто хрустальное, и такая же тишина стояла в мире: нигде не ухало, нигде не ахало, все было так мирно, так светло. Добралась она до своей лежанки и уснула мгновенно, только вздрагивала во сне, хотя ничего ей не снилось. А залезая в грузовичок, она попросила Господа, чтобы ей доснилась та самая живая рыба-штабс-капитан и предсказала будущее. Но ничего ей не приснилось.

XLVII

Озерцо в песчаном карьере рядом с лагерем было неглубокое, вода в нем стояла прозрачная и настолько теплая, что даже сейчас, в сентябре, вились над ее зеркально сияющей на солнце гладью мушки. Шли первые дни бабьего лета, нежное тепло послеполуденного солнца прогрело воздух настолько, что захотелось искупаться, для этого и пришли сюда Адам с Сашенькой.

— Я тебя стесняюсь, — сказала Сашенька, — давай сначала искупаюсь я, а ты посторожи в лесу на дорожке. А потом я посторожу.

На том и порешили.

Воды в озерце было чуть выше пояса, но Сашенька умудрилась даже поплавать, крупитчатый песок на дне приятно щекотал ступни ног, сердце замирало от радости, и хотелось крикнуть что-то ликующее, что-то громкое-громкое, чтобы услышали далеко-далеко, чтобы мама в своей дворницкой тоже услышала и поняла, как сладостно ее дочке, как она, мама, оказывается, была права, когда говорила, что на фронте ей кто-нибудь встретится... Боже мой, откуда мама все знает? Все предугадывает... Сашенька присела так, что вода дошла ей до подбородка, и прошептала над зеркальной гладью:

— Мамочка, его зовут Адам, как первого человека! Ты слышишь меня, мамочка?

Где-то в степи глухо рвануло, раз, другой.

Сашенька растерлась на бережку, быстро оделась в чистое, которое она только что надела в своем грузовичке, натянула юбку, гимнастерку, обула сапоги и вышла на дорожку к лесу. В степи опять рвануло.

— Не дают им наши ястребки долетать до города, вот они и сбрасывают бомбы куда придется, — сказал поджидавший ее на дорожке Адам. — Ну, теперь моя очередь? Я моментально.

Он разделся и с разбегу плюхнулся в озерцо, брызги полетели в разные стороны веселым солнечным фейерверком. Адам фыркал, рычал, радостно вскрикивал, то есть не сдерживал себя в отличие от Сашеньки. Ему действительно хватило десяти минут на все купание.

Когда они возвращались в расположение части, на лесной дорожке им преградил путь сам К. К. Грищук, а за ним и все шестеро хирургов, тащивших какие-то узлы в плащ-палатках и простынях.

— Через левое плечо, кру-гом! — скомандовал Адаму и Сашеньке Грищук. — На празднование дня рождения шагом марш!

Такой вот сюрприз приготовил им начальник госпиталя, не забыл, что Адаму Сигизмундовичу исполнилось сегодня двадцать девять лет.

Молодые хирурги ловко разбили на берегу озерца пятачок для пикника, узлы в плащ-палатках и простынях превратились в скатерть-самобранку, уставленную выпивкой и закуской.

— А для вас, барышня,— обратился к Сашеньке Грищук,— мы спиртик специально разбавили сиропом вишневого варенья и охладили. Так что пейте, не сомневайтесь!

— Я не пью.

— Все не пьют. А по граммулечке можно. Дело, Богу угодное. Родная мать, и та вас за это не осудит.

— Я не пью! — продолжала упорствовать Сашенька.— Я ни разу в жизни не пила. Я...

— Да ты и не пей, деточка,— наливая Сашеньке четверть граненого стакана подкрашенного вишневым сиропом медицинского спирта, увещевал ее, как маленькую, К. К. Грищук.— Пригубь, а там оно само пойдет... Итак, товарищи,— приосанившись и переходя на серьезный тон, продолжал Константин Константинович,— сегодня нашему главному хирургу, нашему уважаемому Адаму Сигис... Сигизмундовичу, исполнилось двадцать девять лет, еще годок — и стукнет тридцать, а там уж, как говорится, поедет он с ярмарки. А пока молодой, давайте за него выпьем!

Все сдвинули стаканы со спиртом, все были молодые, лихие, пили неразведенный, все были согласны с Грищуком, что после тридцати начинается старость. Сашенька не хотела, а взяла в руку свой стакан, под призывными взглядами всех поднесла его к общему кругу, стала чокаться со всеми подряд, и стакан плясал в ее дрожащей руке.

— Прошу, выпей за меня,— чуть слышно сказал Адам, но это прозвучало для нее как приказ, которого нельзя ослушаться, и вдруг чертики кувыркнулись в ее карих сияющих глазах, она звучно ударила своим стаканом о стакан Адама и, зажмурившись, выпила до дна все содержимое, как яд, с отвагой человека, готового распрощаться с жизнью. Вишневого сиропа была в том спирте едва ли десятая доля, так что Сашенька задохнулась и искры полетели у нее перед глазами.

— Воды! Воды! — закричал Адам.

Она запила водой, душье чуть отступило, но горло казалось ободранным и больно саднило, как при ангине.

— С боевым крещением, солнышко! — ободряюще улыбнулся ей Грищук, его луженую глотку спирт не брал.

«Боже мой, я же клялась маме не пить! Я же клялась...» — пыталась казнить себя Сашенька, но с каждой минутой ей становилось все лучше, все веселее, и скоро она хохотала вместе со всеми и страшно обрадовалась, когда Грищук вдруг запел хрипловатым баритоном, и все ребята, включая Адама, дружно подхватили:

В маленькой светелке
Огонек горит.
Молодая пряха
У окна сидит.
Молода, красива,
Карие глаза,
По плечам развита
Русая коса.

Мужчины пели и смотрели на Сашеньку с обожанием и хмельной нежностью, которую еще называют телячьей. Саша молчала, все подумали, что она, наверное, безголосая. Потом они пели «Распрягите, хлопцы, коней», потом «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя», а Сашенька все молчала, щеки ее горели румянцем, и деревья, и лица, и небо плыли перед глазами. Так смешно, так радостно!

— Саша, давай, не стесняйся, давай, как можешь, мы все здесь не Шаляпины, подхватывай! — настойчиво попросил ее Константин Константинович.

— Я в хоре не могу,— вдруг сказала Саша.— Можно соло?

Все хоть и были уже под хмельком, но вмиг смолкли от неожиданности ее предложения.

— Да-давай,— почти шепотом сказал Константин Константинович,— конечно...

Адам смотрел на нее, что называется, во все глаза, во все свои эмалево-синие, необыкновенные, с легкой раскосинкой.

Сашенька встала, одернула гимнастерку, сложила на груди руки, взяла паузу и запела:

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный, и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит!

Когда Саша закончила романс, никто не решился аплодировать, все были потрясены, а Константин Константинович даже заплакал, и эти его пьяные слезы сказали больше любых слов. Адам понял, что Сашенька пела для него, и произнес в полной тишине:

— Вот это подарок так подарок! Спасибо, от всей души!

Потом еще пили и пели до первых звезд. Теперь уже заводила песни Сашенька, а мужчины только подпевали. Сашенька еще выпила спирта с вишневым сиропом, но уже менее крепкого; ее пожалели, развели не так, как в первый раз, но все равно ей хватило, и она поплыла и уже ничего не помнила, кроме каких-то радужных пятен и хохота, ей от всего теперь было смешно, и она хохотала так, что охрипла...

Очнулась она под утро. Ей было жарко. Они лежали с Адамом обнаженные на ее узком топчанчике в грузовичке. Увидев, что она проснулась, Адам натянул на обоих простыню и обнял ее. Она уткнулась носом в его грудь и тихо-тихо заплакала, то ли от обиды, то ли от счастья, она и сама не осознавала от чего. Слезы принесли облегчение. Она окончательно пришла в себя, собралась с мыслями и сказала, как бы ни к кому не обращаясь:

— Вот я и фронтовая жена, а не белая ворона.

— Ну, это мы еще посмотрим, — буркнул Адам и крепко обнял ее, и они снова уснули, теперь уже до общей утренней побудки.

XLVIII

В своем новом положении Сашенька испытывала двойственные чувства: она была так остро счастлива с Адамом, как никогда в жизни, и в то же время ее тяготило, что она действительно стала «фронтовой женой», что преступила клятву, данную матери, и теперь в ее дальнейшей жизни как бы ничто подобное не исключалось, ибо единожды солгав... Хорошо, что было много работы, и это затушевывало остроту и двусмысленность ее положения. Адам теперь ночевал у нее в грузовичке каждую ночь, и, даже засыпая, они крепко держали друг друга за руки.

— Ты чего держишь меня за руку? — как-то спросил он со смешком в голосе.

— Боюсь — вдруг исчезнешь! А ты чего? — в свою очередь насмешливо спросила Сашенька.

— Тоже боюсь, — как-то очень печально отвечал Адам. — Я все время за тебя боюсь — каждую минуту.

— А я за тебя, — сказала Сашенька. — Как-то мне не верится...

— Во что не верится?..

— Не знаю... — И она тихо заплакала, по обыкновению уткнувшись носом ему в грудь. — Сама не знаю. Может, я недостойна такого счастья?

— Ты недостойна? А кто же тогда достоин? Это скорее я...

— Никогда в жизни я так часто не плакала, а сейчас чуть что — глаза на мокром месте, — всхлинула Сашенька. — Может, я сумасшедшая?

— Это нормально, не забивай себе голову. Это абсолютно нормально. Мне и то иногда хочется зареветь вместе с тобой — душа на разрыв! Почему — сам не знаю... Что-то томит меня, что-то жжет! Ладно, давай не будем...

— А ты стал лучше оперировать, — не к месту сказала Сашенька.

— Да, я знаю. Все только из-за тебя. Ты меня как бы приподнимаешь...

А на другой день после этого разговора опять навалилась такая тяжкая работа, что часов через сорок наступило то самое знаменитое запредельное торможение нервной системы, о котором Сашенька узнала еще в московском госпитале и которое ее новым коллегам пока еще не было знакомо. Познакомились...

Потом Адам с Сашенькой отсыпались часов восемнадцать, но все равно держали друг друга за руки — механизм уже выработался и почему-то не ослабевал, а только усиливался с каждым днем.

Прошел месяц после дня рождения Адама. Сашенька поняла, что она понесла. Профессия Адама Сигизмундовича также не позволяла ему оставаться в неведении. Скоро они объяснились.

— Что будет? — спросила Сашенька.

— Я очень рад... Все будет как у людей, поедешь рожать к своей матери. Все будет хорошо... Подожди-ка меня чуть-чуть. — И с этими словами он скорым шагом направился к палатке, в которой располагался начальник госпиталя.

Хотя стоял октябрь, но еще светило в чистом небе солнышко, последние погожие денки теплой осени еще радовали, еще баловали фронтовой и прифронтовой народец. Ходили слухи, что не сегодня-завтра их госпиталь переведут во вторую линию фронта, поближе к передовой. По всему было видно, что битва за далекий отсюда приволжский город медленно, но верно входит в свой зенит, что немцам и на этом степном куске русской земли не удался их хваленый блиц-криг, что впереди еще большая бойня.

За месяц совместной жизни Сашенька так привязалась к Адаму, что временами ей казалась, будто он был у нее всегда. Она сразу стала смотреть за ним, как настоящая жена за настоящим мужем. Она видела, что многие девчонки завидуют ей, но это ее никак не трогало. Теперь в ее грузовичке был для нее настоящий дом.

Шофер этой полуторки, маленький, рыженький, конопатый Коля из Астрахани, старался ей во всем угодить и звал ее не иначе, как «товарищ старшая медсестра». Для него и Сашенька, и Адам Сигизмундович были большое начальство, и он их чтит искренне.

— У меня у самого мамка медсестричка, так я вашу работу знаю, — говорил Коля, которому было свойственно в разговоре перескакивать с пятого на десятое. Он и перескакивал. — А немцу сроду Сталинград не взять. Он же такой длинный, и весь вдоль Волги, ой-ё-ёй! Километров пятьдесят будет в длину, не меньше, куда им такой кусок схватить, подавятся! Там завод на заводе, и каждый — крепость. Один тракторный чего стоит! Подавятся*!

Сейчас, когда возле штабной палатки Адам Сигизмундович о чем-то разговаривал с Константином Константиновичем, маленький Коля открыл капот своей славной новенькой полуторки и что-то придирчиво осматривал в моторе.

Сашеньке было не слышно, о чем говорят Адам и К. К. (как звали за глаза начальника госпиталя), а говорили они следующее:

— Константин Константинович, у тебя есть какой-нибудь бланк, какая-нибудь печать?

— А как же? Имеется. Зачем?

— Понимаешь, ты должен зарегистрировать наш брак с Сашей и дать нам бумажку. Можешь?

— Да хоть две бумажки! — Вдруг К. К. насутился и почесал лысину, что всегда служило признаком появления в его голове каких-то неожиданных соображений. — Слушай, Адам Семенович (К. К. не выговаривал «Сигизмундович» и наедине называл своего главного хирурга Семеновичем, на что тот не обижал-

---

* Самое удивительное было в том, что немцы действительно не имели ясного представления о городе. Так плохо работала их разведка, так они были самоуверенны и высокомерны. Когда они увидели с ближних высот подлинные масштабы застройки города, то были крайне озадачены.

ся), слушай, чего я соображаю: до райцентра отсюда всего четыре километра, и немец его еще не зацепил. А вдруг там и сейчас есть настоящий загс? Время всего час дня, давай потнемся, вдруг словим кого-нибудь? В момент я велю из кухни десяток банок тушенки накатать да еще спиртику пару литров, и вас не только распишут, но и расцелуют со всей любовью. Боже ты мой, да мы дворец бракосочетаний с таким припасом возьмем, а не то что районный загс! А вон и Сашенькин шофер возле машины топчется, айда!

Снарядились в дорогу. К. К. вместе с припасами сел в кабину к Коле, а Сашенька и Адам залезли в обжитой ими кузов.

— Какие мы с тобой сумасшедшие! — обнимая Адама, то ли проговорила, то ли простонала Сашенька.

— Я всю жизнь мечтал стать таким сумасшедшим!

— И я! Всю жизнь!

Через двадцать минут благородный К. К. Грищук приостановил машину, вышел из кабинки и робко постучался в борт.

— Можно! — крикнул Адам.

К. К. откинул брезентовый полог:

— Ребята, выходи строиться. Загс на месте. Сейчас начнем искать нужного человека.

Удивительно, но нужный человек тоже был при исполнении своих служебных обязанностей. Им оказалась женщина лет сорока пяти, дородная, яркая, с черной косой, уложенной короной вокруг головы, чернобровая, кареглазая, белолицая. Когда они зашли, женщина уже сидела за большим письменным, в меру обшарпанным столом, и во всей ее позе было сдержанное, официальное внимание, она не поднялась.

— Привет, землячка! — сразу распознав в ней украинку, сказал Грищук. — Как насчет свадьбы?

— У меня мужик такой же, як ты, дурный та лысый, для че мне другий? — неправильно поняла его хозяйка загса.

— На каком фронте? — спросил необидчивый Грищук.

— На Волховском.

— Это под Ленинградом. Тяжелый фронт, я знаю, у меня там братик погиб, младшой.

И тут Сашенька заговорила с ней на чистой украинской мове. Грищук, Адам и Коля аж рты пораскрывали. Никогда прежде никто из них не слышал от Сашеньки ни одного украинского слова, а тут она затарахтела, как из пулемета. Сашенька рассказала, что они встречаются с Адамом всю войну, что работают в одном госпитале и надо бы расписаться — мамка не поймет, если что...

— А як вас кличут?

— Хлахфира я, Хлаша, а кому-то и Глафира Петровна, — добавила она порусски, с вызовом взглянув на Константина Константиновича Грищука. — Что ж, фактически все у меня закрыто, но дело нешуточное. Эй, Ванек! — кликнула она в смежную комнату.

Ковыряя в носу, оттуда вышел замурыженный мальчишка лет десяти и, что удивительно, натуральный альбинос — волосы белые, брови белые, глаза и то белесые, так, с легкой голубишной.

— Слётай в хату, там в хорошем шкафчике у меня коробочка с печатью. Мигом!

— Сынок? — спросил любопытный Грищук.

— Да ну! — зарделась Глафира Петровна. — Внучонок. Доченька в подоле принесла такое вот чудо!

— А сама она где?

— Где-где? На окопах. У нас все на окопах.

Грищук шепнул Коле, чтоб он тащил дары. Коля приволок тяжеленную прорезиненную сумку с веревочными ручками. Грищук стал вываливать на край стола жирные от солидола металлические банки с тушенкой, поставил бутылку спирта.

— А вот это добро убери! — сурово скомандовала Глафира Петровна. — Это лишнее. Я ничего не возьму, не надейся!

— Как же так? — оторопел Грищук. — Вон у тебя и пацан!

— Пацан пацаном, а взятку я не беру. Тем более не за что — дело святое. Каждый день под смертью ходим.

Мальчишка вернулся с красной коробочкой, в которой была печать. Глафира Петровна тем временем вытащила из ящика письменного стола толстую потрепанную книгу записей актов гражданского состояния, записала там все как следует, красивым круглым почерком с именами, отчествами и фамилиями жениха и невесты, свидетелей с номерами армейских книжек и только после этого, торжественно приосанившись, спросила:

— Невеста, берете ли вы фамилию мужа — Раевская?

— Да, — едва пролепетала Сашенька.

— Жених, остаетесь ли вы при своей фамилии — Раевский или берете фамилию жены?

— При своей! — засмеялся Адам.

— Ладно, так и запишем. — Глафира Петровна заполнила розоватый бланк свидетельства о регистрации, расписалась,дохнула на печать, шлепнула ее со смаком и звонко, молодо рассмеялась: — Эхма, давно никого не расписывала, аж на душе радостно! Так, теперь распишитесь вот тут у меня в книжке, где галочки, жених и невеста. Сначала невеста, — остановила она на лету руку Адама. В первый раз в жизни Сашенька расписалась, хоть и новой, но теперь ее законной фамилией. — Так, теперь жених! Теперь свидетели!

Гришук выступил свидетелем со стороны невесты, а маленький Коля со стороны жениха. С тех пор в дальнейшей Сашенькиной жизни эти двое так и звались — «свидетели». Они сопутствовали ей долгие годы, так уж сложилось — в жизни всегда есть события, едва ли не навеки соединяющие полужнакомых людей.

— Именем Российской Федерации объявляю вас мужем и женой!

Где-то совсем недалеко, наверное, километрах в двух, ухнула тяжелая бомба.

— А это — когда ему наши до Сталинграда не дают пробиться, тогда он их на обратном пути сбрасывает где попало, особенно тяжелые бомбы, боится, что, перегруженный, до своих не дотянет, или для отчетности. Кто же его знает! — пояснил Гришук. — Осколочная, я их от фугасок отличаю...

— Гады, — сказала Глафира Петровна как-то буднично, даже без зла в голосе. — Гады проклятые... Эй, усатенький, ты заberi, заberi свои подаруночки, а то я их тебе сейчас в шею запущу!

— Напрасно! Напрасно вы так, Глафира Петровна, — обиженно сказал Константин Константинович, понимая, что с этой женщиной шутки плохи. — Ладно, собирай все, Коля, назад, в сумку.

— Навеки вам благодарны! — крепко держа в руках свидетельство, сказала Сашенька, положила его в планшетку и, перегнувшись через стол, расцеловала Глафиру Петровну в обе щеки. — Никогда вас не забуду! Дай Бог вам здоровья, счастья! Дай Бог удачи! Спасибо!

Мужчины пошли к дверям.

— Ванек, а ты на машине не хочешь прокатиться? — вдруг, остановясь на пороге и почесывая лысину, спросил Гришук.

Мальчик умоляюще посмотрел на продолжавшую сидеть за письменным столом свою молодую, красивую бабушку.

— Ну, иди, прокатись метров триста. И сейчас же сюда! — разрешила она.

Мальчишка был счастлив, а Константин Константинович, оказывается, взял его для того, чтобы, прокатив в кабине отпущенные бабушкой триста метров, всучить ему тяжелую сумку с тушенкой и отдельно бутылку со спиртом.

— Дотащишь?

— Не-а! — Мальчишка попробовал приподнять сумку.

— А ты вот что, — посоветовал Гришук, — ты часть заховай вот за кусточком, — указал он на пыльный придорожный куст с полуоблетевшими листьями, — заховай за кусточком, вон в ямочке, жухлой травой притруси, замаскируй, а то тащи. Понял? — Гришук помог поставить тяжеленную сумку в приямок за кустом бузины. — Понял?

— Ага, — согласился Ванек. — Дядь, а можно я хоть одну банку дам Ксеньке?

— А кто такая Ксенька? — спросил Гришук.

— Ну девчонка,— покраснел Ванек,— через два дома в соседках у меня. А то они с бабкой голодные, как хуже собаки. И Ксенька кашляет всегда. А тушенка, может, ее вылечит.

— Понял,— сказал Грищук.— Если от души, то обязательно вылечит. Дай Ксеньке две, а хочешь, три банки.

— Ой, спасибочки вам, дядечка!

— Все на окопах, а чего твоя бабуля не на окопах? — спросил Грищук с живым интересом к красавице Глафире Петровне.

— Тю! — удивился белобрысый Ванек.— А как же она туда дойдет, она ж безногая.

— Как?! — побледнел Грищук, и краска стыда залила его большое лицо с толстыми черными усами.

— Обнаковенно. Еще зимой, когда всех на окопы гоняли. У-у, далёко, аж не знаю куда! Там ей и оторвало бомбой одну ногу до колена, а правую перебило, она хоть и есть, та нога, но не ходит. Бабуля у меня на костылях. А незнакомых она стесняется, костыли сразу на пол кладет, за стул, и сидит за столом, а их не видно.

Грищук не нашелся что сказать, легонько, ласково подтолкнул мальчика в спину: дескать, иди, милый... Залез в кабинку, и Коля тронул машину в обратный путь.

— Разобрались? — спросил Коля.

Грищук только кивнул, говорить ему не хотелось. Так и проехали они всю дорогу до госпиталя молча.

Сашенька и Адам в кузове не слышали разговора мальчика и Грищука. Им было не до разговоров. Они сидели на своем топчанчике, тесно прижавшись друг к другу, и молчали, не в силах высказать словами все те бурные чувства, что переполняли их сердца.

Когда приехали на место, Грищук робко постучал в борт.

— Открывай! — крикнул Адам.

Константин Константинович приоткинул брезент.

Никогда в жизни, ни раньше, ни позже, не видела Сашенька, чтобы человек так радовался чужому счастью. Грищук сиял от восторга.

— Прокрутили мы дельце, эх! Поздравляю!

Адам и Сашенька молча кивнули ему, продолжая сидеть, прижавшись друг к другу. Грищук посмотрел на них внимательно и понял: третий лишний.

— Так, ребятки,— сказал он глухо,— машину задраивайте, но к вам и так никто не сунется. Я специальный пост выставлю! — С тем он опустил брезент, и они остались одни.

— Здравствуй, моя жена! — чуть слышно сказал Адам.

— Здравствуй, мой муж! — как эхо, отозвалась Сашенька.

(Продолжение следует.)

От редакции. Специально для подписчиков «Октября» сообщаем, что заявки на книгу Вацлава Михальского «Весна в Карфагене», а также отзывы и пожелания следует посылать по адресу: 113054, Москва, ул. Бахрушина, 28, стр. 1, издательство «Согласие». Просьба указать в письме свой домашний адрес, фамилию, имя и отчество. Для читателей «Октября» книга будет продаваться по оптовой издательской цене, которая значительно ниже цены розничной. Справки по телефону: 959-20-39, факсу: 959-20-47. E-mail: soglasie@mail.ru. <http://welcome.to/soglasie>

Так бывает

РАССКАЗЫ

ЖЕНЯ-ЖЕНЮРА

Из Усть-Нарвы Жене пришлось возвращаться одному. Заболела сестра Зинка, и мама побоялась везти ее с температурой в Ленинград. Она купила ему билет на автобус, на самое лучшее место у окна спереди усадила, отругала соседку, которая чуть не придавила Женю слоновьей конечностью, и сказала, что Женю встретит отец, так что если она обидит мальчика, то ей достанется. Поцеловала, пропела свое любимое «Женя-Женюра», дала десятку и помахала рукой вслед автобусу. Жене пошел уже двенадцатый год, она не сомневалась, что он отлично доберется до дому.

От качки Женя почти сразу уснул и пропустил ту невидимую линию на мосту через Нарву, на которую папа ему всегда показывал: вот, здесь кончилась Эстония и началась Россия. Проснулся он только в Кингисеппе и снова увидел собор зодчего Ринальди. Папа говорил, что это «классический пример хорошей классики». Еще не стемнело, когда появился указатель «Ленинград», а затем автобус долго ехал через бесконечные питерские новостройки. К Московскому вокзалу они прибыли с небольшим опозданием, но это было не страшно, потому что никакой папа его и не должен был встречать — папа уже три года жил в Москве с тетей Ритой.

Тетя Ира, соседка по коммуналке, очень удивилась, но потом прочла мамину записку и спрятала десятку в кошелек. Ладно, она последит за мальчишкой пару-тройку дней, да и деньги не лишние.

Но мама не приехала и через три дня. Она позвонила и что-то долго объясняла тете Ире, та не соглашалась, но трубку взял дядя Василий Петрович и разрешил: ладно, парень уже большой и нас не объест. Однако перевод надо послать уже сегодня, они не баре, зарплата как у всех. А Зина выздоравливает, но мама думает поместить ее в дом отдыха «Сыпрус» у самого моря — «там в воздухе йодистые наслоения».

Через две недели утренним поездом из Москвы приехал папа.

— Что тут у вас происходит? — загрохотал он своим баритоном на всю квартиру. — Мне позвонила Ленка, рыдает. А где сын?

— Да совсем сошла с ума твоя Ленка со своим чухонцем! А я не могу все время на кухне торчать да тетрадки ему собирать, забирай его к себе! — тоже почти кричала тетя Ира, но Женя все равно уже не спал.

— Кто такой «чухонец»? — спросил он папу через некоторое время, когда уже наслаждался клацанием замков подаренного ранца.

— Пусть она тебе сама скажет, — ответил папа. Собрал его в школу и поехал на вокзал за билетами.

Назавтра они уехали, папа даже не пошел в любимый музей, ему нужно было еще «закрыть» какие-то свои питерские дела.

Вот так Женя оказался в столице. Тетя Рита устроила его в хорошую английскую школу, с продленкой, а через несколько лет сняла ему комнату, потому что, во-первых, Машка заболела скарлатиной и он мог заразиться, и, во-вторых, сил у нее больше на все это не было. Папа перевез его на новой «двушке» — это пикап, влез даже маленький «Саратов», который соседка Евдокия Иосифовна потребовала для продуктов. Она тоже не может каждый день таскаться по магазинам, и, кроме Жени, у нее есть еще работа в доме балерин Большого театра.

Сразу оказалось, что Женя — самый важный человек в классе, ни у кого больше не было своей жилплощади. Тем более что Евдокия Иосифовна часто оставалась дежурить у балерин до утренней смены и друзьям можно было готовиться у Жени к контрольной хоть всю ночь — и с кем угодно. Уже в институте Женя вспоминал это прекрасное время и за столом шутил с бывшими одноклассниками, что нужно было брать деньги за постой, все-таки его комната вывела в большую сексуальную жизнь с десятков девочек и полшколы мальчиков.

А у мамы с Юханом все было очень хорошо, вот только приехать она не смогла ни разу. Сначала все время болела Зина.

«И как только с таким здоровьем она поехала на Олимпиаду за эстонскую сборную?» — ехидничал Женя. Затем начались проблемы с гражданством и пропиской, и мама боялась, что ее не впустят обратно как русскоязычную с «серым» паспортом негражданина. Так что в Нарва-Йыэсуу поехал сам Женя, сразу после экзаменов.

Невидимая линия на мосту стала теперь очень заметной. И по прочному шлагбауму, и по синим эстонским полицейским, и даже по качеству асфальта. У Жени было все в порядке, вызов ему прислал директор большого дома отдыха по просьбе Юхана. Памятник Ленину при въезде в Нарву исчез, зато вместо разболтанных «Лиазов» на курорт возили роскошные шведские автобусы. Вокруг все говорили по-русски, но по всему было видно, что они здесь иностранцы. На сдачу с крупной эстонской купюры водитель высыпал ему кучу новой мелочи, среди которой Женя потом обнаружил три российских неконвертируемых рубля.

— Женюра! — запела мама. — Наконец-то, я так соскучилась! (Ха! — подумал и чуть было не сказал Женя.) Ну пойдем скорей, Юхан еще в котельной, мы совсем одни!

Мама жила в неплохом домике с участком, почти у обрыва к морю, они купили его у ленинградцев «после независимости».

— Но с моря дует, — сказала мама. — А здесь такое дорогое отопление!

Они поели, и мама даже выпила две рюмки московской водки. Женя все никак не мог решиться задать ей вопрос, над которым мучился все эти семь лет, и пожалел маму, решил уж и не спрашивать. Но все выяснилось само собой.

— А ты помнишь, Женя, когда ты тогда уехал к папе...

— К папе?! — переспросил Женя.

— Ну да, я тебя посадила на автобус, и там сидела такая толстенная тетя, чуть тебя не придавила...

— Она потом пересела, — медленно сказал Женя.

— Да, она оказалась нашей соседкой, такая хорошая, вот только больная.

— М-да, это чрезвычайно интересно, Елена Сергеевна! Ну и, собственно, что?

— Так она мне сказала, что отец тебя не встретил, она нарочно смотрела!

— Отец? Меня? Мама, ты чего?

— Вот я и говорю, что он все-таки подлец, не мог встретить ребенка, опять небось торчал в своем дурацком институте!

Потом пришел Юхан. У него оказались роскошные бакенбарды, с них он все время стряхивал капли водки, когда они допивали Женину бутылку.

СЫН

Эту комнату в Кропоткинском переулке выменяли на бабушкину, которую она получила как вдова фронтовика и блокадница. К тридцатилетию Победы было написано жалостливое письмо министру обороны Гречко, он спустил бумагу в райсовет, и Женя долго шастал вместе с тощей порученкой по клоповникам нынешней Пречистенки. Эта комнатка приглянулась, и все на удивление сработало.

В трехкомнатной коммуналке жила одна-одинешенька Валентина Викентьевна, лет шестидесяти, с больной рукой на перевязи. Пустая наша комната, и еще одна — выморочная, жилец не то помер, не то уехал на Север. Полновластная хозяйка квартиры не очень-то радовалась нашему появлению, но скоро поняла, что жить мы здесь не будем, а так, только владеть. В нашей комнате стоял мощный стол на дубовых ногах, мы притащили пару стульев — вот и все. Да еще стеклянная плоская люстрочка хрущевского модерна.

Попытки использовать комнату все-таки предпринимались. Однажды Женя справлял там праздник воспоминания о школе с одноклассниками, всего-то пять человек, но Валентина Викентьевна устроила скандал с плачем. Слезы у нее появлялись мгновенно и так же быстро высыхали. В другой раз он попробовал пустить переночевать там Марата, но она ему даже не открыла, и несчастный сидя проспал всю ночь на лестнице — красивейшей витой лестнице с мраморными ступеньками и чугунными перилами каслинского литья, варварски покрашенными советским зеленым хромом.

Жить они здесь и не собирались, а зря — все лучше, чем с родителями. Комната использовалась как аргумент и живая площадь в борьбе за получение квартиры путем съезда. Но вот этого уже Валентина Викентьевна допустить не могла, и все приходящие выслушивали одно и то же: жить, мол, здесь невозможно, воды нет, канализация испорчена, и вообще к Олимпиаде дом отберут под гостиницу для иностранцев. Так никто въехать и не захотел. Комнату необходимо было обменять на другую.

Удалось это только благодаря счастливым обстоятельствам. По объявлению Жене позвонил бойкий паренек, только что женившийся на даме с маленьким ребенком и проживавший с ними и бывшим мужем в одной квартире. Ситуация адова, и он был готов меняться на что угодно, лишь бы примерно совпадали метры и район. Они оформили обмен, даже не побывав у Валентины Викентьевны! Знакомство состоялось уже при переезде.

Малец был не просто горластым, а каким-то чемпионом по детскому крику. Орать он начал еще в грузовике с барахлом, а увидев Валентину Викентьевну, просто зашелся в вопле. Она расплакалась — кончилась независимая жизнь, убежала в свою комнату, оттуда еще долго доносились всхлипывания. Было хорошо слышно, потому что малыш Лешка вдруг замолк.

Новосел Серега мгновенно оценил ситуацию и вскрыл соседнюю пустующую комнату. Там было интересно — крашенные розовые стены, никакой мебели, на полу старые газеты и куски обоев, а на стене две картины в торжественном стиле: строгий, но справедливый Феликс Дзержинский и справедливый, но тоже строгий Иисус Христос. На подоконнике лежало выцветшее письмо с полуразборчивыми «...мама... Южно-Сахалинск...» и — что совсем странно — чистая одноразовая тарелка с надписью «Олимпиада-80». То ли соседка захаживала сюда иногда, то ли тарелка залетела в открытую форточку.

Серега распорядился внести в чужую комнату половину своей мебели, а Женя, получив приглашение на новоселье, отбыл домой.

Обмен успешно состоялся, и они жили теперь в роскошной квартире на Хорошевке. На новоселье Женя пришел уже выпивши, приставал к подругам молодой семьи и не скоро заметил отсутствие Лешки.

— А он у Валентины, — безмятежно сказала жена Наташа.

Это известие так поразило Женю, что он прокрался и заглянул в приоткрытую дверь. На полу сидели Валентина Викентьевна и маленький принц. Они играли в железную дорогу (ему Валентина купила с пенсии, потом так же безмятежно сказала Наташа). Валентина Викентьевна увидела бывшего хозяина, напрыглась для плача, но только пожевала губами и махнула рукой — уходи, мол.

Из-за того, что одно из Жениных приставаний удачно завершилось, он потом часто перезванивался с Серегой, иногда бывал у них на Кропоткинской. Леша всегда либо рисовал в комнате у Валентины Викентьевны, либо гулял с ней. Женя даже оставался пару раз ночевать с новой подружкой Леной в ничейной комнате, когда его жена уезжала с группой по Золотому кольцу. И Лешка никогда не орал. А потом их след пропал.

Сереге сам нашел Женю в 89-м. Коммуналку расселяли, и требовалась какая-то подпись от предыдущего жильца. Они переезжали в Митино.

— А Валентина Викентьевна? — спросил Женя, через месяц позвонив в новую квартиру.

— Да померла бабка. Как мы съехали, так и слегла, ничего не ела, только и бормотала про Лешеньку, — ответила невозмутимая Наташа. — А Ленка-то вышла замуж, конкретно за... Помнишь, такой был у нас, из милицейской школы? Кстати, мы про комнату ничейную узнали! Она ведь была за ее сыном, ну Валентины Викентьевны, он бил ее и однажды даже сломал ей руку, так и не зажила. Она сдуру заявила в милицию, и его посадили. Мне мент потом рассказывал, что тот хотел вернуться, но в жэке ему отказали в прописке. Кажется, живет на Сахалине. А зовут тоже Алексеем!

БОМЖ

В ту зиму подмосковные дачи подверглись невиданному нападению. Со всех концов страны в Москву ринулись сотни тысяч беженцев, безработных, разоренных, бездомных и просто нищих. Это понятно: войны в Абхазии и Карабахе, землетрясение в Спитаке, обвал рубля, разорение заводов и крах колхозов. Только в Москве можно было хоть как-то продержаться, но жить здесь было негде. Зато под Москвой стояли по окна в снегу пустые дачи, охранять которые хозяева не могли.

«Наш» бомж поселился в нижней комнате еще в ноябре, но узнали мы об этом только в середине декабря, когда Марфуша позвонила из правления и сказала, что у нас почему-то горит свет. В первую же субботу мы ринулись в Мамонтовку, но умница бомж заранее убежал, оставив развороченной входную дверь и объедки во всех кастрюлях. Тесть полдня чинил дверь, а Женя с женой разгребали грязь. Милицейский лейтенант, не отказавшись от водки, пообещал иногда проезжать здесь на газике и посматривать, но было ясно, что врет, ему совершенно наплевать на это.

Очевидно, бомж вернулся уже в понедельник, потому что в субботу пришлось ехать снова, по морозу тащиться от станции, а на даче чинить дверь, выкидывать слипшиеся остатки лапши и убирать комнаты. В эту зиму Женя приезжал в Мамонтовку раз восемь, и всегда невероятной интуиции бомж сбегал перед самым приездом.

Весной подсчитали и убытки — помимо разломанной двери и десятка сорванных висячих замков, бомж украл несколько книжек, старинный рукомой-

ник, латунную ящерку на серпантине — память о дяде Боре и еще какую-то мелочевку. Впрочем, полного списка Женя составить не смог, потому что снова притопала Марфуша и сказала, что ему нужно срочно ехать в Москву, там что-то случилось в его компании.

Женя работал бухгалтером в ООО «Перспектива», занимавшемся составлением проектов очистных сооружений для предприятий легкой промышленности. Они часто ездили в командировки в самые глухие места, привозили продукцию местных комбинатов на продажу, потому что платили им по бартеру — деньги уже не имели цены.

На этот раз ничего не случилось страшного, а просто нужно было срочно подписать бумаги для нового заказчика, которому директор Саша удачно всучил небольшую взятку.

Но вот «Перспектива» начала хиреть, причем Женя не мог понять почему. Вроде все работали, были заказы, а дело лопалось — и все. Так что стали поговаривать о закрытии. Однако тут Саша сделал удачный ход — нанял исполнительного директора. Парень лет тридцати пяти был остер глазом, ловок в делах и за полгода поставил «Перспективу» на ноги. Женя сначала был недоволен Сашиним решением, поскольку теперь фактически становился подчиненным этого Ефима, но скоро они сработались, а потом даже и подружались. Фирма набрала обороты, все подзаработали, Ефим смог даже купить квартиру, а потом и участок с домиком. Весной он надумал жениться и пригласил Женю на свадьбу, но не домой, а к себе на дачу, которая оказалась в поселке Клязьма, совсем рядом с Жениной.

От станции он решил пройтись, хотя местные таксисты так и липли к хорошему одетому москвичу. Прошел промтоварный магазин, в котором лет двадцать назад покупал всякую одежду для сына, рынок, кинотеатр и вышел на улицу со смешным названием — улица Крупская. Через полчаса наконец добрал до Фиминой дачи. Новый дом только строился, гости сидели на веранде старой хиба-ры и весело галдели. К изумлению Жени, среди гостей он увидел свою юношескую любовь Лену, однокурника Яшку и, что было уже совершенно невероятным, одноклассника Бориса. Они не виделись лет тридцать, но легко узнали друг друга. Фиминая невеста, в смысле уже жена, сидела между мужем и Леной и была на нее так похожа, что было совершенно ясно — дочь.

Быстро хлопнув первую рюмку, Женя начал было выяснять ситуацию, но Ефим потребовал тишины. Вот что он сказал:

— Друзья! Я вижу, что многие из вас удивлены, что встретили здесь своих старых знакомых. Кое-какими совпадениями удивлен и я. Вот ты, Женя, тоже кого-то увидел? Это странно, потому что ты здесь единственный из моих друзей, которые... который вот... мы подружались на работе. Остальные — совсем другое дело и другая история.

Тут Ефим поперхнулся и влил в себя полстакана шампанского.

— История вот такая. Я приехал в Москву сразу после землетрясения в Спитаке. И у меня не было здесь ни одного знакомого, а родственников и так уже давно нет. Был бы я хоть армянином, то нашел бы приют в общине, а так и этого нету. И денег у меня было очень мало: жилья в Москве не снять. Тогда я поехал с Ярославского и вышел просто так на станции, понравилось название «Мамонтовка». Знаете, довольно быстро я снял полдачи и всю зиму там прожил. Я потому и купил участок на Клязьме, что очень полюбил эти места. А однажды полез на полку за пепельницей и нашел вот эту записную книжку. Спрашивал потом у хозяина, но говорит — не его, кто-то забыл, кто — непонятно. Некоторые пишут свою фамилию, а здесь ничего нет.

Умный Боря сказал:

— Это очень просто. Должна быть какая-нибудь буква, на которой много одинаковых фамилий, родственников. По ним можно сразу найти.

— Ну конечно. И я даже знаю, какая это буква — это буква «Т», но страница-то как раз и вырвана! Он, наверно, поленился переписывать — много фамилий — и просто переклеил страницу в новую книжку. Во-от... Стал ездить в Москву устраиваться на работу, но что-то плохо получалось. То работа не та, то платят мало, то ездить с дачи часа три. И я тогда придумал — взял эту книжку и стал наобум звонить. Звоню, объясняю про книжку и пытаюсь познакомиться. Лена Михайловна была первой, кто согласился встретиться и побеседовать. Потом уже и Боря, и Яша. Вот Елена Михайловна меня и устроила на курсы. А Яша помог с деньгами, просто удивительно, какие есть чудесные у вас люди! Если кто еще не понял: моя Оля — дочка Елены Михайловны, тогда ей было всего тринадцать лет, это сейчас она умница-красавица. Так мы и подружились, так я и стал москвичом, поэтому вы все знакомы, вы — из одной записной книжки. Найти бы хозяина! Давайте попробуем узнать, с кем вы все знакомы, я очень хочу его найти, я ему всей жизнью обязан! Женя, а ты чего? Ты-то откуда Елену Михайловну знаешь? Что молчишь?

Женя действительно молчал и никак не мог придумать, что и как сказать. Книжка-то ему была давно не нужна. И Ефим был ему другом, и все же Женя сказал:

— Отдай ящерицу... бомж.

ОБОИ

Женя начал подрабатывать в журнале «Реникса» статьями по истории вещей. В его газете такие статьи писал видный пруссолог Голиков, и делал это с необыкновенным изяществом, иллюстрируя статьи фотографиями немецких древностей и марок из своей коллекции. Темы были столь разнообразны — от денег до вилок, — что Женя понял метод историка. Совершенно очевидно, что ловкий доктор наук снимал с полки пару энциклопедий, добавлял собственную историю — а у кого нет собственной истории про ту же вилку? — и материал готов. Но энциклопедий и справочников было полно и у Жени, собирать он их начал еще в юности с «бордовой» БСЭ, а сейчас очень горевал, что вскоре вся его чудная коллекция перекочет в Интернет и смысла в ней не будет никакого.

А пока Женя взялся написать статью по истории обоев. В том же Интернете нашел несколько сайтов, передрал хронологию и фактуру, а потом начал вставлять историйки — только не свои, а придуманные. Так он высосал из пальца зеркальные обои, которые, впрочем, вполне могли бы существовать и даже наверняка где-нибудь существуют. А то, что в такие обои в Париже «вошел» Маяковский по незнанию буржуазной роскоши — а пусть проверят! — фига с два можно доказать, что этого не было. В крайнем случае сошлусь на Райт-Ковалеву, приезжавшую как-то в поэтический кружок при МГУ и рассказывавшую массу баек про великого поэта, думал Женя. Про обои, правда, она не говорила, а больше упирала на неумеренные сексуальные аппетиты поэта. Но Райт давно умерла — и пойдешь проверь. Статья вышла со всей этой фантастикой. А ведь можно было и правду написать — у Жени была своя история про обои, то есть, конечно, не про обои, а про любовь.

Он только что купил квартиру у отъехавшего на историческую родину Аркаши и расхаживал по чудом доставшейся ему площади одновременно с восторгом и ужасом. Состояние квартиры лучше всего было бы описать, используя известное название картины «Фашист пролетел» — в комнате не хва-

тало только что труп убиенного пастушка. Сказать, что пыль лежала толстым слоем, — ничего не сказать. Это была уже не пыль на подоконнике или у плинтусов — подоконник и плинтус были вторичны по отношению к пыли, истинной хозяйки помещения. Обои свисали мощными, уверенными в себе пластами, по потолку будто стреляли из крупнокалиберного, а унитаза... Пожалуй, гигиеничнее было бы справлять нужду прямо на пол в комнате. И так, ремонт был не роскошью, а средством выживания.

Однако в те годы нельзя было достать не то что зеркальных или моющихся, а и самых обычных, хоть каких, обоев. Обзвонив два десятка хозяйственных магазинов, в одном, на Рязанском проспекте, Женя получил-таки утвердительный ответ, что есть, но, разумеется, уже кончаются. Воспользовавшись имевшимся у него тогда преимуществом, а именно собственным автомобилем, он помчался на Рязанку и успел всунуться в очередь.

Обои были двух видов: грязно-серые в полоску и грязно-коричневые с кляксами. Женя выбрал вторые и тут заметил очень интересную девицу, нагруженную десятком тяжелых рулонов. Вот в такой ситуации познакомиться не стоило никакого труда — он просто предложил ее подвезти. Девушка струхнула, но мирный вид Жени со своими рулонами успокоил ее, а главное — и правда трудно добираться. Второй раз она струхнула, когда он сообщил ей свой маршрут, но потом сообразила, что это чудесное совпадение, вряд ли он мог ее выследить. А дело было в том, что она оказалась Жениной соседкой, причем поразительно близкой, в принципе они могли бы перекриваться из окон. Может, это была судьба? — много раз потом думал Женя. Может, и была.

Женя привез Ларису в «комсомольский» дом. Ее умершие родители и правда были функционерами ЦК ВЛКСМ. У Ларисы была трехкомнатная прекрасная квартира, хотя в одну из комнат она никогда не заходила — там умерла ее мама. В ванной оказалось небольшое окно — просто невиданная роскошь. Черт, богатая невеста! Они начали перезваниваться, и когда Женя уехал на заработки в Германию, Лариса послеживала за его квартирой. По возвращении доложила, что в окнах горел свет чуть ли не каждый вечер, и там явно шла бесконечная гулянка. Женя оставил ключи брату и еще двум приятелям.

Женя никогда не умел настаивать, считая это неприличным. Лариса отнеслась с пониманием к его поведению, и через неделю все получилось, хотя Лариса и говорила, что очень боялась этой встречи. Любовницей она оказалась отличной и совершенно зря сетовала на свою зажатость и подавленность недавней маминной смертью. Если она не дает всего, как она говорила, что могла бы, то что же это вообще такое, соображал Женя, помирая от наслаждения.

Но у них не заладилось. То она ныла, то Женя забывал ей позвонить — параллельно протекал процесс тяжелого расставания с Леной, — и кончилось все тем, что однажды Лариса его попросту выгнала, а в телефонных переговорах была коротка и суха. Ну и черт с ней!

Сталкивались они на удивление крайне редко. Наверное, потому, что Лариса рано уходила на работу и рано же возвращалась, а полубогемный Женя и вставал-то не раньше девяти, а возвращался из редакции и вовсе часов в десять. Но однажды они все же встретились. Лариса некрасиво лизала вафельный пломбир, размазав мороженое по губам. Они поговорили минут несколько, и Женя распрощался, торопясь в метро. Но вечером Лариса позвонила, оказывается, она обиделась, он вел себя отвратительно и гадко. Женя ничего не понял, а в следующую встречу уже Лариса торопилась на троллейбус, совершенно не интересуясь Женей.

А вчера Женя решил проведать свой гараж и встретил Пал Виталича, который заталкивал зеленую «жигулину» к себе в мастерскую. Женя помог ему, а Пал Виталич объяснил, что это машина Ларки из «комсомольского» дома, она наконец собралась тачку продавать, да и правда: что ей без толку стоять годами под тентом?

— Она что, не ездит? — спросил Женя, почуввав некую тревогу.

— У нее отец водил. А после его смерти она поехала пару месяцев, да и не захотела. Щас мы ей глянец наведем да и загоним, вон хоть Андрею, машина-то почти новая, прошла всего тысяч двадцать, стояла ведь все время.

Женя еще немного порасспрашивал Пал Виталича, и все сходилось к тому, что эта Лариса — та самая Лариса. А про машину она никогда ему не говорила! Тут Пал Виталич хряпнул по кнопке багажника, и в нем оказались: запаска, инструменты, старая книжка по бухгалтерским проводкам и связка бумажных обоев, от которых Женя немедленно оторвал кусок, чтобы посмотреть рисунок. Ларка выбрала грязно-серые, он ведь тогда даже помогал ей клеить их в коридоре, но почему так много осталось? Женя занес ей в квартиру вроде точно такую же связку! Он порылся в старой книжке и позвонил. Лариса была очень недовольна его расспросами, сказала, что он все перепутал, что столько обоев и осталось. Так бы он никогда и не узнал правды, если бы завтра снова не поговорил с Пал Виталичем. Оказалось, что давным-давно Лариса попросила именно его по знакомству пригнать назад тачку, которую она бросила у хозмага на Рязанке. С тех пор, значит, обойчики здесь и валяются.

Вот оно как, думал Женя. Она приехала в магазин на машине. Купила обои. Положила в багажник. Но потом вернулась в магазин... Еще купила... Тут я появился, и вместо того чтобы... Поехала со мной. Нет, не так! Она купила вторую партию прямо за мной, в соседней кассе выбивала. Я ведь тогда с ней и познакомился. Вот оно что! Захотела поехать со мной, а машину бросила. Все это какая-то чепуха. Получается, что она их купила, надеясь дожидаться моего приглашения. Увидела сверкнувшие глазки? Не просто судьба, а сконструированная — и не мной — судьба?

Женя снова позвонил Ларисе, которая спокойно выслушала его и послала к черту, желательно навсегда. И чтобы больше не звонил.

Конечно, можно было сходить за коньяком, но что же теперь, каждый день напиваться? Женя посмотрел на стену. Попробовать, что ли, еще раз за обоями сгонять?

ВЕЩЬ В СЕБЕ

Вещь жила трудной коммунальной жизнью. Проходя по коридору, ее все время задевал инженер закрытого завода Петухов, неизменно восклицая: «А, шпindelь оборонный!» Вещь не обижалась, считая это похвалой. Быстрорастущий школьник Веня с каждым годом бил по ней кулаком все сильнее, и вещь радовалась, что может ответить ему густеющим басом. Тетка Полина время от времени внимательно смотрела на нее, но так ни к какой идее об использовании не пришла. Иногда в коридор забредали молодожены, целовались и радостно хихикали, показывая на нее пальцем. Потом все разъехались, а одинокая вещь так и осталась висеть на гвоздике.

Дом простоял в разрухе до самой приватизации. Летом подъехали два джипа, и важный тип в двубортном пиджаке осмотрел уже изрядно постаревшую вещь.

— Зачем это здесь? — спросил он жэковского зрителя.

— Всегда здесь висела... — ответил выросший Вениамин и стукнул по вещи грязным кулаком.

Вещь благодарно и гулко ответила.

— Ладно, берем, — сообщил пиджак и уехал оформляться.

Делавшие евроремонт хохлушки смотрели на вещь с ненавистью, но тронуть не посмели, обошли штукатуркой вокруг, а гвоздь покрасили под серебро. Двубортный пиджак привез для вещи после ремонта изящный итальянский чехол. По ночам она мирно посапывала в дорогой коже, а днем гордо переругивалась с охраной.

«Кто же я на самом деле? — иногда думала вещь, никогда не читавшая Канта.— Для чего я приспособлена, в чем смысл моего существования?»

Новый хозяин дома (сменивший обладателя двубортного пиджака, продырявив его в нескольких местах) велел Веньке-смотрителю показать помещение. Увидев ее, он благоговейно сказал:

— Это вещь! Я мечтал о ней с детства! — И властной рукой снял вещь с гвоздя.

Вениамин хотел было стукнуть по ней для демонстрации, но хозяин щелкнул Веньку железным пальцем в лоб, и тот упал.

Для вещи наняли массажистку, преподавателя литературы и французского, личного дизайнера и тренера по карате. На содержание вещи у хозяина уходит до двухсот долларов в неделю, больше, чем на сына-наркомана. Иногда хозяин берет ее с собой в баню и хвастается перед голыми девками, но вещь не обижается, ведь и вправду — есть чем гордиться!

Единственно, чего она до сих пор не понимает: как это ей угораздило очутиться в Кропоткинском переулке? Почему она не живет на родине, в зеленом городе Кёнигсберге?

Но хозяин, хоть и с незаконченным средним образованием, предусмотрительно прячет от нее учебник истории XX века.

Публицистика и очерки

Путевой Журнал

Геопозитика и географика

Экспедиция на стадии замысла уже интересна. Валери в своих «Тетрадах» пишет о зависти к Монтескье и его современникам: в начале XVIII века Европу еще окружал океан нетронутый, открытый для сочинения Иного. Это сплачивало просвещенных еврофантазеров в одну семью — первопроходцев, миссионеров, мастеров бумажной регуляции. Белые поля на картах были для них словно окна в следующий мир; он был максимально пластичен.

Так, Россия представлялась просветителям поочередно ледяною пустыней, где обитали дикари, не снявшие до времени Вольтера звериных шкур, и, в версии того же Вольтера, гармоническим царством, где законы так же равноотстранены, холодны и крепки, как сковывающий страну лед. Белейшая, возвышенная земля. Возвышенная в переносном и в прямом, географическом смысле: империя гипербореев седлает полюс. Тем временем россияне выдумывали себе собственную Европу. Это обернулось переодеванием тотальным: Московия спешнорядилась во внешнее, отстоящее от белого тела платье. Императрица Елизавета Петровна задавала тон: ее гардероб насчитывал до двенадцати тысяч платьев. На экипировку уходили годы и состояния, кои в виде кружев и сугробов из бисера и брильянтов росли на человеко-куклах. И вот они явились Европе, из замороженной страны просыпались, точно серебряные сосульки,— ничего не говорящие (языков не знающие) гости.

Встреча — сочинений — произвела впечатление сильнейшее. Вторжение снежных статуй, деревянной походки кавалеров и меднолицых баб (тут никакая пудра не помогала, горели щеки от стыда, сожигая всякий на себе порошок) подало Европе пример совершенного нарциссизма. Последствиями были: переворот мировоззрения, прозрение пресловутого «Я», революции, дендизм и старт искусства новейшего.

Путешествие всегда оборачивается столкновением — аннигиляцией или положительной суммой — разнорасчерченных миров.

Но в первую очередь сопоставлением проектов, первочертежей.

Какова должна быть бумага (карта), способная вместить противоречивые формулы? Насколько воздушен и гибок должен быть переполняющий эту карту язык? Тот же Валери ставил задачу составления сверх-языка, языка языков, способного очертить поместительные пределы для любых встречных сочинений.

Для любого предложения (фразы и проекта одновременно).

<Географическая карта: гипотетическая возможность связной путевой мысли.— Дмитрий Замятин, географ>

Что такое Россия, ее предложение, ее сочинение, ее современный «чертеж»? Как он помещен в пространство новейшей, подвижной карты (картины) мира? И как произносит самое себя, удерживает в том же сложном пространстве нынешнее наше слово?

«Путевой Журнал» открывает гео-поэтический и гео-графический диспут.

Каждый из участников проекта чертит маршрут самостоятельно. Принципиальные высказывания строятся по широте, с запада на восток. Границы текстов (о Панаме, Шотландии, Риме и далее, вправо по карте, до города Благовещенск на Амуре) суть меридианы, пределы взаимопроницаемые. При этом сравнение чертежей, протоамериканского (новосветского), европейского и российского, составляет лишь внешнюю канву: тексты самостоятельны в своей концепции и формальном решении.

Начинает Гела Гринева: ее исследования в области западноевропейской философии и культуры средних веков были дополнены в прошлом году странствием явным — условие обязательное. В составе телевизионной группы ОРТ она провела сорок дней на архипелаге Бокас-дель-Торо у побережья Панамы.

Гела ГРИНЕВА, медиевистPUNTO FIJO¹

«Меридиан суть дуга, каковая проходит через полюса нашего мира и через зенит нашей головы. Оттого и называется она меридианом — серединою дня, что где бы человек ни обретался и каково бы ни было время года, неизменно в минуту прохождения светила через дугу меридиана для одного человека наступает полдень».

Жан-Батист Морен. Упованная наука долгот
(*Longitudinum Optata Scientia*), ок. 1620 г.

«Здесь время еще не вцепилось в загривок материи, оттого груз смертности не гнет к земле людей, живущих в беспечной бедности, в счастливом равнодушии к избыточной цивилизации, пузырящейся и потребляющей самое себя уже совсем рядом. Этого пункта — крайнего предела — не существует в представлениях Старого Света, стремящегося в своей самодостаточности свернуться в глобус, включить в пространство одного полушария оба полюса: Северный и Южный, нулевой меридиан (Гринвичский) и его изнанку, меридиан смены суток. Этот мир будто так и не открыт нами и оттого живет во вневременьи, до-историчности, в нескончаемом *сейчас*. Никогда до этого я не проживала жизнь, будучи до такой степени в сознании (сознавании?) длящейся сиюминутности. Не бывала прежде и столь счастлива — так счастливы бессмертные и дети, забывшие прошлое и не ставящие на будущее, просто качающиеся на качели. На гребне волны. На спинке дуги световодного меридиана.— Гела Гринева»

ROTA PHILOSOPHICA²

В конце XVI века в сборнике «*Artis auriferae*»³ был опубликован средневековый алхимический трактат «*Auroga consurgens*»⁴, приписываемый Фоме Аквинскому (после канонизации Аквината в 1323 году стало хорошим тоном приписывать ему все более или менее значимые мистические труды начала XIV века). Издатель сборника Конрад Валдкирх, предваряя «Зарю», констатирует, что концепция конгруэнтности мира и человека, ощущение божественного присутствия в тайне материи, свойственные Средневековью, полностью исчезают из научного кругозора его современников, детей Реформации.

Если мы попытаемся изобразить фигуру мира (не Земли — о ее шарообразности, естественно, не велось споров, а именно *мира* — объекта более сложной планиметрии), как она была осмыслена западноевропейским Средневековьем, то под нашим пером скорее возникнет не плоская окружность *obris mundi*⁵, круга земного, а сфера. Божественная вкрапленность в смертную материю, мистический потенциал бесконечности сообщают этому конечному миру неизмеряемую глубину, *одухотворяют* его — расширяют его объем, как воздух (*дух*) стремится придать гондоле воздушного шара сферическую форму. Под прямым углом диск *obris mundi* пересекает божественный диск, именуемый у алхимиков *rota philosophica* — это каркас мистического мира. Характерно, что колесо философов (колесо творения) начинает свой

¹ Punto fijo (исп. *исходная точка*) — понятие, возникшее в правление Филиппа II Испанского, в эпоху, названную позднее временем Великих географических открытий. По преданию, помимо богатств, вывозимых из испанских колоний для избавления государства от банкротства, Филипп был озабочен поиском этой сакральной точки соприкосновения земли с раем. Точки, вычисляемой в Средние века и пристально искомой в эпоху барокко. Через нее проходит заветная дуга, ребро (грудной клетки глобуса), из которого сотворена была впоследствии смертная человеческая стихия.— Г. Г.

² Rota philosophica (лат. *колесо философов*) — алхимическое понятие, первый раз встречающееся у Рипли (ум. 1490). Наиболее полно соответствует понятию *колеса творения*.— Г. Г.

³ Artis auriferae (лат. *искусство преобразования золота*) — спекулятивный сборник текстов, изданный в 1593 г. Излагал основные понятия средневековой алхимии.— Г. Г.

⁴ Auroga consurgens (лат. *заря восходящая*) — трактат, рукописная копия обнаружена в монастыре Рейнау, глоссирует Священное Писание, в частности, книгу Притч Соломоновых и Песнь Песней как аллгорию алхимического Opus magnum (Великое деяние).— Г. Г.

⁵ Obris mundi (лат. *круг мира*) — общее название географических описаний мира, возникших в классическую римскую эпоху и широко используемых в Западной Европе в Средние века.— Г. Г.

подъем из первоматерии (мы обозначим это как начало человеческого пространства), вращается четырьмя временами года (мы истолкуем это как метафору времени как такового) и служит подъемом душ. Михаэль Майер, описывая окружность этого «вертикального» мира, говорит, что это «линия, совпадающая с эклиптической Солнца, возвращающаяся к самой себе, подобно змее, которая кусает свой хвост, в чем можно распознать Бога».

Не случайно средневековый образ мира свернулся до нескольких значимых символов — Уробороса, колеса мира, вращаемого временем и совпадающего с колесом солнцеворота, то есть круга неиссякаемого света. Эти символы до такой степени заряжены энергетикой божественности, что невзирая на эпохи настоятельно требуют своей расшифровки. Средневековый Запад изначально осмысливал себя как цивилизацию, то есть как воплощенную материальность (в западном раннесредневековом эпосе, будь то срезземноморские или скандинавские источники, запад идентифицирован со стороной смерти и, следовательно, смертности). Унаследовав идею Рима, каролингский запад, все более обрастая пространством, все более отягощаясь материальностью, все более становился цивилизацией. Это было и символом гордости, и ощущением приговора одновременно: мощь, пространство — с Запада, но свет — с Востока. Многочисленные «паломничества в Страны Востока», включая и поход на Византию, заканчивающиеся *брутально*, — не что иное, как попытка на своем — смертном — языке выговорить ускользающую божественную, бессмертную душу.

Эпоха Великих Открытий началась в те времена, когда ощущение божественности, разлитой в мире, еще не покинуло людей. И если цивилизации (государства и правительств) решали свои материальные проблемы, то истинные мистики (собственно странники) искали *сущность* — точку отсчета, нулевой меридиан. Место, где разомкнуто кольцо Уробороса, где действует не земное время, превращающее материю в труху, а время небесное, движущееся в вертикальной плоскости вечного полдня и служащее преобразованию души. Монархи жаждали тверди, богатой земли — как дополнительного источника материальности. Мистики — источника божественного механизма, еще не заклиненного смертностью. Примечательно: первые португальцы, достигшие берегов Бразилии, отправлялись *на восток* в поисках Империи пресвитера Иоанна, легенда о котором будоражила умы в Средние века. Говорили, что он правит дальним, богатым, но неизвестным христианским царством, где все благоденствуют, а сам Иоанн наделен *вечной молодостью*.

Примечательно также: Колумб направлял свое паломничество строго на запад. Что жаждал обнаружить человек крайнего Запада (как определяла себя Европа, особенно пиренейская ее оконечность), продвигаясь все дальше к левой кромке мира, забираясь все глубже в прошедшую ночь? Колумб разворачивал божественную метафору, двигаясь сквозь тьму, обратно времени, он отматывал смертную историю назад, двигаясь не к Концу Света, а к Концу Тьмы. Там, за окоем нулевого меридиана, по представлению ученых-мистиков его времени, зарождался новый день — новый свет. Там, по ту сторону, запад подпирался востоком в *punto fijo*, все часы по всей длине этого меридиана должны были замереть на исходной точке, на абсолютном нуле — в бесконечном настоящем. Соответственно, там была разорвана порочная связь между пространством и временем, и пространство *пробывало* в догреховном трансцендентальном состоянии *вечной молодости*.

Колумб мыслил себя апостолом открытого им мира. Его путешественные записи испещрены, казалось бы, досуже, нектати, постоянным уточнением определения рая. «Рай находится в таком месте, куда никто не может прийти, разве только по Божьему велению. Рай имеет форму горы и находится на вершине, схожей с концом груши у черенка или с соском на женской груди. У этого соска земля набухает и приближается к небу. Это надежные признаки рая, в точности совпадающие с описанием в Библии и в трудах ученых теологов». Описывая свое морское путешествие, результатом которого будет открытие нового материка, он замечает, что корабли продвигаются *вверх по морю*⁶. Это наиболее точное описание внутреннего состояния человека, приближающегося к нулевому меридиану — к полюсу изначальности. И приятие мистической составляющей мира — тот магнит, который направляет движение... В эпоху Великих географических открытий (которая, естественно, не осмысляла себя так плоско и утилитарно) Америка называлась Новым Светом — и это наиболее точное название подчеркивало не только близость материка к Точке

⁶ «После того, как я оставил устье <Ориноко>, морское течение стало настолько сильным, что при слабом ветре за время от утренней мессы до вечерней молитвы было пройдено 65 миль, из чего следует, что в южном направлении путь идет в гору, а в северном — с горы» (перевод М. Горлина).

Отсчета, но и характеризовало *задачу* мироздания той поры. Мир нуждался в дополнительном источнике света — и обрел его. Старый, обремененный цивилизацией мир добыл себе — без божественного пришествия — собственным упованием только — вторую попытку. Новый мир для новой истории.

<Самолет (железки не летают), пересекающий Атлантику, все глубже ввинчивается в темноту предыдущей ночи, длящейся для нас, путешествующих, уже восемнадцать часов и — мнится — готовой продлиться вечно, ибо чем глубже в темь прошедших суток забираемся, тем вероятней возможность вынырнуть накануне ее, в те еще сумерки. Проглатываю две таблетки феназепам. Пассажира впереди из бутылки, спрятанной в крафтовый пакет, глотает успокоительное «Red label». В бессознательном состоянии, как и подобает переходящим в мир иной, пролетаем над затонувшей Атлантидой — последним оплотом западной цивилизации.>

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ЗАКРЫТИЙ

Существование нулевого меридиана, проходящего примерно через 48° з. д., отрезающего Бразилию от остальной Южной Америки, задевающего на севере Гренландию (английские алхимики XVII века, высчитывая изначальную точку, говорили о зеленой земле, *green land!*), было официально признано 4 мая 1493 года буллой Папы Римского Александра VI «*Inter caetera divini*». 7 июня 1494 года Тордесильяским договором меридиан был узаконен «в миру» и нанесен на карты того времени. Примечательно, что с истинным нулевым меридианом этот, овеществленный, возможно, и совпадает, но по чистой случайности. Ибо несмотря на то, что впервые о нем заговаривает церковь, речь идет не о поиске гармоничного соединения мира творящего и мира тварного, а о тщетном человеческом дележе пространства, усекновении материи путем раскалывания целого (сферы как символа совершенства) на две ущербные плоскостные проекции полушарий. Пространство, пролегающее к востоку от «папского» меридиана, принадлежит португальской короне, западнее — испанской. (Впрочем, трудно ждать немисского решения пространственного вопроса от Папы Александра VI, символом понтификата которого стал не папский перстень, а перстень с особым ядом, действие же этого яда проявлялось через двое суток, и назывался он «ватиканским» именно благодаря склонности Папы решать при его помощи свои проблемы.) То, что два столетия спустя спохватившаяся Британия направляет туда ураганный потенциал будущей владычицы морей и всерьез видоизменяет пространство на обоих полушариях, свидетельствует: незыблемая, казалось, фигура сотворенного мира тленна, как и прежде. Значит, человечеству все-таки не удалось просунуть носок в заветную щель между двумя мирами и снискать божественной благодати истинного нулевого меридиана.

Когда в 1675 году пассажный инструмент только что построенной Гринвичской обсерватории безошибочно развернул трубу телескопа на запад, звезды ясно указали путь — к заветной точке, к блаженным островам, как называл это еще Святой Брандан. Однако флот Ее Величества стартовал вовсе не в поисках мистической долготы, он стремился догнать испанские и португальские корабли, которые покинули свои порты около двухсот лет назад. Материя постоянно чревата собой. Задача пространства — возведение себя в степень вопреки времени, поднаторевшему в вычитании. Удивительно ли, что верхняя часть Нового Света, заговорившая на английском языке, так быстро овеществлялась и, молниеносно проживая историю пороков и достоинств человеческой плотскости, так уплотнила материю, что к концу XVIII века «перевесила» Европу. Она теперь чуть ли не в большей степени, чем Старый Свет, могла считаться *цивилизацией*.

По всей вероятности, и Великая Британия вполне осознала свой удельный вес, определив свою материальную протяженность как «империю, над которой никогда не заходит солнце». В 1884 году рядом международных декретов было утверждено, что отныне *для большего удобства* символический нулевой меридиан будет проходить через пассажный инструмент Гринвичской обсерватории. Соответственно, «известный меридиан» — место смены суток — расположился на другом конце Евразии — в Беринговом проливе. День, занимающийся ровно над Лондоном, угасал, едва дойдя до края старого материка. При таком положении вещей Британской империи нечего было бояться погружения во тьму... Там, на обратной, вечно не освещенной стороне, оставалась открытая земля — еще больше земля, чем в Старом Свете.

Убежденность, что мир создан для удобства, — заблуждение, свойственное человеку до грехопадения, не оправданное ни единым фактом позднейшей истории.

После вкушения райского плода человеку гораздо логичнее было бы воспринимать мир как перманентную пространственно-временную провокацию, затягивающую за цепь открытий в новые глубины непознанного. Словно бы вертикаль, восстановленная к явленному миру, наматывает нас, подобно веретену, стремясь ближе вовлечь в круг проблем не утилитарного, но истинного толка. Увы, как справедливо заметил Конрад Валдкирх, ощущение божественного присутствия в тайне материи полностью исчезло из научного кругозора современности. Что, однако, никак не влияет на присутствие собственно божественной составляющей в мире.

Вскоре (по божественным и астрономическим меркам — моментально) после того, как гринвичский телескоп, нацеленный на поиск нулевого меридиана, был им и прихлопнут, пресловутая «империя, над которой никогда не заходит солнце» развалилась на куски. Самоуверенность не спасла англичан от самоочевидности: солнце не заходит только над *истинным* нулевым меридианом — по очень простой причине. «Меридиан» — это середина дня, полдень, нулевой меридиан, следовательно, полдень нулевого дня.

И хотя долготные столбы, поддерживающие современный *obris mundi*, незыблемо стоят по краям Старого Света, очевидно: долготный полюс, создающий напряжение в более чутком к знакам, а также ко снам, мире, каковым являлся, например, мир Средневековья и барокко, истинно существует. Я лично последний раз видела его из иллюминатора самолета, покидая острова, где Колумбу открылся Новый Свет. Там, за окном, восемнадцать часов сиял, не прекращаясь до самой Европы, день.

<На обратном пути в аэропорту города Кито — самой высокогорной столицы этих мест, был потерян весь мой багаж, что только подтвердило ощущения, бередившие меня все это время. Punto fijo исторгла меня, и мир ожил, материя стала уязвляема, и вот результат — никчемное в застывшем сегодня барахло, печать европейскости, цивилизованности, было безжалостно уничтожено прямо на пороге. Далее я отправлялась налегке, с недоуменным сожалением реанимированного и запасом бессмертия в количестве девяти часов — разницы в пояском времени...>

Еще об истинном (искомом) меридиане

<Франсиско де Гаеда полагает, что рубеж здешнего и иного миров проходит здесь. География обнаруживает в устройении берега <Венесуэлы> некое смещение, разрыв, постоянно растущий: Северная и Южная Америка расходятся, Анды, поворачивая на восток, образуют ступень, с которой южный массив как бы «спрыгивает» в море. Это приводит к частым землетрясениям. В толще скал бегут трещины и открываются гулкие колодцы, ходы прямо в преисподнюю... Так же и озеро Маракайбо отмечено аномалией климатического свойства: над ним круглый год беззвучно, без грозы сверкают молнии. Полагают, что под озером проходит разлом, вносящий смущение в электрическое и магнитное поля. На самом деле так природа пытается соединить две расходящиеся полушеры (времени?). *Подготовительные документы к Большому путеводителю по Венесуэле, 1911>*

<То же место указывает Веспуччи. Во время первого путешествия через океан (Море Мрака, в поисках Нового Света) (1499—1500) в проливе между островом Тринидад и материком он достигает точки, отмеченной в его записках символом симметрии OVO (флорентийская «застежка», замкнутая на талии земного шара). Здесь делится мир на меньший и больший; «незастегнутая» его сфера распадается на половинки. Здесь же Веспуччи и его соратниками обнаружена обширная лагуна озера Маракайбо, напомнившая ему о Венеции, помещенной на противоположном полюсе земной сферы. Отсюда — Венесуэла, маленькая Венеция, антипод европейской матрицы.— *Андрей Балдин, художник*>

<На атлантическом побережье Колумбии есть город Картахена — испанская транскрипция Карфагена. В 1697 году город был захвачен объединенной силой французского и пиратского флотов. Возможно, этот Карфаген должен был быть разрушен. Тогда к северу от него следует искать некий Рим, и прямая между двумя точками стала бы еще одним проектом нулевого меридиана.— *Рустам Рахматуллин, эссеист*>

<Если двигаться на север, то неминуемо будет рассечена Флорида. В таком случае *семинолы*, ее коренные обитатели, оказываются *полу-нулями*, волею судеб попавшими в перекрестие осей истинных координат.— *Филипп Огородников, студент*>

Василий ГОЛОВАНОВ, журналист, писатель

ГЕОПОЭТИКА КЕННЕТА УАЙТА

Термин «геопоэтика» используется в последнее время довольно часто и уже отделился от созвучной ему и привычной «геополитики». Необходимо уточнение. Геопоэтика не выводится из геополитики как некая условная рифма, тем более как понятие, взятое от противного. Геопоэтический проект явился в результате самостоятельного поиска, реальных, развернутых в поливалентной рефлексии путешествий. Один из основоположников новой дисциплины, основатель Института геопоэтики шотландский писатель Кеннет Уайт, живущий и работающий во Франции и странствующий по всему миру, изначально определил область интересов геопоэтики в рамках экзистенциальной географии. Так, начав игру с собственной фамилии (White), он строит образ-архетип «белого пространства», включающий древнее название Шотландии — Альба, развивая параллельно кельтские мотивы в трактовке белого цвета как центра вселенской палитры, и находит в итоге некий упорядочивающий модуль пространства, white-scale Уайта (тавтологии неизбежны).

Показательно то, что сам Кеннет Уайт определяет границы применения своего инструмента не столько в пространстве (прирастает на западе, западом), сколько во времени. Пределы его «белого» и есть Новое время, стартовавшее в момент открытия Америки, Нового — белее некуда — Света. Теперь, когда Новое время исчерпывает себя в гипертрофии счета, цифровых технологий, словесной аппликации постмодерна и проч., — Уайт отправляется на поиски следующего времени. В этом контексте его «белый модуль» приобретает историософскую проекцию.

«Мы были отделены от земли долгое время: вся западная философия и наука основывается на классификации и разделении (грубо говоря, чтобы «узнать» вещь, западный человек должен препарировать ее, вырвав из среды). И только теперь мы начинаем обращаться к более целокупному пониманию вещей. Индийская философия, вообще восточная мысль... очень многое сделали, чтобы этот поворот в западной мысли стал возможен. Я дознакомился с этим другим типом мышления очень рано. В деревне на западном берегу Шотландии, где я вырос, жил старик, натуралист, который был дружен с Ганди. У него была обширная библиотека индийских текстов... В них я обнаружил возможность иного подхода к действительности... Вы скажете, что Европа — это время, Америка — пространство, а Азия — что-то вроде протяженного в пространстве безвременья. Свой собственный ментальный континент я определяю в таком случае как “Еврамеразия”...» (Из интервью журналу «Atlas».)

«Я предпочитаю вводить философские рассуждения в канву повествования исподволь, ненавязчиво, вживляя их в бытие и путешествие. Хайдеггер где-то отметил, что именно германцы всегда грешили обстоятельным, всесторонним обдумыванием явлений, и это обдумывание связано, как правило, с «вышагиванием», с ходьбой, путешествием.

Главный вопрос моего пристального внимания — это земля: как существовать на ней, как со-существовать с нею человеку. Это основной вопрос. И даже не потому, что большинство ответов на него оказались несостоятельными и не выдержали никакой критики временем, но больше потому, что необходимость ответа на него становится вопросом выживания...» (Из интервью с Джонатаном Фрээрером по поводу американского издания книги «La Route Bleue».)

Из книги «Альбатросова скала»

«...Геопоэтика — это название, которое несколько лет назад я присвоил некоей области, обрисовавшейся в конце долгих лет странствий и интеллектуальных исканий.

Чтобы дать описание этой области, можно было бы сказать, что речь идет о новой духовной картографии, о новом восприятии жизни, освободившейся, наконец, от идеологий, религий, социальных мифов и т. д., и, соответственно, о поиске языка, способного выразить это новое бытие в мире, сразу уточнив, что речь идет именно об *отношениях* с миром, с его энергиями, ритмами, формами, а не только о подчинении Природе, не только о «врастании в почву». Я говорю о бесконечно

возобновляемом поиске — от одного места к другому, от одной дороги к другой — поэтического языка, лежащего или, точнее, движущегося вне установившихся способов представительства. Речь, следовательно, идет о сдвиге в самой манере мыслить, а не о высокомерном отрицании или бесконечном аналитическом расщеплении».

«Есть пределы литературы и пределы науки, и на этих границах — что-то вроде бортовых журналов, которые, вместо того чтобы завернуть вопрос в семиотику или иную проблематику, пытаются описать этот мир по-новому».

«Исток геопоэтики — творение, движение, ход, походка, поступок, а результат — преобразующая сила искусства...»

«Вряд ли отыщется в истории человечества эпоха, которая удовлетворила бы, а больше того, порадовала бы чистую душу, наделенную представлением о том, «как могло бы быть». И общее ощущение от той эпохи, в которую мы живем, — это ощущение небытия. Небытия, полного скрежета, неистовств, поучительных рассуждений, всеохватывающей статистики, псевдокультурных новостей, слащавой сентиментальности и неприкрытой жестокости, одинаково произрастающих из непреодолимой экзистенциальной скуки. Может статься, речь идет о некоем зазоре между старой цивилизацией и цивилизацией будущего. Но, может быть, и о том, что мы вычерпали некий культурный объем между пустотой *до* и пустотой *после*. Мы лишь недавно освободились от «измов», в частности, от марксизма и от фрейдизма, очень робко выглядываем за крошечные рамки, в которых системой наук явлена нам картина мира, да и то в большинстве случаев для того лишь, чтобы низвергнуться в круговорот упрощений и спекуляций. Мы доехали до конца автострады — ставшей символом Пути Запада».

Перевод Василия Голованова (с французского) и Гелы Гриневой (с английского)

ГЕОПОЭТИКА: В КРУГУ ВЕРОЯТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Итак, геопоэтика в авторском прочтении — метод, при помощи которого Кеннет Уайт создает свои тексты; наука о мире (или наука постижения мира), в которой категория «поэтического» оказывается основополагающей.

Если говорить о месте Кеннета Уайта в литературном мире Франции (где он издается) или Великобритании (откуда он уехал, продолжая, однако, писать на английском языке), то оно вполне выражается словом «вне». Но также и «над». Или даже «против» (мотив духовной оппозиции совершенно явственен даже в выборе места жительства — в Бретани, в провинции у моря). Покуда литература отходит от токскоза (пост-)постмодернизма, Уайт спешит «шаг за шагом довести до конца опыт, личное исследование, для начала поместив себя в смысловое поле, возникающее между поэзией, философией и наукой».

Можно полагать, что геопоэтика — это особый метод письма, подобный повседневному дневнику интеллектуала, или особый вид литературоведческих изысканий, сфокусированных на том, как Пространство раскрывается в слове — от скупых, назывных упоминаний в летописях, сагах, бортовых журналах пиратских капитанов до сногшибательных образно-поэтических систем, которые мы обнаруживаем, например, у Хлебникова (применительно к системе Волга — Каспий), у Сент-Экзюпери (Сахара), у Сен-Жон Перса (Гоби, острова Карибского моря) или у Гогена (Полинезия).

Но речь не идет о бесконечном углублении в литературный контекст и некоем самопопоенном всматривании литературы в самое себя, которое ничуть не лучше литературной самопародии. Речь как раз о том, чтобы вырвать литературу из литературы, отодрать ее от взглядывания в свое собственное отражение: игра в бисер соблазнительна и алгебраична, но, кажется, пришло время не играть отражениями и созвучиями цитат, а рожать новые смыслы.

Марко Поло или Афанасий Никитин не были «геопоэтами», они были разведчиками в абсолютно неведомой, как космос, вселенной азиатского континента, Китая, Индокитая и Индии, откуда, как частицы космического вещества, до Средиземноморья (или Руси) долетали иногда крупницы драгоценных товаров. Они были первопроходцами и купцами, добывающими соответствующий духу времени эмпириче-

ский материал. Их книги были записаны и сохранены случайно как прежде всего практические лоции для тех, кто последует за ними.

Не были *геопоэтами* ни Паллас (оставивший гигантский свод сочинений), ни Гумбольдт, ни Ламарк. Они выполняли, в сущности, академическую задачу, целью которой было — как можно шире охватить мир (или — пространство необычайно распахнувшихся колониальных империй), увидеть его возможно более подробно, составить подробный отчет о том, что оно собой представляет. Совершенно естественно, что деятельность каждого, равно как и издание трудов, патронировалось академиями наук — соответственно Российской, Берлинской и Французской.

Ни Миклухо-Маклай, ни Арсеньев, ни Пржевальский — несмотря на то, что «путешественная литература» в XIX столетии по популярности соперничала с беллетристикой, не оказались в числе собственно литераторов, признанных своим временем, — их сочинения показались слишком плоскими, чтобы оказать серьезное влияние на главное течение литературной мысли, литературной философии, объектом изучения которой становятся общество и индивидуальный человек. Именно здесь происходит прорыв в новые смысловые измерения, этим прорывом, или взрывом даже, разнятся устоявшиеся литературные формы, рождается вселенная романа, сами приемы письма которого, язык, возможности превосходят все, созданное в литературе до тех пор, и одновременно включают все это в себя.

Форма романа, равно как и психологический метод, были доведены до абсурда постмодернизмом. «Геопоэтика» — это своеобразная реакция на уничтожительное расчленение мира и души, продолжающееся в литературе уже несколько десятилетий. Это попытка вернуться к наивной заинтересованности первопроходцев, картографов, составителей словарей и собирателей мифов. «Энциклопедизм» такого литературного подхода отвечает некоторым тенденциям в современной науке, стремящейся к созданию целостной, неразъятой картины мира. То есть стремление к синкретизму — всеобъемлющему научному знанию, характерному для древности и средневековья, когда магия, искусства и науки еще не растащили мир по своим сусекам, — это, несомненно, какая-то потребность современного научного (да и художественного) мышления тоже...

Дмитрий ЗАМЯТИН, географ

Участие профессионального географа в дискуссии о сложно составленной карте, взаимопроникновении образа и реального пространства видится закономерным и необходимым. Тем более что исследование Дмитрия и Надежды Замятинских (см. ниже ее текст «Градоречие») направлено на расшифровку и прояснение гуманитарной составляющей географии. От чертежа (земли) — к слову, «чертежу» — строится. Слово, аккумулирующее знание о пространстве, становится у них инструментом самостоятельным — оно само продуцирует, чертит вокруг себя на белом листе подобие карты. Текст сжимается, темп чтения становится размерен, слово готово остановиться, обернуться линзой, поднимающей из глубины бумаги потаенный пейзаж.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГЕОПОЭТИКИ

Литературное произведение, образ могут вырастать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими — но и одновременно фактом своего существования создавать их. Поэтика пейзажа — еще не геопоэтика, но пейзаж, осознаваемый как геопоэтический образ, уже есть геопоэтическое орудие. Геопоэтика — это широкое междисциплинарное ментальное поле на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря — пространственно. Местность, схваченная как образ — поэтический, прозаический, эссеистический, — непосредственно и наиболее качественно (среди всех возможных способов), наиболее экономно географизируется. И тогда геопоэтика предстает как наиболее совершенный, идеальный образ самой географии. Земной шар «упаковывается» геопоэтическими образами, как путевой чемодан, и становится компактным, как маленький томик изблюбленных стихотворений. Страна может быть представлена геопоэтически — плотными и насыщенными образами, впитавшими аuru опавшей листвы и последней электрички.

Аутопойесис есть не что иное как *геопойесис*⁷ — автор произведения сам формирует собственные геопоэтические координаты, «обрастает» землей, картографирует геопоэтическое пространство (пространства).

НЕТРАДИЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

Нетрадиционная география — область за пределами традиционной, научной и учебной, географии; она изучает образование мысли, задача ее — *увидеть*, рассмотреть образ.

Художественное произведение, воспоминания, путевые записки, дневники путешествий, письма; картины, рисунки, наброски; географические карты, не обязательно сделанные профессиональным географом или картографом, — объединяются понятием *текста* — мысленного пространства; мысли, мыслящейся пространственно, развернуто.

Читать текст, видеть *географию*, составлять тексты из заемных фрагментов, образуя новые, стереоскопические произведения, — это образование.

Текст литературного произведения можно представить как ландшафт, пейзаж, прекрасный вид (пример — «Разговор о Данте» Осипа Мандельштама) — с реками, горами и долинами, со своим климатом и растительностью, с удобными точками обзора.

Топонимы определяют текст как местность, край, область, размечают его географические границы.

Топоним в географическом смысле — это точка зрения, обзора; высота, с которой виден ландшафт этого текста; имена гор, холмов, возвышенностей текста.

Топонимы — это ядра текста, в котором они есть, существуют, работают; вернее даже, ядра конденсации, призванные собирать, притягивать, наращивать все возможные при определенном прочтении текста смыслы и одновременно растягивать сам текст, делать его объемным, более прозрачным, более удобным в чтении.

Можно ввести понятие топонимического поля текста, ибо если есть ядра-топонимы, то они естественным образом существуют и сосуществуют в некотором органическом поле, образуемом взаимодействием как самих ядер-топонимов, так и нейтральных единиц поля-текста, обретающих свой смысл именно в соотношении, в отнесенности с читаемыми географическими названиями.

Не будет преувеличением сказать, что книга есть географическое произведение текста.

Текст — это географически единое, ландшафтное название пространства-и-времени.

ЛАНДШАФТЫ ТЕКСТА И ПИСЬМА

Звук — это пустое место бытия.

Для голой глотки звуки опасны, токсичны, их лучше обезопасить, увидеть письмом.

Текст: смысления-размещения.

Смысл как вмещенная, уместная мысль, мысль-место; языковая точка или языковый узел.

⁷ Аутопойесис — рефлексия, осмысление собственных поэтических, художественных образов.

Геопойесис — осмысление собственных образов в контексте земного пространства.

Текст — исключительно местный продукт, это точка вмещения письменных или устных знаков, жестов.

Текст — ряд одновременных, лучше: временных, абсолютно местных точек-слов, точек-жестов; это точная точка, отточенное место.

Текст: повременная, надвременная, извременная, овременная линия, всякий раз имеющая законченные, окончательные перспективы, возможность ландшафта.

Текст — диафрагма, перегородка между до- и географическим состоянием языка, ограничивающая язык на этом направлении, отграничивая письмо от языка, скрывая первоначальную фрагментарность, письменность самого языка, *палеографию* самого языка.

Ландшафт книги в целом самым тесным образом связан с письмом, ее образующим; текстом, ее составляющим; дизайном, ее подающим, представляющим и обрамляющим. Это единство трех главных элементов, компонент книги определяют ее ландшафтность — успех ее жизни, существования, длительности.

Можно, например, предположить, что раньше — в древности, в средневековье — писали в большей степени даже не тексты, а книги; и основная цель какого-нибудь переписчика в средневековом монастырском скриптории была, скажем, переписать, представить по возможности целостной единой книгой определенный не совсем ясный, не очень разборчивый и даже формально с трудом классифицируемый текст.

Классическое письмо — это растянутая, протяженная словесная речевая ткань, позволяющая увидеть ее; текст, возникающий одновременно и вне временно параллельно с этим «текстильным» процессом.

Ямб — самая жестокая метрика, самометрика, — слово движется само, самоизмеряется, путешествует; получается автоматический ландшафт. Механизм письменного ландшафта-машины заведен. Письменная машина по производству текстоландшафтов, сменяющих один-другой, один-другой; текст невменяем тексту, текст неостановим в чтении, он путешествует в читателе, не давая читателю путешествовать в нем, выбрасывая его в каждый последующий момент времени в очередной пышный ландшафт, в тропическое изобилие сменяющихся как в калейдоскопе ландшафтов.

Письмо: становление поэта в писателе. Взаимопроникновение поэзии и письма. Письмо как максимальное дление поэтического состояния, выворачивание языка письмом. Письмо — языковая блевотина истинного поэта.

Поэт — внутри языка. Язык пишет язычно-язычески, непосредственно.

Поэт — русский, писатель — российский. Поэт — на месте, уязвлен. Писатель — движется, оязычивается, путешествует, описывает.

Русское письмо не знает текста, текст — продукт латиноязычного письма, западной метафизики. Густая, вязкая и навязчивая консистенция, плоть русского письма стремится вылиться, сформоваться просто — в письмо, единое письмо писем, единообразное послание, закрывающее и, *время*, выставляющее русский язык как пространство.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК КРАЕВЕДЕНИЕ

Метафизическая расплата за русскую литературу — географизм русского письма. Русская письменность прежде всего географическое явление, имеющее географические корни и связи с китайской каллиграфией и живописью, с синтаксисом древнегреческого языка, с мощными токами расплавленной льющейся, огненно-жидкой стали немецкой письменной мысли.

Россия западает, но начинается ее восток. Здесь просто игра слов: запад, за-падает, падать и вос-ток, вос-Ток.

Россия — это образ страны; Китай — это образ цивилизации; Америка — это образ провинции.

Крайнее замедление, высшая описательность письма, почти стоящего на месте: в этом сходство «Петербурга» Андрея Белого и «Гристрама Шенди» Лоренса Стерна; это говорит и о периоде развития, почти современном, русского письма: XVIII век английского письма.

Пространственная оптика платоновского письма как кинематографического предполагает несколько, множество точек, с которых производятся съемка, чтение текста; отсюда постоянное, не оставляющее читателя ощущение, состояние недостаточности сиюминутного, «здесь-и-теперь» чтения, чувство скольжения по плоскости платоновского текста и в то же время объемности, пространственности самого чтения.

Движение на юг, за Кавказ и Волгу — это тупик; Астрахань — это конечный пункт; Хлебников — это сошедший с прямого пути Даль. Ненужная Персия: Грибодов, Хлебников.

География России: расширение сердца, напряженная пустота, пневма.

Срединная Азия — это разрыв пространства, отсутствие мест.

Письмо Чехова в чтении стоит, колеблется, как объемная, зыблущаяся статичная водная толща; оно манит, но сквозь него плохо видно. Платоновское письмо все время движется, изменяясь и оставаясь тем же; его видно сверху, как географический чертеж, меняющийся и перерисовываемый.

Чехов четко разместил болезнь, окружил ее в то время, как она окружила его. Островной характер болезни Чехова, ее *хорологизм*.

РАЗМЕЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Подобно психологии и этнологии география тоже может стать источником универсальной всеобъемлющей мысли.

Текст — параметризация времени.

Неодновременность написания и понимания — вот что нельзя простить тексту, который читают. Поиск смыслов — вынужденная плата за незнание географии, за рождение, повторное, повторяющееся беспрестанно, за возрождение текстовых надписей.

К законам письма и чтения: угол письма и угол чтения неодинаковы.

Экономичность чтения, когда создается *пространство чтения*; его экологизм, когда оно получает внутренние и внешние координаты в соотношениях с письмом, текстом.

Неизбежная разница в скорости действия между еще не сказанной и ненаписанной мыслью — она все время уже есть, как бы вне времени — и пишущей рукой, подчиняющейся прямо только законам письма, и с большой задержкой и неохотой — законам мысли, которая для нее, еще не написанная, просто отсутствует. В этом смысле в речи ли, в письме мысль постоянно отсутствует; текст — устный, письменный — лишь фиксирует отсутствие мысли о чем-то. Интересно сравнить с этим сходные мысли Осипа Манделштама в его ранней статье «Чаадаев», имеющей, правда, некоторый налет, след увлечения концепцией длительности Бергсона.

Гипотеза предсуществования текста, который начинает читаться; открытия, которых никогда не было. Предполагается, что текст существует, это некая аксиома, и он может читаться.

Чтение содержит текст, текст размещается чтением.

Время чтения. Текстом формируется время чтения как физическая данность; текст видится как физическое тело чтения, его физический результат.

Чтение есть последовательность, зрящая себя в самой; зрящая сама собой; зрящая по себе самой.

Ускорение и замедление письма как сущность его движения, как само письмо. В работе Поля Валери «Введение в систему Леонардо да Винчи» происходит движение самой мысли, но не письма.

Ускоряясь, замедляясь.

Растягивать день в утро ненастоящего дня.

Производство стадий, расстояний как сам по себе энергопроизводственный цикл; производство промеренной, пройденной пустоты или прерывности.

Видение связей как просто одновременности; хронологический эффект. Тогда собственно пространство становится тождественным логике, логосу; слову, взятому непосредственно в своей протяженности, в своем чтении.

Бесконечно развертываемая протяженность предполагает все же некое внутреннее пространство.

Пространство немецкой ментальности проскакивается русским, проглатывается им с тем, чтобы проплыть внимательно французское, поучиться в нем с пользой для себя и, наконец, соотноситься, соединиться с англоязычным в их полной противоположности.

Жизнь — это место, поглощение пространством времени; растворение времени, химическая реакция. Пространство — это сок времени.

Письмо как физическая география тела.

Боль как сознание протяженности, неизвестной возможностью своего окончания.

Меня интересует география жизни.

Рельефность собственной судьбы. Как увидеть ее со стороны, свою и одновременно не свою?

Размещенность как истинность самого себя.

Владимир БЕРЕЗИН, писатель

Одновременно или так: заблаговременно — физик. В свое (то самое, благое) время Владимир занимался математическим моделированием геофизических процессов. Став писателем, сложных опытов не оставил, только теперь эти опыты перенесены в полевые условия, в обстоятельства странствия, и явлены в слове. Поле текста — силовое? — остается объектом наблюдения ученого.

ДИНАМО

В русском языке это слово живет странно, многозначно, цвета его — синий и белый, принадлежащие делам внутренним и особым. Это цвета правопорядка и цвета метрополитена.

Среди прочих рассказывают о кручении динамо следующее. Много лет назад молодые московские лоботрясы пригласили на квартиру девушек с окраин. Они поили и кормили их, выжидая, когда захлопнутся дубовые двери метро, начнется отсчет ночного времени и капкан захлопнется.

Но некоторые гости все же оказывались хитрее, они сбегали по лестнице и прыгали в автомобили с зеленым огнем, что горел за лобовым стеклом. Так-си тогда были оборудованы страшными приборами, переводившими время и расстояния в рубли и копейки. Счетчики километров и минут назывались в обиходе динамо-машинами. Стук динамо-машин наполнял улицы больших городов,

они переводили в прямоугольную бумагу и круглый никель любовь и влюбленности.

Но крученое динамо — по сути не настоящее динамо.

Вот другая, настоящая тайна динамо-машины. Она искрится, воздух дрожит вокруг нее, потрескивают статические разряды. И еще это тайна внимательного и постепенного путешествия в магнитном поле Земли.

Это магнитное поле похоже на луковицу, странное облако, полюса его не совпадают с географическими, истыканными флажками полярных экспедиций.

Давным-давно было замечено, что в проводнике, которым шуровали между магнитами, возникает электродвижущая сила. Слова и термины этих разделов физики и техники вкусны и звучны, в них живет настоящая любовь к электричеству.

Динамо, или динамо-машина, — старое название того, что называется генератором постоянного тока. Статор и ротор, обмотка и проводник, щетки и коллекторы... В старину электрический прибор состоял не просто из функциональных деталей, а из медного зеркала полированных поверхностей, из мистики футурологии и надежды на исправление человечества. Блеск приборного стекла амперметров, дубовые станины — все это родственники астролябий и суставчатых подозрительных труб. Провода, раскинувшие паутину, напоминают корабельные снасти и растяжки походных палаток. Путешествие электронов, мифическое движение от плюса к минусу — вот аналог путешествия человеческого. Пути караванов и пенного следа кораблей.

Недаром вращающийся ротор назывался раньше якорем.

Бельгиец Грамм полтора века назад собрал генератор, который по сей день мало изменился — внешне: четыре колонны, винты и болты. Затем Гейфнер-Альтенек поместил обмотку на наружной поверхности цилиндра, затем пришли Эдисон и Максимум... Это перечисление напоминает список мореплавателей.

Путешественник плывет по морям или бредет по земле, пересекая невидимые линии магнитного поля. Бредет ли он вместе с проводником или в одиночестве странствует, потакая собственному безумию, или едет с казенной подорожной, — все равно в нем возникает электрический ток странствия. Он сам проводник, даже если на мостик его корабля встал лоцман. Магнитное поле Земли поддерживает в нем движущую силу странствия.

В 1875 году французом Фонтеном была доказана обратимость электрических генераторов. Что это означает? А то, что путешественник, остановившись, внезапно обнаруживает, что высокое напряжение странствия ищет выхода, оно рвется наружу, сочится из пальцев. Ток путешествия превращается в движение пальцев, держащих перо или ручку, смыкается с токами внутри клавиатуры, перемагничивает домены компьютерных дисков.

Пейзажи в окне поезда существуют неотрывно друг от друга — в точности как поля электрические и магнитные. Только настоящее путешествие (путь-и-шествие) имеет особый знак: при движении на запад странник убыстряет время, в уши его гудят механические чудовища цивилизации, счетчик времени и денег стучит яростнее. Когда путешественник вступает в азиатскую степь, время его замедляется, внутренний ток проводника проигрывает в скорости, но выигрывает в силе.

Это происходит оттого, что, путешествуя на восток, человек идет против солнца, как против ветра, а двигаясь в западном направлении, ловит солнечный ветер: тот бьет ему в спину, сбивает с ног и волочит по шершавому асфальту европейской дороги.

Жюльверновский герой обеспечил себе состояние и семейное счастье, играя с календарем и двигаясь в правильном направлении, — он двигался на восток, навстречу солнцу. «Напротив, он потерял бы целые сутки, если бы двигался в противоположном направлении, то есть на *запад*. Действительно, продвигаясь на восток, Филеас Фогг шел навстречу солнцу, и, следовательно, дни для него столько раз уменьшались на четыре минуты, сколько градусов он проезжал в этом направлении. Так как окружность земного шара делится на триста шестьдесят градусов, то эти триста шестьдесят градусов, умноженные на четыре минуты, дают ровно двадцать четыре часа, то есть сутки, которые и выиграл Филеас Фогг. Иначе говоря, в то время как Филеас Фогг, двигаясь на восток, видел *восемьдесят раз* прохождение солнца через меридиан, его коллеги, оставшиеся в Лондоне, видели только *семьдесят девять* таких прохождений».

Вот магия этих рассуждений, которые все равно не будут поняты непосвященными.

Это хитрые формулы перевода движения во время.

Алхимия и алфизика путешествия, его традиции не имеют никакого отношения к туризму, каким бы количеством определений и дополнений не обрастало это слово. Счетчик стучит, перемалывая либидо и мортидо, превращая движение в магнитном поле в электрическое, а электричество — в магнетизм. Термины мешаются, а, как уже было сказано, термины — это самое вкусное в путевых записках, корабельных журналах и полетных отчетах.

Несколько лет я писал что-то в полевых дневниках — записных книжках с твердыми коденкоровыми переплетами. Там теснились цифры, символизирующие магнитные поля, они собирались в шеренги, строились побатальонно, напоминая столбцы шпионских шифровок. На обороте магнитных полей рождались полевые записки.

И это было настоящее динамо, настоящее и честное преобразование чисел *напряженности* и *вертикальной составляющей* в буквы и слова. Это преобразование не жратвы и выпивки в сытость и пьяность, а претворение движения в смысл и придание смысла движению.

Еще о Филеасе Фогге, а также этической составляющей географии

<На мой взгляд, приобретения этого идеального англичанина довольно противоречивы — вспомним, все началось за игрой в карты (никак не географические). Да, Филеас Фогг выиграл целые сутки и двадцать тысяч фунтов в придачу. Но какая была общая потеря! Рассчитанный, равномерно разлинованный земной шар катастрофически уменьшился. Ф. Ф. прихлопнул земной шар, как муху, бубновым тузом, сидючи в клубе за вистом. Со словами: «Мир когда-то был велик — снимите» (протягивая колоду Томасу Фленагану). То есть мир стал мал, я проеду его на спор за восемьдесят дней. И проехал. И спрятал мир в карман. Здесь появляется акцент этический, который абсолютно осознанно, хоть и между строк, выставляет Жюль Верн. Филеас Фогг — уменьшитель мира, вор *вселенского масштаба*. Бог с ней, с индийской принцессой (ее он тоже украл). Земной шар жалко.— *Филипп Огородников*>

Андрей БАЛДИН, художник

Художник, здесь — шрифтовик, ведет поиск в направлении, противоположном курсу ученого. Он движется от метафоры к чертежу, сумме твердых дефиниций. Собственно, это не противоположное, а встречное направление. В точке встречи — вычисления и вымысла — только и может быть обнаружен новый контекст, больший мир, поместительный для них обоих.

ГЕОГРАФИКА⁸

Из сообщения, сделанного в Институте природного и культурного наследия 22 марта 2001 года.

...Речь пойдет о пространстве — не столько формуле, сколько статусе его; пространстве как продукте творческого усилия, пространстве как метафоре, помогающей наблюдателю обобщить разрозненный, собранный в путешествии видеоматериал.

(Это задача преимущественно отечественная. Запад, рассчитав и тем в известной мере исчерпав пространство, ищет нового, большего времени. Россия, напротив, пытается развернуть слово — воплощенное время — в пространство, доселе ею не виданное. Поиск встречный, взаимодополняющий; так дополняют друг друга зрение и слух.)

⁸ Термин относится к античным временам; его предложил директор Александрийской библиотеки Эратосфен. В III веке до н. э. он написал книгу под названием «Географика»; в нее были вложены карты, где он собрал все имеющиеся к тому времени сведения о Земле. Карты содержали сведения гипотетические: к примеру, на крайнем севере Эратосфен предполагал существование обитаемой земли, заселенной существами иной с человеком природы. Там же, в «Географике», для удержания в голове земной плоскости впервые была предложена сетка из вертикальных и горизонтальных линий, прообраз нынешних меридианов и параллелей.— А. Б.

<Так обращение к собеседнику того же англичанина — look — мы переводим не прямо (*смотри*), но показательно искаженно — *слушай*. — Филипп Огородников>

...Мы рассматриваем карту Средиземноморья, и перед нашими глазами разворачивается целая вереница эпох и культур. Точнее, не *вереница* (начинается поиск необходимого образа), а *поступь*. Значительное протяжение Средиземноморья с востока на запад читается как *путь*, постепенное — или по-ступенное — шествие цивилизации. Римляне, полагая площадку Апеннин высшей ступенью в этом движении, дали ему соответствующее название: «лестница в небо».

«Идущий по этой лестнице догонит (убегающее на запад) солнце».

Каллиграфия читает эту формулу на свой лад. Шрифтовик видит не просто движение народов и государств, вектор наследования определенного типа культуры. Он вглядывается в физиономию сменяющих друг друга шрифтов и видит очевидную закономерность. Шрифты, «перешагивая» с одного полуострова на другой, наращивают знак внутрибумажного пространства.

С восточного берега стартует финикийский алфавит, исходная матрица европейских шрифтов⁹. Привычные в европейской прописи знаки как будто вращаются, встают на голову, ложатся набок, постоянно «меняя рубль». Они напоминают навигационные знаки. Алфавит финикийцев связывал, удерживал в покое прото-пространство, еще не обретшее должной ментальной структуры.

Финикийцы были первыми путешественниками древности; им должно было сориентироваться в пути, вовремя сделать поворот (кувырок знака), сменить галс. Точно проведенная линия, верный маршрут записывались побуквенно. Неизбежно «путевой» финикийский алфавит вышел линейарен — изначально и органично связан с линией, протяжением пути. Стереометрически он был *одномерен*.

(Точно так же, стереометрически, одномерен и Древний Египет: весь подчинен восходящей вертикали Нила, великого пресноводного меридиана.)

Первый шаг шрифта по карте, через Эгейское море. Греция, наследуя подвижный строй финикийских букв, но при том неизбежно рефлектируя, отстраняясь от древней матрицы, придает им следующий знак измерения. Линия — перманентного пути — растекается в плоскость оседлого бытия. Греки (политики, завоеватели, геометры) знают цену *территории*. К вертикальной, исходной оси «игрек» финикийского побережья прибавляется горизонтальная ось «икс». Греческие буквы встают в привычное положение, зацепившись острыми коготками за бумагу. Они владеют плоскостью, они говорят не только о путешествии («Одиссея»), но в первую очередь о войне («Илиада»), переделе плоскости — они *двумерны*.

За первым шагом следует второй, с Балканского на Апеннинский полуостров. Это очередной в бумажном мире революционный переворот, переход алфавита из двух измерений в три. Так, принципиально *трехмерна*, на свой лад всепространственна и всемирна римская цивилизация. Каллиграфия латиницы также осваивает объем: страница обретает глубину, третью ось, «зет». Латиница «видит» в белом поле страницы солнечный свет, позади и вокруг букв открывается бездонный простор.

Шагая через море, алфавит приучается к равномерному движению по строке. Буквы уже не кувыркаются, не цепляются за бумагу, но движутся регулярным шагом, которому подчинена техника каллиграфии, смена тонких и толстых линий, «артикуляция» гласных и тому подобное.

Вот информация объективная: знаки растут в пространстве бумаги, шаг за шагом прибавляя в своем измерении. В итоге является концепция не только и не столько художественная, но формообразующая. основополагающий ее образ, базовая метафора Запада — лестница в небо — может быть проецирована во всякую сферу, от технологии до идеологии. По лестнице (развития, восхождения в мир большой) поднимаются не только народы, но и самые их языки.

Позднее, во времена Возрождения, этот образ был реанимирован в христианской транскрипции.

<Мишель Нотрдам, Нострадамус (1503—1566), описывая первые географические карты, включившие новооткрытые на западе земли, усматривает очевидную закономерность в самом «графике» прироста регулярного пространства. «Как будто волны бегут по воде, возмущенной падением камня». Мир прирастает в гармонии;

⁹ Здесь мы видим город Библ, давший имя книге: «библос» по-гречески означал сложенный пополам лист папируса. Побережье Финикии располагалось как будто в корешке макрокниги: левая страница, море, было областью заката, «эбур», позже — Европой; праваялицетворяла восход, «ашу», Азию. — А. Б.

позднее те же слова он повторит в папском дворце в Риме, наблюдая фрески, на которых Старый и Новый Свет предстают единой панорамой. Источником волн, местонахождением «камня» Нострадамус полагает католический Рим (град святого Петра, иначе — камня).

Согласно ходу волн, пойдет соревнование между Италией и Испанией за приоритет в открытии Америки — точно в противофазе, меняя чет и нечет, «зашагают» они за убегающим солнцем. Границы государств подчинены в своем рисунке той же логике: пиренейский профиль, обращенный прямо в океан, оказывается как будто раздвоен: Португалия чертится горбоносой конской мордой, что на повороте обходит Испанию — фаворита.— А. Б.>

Итак, образ Средиземноморья включает в себя: реальную, полную «случайностей» географическую карту — и идеальный пифагоров чертеж, по законам которого в пространстве страницы строятся языки, оформляют себя алфавиты.

Карта и чертеж совпадают в своей неслучайной случайности, обозначая тем самым некое равновключающее их *мета-пространство*, большее по знаку, нежели они сами.

Мы также наблюдаем, как буквы алфавитов своей прописью отмечают каждый этап восприятия человеком этого мета-пространства. Эти наблюдения, как и сам процесс обобщения столь противоречивой, случайно-неслучайной информации в рамках той или иной базовой метафоры, можно было бы назвать *географикой*.

...Возвращаясь к образу стартовой оси, можно было бы выстроить симметричную последовательность, рост русского слова и вместе с ним, синхронно, экспансию москвитов, бег волн (времени), только устремленный не влево, но вправо по карте. Мы наблюдаем разворот русского «флага» от исходной оси, за которую следовало бы принять знаменитый «путь из варяг в греки». От этого меридиана на восток шагом, схожим со средиземноморским, начинает развиваться гиперборейский мир. Только на этот раз карта будто вывернута наизнанку: суша поменялась местами с водою, и теперь слово шагает по морю суши, останавливаясь у редких водных преград — рек. Как будто протяжение (поведение) воды играет решающую роль в метаморфозах языка и всей физиономии текущего на восток народа.

Не сразу на восток. Изначально Заволжье (земля за-волглая, за-водная) располагалось на севере, являя собой главный адрес русской миссии. Затем, по достижении Грозным «шарнира» Казани — здесь Волга делает поворот на юг, образуя очередной водный меридиан,— разворачивается вектор миссии. Теперь *заводным* направлением становится восток. Показательно синхронно снимается с места слово: этот шаг олицетворяет пара Грозный — Иван Федоров¹⁰.

Следующий рывок, через несколько ступенек сразу (Обь—Енисей—Лена), произойдет при Петре. И вновь — совместно со словом, с самыми решительными переменами письменности. Все это не совпадения, но уже упомянутое сложение пространств реального и ментального, сумма которых и приводит к столь показательному резонансу. Географика ищет закономерность — и находит ее, запечатленную предельно обобщенно в одном уже рисунке шрифта.

Далее проясняется метафора основополагающая: карта разворачивается, как книга, обнаруживая логику в движении (прозрении в большее, белое, в свет) народов и языков.

Рустам РАХМАТУЛЛИН, эссеист

Краевед, москвоцентрист. Центр карты им рассмотрен в значении метафизическом: Москва пульсирует, она одновременно центростремительна и центробежна, транслируя свою столичность (лишаясь, истекая державной плотью) и собирая ее заново. Адресаты, по которым направлен, откуда получаем столичный ток — Киев, Крым, Константинополь,— в свою очередь, сложно двоятся. Сходятся в сложном подобии и одновременно, различаясь, разбегаются, разворачивая карту во времени и пространстве.

¹⁰ Они же Иванец Московский и Иван Москвитин. «Шарнир слова», его центр тяжести, оспаривается в Москве.— Рустам Рахматуллин.

КРАЕВИДЕНИЕ, или МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Придумав слово «краевИдение», я нашел его неудовлетворительным, поскольку в нем заключено противопоставление или по крайней мере предпочтение видения — ведению. Но без ведения невозможно видение.

Понятие «метафизическое краеведение» и точнее, и полнее. Если же надо брать его в одно слово, то это слово «метакраеведение».

Возможны две метафизики края. Назовем их на минуту первой и второй. Первая изучает местные знаки человеческого помышления о священном и божественном, знаки обращения человека через город (место) к Богу. Вторая изучает знаки божественного Замысла о городе — в надежде знать, с чем обращается к городу и через город к человеку Сам Бог. Оба краеведения суть метафизические.

Если первое должно быть обязательно научным и необязательно художественным, то второе, наоборот, должно быть обязательно художественным и необязательно научным. Второе по определению эссеистично, тогда как первое академично, а эссеистично только по желанию. Первое оперирует гипотезами, а второе — интуициями.

Мы говорим: «интуиция о...», имея в виду жанр мысли. Интуиция как жанр вправе не ведать собственных доказательств, или это доказательства особого порядка. Доказательность художественной интуиции лежит во встречной интуиции читателя.

Понятно, что академическая метафизика строится по преимуществу на материале средневековья — как эпохи, преподнесшей Богу солидарный адрес. Эссеистическая метафизика — в равной мере на материале Средних и Новых веков, ибо Бог не перестает адресоваться к человеку и тогда, когда человек перестает адресоваться к Богу.

От наблюдения за встречами в городе (на месте) божественного Замысла и человеческого благодатного помышления, а равно и безблагодатного умышления; от встречи интуиции с гипотезой — рождается метафизическое краеведение.

НА ОСЛЯТИ. ИЕРУСАЛИМ В МОСКВЕ

1

Существительное имя Иерусалим было одним из четырех имен собора, что на Рву. Оно усвоилось собору по западному, Входеоерусалимскому приделу. Знаменитые шествия на ослиати в неделю Ваий — Вербное воскресенье, — прообразуя Вход Господень в Иерусалим, адресовались из Кремля именно к этому, смотрящему на Кремль, приделу. Царь со смирением вел под уздцы считавшуюся за осла белую лошадь, на которой восседал митрополит, позднее патриарх, без преувеличения символизировавший Христа.

Пожалуй, удивительнее патриарха на ослиати царь у стремени. Само присутствие царя, земного, вне аллегорий, в роли себя. Оно же превращало иллюстрацию евангельского Входа в иллюстрацию чего-то большего: иерархического отношения двух царств — земного и Небесного, кесарева и Божия. А это основная тема Красной площади. Изложенная неподвижным языком архитектуры как отношение Покровского собора и Кремля, тема приходила в движение раз в год, в неделю Ваий, говорила себя языком ритуала.

В XVII столетии стали ходить, наоборот, от храма в Кремль. Эта недавно обнаруженная по бумагам перемена прослеживается с 1656 года и может принадлежать к числу никоновских.

Несколько раньше, при Михаиле Федоровиче, Спасская башня была надстроена до высоты Покровского собора, его центрального столпа, приобретя известный миру вид.

По смыслу этих перемен Кремль после Смуты оспорил у Покровского собора право отождествляться с Иерусалимом.

Дотоле Кремль — ограда, полная святость, — оказывался дополнением Покровского собора и всего Китай-города. Кремль сопологался с загородом Иерусалима, хотя бы и со священной стороной этого загорода — Елеонской (Масличной) горой, откуда пришел Иисус, куда Он любил уходить и откуда вознесся.

Тогда Успенский собор соотносен с Успенской же церковью на Елеоне, в Гэфсимании, — церковью Гроба Богоматери. Тогда и главной теме Елеона — Вознесе-

нию Христову — отвечал кремлевский Вознесенский монастырь, участник видов Красной площади с конца XIV столетия до сталинских времен.

В развороте XVII века Елеонской горой оказывался Китай-город. Что это поздняя редакция, доказывается отсутствием в системе посвящений Покровского собора елеонских тем Успения и Вознесения.

Теперь высокая метафора, спускаясь на этаж московской топографии, служила расползанию Китая как загорожья, дополнения Кремля.

Недвижным центром разворота Красной площади оказывались Спасские ворота — образ иерусалимских Золотых ворот, через которые вошел Христос. Впоследствии заложенные, Золотые ворота откроются перед Христом в Его Второе, Славное Пришествие. Отсюда, вероятно, запрет 1670 года ездить сквозь Спасские ворота верхом.

Ров, лежавший под стеной Кремля вдоль Красной площади (увековеченный в урочищном определении Покровского собора: «что на Рву»), не потерялся, а по-новому нашелся в развороте мизансцены, с точностью ответив матрице Кедронского потока, отделяющего огражденный Иерусалим от Елеона.

Вообще новая редакция шествия была точнее соображена с топографией Иерусалима. Особенно со сторонами света в нем. Ибо как Елеон восточней городской черты, так и Китай восточнее Кремля.

2

Способ поверить смыслы, усвоенные мизансцене Красной площади шествием на осляти, представляется в Коломенском, где эта мизансцена смоделирована, и притом без отставания во времени.

Над устьем обводненного оврага, текущего в Москву-реку, устроен Государев двор с дворцом и несколькими храмами, среди которых первенствует церковь Вознесения Господня.

Через овраг, в Дьякове, на вершине мыса высится Предтеченская церковь. Одинокая — но состоящая сама из нескольких церквей-столпов. Что делает ее предтечей или последованием, во всяком случае — моделью, знаком Покровского собора. Знаком, явственным и в рассмотрении деталей.

Совершенство означаемого делает несовершенным означающее — словно для того, чтобы удостоверить ослепление строителей. И все-таки в Коломенском только Предтеченская церковь думает равняться, содержательно и внешне, с доминантой Государева двора — недостижимо совершенной Вознесенской церковью.

За этим совершенством трудно опознать модель кремлевского столпа в Коломенском; однако же таков один из многих верных смыслов Вознесенской церкви. Впрочем, верно и обратное, поскольку сообщение между двумя великими столпами обоюдное. Обоюдна тема лестницы на небеса, в Коломенском решенная как тема Вознесения Господня, а в кремлевской колокольне — как тема человеческого восхождения по Лестнице духовной: церковь в нижнем ярусе Иванова столпа посвящена святому Иоанну Лествичнику.

Кремль в коломенской модели отнесен на Елеон тем явственней, что церковь Вознесения есть образ собственного посвящения. Более того: шатровая, шестидесяти метров колокольня Вознесенского монастыря на иерусалимском Елеоне — так называемая «Русская свеча» — восходит формой к церкви Вознесения в Коломенском.

И наконец, ворота Водовзводной (Соколиной) башни, обращенные к Дьякову, обоснованы соотношением со Спасскими воротами Кремля. Но как кремлевская ограда в грознейшей редакции шествия на осляти, так и ограда Государева двора в Коломенском парадоксальным образом оказывается оградой загорода. Выход государя со двора на сторону Дьяковской церкви прообразует выход из Кремля на сторону Покровского собора.

ИЕРУСАЛИМ В БАХЧИСАРАЕ

...Бахчисарай есть знак Иерусалима рядом с римским знаком Севастополя. Он город иудейский, православный и мусульманский одновременно. Таким его делают Чуфут-Кале («Иудейская крепость») — столица караимов, Успенский пещерный монастырь — центр православного присутствия в ханском Крыму, татарские дворец и нижний город.

Есть и прямой топонимический отсыл — Иосафатова долина, кладбище караимов. Кладбище этого имени под стенами Иерусалима почитается как место, где начнется воскрешение мертвых. Иосафатова долина в верховой балке бахчисарайской речки уподобляет последнюю Кедрону и сообразует мизансцены двух городов между собой.

Кедрон течет между чертой старого Иерусалима и Елеонской (Масличной) горой. В Бахчисарае, следовательно, сам огражденный Иерусалим прообразован горной столицей караимов — ныне мертвым городом Чуфут-Кале, его стенами и воротами, пещерами и храмами на плато правого берега балки. Тогда плато левого берега прообразует Елеон.

Отсюда, может быть, и посвящение Успенского монастыря, ископанного в этом берегу: он соотносится с Успенской церковью на Елеоне, в Гефсимании, — церковью Гроба Богоматери, откуда Она была восхищена на небо.

Практикум «Путевого Журнала»

РАССУЖДЕНИЕ О КРЫМЕ

Карта, прочитанная (пройденная словом), как диалог проектов, как спор о первенстве начал, стартовых линий — меридианов, становится как будто одушевлена. Развивая антропоморфные метафоры Колумба, уподобляющего рай сосцу на женской груди, можно отыскать на этой карте ось симметрии почти телесную. Ось разваливает на половинки тело безразмерной роженицы Геи. Раскинулась во всю Евразию: поднышемся из континентальных болот московскому брюху (еще выше марморной маской лег Питер — голова) соответствует на юге «запавшая вагина» Израиля (Джойс). Ноги ведут в океаны, Атлантический и Индийский. Крым на развороте сего анатомического атласа являет собою лоно, в этом легко убедиться, стоит только внимательнее рассмотреть его очертания и уловить движение, которое совершает кружевной треугольник, прячась в глубины Черного моря. Крым исполнен Эроса, Крым плодovit. Послевоенный, омытый кровью мир родился здесь, под боршотание трех повитух (Сталин, Черчилль, Рузвельт), в 45-м году, в Ялте. Неудивительно, что пресловутая рифма «геополитика — геопэтика» именно здесь была услышана. Разговоры о многозначении Крыма заняли в московских клубах середину девяностых годов и по сию пору не затихли. «Путевой Журнал» не мог пропустить этой темы. Состоялся спор о Крыме, проходивший порою на повышенных тонах. Камнем преткновения стал «Крым как Кремль», возможная столица возможного (восстановленного, вернувшегося на ось симметрии) гиперборейского мира.

Прокрымскую партию возглавил Рустам Рахматуллин, резко против выступил Дмитрий Замятин. Участвовали также: Владимир Ешкилев, Денис Савенок, Игорь Сид. Здесь мы приводим краткое резюме спора (незаконченного).

Разумеется, речь не идет о вторжении в области практической политики. Суверенитет, государственная принадлежность полуострова и прочие туго натянутые материи остаются неприкосновенны. Обсуждается история метрополии, роль Крыма в качестве «центра тяжести» карты.

Что такое свойство столичности, присуще ли оно крымскому краю (спор и идет о том, центр это или «острый» край)? Если Крым — центр, «Крым — Кремль», то рано или поздно это свойство оформится во всякой сфере.

Или Крым — кромка, край, не более чем точка царского отдыха (поэтической ссылки), точка Большого Транзита, арена активности внешних сил?

ЗА

История уверенно говорит о крымской метрополии, постоянном и ярком присутствии столичной плазмы, о деятельности героев, подтверждающих искомый статус.

Само название Крыма, идущее от Крома и Карны (Кармы?), легендарных прародителей всего человеческого рода. (По одной из версий, это были Адам и Ева народов индоевропейской группы.)

Столицы Скифии и Киммерии.

Во времена античные, несмотря на значительное удаление от Рима, Крым сохраняет напряжение высшего разряда; место ссылки римских пап, Климента и Мартина Исповедника.

Ключевой пункт миссии Константина (Кирилла) и Мефодия, место, где ими был провиден будущий совершенный алфавит и — в рамках одного алфавита — следующий, северный, широко распахнутый мир.

Херсонес, или Корсунь, где состоялось крещение Руси.

Крымское ханство. Имя полуострову (версия историков) дал город Старый Крым, Эски-Кырым, Старая крепость; столица ханов до Бахчисарая.

Летние резиденции Романовых, мечты последнего из них, Николая II, о переносе столицы в Крым.

Последнее мгновение Империи, остров Крым Врангеля, угасающий белый ромб на красном поле.

Далее дачи — коммунистических царей и вельмож.

Детская столица северного, зябкого мира — «Артек». Только ли детского? Зябли и ездили в Крым греться — все.

Ялта и Коктебель как центры притяжения интеллектуальной элиты.

Севастополь, солнечное сплетение России, всякое прикосновение к которому (не говоря о полновесных ударах, наподобие экспедиции 1854 года) отзывается болью и повышением температуры по всей стране.

Наконец, нынешняя пауза, состояние неустойчивое, тлеющий конфликт — в первую очередь потому, что в настоящую минуту здесь прервался *столичный ток*, VIP-персонажи и курортники разъехались, полуостров опустел и остыл.

Возможно, к общему благу приведет возвращение в Крым инфраструктуры высшего разряда.

Точка разделения, геостратегического спора может стать точкой синтеза на более высоком интеграционном уровне, который не противоречил бы статусу каждого из участников проекта Новой Крымской Метрополии.

ПРОТИВ

Гео-логика утверждает, что Крым — не центр Империи, но острый ее край, слом. Здесь в самом деле высоко метагеографическое напряжение, но это напряжение в предчувствии катастрофы или следствие воспоминания о ней. На будущее такое загадывать не хочется, обратимся в прошлое. Что это был за катаклизм? Есть версия, что Черное море образовалось мгновенно, в несколько дней, когда после глобальной катастрофы зеленая равнина опустилась на три километра и стала дном моря. Перемычка Босфора была прорвана водами Средиземноморья, и состоялся грандиозный потоп, следы которого можно отыскать во многих эпосах и преданиях древности.

В первую очередь вспоминается миф об Атлантиде.

Это подтверждает обилие в черноморской воде сероводорода (начиная с глубины двухсот метров до самого дна). Потоп состоялся уже во времена исторические, люди были его свидетелями и сохранили память о нем как о светопреставлении, разрыве блаженных времен.

Южный берег Крыма выглядит в этом контексте как бы перевернутым. Настоящие горы ушли в море — на поверхности остался лишь внешний, малый ряд, убывающий по высоте по мере движения на сушу.

Крым помнит Апокалипсис; его окормляют сны о прежних, «настоящих» временах, по сравнению с которыми все новейшие государства и империи представляют собой лишь слабый отсвет, подражание золотому веку.

Все завоеватели, странники и провидцы чертили пунктиры по ромбу Крыма, но ни один не заштриховал его целиком.

Крым напоминает клубок из разноцветных нитей, через которые просвечивает исходное, раскаленное тело.

Здесь можно спрятаться, укрыться, замкнуться в за-крома.

Разлом естественным образом привлекает военных и отшельников, аскетов и святых — каждый из них строит свою «линию обороны».

Необходимость самой этой бесконечной обороны не вызывает сомнений. Севастопольская оборона была героическим оформлением этой традиции.

Проигравшие выиграли.

Сильные мира сего по-прежнему бывают здесь набегам, что не оставляет надежды на уравновешенное состояние любой инфраструктуры, тем более химерической, наподобие нынешнего СНГ.

Курортные акценты также становятся понятны: отдых как нарушение распорядка, бег от «закона» становится легитимен здесь, в месте вселенского разрыва времен.

Строительство какой бы то ни было новой столицы в этом минус-месте было бы непростительной (не только геополитической, но и гео-логической) безответственностью.

РАССУЖДЕНИЕ О ВОЛГЕ

Еще один шаг на восток. Рассуждение о Волге разворачивается; участники группы обнаружили, что все чаще их маршруты сходятся, пересекают, следуют вдоль Волги. Команда Замятиных исследует Юрьево, Казань осадили сразу трое «ПыЖей»¹¹ — Балдин, Березин, Рахматуллин; что касается Василия Голованова, то его многолетние искания постепенно связали все ключевые точки волжского маршрута, от истока до устья. Предполагается серия публикаций и масштабное об- суждение темы.

Василий ГОЛОВАНОВ

Я не в восторге от того, чтобы пытаться в блиц-интервью очертить географическое и поэтическое значение Волги. Волга нуждается в специальных исследованиях, не в одной, а в нескольких специфических экспедициях. Последняя гуманитарная «съемка» Волги произошла в конце XIX века; до этого — в конце XVIII (Гмелин, Паллас).

Тема Волги бездонна. Она, как и прежде, включает в себя тему рождения, Родины: родства (родства-по-реке-как-по-крови). Исток Волги на селигерской возвышенности находится буквально в эпицентре рождения всех славянских вод — несколько километров разделяют водные системы Волги, Днепра и Западной Двины. Остается тема Волги-дороги (хотя бы великой дороги угорских народов на север) и Волги как-течения-времени. Реки во времени.

Волжская дельта в пустынях Прикаспия — это фантастический природный феномен («Русская Африка») и одновременно ворота из Азии в Европу: наиболее полно эта функция выразилась в образе хазарского царства. Выбор русами между Волгой и Днепром как столбовыми дорогами грабительских набегов предопределил геополитическую ориентацию России на Днепр, а следовательно, на Константинополь и древнюю культуру Восточно-Римской империи. Выбор Волги означал бы азиатский выбор, но специфическое значение Каспийского моря, представляющего собой замкнутый водоем, не дало этому случиться.

А сам Каспий? Если Волга — мать, то Каспий — дитя, каким бы странным оно ни казалось. Однако никаких поэтических эмоций Каспий, да и вся каспийская область, не вызывает. Единственно для Хлебникова и Платонова область эта составляет исключение. Больше того, для них Каспий, «степное море» — это главное, «средиземное» море их поразительного человечества; именно вокруг него они конструируют свою (возможно, общую) вселенную. Однако во всей русской литературе гений Хлебникова, как и гений Платонова, суть исключения из правила. Хлебников волен рассуждать об азийском классицизме в пику греческому — на то он и астраханец, на то он, правду говоря, и престранный в психологическом смысле тип — то ли сам кочевник-бегун, то ли «будетлянин», определенно угодивший не в свое время... Вот — «престранный» — это и есть словечко, которым очень расплывчатое представление о Каспии в географии русского духа определяется точнее всего. Гоголь завернул круче; для него этот выродок Волги, плещущийся на дне невиданной в мире геологической впадины, есть область безумия. Не случайно в «Записках сумасшедшего» именно употребление этого нейтрального на первый взгляд топонима свидетельствует о полном торжестве болезни над психикой героя: «Люди воображают, будто челове-

¹¹ ПыЖи — участники проекта «Путевого Журнала». Согласно версии возвышенной, прочитают зрение перед выстрелом: взглядом в пространство. Также и слово должно расширять от состояния линейного (звено в строке) — в объем.

ческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится с ветром со стороны Каспийского моря». Так отчего ж Каспийского, а не Черного или не Балтийского? Гоголь и сам не знает, но, как писатель, он тонко чувствует парадокс фразы: потому что именно там, откуда дуют каспийские ветры, никакого «мозга» да и вообще мыслей, которые могли бы образовать некий ветер, быть не может; там только мелководье, тростники, птица да осетры, пустыня, солончак, глина, чужбина и бессмысленный горизонт в расплавленной золотой дали...

Нам еще только предстоит убедиться, так это или наоборот. «Бессмысленна» ли Персия, или это надежная дубовая дверь на замке, затворяющая наиболее близкие к нам пространства мусульманского Востока? Все подлежит исследованию. Мы вновь в начале пути.

О переломе вод

«Юрвец — точка, где Волга делает первый, пробный поворот на юг, чтобы далее, на «указателе» Казани, окончательно развернуться по вертикали, сделаться «русским Нилом» (Розанов). Юрвец, как перелом в течении вод — Волги, влаги, воли, — осваивали в свое время братья Веснины («вылилось» в Днепрогэсов проект). Между тем сам город оказался наполовину затоплен. Андрей Тарковский, проведенный в нем детские годы, отразил (тяжкий каламбур) тему перелома вод в «Зеркале». — *Дмитрий Замятин*»

Надежда ЗАМЯТИНА, географ

ГРАДОРЕЧИЕ

(ГОРОД-ГРАД-ГРАДАЦИЯ-РЕК-РЕЧИ)

В Москве есть Васильевский спуск. А в Саратове — Бабушкин взвоз. И в других городах есть спуски, съезды, взъезды и взвозы. Они размечают фарватеры городов на одностороннее движение.

Будь Васильевский взвозом, Красная площадь потекла бы вспять и затопила Манежную.

Зачем говорят, что города ставят на реках? Есть города над-речные, есть из-речные. Только тот, что на Неве, видимо, назван правильно. Петербург на Неве: замешан, заквашен, настоен. Мятно-прохладная невская настойка.

Саратов с ушкунничьим гиком выходит из воды, бьет в лысые Приволжские горы. Обессилев и упав у самого их порога, продолжает протягивать руки, загребая землю узловатыми пальцами гребца-работяги. В прокорябанных им межгорных роздах разрастаются полипы поселков.

Надволжские города плавны и задумчивы. Они сидят в своих узорных теремах-светелках щемяще-загадочны и недоступны.

Симбирск кокетливо примеряет Венец перед заволжским зеркалом. Нижегородская привереда разложила — достала из кованого купеческого сундука розовый кремлевский гребень да набережные сережки.

И Юрвец у зеркала, но зеркала по-тарковски. На первый взгляд его и не заметно в квадратах полениц и улиц. Но оно здесь, заволжское зеркало, не то стекает сверху, не то парит со дна оврага, призрачно-марево и туманно.

Плес — само Зазеркалье. На самом деле города нет, есть лишь его волжское отражение, колеблющееся и уводящее, как огоньки гадальных свечей, куда-то в Заволжье.

Там течет Томск параллельным, по-эту-сторонним потоком Томи, начинаясь, наверное, где-то еще от ядерного призрака Северска. Не замечая Томи, тешит изящными мостиками Ушайку, обнимающую призраком острога, золотым призраком Мартайги скачет — перекатывается с особняка на особняк, проплывает колышущимся

призраком потанинского смутного областничества, университетским садом, вперед и вперед, долгой сибирской рекой с Московского на Иркутский тракты. И вдруг упирается в Томь и замирает, подрезанный и пораженный затомьем, призраком последнего, Тихого океана, и зависает над звенящим потусторонним пространством.

Устюг — это тоже призрак, сон — оттуда, из Сибири. Отражение узорочья его набережной кивает в воде и манит, как детство. Устюг — последний взгляд, последний взмах платком, «прощай» от поворота реки. Устюг помнят и ждут в странствиях. Возвратиться в Устюг нельзя, возвращение — не к Устюгу, но к санкам, дровам, прорубям. К обычной жизни.

Обычная жизнь идет не на реках и даже не над реками. Рыбинск по-бурлацки прикорнул у костерка на песочке. У-озерен Ростов, остро выпирающий из плодородного озерного ила молодыми зелеными и пораженный кремлевских луковиц, Ростов озеро не заквашен и не замешан, он удобрен. Озеро здесь — не зеркало и не опора, а обычный огород, в крайнем случае райский сад на архиерейских задворках.

Златоуст закручен от заводского пруда, как тугая пружина, он взведен и возведен в трехмерность: в Златоусте нельзя перемещаться прямо — так в смерче или в водовороте.

Смоленск полузатоплен оврагами. Подобрал ножки и подоткнув ветхий розовый подол, он жмется по горкам, опасаясь взглянуть вниз. По одному из таких оврагов, не замеченный Смоленском, пробирается к Киеву Днепр.

Киев срывается в Днепр широким, как Ниагара, водопадом — от Выдубиц до Андреевского спуска, через Лавру и Владимирскую горку, вспениваясь на бровке парковыми кипами, пузыря куполами, брызгая шпилями. Но Киев дву-у-личен. Одно его лицо смотрит снисходительно сверху Андреевского спуска, другое — с прищуром выглядывает вверх по Андреевскому узвию. Так и сяк поворачиваясь перед Днепром, Киев играет нагорным и изречным своими лучами. Киев изречный плещется в Подоле, ласковым прибором облизывая Замковую гору. Киев надречный течет по равнине, сам как река, покойная и плавная, свободная и дородная, целомудренно прикрытая каштанами. Киев живет лучами, преломленный Днепром, как линзой. Без линзы реки город схлопывается в бесцветный воздух.

Еще о двоении «взвоза» и «спуска»

«Для саратовской детворы, середь которой случилось мне возрастать и провести не одну зиму, Бабушкин взвоз (см. выше), свободный от транспорта, был несомненным *спуском* — с ледяной горы вниз. Двоилось его название и в происхождении. Сокровенное бабушкино название означало память революционера Ивана Бабушкина; так Саратов «переписал» и утеплит официальное имя — или так тонко сработали власти? — *Гела Гринева*»

Петр БАЛДИН, эколог

ВРЕМЯ НЕФТИ

Заволжье подвижно. Его первоэлемент теперь уже не вода, а нефть. Нефть незаметно заливает поверхность левого, низкого берега, постепенно меняя пейзаж. Вид темнеет. При этом нужно отметить: возраст нефти изменчив, в ее бульоне одновременно содержатся молекулы старые и молодые. Это связано с процессом ее «производства»: миллионы лет под прессом земной толщи нефть тлеет, проходя постепенно все стадии подготовки. В момент вскрытия (буренье, всплеск черного цвета, умывание в ведре, где плещется сто тысяч лет) эти незамкнутые эпохи вырываются наружу, преобразуя течение времени. Молекулы нефти, сложно составленные цепочки, открыты для любого контакта. Они вступают в самые сложные взаимодействия с наземным материалом сегодняшнего дня, которому без году неделя. Многоопытная нефть захватывает нынешний сор, подчиняет его своему времени, точнее — сумме времен. Отравление земли нефтью — это весьма специфическое отрав-

ление временем. Передозировка. В результате стартуют новые химические процессы-анахронизмы. Начинается жизнь железа: будучи затянута тонкой пленкой нефти, оно заново ориентируется во времени,— бактерии, которым эта пара дает жизнь, обитают как бы на другой планете, размером с горошину и менее. Их мириады рассеяны в зараженном (иным временем) Заволжье. Сущности их бытия мы толком не знаем, прогнозы бессмысленны, так как самые долгосрочные наши прогнозы ничто по сравнению с той порцией перевремени, что растекается сейчас озерами к востоку от Волги. Поэтому пейзаж на восток не юн и не стар — он подвижен и темен. Там — Тартар, как и было обещано, написано на всех картах.

Другой вопрос, насколько этот хроно-хаос мог быть предугадан, как природа Заволжья готовилась (если готовилась) к этому натиску сжатых времен. Понятно, что Запад, перерабатывая и поедая сей странный продукт (экспорт времени?), как будто лучше был к тому подготовлен, его организм приведен к размеру, темперирован, технологически более развит, чем территория-экспортер. Но и Запад, фильтруя нефть по фракциям-возрастам, действует грубо, жжет время живьем. И все же важнее то, что происходит на востоке, где буровые ушли по колено в Аид. Готовилась ли Земля к такому потоку?

В этом контексте меняется само понятие *очистки от нефтепродуктов*. Нет понятия очистки, есть (не есть, а будет — если в данной ситуации уместно слово «будет») сложный хронометраж, квазимузыкальные композиции формул, в сумме своей преодолевающие разрывы времени, которые несет с собой дикая нефтедобыча. Работа этого «оркестра»¹² может стать источником новой энергии.

Поэтому на вопрос о Волге, представляет ли она ось симметрии российского мета-пространства, можно ответить: да, возможно. Возможно, это *будущая* ось симметрии потоков (времени), которые по эту сторону как будто успокоены, сплетены в частую сеть, а там еще только чертится новый рисунок. Чернил хватает.

НЕЧТО ОБ АМУРЕ

Так называлась памятная записка в адрес правительства, составленная архиепископом Якутским святителем Иннокентием. Деятельность его по собиранию Сибири (а также Камчатки и Аляски и далее до форта Росс) весьма показательна. Вот кто успокаивал дуновения Тартара в пределах воистину беспредельных! Иннокентий родился (1797) и вырос в Иркутске. Начало службы его было на краю русского мира: Алеутские острова, Камчатка. Здесь он провел много лет, просвещая аборигенов, переводя Писание на приполярные языки. Затем была Якутия. И вновь: активное просвещение туземцев, первая православная служба на якутском языке. Перевел с помощниками на якутский все Священное Писание (за исключением Апокалипсиса — не успел, или в этой крайней земле последняя книга оказалась ему излишней?). Его стараниями в Якутске была открыта епархия, которой он стал первым руководителем. Это было решительным шагом по удержанию не редкой россыпи поселений, не сети дорог, но всей территории разом. Она оставалась бескрайней. Своим священникам он повелел пользоваться переносными антиминами. Церковь снялась с места, стала кочевойю.

Следующим этапом деятельности Иннокентия была цивилизация Амура. В месте слияния Амура и Зеи он строит церковь Благовещения, к которой прирастает с годами одноименный город, ныне — столица Амурской области. В месте слияния рек Амур поворачивает на восток.

<Черная¹³ — чернильная, исполненная многозначением вода. Знакомый сюжет — вода в своем беге меняет румб, меняя сам сюжет, идеологию в освоении края (кромки). «Русский Нил», если видеть за этим образом не одну Волгу, но самый тип великих наших рек, совершил полный оборот, стрелка его очертила весь евразийский циферблат. Вода «перекрестила» землю по всем четырем направлениям. За этим последним, восточным поворотом бегущей воды (неразлично темного времени) России открывается Китай.— А. Б.>

¹² Что потребуется в этом синтетическом усилии от ученых-гуманитариев? Нет никакого сомнения, что одними лишь химическими формулами, как бы они ни были точно расписаны, здесь не обойтись. Какие тяжкие (вязкие, горючие) слова, какая музыка составят Гимн Нефти? — *Ред.*

¹³ *Амур* — от монгольского Хара-Мурэн, «черная река». В перевернуто-европейском прочтении: А-мур — не-стена, не-твердь, но край, за которым течет Иное.

Св. Иннокентий планирует обращать в православие китайцев, готовится к новому переводу Писания, но его отзывают в Москву — в центр метагеографической композиции. Перемещение показательно: с одной стороны, кому, как не ему, замкнувшему круг русского компаса, отдавшему пространств запредельных, возглавлять центральную в своем значении епархию, обобщать накопленное сверхпространство? С другой стороны, остановка миссии на пороге «китайской стены», на черте, за которой открывается сплочение времени древнейшее, также закономерна. Китайская миссия требовала нового осмысления основ странствующей веры. Перед отъездом Иннокентий напутствует Николая, в будущем просветителя наших юго-восточных пределов, равноапостольного святого, которому суждено продолжить его миссию в Японии.

Россия как протяженное предложение остаётся предметом исследования — исторического, грамматического, общегуманитарного. Также и стереометрического: спазмы пространства в ее пределах порой ставят в тупик. В этом контексте слежение за Большим Меридианом (Карибы, Шотландия, Рим, Крым, Кремль, Русский Нил) предстает поиском несущей оси, точки отсчета, от которой мог бы выстроиться целостный ее «чертеж».

В настоящий момент этот чертеж (здесь — метагеографический), проект — отсутствует. Образ страны утрачен. Есть территория, статистический феномен, последовательность часовых поясов, но никак не пространство в полном смысле слова (пространство в слове: космос, не хаос). Отсюда — существенная необходимость в гуманитарной экспедиции, одной из задач которой был бы поиск или восстановление на новом уровне базовой российской метафоры.

Ведущий рубрики Андрей БАЛДИН

Валерий МИЛЬДОН

Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина

ОБ ОДНОЙ РУССКО–ДАТСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

В 1801 году поэт А. И. Тургенев, выступая в Дружеском литературном обществе с небольшой речью, заметил: «Есть литература французская, немецкая, аглинская, но есть ли русская?»

Спустя сорок лет, в 1841 году, В. Г. Белинский написал: «...Существование русской литературы есть факт, не подверженный никакому сомнению». Однако «всемирно-исторического значения русская литература никогда не имела и теперь иметь не может».

В 1878 году И. С. Тургенев на открытии Международного конгресса писателей в Париже обратился к собравшимся с такими словами: «Сто лет назад мы были вашими учениками; теперь вы нас принимаете как своих товарищей».

Из этого следовало: русская литература приобрела если не всемирное, то общеевропейское значение. Западный читатель нашел в ней то, чего не было в его литературах, что не шло ему на ум или переживалось как смутное, беспокоящее ощущение, не имевшее ни понятия, ни образа. Понятие некоторым из этих ощущений дал Киркегор в художественных и философских сочинениях, прочитанных, правда, уже в XX столетии. Одним из читателей был русский философ Л. Шестов. Кажется, он первый сблизил датского мыслителя и русского романиста в книге «Достоевский и Киркегард».

Теперь сопоставляются русский писатель и Киркегор тоже как писатель. Сравнение позволяет с большим основанием утверждать, что же нового привнесла русская литература в художественное сознание западного читателя, в духовную культуру европейского человечества.

Из киркегоровского «Дневника обольстителя»: «Что же именно влекло его за пределы действительности? Не добро и не зло... Он просто страдал *excerbatio cerebri* [помрачением рассудка], и действительность как-то не действовала на него, *его натура была слишком крепка*, но в этой-то излишней крепости и скрывалась его болезнь. Как только действительность теряла свои возбуждающие стимулы, он становился слабым и беспомощным, что и сам сознавал в минуты отрезвления и в чем лежало главное зло»*.

Какой глубокий анализ личности Печорина, в особенности сочетание «крепости» и «болезни»! Похожими словами определен герой Лермонтова: «Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали *крепкое сложение*, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемен климатов...» Конечно, «крепкая натура» и «крепкое сложение» не одно и то же, но разговор и не идет о том, что оба одинаковы. Речь не о повторениях, а о совпадениях, не объяснимых поэтологической типологией.

---

* С. Киркегор. Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону. «Феникс», 1998. (Здесь и далее в цитатах курсив мой.— В. М.)

«Как только действительность теряла... он становился слабым и беспомощным». «Славный малый... только немного странен... Другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился, ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один...»

Потому и ходил, что «действительность возбуждала», или искал возбуждения, ибо знал: исчезнет оно, и он опять беспомощен.

Не в окружающих условиях дело, в чем-то ином, вероятно, в натуре, которая ищет разных занятий, чтобы избавиться от этого *знания*. Энергия, деятельность уходят на то, чтобы остановить неумолимое *ослабление*. Вспомним «Фаталиста», где мимолетно возникает тоже своего рода «охота на кабана» (случай с пьяным казаком). Почему Печорин рискует жизнью? «Есть, право, этакie люди,— говорит о нем Максим Максимович,— у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи».

Потому-то и рискует жизнью: «необыкновенная вещь» — возбуждающее средство. Пусть «романтизм», но тогда этим обозначена какая-то вечная составляющая человека, и Лермонтов первым в нашей литературе дал основание думать о ней как о вечной.

Действительности мало Печорину, и Максим Максимович прав: он из таких, с кем случается необыкновенное. Однако здесь не случай, а выбор, осознанный расчет. Без необыкновенного (того, чего не дано помимо его воли) жизни нет, и герой сам находит его. То-то одна из черт поведения Печорина, давно замеченная: он подслушивает, подглядывает, рассчитывает, не довольствуясь обыкновенным течением событий; он вмешивается в них, переделывая данность и создавая *другой мир*, поскольку еще до того, как осознает, чувствует: в *этом* ему нечего делать. Он устраивает похищение Бэлы, едет в Персию, прыгает в окно на вооруженного противника, напрашивается на дуэль с Грушницким, расчетливо ведет интригу с Мери, следит за контрабандистами — до Лермонтова *такой* психологии не было в русской литературе, ибо не было *такого* взгляда на человеческое существование.

В этом отношении изумительна «Тамань»: самое заурядное ожидание попутного судна Печорин превращает в приключение, сам себе выдумывает тайну, чтобы разгадать ее, и все с одной целью, едва ли отчетливо обдуманной,— избежать скуки, однообразного, унылого течения времени, он словно хочет подчинить его себе и заставить двигаться по другому плану. В «Тамани» натура Печорина обнаруживается впервые — не случайно этим рассказом начинается его дневник: герой ищет в жизни того интереса, который, если воспользоваться вышеприведенными словами Киркегора, родствен поискам доказательств «бессмертия души».

Сопоставление двух авторов позволяет дешифровать криптограмму одного текста с помощью другого: некоторые суждения киркегоровского оболыстителя служат едва ли не комментарием шагов лермонтовского героя. «Вся жизнь моего приятеля представляла, как оказалось, ряд попыток *осуществить свою мечту* — жить исключительно эстетической жизнью (а так как у него в высшей степени была развита способность *находить интересное в жизни*, то он и пользовался ею), а затем *поэтически воспроизводить пережитое на бумаге*».

Про Печорина так не скажешь, и все же «находить интересное в жизни» сродни «необыкновенным вещам». Интересное и есть необыкновенное, из ряда вон, то есть из этой действительности. Зачем Печорин отправился на Кавказ? «Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями».

Живет, и потому интерес персонажа угасает. Сопоставление Печорина с Иоханнесом Киркегора избавляет от стереотипного толкования лермонтовского героя: мол, ищет смысл жизни и не находит — окружающее не дает приложить сил. Нет, Лермонтов изображает окружающее *неизменным* — вот в чем новизна его романа. «Спрашиваю себя: зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необытные... Но я *не угадал* этого назначения...»

На «не угадал» не обращали внимания, а ведь это предполагает: «мог угадать», как «угадал» в «Фаталисте» судьбу Вулича,— «окружающее» не помешало. Следовательно, не в нем причина, или: не в нем главная причина, а в герое, но тогда положение его (шире — человека) безвыходно. Вспоминается киркегоровский эстетик,

ровесник Печорина: к двадцати пяти годам не нашел ни одного довода в пользу бессмертия души. Не найдет и к пятидесяти, и к ста, потому что, следует из мысли Киркегора, таких доводов нет, остается лишь верить и не спрашивать у разума.

Вот эту абсолютную безвыходность для того, кто *не может* поверить (уж от действительности это вовсе не зависит, у нее все же какие-никакие, а доводы есть; для веры они второстепенны), Лермонтов изобразил первым в нашей и — сопоставляя с Киркегором — западной литературной традиции.

Здесь необходима оговорка. Уже написав эту статью, я обнаружил, что задолго до меня сопоставление двух авторов сделал В. В. Перемилловский в книге «Лермонтов» (Харбин—Прага, 1941)*. Автор неоднократно указывает на близость героев датского и русского писателей: «...Данные киркегоровского анализа Иоганнеса до поразительности приложимы к Печорину, освещая и объясняя нашего очаровательного обольстителя *гораздо глубже*, чем это до сих пор удавалось критике, потому что Киркегор исходил из внутренних психологических причин, а не из внешних обстоятельств и фактов, каковы у нас николаевщина, крепостное право, барство, значение которых, конечно, не подлежит сомнению, но роль которых никоим образом не определяющая».

Автор, безусловно, прав: будь настроения лермонтовского героя как-то связаны с крепостным правом, царизмом или отсутствием в России железных дорог, эти настроения потеряли бы всякий интерес для читателя, который живет в других условиях. Однако и по сей день проза Лермонтова читаема.

Цитированные слова Печорина — «зачем я жил?» и т. д. — содержат еще одну фразу, пока «не угаданную» читателями, и вновь текст Киркегора наводит на вероятную разгадку. «Было назначение высокое, потому что чувствую силы необъятные». До Лермонтова никто не выразил с такой ясностью несоответствия между необъятными силами и отсутствием для них поприща. Не может же быть, чтобы таким силам не нашлось предназначения. Отчего же? Не только может, но именно так и бывает сплошь и рядом, не бывает иначе — вот и разгадка печоринской тайны. Он это чувствует, да не хочет признаться, не хочет в это поверить и прячется за интересным и необыкновенным. Не спрятаться; рано или поздно неумолимый ответ сам собой идет на ум, и его содержание несколько не зависит от исторической действительности (или зависит от нее очень мало), ибо всегда одно и то же.

Печорин — первый герой в русской литературе, позволяющий утверждать: причины того, что происходит с человеком, в нем самом, действительность же — лишь среда, место действия. Что произойдет в этом месте — зависит от человека, он — автор судьбы, творец жизни, подобный божеству. Лермонтовский роман, обезнадеживая человеческое существование, обожествляет человека — такому герою, конечно, тесно среди людей, относящих все на счет окружающего, да и людям с ним тяжело, хотя их к нему тянет, и мужчин, и женщин.

В прощальном письме Вера определила Печорина: «Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! Но в твоей природе есть что-то гордое и таинственное...»

Его тайна в том, что он знает, что хочет того, чего нельзя получить, но чем более он в этом убеждается, тем сильнее хочет. В страстном монологе он объясняет Максиму Максимовичу, почему охладел к Бэле, прежде любимой: «...Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как и к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня...» «*Моя душа подобна Мертвому морю, через которое не перелететь ни одной птице,— достигнув середины, она бессильно падает в объятья смерти*».

Цитата курсивом — из Киркегора, но не кажется ли, что эти слова на месте и в монологе Печорина, а если так, то вот они, понятия, объясняющие его болезнь: нет бессмертия, которого он страстно хочет, ибо лишь в этом случае получают смысл необъятные силы.

---

* Фаталист. Из наследия первой эмиграции. М., «Русский мир», 1999.

Мысль, высказанная Киркегором, приходила на ум Лермонтову задолго до «Герое нашего времени». В 1813 году, семнадцати лет, он пишет стихотворение, где есть строки:

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
*Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

Небо не виновато, раз все в тебе, но потому положение безвыходно, ибо ты знаешь, что нет бессмертия,— вот откуда неудержимое, безотчетное стремление к нему с одновременным осознанием — и чем дальше жизнь, тем отчетливее,— что его нет и не может быть. Именно так будет сказано в «Герое нашего времени»: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. *Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!*»

Совпадение в этом пункте русского писателя с датским свидетельствует, что и причина не в действительности (она очень разная в России и в Дании); и типология романтизма едва ли поможет, ибо есть нечто куда менее изменчивое, нежели история или художественные стили; есть тотальная обреченность, которая, как ни странно, и придает человеку черты божественности: в этом случае он — полный хозяин собственного существования или: должен им стать — больше не на что надеяться.

Пересказав только что цитированный монолог Печорина, Максим Максимович спрашивает у своего слушателя: «Вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?»

Я отвечал, что много есть людей...

Штабс-капитан... покачал головой и улыбнулся лукаво:

— А все, чай, французы *ввели моду скучать?*

— Нет, англичане...

— А-га, вот что!..— ответил он,— да ведь они всегда были отчаянные пьяницы!»

Недалекий Максим Максимович видит причины происходящего во внешних обстоятельствах, «в действительности» человек для него мало значит, ибо определяется извне.

Максим Максимович — настоящий «безбожник», потому что не знает, что человек «божествен» и равен творцу способностью творить собственную жизнь. Нет, какое там божество: в одной стране придумали, в другой перенимают — вот и все причины. Что могут существовать внутренние импульсы, сильнее любых внешних, не приходит ему в голову, а между тем в этом все дело. Изображение такой архетипической фигуры «из народа» — тоже новаторский шаг Лермонтова.

«Причину меланхолии таких людей надо искать значительно глубже; она обусловливается *первородным грехом* и заключается в том, что человек никогда не может проникнуть в самую сущность своей природы <...> Меланхолия — болезнь духа и исцеляется лишь силой духа...» («Дневник оболыстителя»).

Таких людей... Как будто о Печорине, ведь причины его меланхолии — *в первородном грехе*, если рассматривать это как метафору извечной, непоправимой ситуации. У Лермонтова другой лексикон, однако проблема та же, эта «болезнь» ему известна с юности:

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в душу нашу не вложил.
Он не позволял бы *стремиться*
К тому, что не должно свершиться.

(1831)

Первородный грех, синоним «болезни духа», заключается в стремлении к тому, чего не достичь, но с тем большим жаром это влечет. Подобное состояние Киркегор

назвал экзистенциальным, и Лермонтов явился первым русским автором, выразившим его.

Да, болезнь духа, но потому сделать что-то может лишь дух. Тогда отчего же, спрашивается, Печорин не сделал, с его-то силами? Ответ разочаровывающе прост: болезнь неизлечима и так же входит в состав духа, как яды в состав лекарств. Похоже, Лермонтов догадывался: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить, это уж бог знает!»

Болезнь эта, согласно роману, именуется человеческим существованием, и потому мысль о нем Киркегор назвал экзистенциальной. «...Меланхолия будет угнетать человека до тех пор, пока ...переход от бессознательной непосредственности к высшему сознательному развитию личности не будет совершен».

Значит, никогда, потому что упомянутый переход бесконечен. Пусть это расплата за «первородный грех», но тогда грех (болезнь) родиться человеком — такова причина всех несчастий Печорина. Он мучается оттого, что не может перейти к высшему развитию, чувствуя, что именно здесь исцеление от всех болезней, хотя догадывается, что, исцелившись, перестанет быть человеком; догадывается, что человечность — «хроническая болезнь», которой итог заранее известен. «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова [«бессознательная непосредственность» Киркегора], другой мыслит и судит его [«высшее сознательное развитие личности»].»

Печорин знает, что его мука неизлечима, и Киркегор объясняет почему: не может совершиться переход к высшему развитию, он может совершаться — неразрешимое противоречие между отсутствием у человека высокого назначения и необъятными силами, которые, казалось бы, должны быть направлены на исполнение этого самого назначения, не зря же они даны.

Если допустить, что высокое назначение, о котором грезит герой Лермонтова, достигнуто, человеку конец, и Печорин ощущает это. Его мука в том, что он жаждет того, чего не только нельзя получить, но (поэтому) нельзя и желать, хотя желание недостижимого — самое человеческое желание, возможно, оно-то и мешает помириться с действительностью, какой бы та ни была.

В одном из стихотворений Лермонтов обмолвился:

Любить... но кого же? На время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

(1840)

Киркегор додумался до той же мысли почти в то же время — вот откуда близкие черты в поведении и суждениях действующих лиц его и лермонтовской прозы, иногда сходства буквальные. Он пишет о своем герое: «Случалось... что он увлекал девушку, в сущности, совсем не желая обладать ею в прямом смысле этого слова. В таких случаях он продолжал вести свою игру лишь до того момента, когда девушка была, наконец, готова принести ему в жертву все. Видя, что такой момент наступил, он круто обрывал отношения».

Чем не Печорин и княжна Мери? А ведь это не единственный пример в лермонтовском романе. «Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю».

Она, по обыкновению, дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась, но мне было не до нее». И никогда не будет до нее: стоило девушке влюбиться, она теряла в его глазах всякий интерес, появлялась скука, ибо продолжение *обыкновенно*.

Сделаем небольшой эксперимент, результаты которого сейчас же разъяснятся. Лермонтов пишет: «Ботинки couleur рисе [красно-бурого цвета] стягивали у циклотки ее сухошавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул... *И так как я в некотором роде естествоиспытатель, то на основании положений Кювье вывел известное заключение*».

Не правда ли, читатель, слова курсивом из Киркегора не чужеродны в дневнике Печорина? Оба автора изображают своих героинь, словно один знал, что напишет другой, или старался угадать (и угадывал-таки в некоторых эпизодах).

«Эта княжна Мери прехорошенькая,— сказал я ему.— У нее такие бархатные глаза — именно бархатные... Нижние и верхние ресницы так длинные, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках».

«Все личико похоже на спелый персик: полно округленная линия, прозрачная и бархатистая кожа — бархатистость ее я ощущаю взглядом. Глаза ее... да ведь я еще не видал их; они прикрыты шелковыми ресницами...» («Дневник оболыстителя»).

Изумляет двукратное повторение каждым писателем «бархатистости», и podobных совпадений предостаточно.

«Но что творилось при этом в его собственной душе? Я думаю, что, запутывая, вводя в заблуждение других, он кончит тем, что запутается окончательно и сам». «...Он в отчаянии перестает, наконец, понимать сам себя» [печоринское «Зачем я родился?»].

«Чувство, овладевающее им, не совесть, а скорее нечто вроде высшего, уточненного самосознания, которое... поддерживает его душу в вечно бодрствующем беспоконном состоянии, не давая ему забыться [почти цитата из лермонтовского «Выхожу один я на дорогу»: «Я б хотел забыться и заснуть»] и постоянно побуждая метаться в новых бесплодных поисках» («Дневник оболыстителя»).

Вновь трудно удержаться, чтобы не увидеть здесь внутреннего портрета Печорина, который тоже мечется в бесплодных поисках и постоянно возвращается в себя самого, и эти бесплодные поиски изображены как неизбывный жребий, не зависящий от исторических условий: есть обстоятельства, перед которыми немощна история,— тот самый экзистенциальный взгляд.

Жизненная драма Киркегора явилась в противоречии, которое тот осознал основным в человеческом сознании: между ощущением бесконечности (бессмертия) и пониманием его недостижимости. «Если бы мне предложили пожелать чего-нибудь, я пожелал бы не богатства, не власти, а *страстной веры* в возможность...»

Не зная, кому принадлежат эти слова, легко спутать авторов, тем более у Лермонтова попадается похожее настроение:

Хочу я с небом помириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я *веровать* в добро.

(«Демон»)

Оба хотят *верить*, потому что *знают*: нет вечности, а в таком случае что ни сделай, все бессмысленно, лучше не делать, но тогда скука страшная, и вот Печорин ищет необыкновенного — чтобы не скучать.

Излишне спрашивать, возможность чего имел в виду Киркегор, несомненным кажется одно: допускалась вера в бессмертие души, но как только допущение сделано, тотчас всплывает его неизбежный антипод — сознание неисполнимости. «Никто не возвращался из царства мертвых...— никто не является на свет без слез...»

Одним таким наблюдением перевешиваются все возможности, и с ним, я полагаю, связаны мотивы смерти в «Герое нашего времени». «Что до меня касается, то я убежден только в одном...— сказал доктор.— В чем это? — спросил я...— В том,— ответил он,— что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру».

Разумеется, нельзя приписывать автору того, что говорят персонажи, однако многое за то, что Лермонтов думал так же; что мысль о смерти не только как о неизбежном, но вечном (рядом с которым вера в бессмертие души могла показаться бесплодным самоутешением) не покидала писателя и водила его рукой, определив всегдашнюю актуальность романа. Вот чем объясняется одна не совсем удачная, на мой взгляд, сцена в «Бэле». Максим Максимович, рассказывая о последних часах черкешенки, прибавляет: «Перед утром она начала чувствовать *тоску смерти*...»

Похоже, автор допустил двойную ошибку. Во-первых, со стороны (такова избранный форма повествования) нельзя знать, что испытывает другой, для этого следует взять иную форму — безымянного всезнающего автора. Во-вторых, такое наблюдение не соответствует натуре рассказчика: простодушный, недалекий герой вряд ли додумается до «тоски смерти». Не единственный, кстати, пример, когда персонажу известно то, чего он не может знать по условиям повествования. Во второй

части Лермонтов находил средство избежать слишком явного несоответствия: все, что нужно знать Печорину, тот узнает, подслушивая.

Названные ошибки я объясняю тем, что писатель попросту передал герою собственные мысли: его они одолевали с юности, не давали покоя всю жизнь. Среди них была «тоска смерти» — почти те же слова произносит Печорин в «Фаталисте»: «Я пристально посмотрел ему в глаза... мне казалось, я читал *печать смерти* на бледном лице его».

Близость лексики служит косвенным свидетельством того, что оба персонажа произносят не свой текст и в каждом случае (в первом особенно разительно) за их спиной стоит автор. И все же речь не о стилистике — совпадения Лермонтова и Киркегора вызваны тем, что независимо один от другого каждый высказал новый — для тогдашней умственной ситуации Европы — взгляд на проблему человека. Спустя некоторое время русская критика разглядела в творчестве Лермонтова эту новизну. В 1899 году В. С. Соловьев писал: «Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которое для краткости можно назвать нищенством».

Через десять лет эту мысль повторит Д. Мережковский в статье «Поэт сверхчеловечества», где, в частности, скажет: «...У Лермонтова поэзия стремится к жизни, созерцание к действию».

Стремится к жизни, чтобы, вероятная логика, сделаться жизнью, как бы ни говорили (и справедливо), что, мол, это не дело поэзии. Да, не дело, но стремление стремлению рознь.

Жизнь, о которой, согласно Мережковскому, тосковал поэт, едва ли не была в его глазах высшей поэзией. Чего Лермонтов *хотел* — не как осуществление (он догадывался, что неосуществимо, но ведь подлинное хотение, выражающее наши сокровенные желания и, следовательно, натуру, никогда не задумывается об осуществлении, оно *хочет*), — так вот, Лермонтов хотел того, о чем в одном из стихотворений написал:

Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствие блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

(1831)

Лермонтовский «сверхчеловек» хочет, чтобы предчувствие блаженства (вызванное ощущением в душе необъятных сил) не обмануло, сбылось — только и всего. Ясно, что такое блаженство (вечность, бессмертие — как ни назови) *сверх* человеческой природы (и вместе это «сверх» — самое человеческое в человеке), следовательно, для его достижения требуются и силы чрезвычайные — вот в чем, предположительно, критики усмотрели «нищенство» поэта.

Та же мысль владыка Киркегором, сближение которого с Ницше делается едва ли не общим местом европейской критики конца XIX — начала XX века. Поводов, действительно, хватает — чего стоит, например, беглое замечание датского мыслителя: «Быть вполне человеком — все-таки выше всего...» Киркегор тоже думал: хочу верить, ибо мне дано предчувствие блаженства, с которым не согласен разум, — есть от чего прийти в отчаяние, но «ни один человек, не вкусивший горечи истинного отчаяния, не в состоянии схватить истинной сущности жизни...».

Отчаяние роднит Киркегора с Лермонтовым, «сверхчеловечество» которого подтвердилось самым неожиданным образом: он оказался в числе русских авторов, любимых Ф. Ницше*. Называю известный факт, чтобы подчеркнуть, какими неисповедимыми путями движутся рассеянные во времени умы, чтобы сойтись в некой воображаемой точке условного пространства.

Связь Киркегора и русской литературы, правда, не с Лермонтовым, а с Достоевским, открыл Л. Шестов: «Можно, не боясь упрека в преувеличении, назвать Достоевского двойником Киркегарда». Киркегор «открыл в себе и в других безотчет-

* Несколько соображений на сей счет см. в кн.: А. Эткинд. Эрос невозможного. СПб, «Медуза», 1993, сс. 23—24.

ный... страх... страх перед Ничто». «...У меня всегда оставалось чувство, что, по Киркегарду, даже сам Бог, в последнем счете, бессилён против ужасов бытия»*.

Эти переживания сродни тем, что испытывает Печорин, и если б он пожелал добиться их точного определения, слова Киркегора были бы кстати.

Л. Шестов сблизил Киркегора с Достоевским, я — с Лермонтовым, и мы оба находим родственные черты. При одинаковости, так сказать, крайней посылки (Киркегор) было б естественно найти близость и средних — Лермонтова и Достоевского. Не удивительно, что это сделала русская критика. «...Роман Лермонтова с его мастерскою пластикой глубоко задуманного характера, с его идейной многозначительностью и зорким подходом к духовным проблемам современности не мог не быть одним из определяющих этапов в развитии русского романа до тех высот... на какие вознес его Достоевский»**.

Киркегор и Лермонтов, почти ровесники (один родился в 1813 году, другой в 1814-м), обнаружили каждый в существовании человека содержание, прежде не замеченное, и выразили его в сходных образах, иногда и лексике. Благодаря этому появляется возможность определить художественную мысль Лермонтова, используя понятия Киркегора. В отличие от русского писателя, не занимавшегося философией, Киркегор, помимо литературных, оставил несколько сугубо философских сочинений. В «Болезни к смерти» (1849) он писал: «...Отчаяние действительно является «смертельной болезнью». Ибо, в отличие от расхожего мнения, будто от отчаяния умирают и само оно прекращается с физической смертью, главная его попытка состоит в том, что *не можешь умереть*... Поэтому быть *больным к смерти* — значит не мочь умереть, причем *жизнь здесь не оставляет никакой надежды*, и эта безнадежность есть отсутствие последней надежды, то есть отсутствие смерти»***.

Жизнь не оставляет надежды, но и умереть не можешь — припомним лермонтовское «Жизнь ненавистна, но и смерть страшна». Иными словами, человек брошен в абсолютно обезнадеженный мир — таково открытие экзистенциальной философии, толкующей о том, как существовать в такой среде. Л. Шестов считал, что Киркегор — первый из европейских умов, взглянувших с упомянутой точки зрения на человеческое бытие.

Лермонтов — первый в русской литературе — в лирике, в «Демоне» и по преимуществу в «Герое нашего времени». Суждение Киркегора: не можешь умереть и потому лишен последней надежды, по моему разумению, целиком определяет положение Печорина, объясняет его скуку. Ведь скука и есть отсутствие надежды, не сформулированное, но от этого не менее болезненное ощущение неизбежности смертного часа, сводящее на нет необъятные силы любой души.

Спустя почти сто лет другой русский поэт, Б. Поплавский, записал в дневнике: «Ничто, буквально ничто меня не радует. Спрашивается, к чему стараться учить мудрости, если плод ее горек. То же и в Боге... Что толку, если сама жизнь есть мука. Я люблю Бога как героя, как источник боли моей за всех униженных, но зачем спасать их... если в конце концов они скажут, как я: «ничего нет». (Запись от 16.09.1932.)

Ничего нет — это и было причиной страха Киркегора, о чем уже говорилось, и если я повторяюсь, то лишь потому, что мысль Б. Поплавского кажется мне, во-первых, подтверждением вышесказанного, во-вторых же, свидетельствует: переживания Киркегора, о которых он поведал в художественной и философской прозе, затрагивают какие-то существенные, глубокие стороны человеческого бытия, коль скоро русский поэт в эмиграции испытывает очень похожие настроения. Следовательно, их недостаточно объяснять романтическим мировоззрением, или должны будем признать в специальном термине куда большее содержание, чем обычно вкладывают.

* Л. Шестов. Киркегард и экзистенциальная философия. «Прогресс». — М., «Гнозис», 1992, сс. 21, 55, 242. Последняя цитата взята из примечаний, написанных А. В. Ахутиным.

** Вяч. Иванов. Борозды и межи. М., 1916, с. 17.

*** С. Киркегор. Страх и трепет. М., «Республика», 1993, с. 259.

Но что является для меня наиболее важным, так это любовь Поплавского к Лермонтову, которого он считал первым русским поэтом и ставил выше Пушкина*. Не развивая мысли, дальнейшие соображения очевидны.

Печорин испытывает то же, что его «двойник» Киркегор: «В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... *Тогда мне стало скучно...* Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями,— напрасно.*... И мне стало скучнее прежнего, потому что *я потерял почти последнюю надежду*».

Потерял, как и Киркегор, последнюю надежду — вот причина экзистенциальной философии. И все же у Печорина была надежда («потерял почти») — не разъясняется ли ее содержание философией Киркегора, поскольку сам Печорин нигде не говорит прямо? Тогда: на что надеялся сам Киркегор?

Из книги «Страх и трепет» (1843): «Если, действительно, каждый в *моем поколении*, кто не захотел остановиться на вере, является человеком, который примирится в боли и через боль; если каждый, кто не захотел остановиться на вере, является человеком, который после этого... постигнет все наличное существование силой абсурда,— тогда то, что я пишу, по сути, есть не что иное, как в высшей степени похвальная речь, написанная самым ничтожным из людей *этого поколения*, человеком, сумевшим осуществить только движение самоотречения».

«В моем поколении»... О том же Лермонтов в предисловии к роману: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего *нашего поколения*, в полном их развитии».

Вдумаемся: есть ли пороки у поколения? Если да — кажется, это разумел автор,— должно предположить нечто большее поколения: его пороки в этом случае носят наследственный характер, передаются из рода в род, от поколения к поколению, и не будет ли тогда уместно понятие «первородного греха»? В этом, не исключено, кроются причины близости двух писателей: каждый заговорил о том, что противоречия человеческого существования не имеют решения, коль скоро — при верности моих выводов — это испокон свойственно человеческому роду. Единственная надежда — на веру, и вместе — крушение веры, ибо с того света не возвращаются, и не потому ли рождение человека сопровождается слезами, которыми провожают умерших?

Киркегор уповал на веру (бессмертие души), потому что не оставалось никаких надежд. Борьба в Киркегоре веры и разума, вернее, постоянно ощущаемая нехватка чего-то, без чего нет подлинной веры (или, напротив, ничем не заглушаемое сознание, что оттуда никто не возвращался),— это и было неиссякаемым источником отчаяния.

Печорин, в сущности, тоже уповает на бессмертие души, хотя нигде в романе таких слов нет, есть другие: «...А все живешь из любопытства: *ожидаеть чего-то нового...* Смешно и досадно».

Какая такая новизна? Которая прогонит скуку. Сделать это может внешнее разнообразие, когда нет времени задуматься, успевай переживать — вот источник всех приключений Печорина, в том числе любовных. Он встречает Бэлу, в нем счастливо вздрагивает сердце: «...Я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбой... Я опять ошибся... Мне с ней скучно...»

Ангел — вот о чем грезилось, бессмертие, оказывается, не выдумка. Увы. Если же не внешняя новизна (которая всякий раз оказывается давно известной), то глубокая, сердечная вера — здесь персонаж Лермонтова близок персонажам Киркегора, ибо, повторяю, онтологическая ситуация одна и та же. Или наоборот: потому и одна ситуация, что переживания одни и те же — каждый знает, что спасти может вера, но

* Ссылаюсь на превосходные комментарии Луи Аллена к книге: Георгий Адамович. Одиночество и свобода. СПб, «Logos», 1993, с. 212.

веры нет. Одно второстепенное в романе Лермонтова обстоятельство неожиданно получает глубокий смысл: единственную подлинную, непреходящую любовь Печорина зовут Верой. Он расстается с нею навсегда, и она пишет ему в прощальном письме: «Никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто не старается уверить себя в противном».

Что это — «уверить в противном»? Печорин хочет убедить себя, что у него есть вера (следовательно, надежда). Его отчаянная погоня за уехавшей возлюбленной — удивительной силы метафора, опять-таки родственная метафорам Киркегора: «Но почему бы тогда не остановиться на вере, почему мы время от времени слышим о людях, стыдящихся признаться, что у них есть вера? ...Если бы мне самому когда-нибудь удалось осуществить такое движение [к вере. — В. М.], я после этого ездил бы уже только в упряжке четверкой» («Страх и трепет»).

«Если бы», потому что сознавал, что нет веры, которая спасает от ужаса смерти. Таков Печорин, хотя в романе отсутствуют его суждения о вере. Ни автор, ни персонажи о ней не думают, хотя совпадения с Киркегором — повод предположить, что Лермонтова беспокоила та же мысль. Чего стоит одно это: «Хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!» Он, повторяю, первым в русской литературе (и если справедливы мои толкования, то и в европейской) обнаружил эту сторону человеческого существования.

И последнее. В лекции 1929 года «Что такое метафизика?» М. Хайдеггер произнес: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому Ничто?»

Это может происходить и, действительно, происходит, хотя достаточно редко, только на мгновения, — в фундаментальном настроении ужаса. <...> Ужасом прикрывается Ничто»*.

Вновь — спустя почти столетие после Лермонтова и Киркегора — высказана мысль о причине ужаса, который охватывает человека. «Ничто» и сводило с ума Печорина, и понять это помогают переживания, описанные Киркегором. Подобная близость свидетельствует, что прежние оценки внутреннего содержания русской литературы, при всей их верности, нуждаются в дополнении. Ныне русская литература отчетливо видится феноменом всемирной духовной культуры, и это выводит ее за рамки национального значения, поскольку вопрос, ею поставленный (после Лермонтова он стал едва ли не главным), есть вопрос всемирный, касающийся судьбы каждого человека. Внеациональная природа литературы, выросшей в национальной среде, является новым условием, обнаруженным в XX столетии.

* М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М., «Республика», 1993, с. 20—21.

Павел БАСИНСКИЙ

САМАРА

Роман ГИНЗБУРГ. ДВЕ ОСНОВЫ БЫТИЯ. Стихотворения. Самара. Без изд. 2001. 500 экз.

Первая книга стихов молодого самарского поэта. Ему 24 года. «Личная судьба его драматична, — говорится в аннотации к книге, — что отразилось на его творчестве, но о чем бы он ни писал — Небе и Земле, о Добре и Зле, об Истине и Красоте, о Любви и Творчестве, о Родине и Человечестве, — главная тема вынесена в заглавие книги».

Какая у Р. Гинзбурга «главная тема», я так и не понял. Судя же по стихам, главной его темой покуда остается он сам.

Почему не плачут звезды,
Если больно мне и страшно?

Попробуй-ка автор сам ответить на этот вопрос! Это нормальное, возрастное. Однажды это проходит, и важно — что остается?

ЧЕЛЯБИНСК

Кирилл РАТНИКОВ. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ. (Октябрь 1999 — май 2001). Челябинск, «Околица», 2001. 500 экз.

Из письма, сопровождающего книгу (цитирую потому, что без этого нельзя понять, как и для чего эта книга стихов появилась):

«В сентябре 1999 года 26-летний преподаватель филологического факультета провинциального университета совершенно неожиданно познакомился с 20-летней студенткой, поразившей его, помимо удивительной красоты, своим очень ярким, сильным и чистым поэтическим талантом, очаровавшим его, показавшимся ему внутренне таким созвучным, близким, долгожданным... Последовал обмен поэтическими посланиями (выделенные курсивом неподписанные *эпиграфы* — цитаты из ее стихотворений; ретушированная фотография на обложке — память тех невероятных дней). И когда из стихов, разговоров, прогулок по красочному осеннему городу стало ясно, что взволновавшие их чувства — взаимны, что чудесные совпадения в жизни все-таки возможны, — вот тогда и возникло то ощущение высшего и полного счастья бытия, которое бывает в судьбе единственный раз и остается в душе навсегда, несмотря ни на что.

Сделано предложение; «да» в ответ; состоялась помолвка. А через три недели — отказ. Не было сил допытываться причин, да и в них ли дело. *Не судьба*. Появились *третьи лица* — и кому-то неизбежно пришлось оказаться *третьим лишним*. Дай Бог чтобы избранный стал действительно лучшим и достойнейшим, — говорю это искренне».

Вот такая история. Она из разряда тех, которые не обсуждают. Автор мудро поступил, что пишет о себе в третьем лице, таким образом оставляя возможность закавычить (или закурсивить, как ему больше нравится) его «я» в лирического героя.

А стихи... Что ж стихи... Уже названия их призваны усладить женский слух. Например: «Новая ода Елене Прекрасной». Новая. Ода.

А читатель тут, пожалуй, и вправду *третий лишний*.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Владимир ШЕХОВ. ФОРМУЛА ЖЕНЩИНЫ. Нижний Новгород. Без изд. 2000. Без указания тиража.

«Автор, бывалый семьянин и бывший телесценарист, выводит «формулу женщины» — краткое универсальное правило, выражающее суть женской природы.

Усвоив это правило, читатель-мужчина сможет сразу понять природу женских слез и причину многих неладов в своей семейной жизни; читательница-женщина сможет сразу встать на путь построения счастливой семьи, путь обустройства домашнего очага».

В книжечке 32 страницы. Оказывается, это все, что нужно для счастья и окончательной гармонии. Впрочем, в тексте, показавшемся мне, кстати, весьма и весьма любопытным, автор противоречит аннотации к собственной книге. Суть женщины, как он считает, в невозможности воплощения ее окончательного идеала.

«Пресловутая жажда “чего-то еще” неизбежно отравит ее существование “хотени-

ем” “большого”. И пусть при достижении этого “большого” станет рушиться ее семья, будут страдать дети, а у нее самой разовьются неврозы и “женские болезни” — ничто не сможет остановить женщину от безудержной погони за ускользающим “чем-то еще”.

Никогда не сбудется извечная потаенная мечта любой женщины — стать самой золотой рыбкой, владычицей всего и вся, когда окружающие ее люди повиновались бы одному мановению ее мизинца. И закончится эта погоня одинаково — разбитым корытом, разрушенной семьей, очердным изгнанием из рая — в наказание за очередную попытку подняться над создавшей ее силой, стать выше ее».

Все это, повторяю, весьма и весьма любопытно. Но закрадывается мысль: а может быть, автору просто попался на его жизненном пути *определенный тип* женщин, и попался он, кстати, именно потому, что автор сам склонен *искать* для себя как раз такой тип?

Штука, которая сильнее «Фауста» Гете.

СМОЛЕНСК

Н. Ф. ЛАЗОРЬКИНА. СЛОВАРЬ РИФМ ПОЭМЫ А. Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН». Изд. 2-е, испр. и доп. Смоленск, «Универсум», 2001. 50 (пятьдесят) экз.

Автору этой замечательной и редкой книги 79 лет. По образованию она инженер-технолог промышленности синтетического каучука. По душе страстный поклонник и знаток русской поэзии.

Насколько мне известно, словаря рифм гениальной «книги о бойце» Твардовского до сих пор не было. Между тем взглянуть на «оголенные» рифмы большого поэта всегда интересно. Рифмы Твардовского простые, но почти всегда неслучайные. Глагольных рифм немного. Они безыскусны, но органичны. Даже в алфавитном (то есть бессмысленном) подборе они ухитряются складываться в некий почти жизненный сюжет:

шофёр — натёр
штанами — нами
штаны — старшины
штука — ну-ка.

ТАГАНРОГ

С. Н. ЗОТОВ. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО — МИР ЛЕРМОНТОВА. Таганрог, Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2001. 500 экз.

Солидное исследование о Лермонтове. Судя по статусу рецензентов, видимо, докторская диссертация.

ТОМСК

Александр МАСЛОВ. ПЯТЫЙ УГОЛ. Стихи, повесть. Асино. Без изд. 2001. 500 экз.

В предисловии к своей книге Александр Маслов, которому 75 лет, простодушно выражает заветное желание любого человека, ступившего на стезю издания книг за свой счет (или за счет спонсоров):

«Уважаемый читатель, Вы, безусловно, понимаете, что цель моего обращения к Вам состоит в том, чтобы побудить Вас хотя бы бегло полистать эту книгу, а затем приобрести ее и прочесть все помещенные в ней стихи. Желательно также, чтобы эта книга надолго сохранилась в Вашей семейной библиотеке».

О чем стихи?

В моих стихах отражена эпоха,
Когда в России правил Сатана...

ВОЛОГДА

Галина НЕЧАЕВА. НА МЕЖЗВЕЗДНОМ ПУТИ РАССЫПАЮ... Лирика. Басни. Переводы. Вологда. Без изд. 2001. 200 экз.

Не корю, не браню, не каюсь
И своей вины не таю,
Но с тобой навеки прощаюсь
И тебя — навсегда — люблю.

Верстка и оформление Татьяны Тайгановой, лидера и энтузиаста «альтернативной» вологодской литературы.

УЛЬЯНОВСК

Лев ЗАХАРЬИН. ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО... Ульяновск, ГУП Облтипография «Печатный двор», 1999. 1000 экз.

Чрезвычайно интересная книга воспоминаний. Автор — сын чекиста, фронтовик, руководящий работник. Масса интересных деталей, которые не придумаешь.

Эвакуация. «К нашему счастью, киевскому эшелону с семьями чекистов удалось вовремя удрать от фашистов! Не хочется даже и представлять, как бы мы выглядели, захвати фашисты чекистский эшелон! Да, женщины, командиры со шпалами и ромбами в петлицах, почему-то каждый второй — еврей. Почему здоровые, крепкие мужики ехали от войны в тыл? Вероятно, перед ними стояли другие задачи...»

НОВОСИБИРСК

Юлия ТКАЧЕНКО. ЦВЕТ МОРЯ. Сборник стихотворений. Новосибирск. Без изд. 2000. 1000 экз.

Красиво и, очевидно, дорого изданная книга. Стихи довольно милые:

Сумерки — в саду полдневном,
На дорожках — свет и тени,
Все в какой-то детской лени
Или же во сне волшебном.

Шум деревьев беспокойных
В полдень делается тише,
Здесь растет вьюнок безвольный
И кору сгрызают мыши.

УФА

В. Г. ТЕТЕРЕВ. БЕРЕЗОВСКИЕ РАССКАЗЫ. Уфа, «Лето», 2001. 1000 экз.

Жизненные рассказы из березовского быта. Несколько дивных фотографий. Озорные истории. Срамные частушки. Вот — самая невинная.

Я с матаней мылся в бане,
Совершенно обалдел,
Я на голову в предбаннике
Подштаники надел.

И т. д.

КАЛИНИНГРАД

Сэм СИМКИН. ОТ МОРЯ СЕГО... Стихи. Калининград, Калининградское книжное издательство, 1996. 1000 экз.

Близорукость... Зоркость, близость,
синь кромешняя в ночах.
Словно на иконах ризы,
спят ресницы на очах.
Ни очей, ни глаз не спрячешь.
Я целую как трофей
этот цвет.
Заглянешь — спятишь;
синева из-под бровей.
Поцелуй в глаза — короче
тоста.
Знать, вино — не мы —
спутало глаза да очи,
синие синонимы.

ОГНИВО — FEUERSTEIN. Сборник стихов. Перевод с нем. и сост. С. Х. Симкина. Калининград, «Янтарный сказ», 2001 (серия «Поэзия Восточной Пруссии»). 1000 экз.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ — GEDÄGHTNIS DER ERDE. Сборник стихов. Перевод с нем. и сост. С. Х. Симкина. Калининград, «Янтарный сказ», 2001 (серия «Поэзия Восточной Пруссии»). 1000 экз.

Переводы прусской поэзии, сделанные Сэмом Симкиным и изданные при поддержке землячества Восточной Пруссии в Гамбурге.

Прекрасные издания, профессиональная переводческая работа.

Олег ГЛУШКИН. ПУТИ ПАРОМОВ. Рассказы. Калининград, Региональная общественная организация писателей Калининградской области, 1999. 1000 экз.

Тонкие, лиричные, порой философские рассказы и эссе. Иногда переходят в прямую лирику:

«Ты высовываешься в окно. Пронзительный свет луны вырывает из темноты твою седую голову. Ветер перебирает листву, и тени деревьев со всех сторон набегают на стены отеля. Никого ты не решаешься искать. Ты хочешь, чтобы она сама тебя позвала...»

Титульный лист

БОРИС ЗАЙЦЕВ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. 11 (дополнительный). Письма 1927—1971 гг. Статьи, воспоминания современников. М., «Русская книга», 2001.

У классиков впереди вечность. И потому так незаметно пролетели несколько лет, в течение которых издательство, известное пристрастием к собраниям сочинений, провело громадную работу, том за томом выпуская «всего» Зайцева. Так, хоть поначалу и не верилось, дошло и до последнего тома, одиннадцатого, в который включены письма, статьи и воспоминания современников. Прекрасный русский писатель вернулся в Россию всем корпусом своих текстов.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВА. РУССКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького не первый десяток лет ведется комплексное изучение русского литературного процесса XX века. Научная серия «История русской литературы XX века. 1920—1930-е годы» пополнилась еще одним выпуском. В нем исследуется вопрос о той особой роли, которую взяла на себя литература России начиная с XIX века: роли синкретической образной философии, осмысления мира и человека, национального самосознания. Рассматривается художественное мышление выдающихся поэтов и писателей уже прошлого века: М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Клюева, Н. Заболоцкого, М. Шолохова, Л. Леонова, А. Платонова, М. Пришвина и других.

НОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. В четырех томах. Руководители проекта В. Степин и Г. Семиган. М., «Мысль», 2000 — 2001.

Российские философы-энциклопедисты спустя тридцать лет после выхода советской философской энциклопедии всего за пять лет проделали гигантский труд, максимально представив все новое в философии, появившееся за последние три десятка лет. В результате — около трех тысяч страниц, свыше пяти тысяч статей, созданных трудом более четырехсот авторов. Ну а тираж три тысячи экземпляров подкрепляется одноименной ценовой цифирью в рублях. Но уникальное издание стоит своих денег. На рубеже веков — самое время осмыслять бытие и становиться философом.

ОЛЕГ ПАВЛОВ. Повести последних дней. Трилогия. М., «Центрополиграф», 2001.

Герои трилогии Павлова — служивые люди времен конца советской эпохи, брошенные на задворках империи один на один с абсурдом реальной жизни. Гарнизонное бытие заурядного капитана в «Казенной сказке», один день лагерного охранника в романе «Дело Матюшина», мытарства армейской похоронной команды со скорбным грузом «200» в «Карагандинских девятинах» — бесконечная череда судеб, самых достоверных документов истории. Сюжеты Олега Павлова страшны и притягательны: проникая во внутренний мир своих героев, писатель делает человека мерой всех вещей, открывая в нем неуничтожаемые источники веры и любви. (Все желающие могут приобрести эту книгу по почте без торговой наценки наложенным платежом. Для этого следует послать обычную почтовую карточку по адресу: 111024, г. Москва, а/я 18, «Центрополиграф», указав на обратной стороне автора, название и количество экземпляров. Книга оплачивается при получении по почте. Также книгу можно заказать по Интернету: www.pavlov.nm.ru)

ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ... (1991—2001). М., «Вагриус», 2002.

Политики, ученые, журналисты, мыслители — те, кого принято называть «цветом нации», подводят итоги десяти лет, прошедших после распада СССР. Итоги порою неутешительные, но всегда драматические. «Литературная газета», чьи материалы и легли в основу книги, открыла свои страницы людям зачастую противоположных взглядов, но одинаково равнодушным к судьбе России. Статьи политолога Александра Ципко, Бориса Стругацкого, Леонида Жуховицкого, Александра Яковлева и еще шестнадцати их собеседников — не только личный взгляд на исторический процесс, но и личный вклад в этот процесс.

МАРК ЩЕГЛОВ. НА ПОЛДОРОГЕ. Слово о русской литературе. М., «Прогресс-Плеяда», 2001.

На полуслове оборвалась жизнь художественного критика и прирожденного мыслителя Марка Александровича Щеглова (1925—1956). Но созданное всего за три года этим «вечным юношей» изумляет и поныне глубиной и мудростью. Тонкий анализ творчества русских писателей XIX и XX веков соединяется у автора с размышлениями о смысле бытия, достоинстве и очаровании искусства. Наряду с классическими работами в книге публикуются письма Н. Гудзия, К. Федина, В. Некрасова, В. Турбина... Издание посвящается 75-летию со дня рождения Марка Щеглова.

ИРИНА ХАКАМАДА. ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА. М., «ОЛМА-ПРЕСС», «Авантитул», 2002.

Тут все начинается с фамилии. «Хакама» — это самурайские штаны, «да» — это поле. Японская речь не переводится на русский слово в слово, но получается что-то вроде «Самурайские штаны в поле». А фамилия действительно принадлежит старинному самурайскому роду. И человек с такой фамилией в России один. Как ему живется и может в нашем Отечестве — и рассказывается в книге одной из самых незаурядных женщин нашего времени. «Кому-то я нравлюсь, кому-то нет, но меня никогда ни с кем не путают. Настоящее откровение для наших доморощенных имиджмейкеров!»

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА. Минск, «Интерсервис»; «Книжный дом», 2001.

Претендующая не столько на глубину, сколько на широту охвата предмета и полезность познающим, «Энциклопедия» содержит около полутысячи статей на тему некогда модную, но на сегодняшний день изрядно уставшую от самой себя. О серьезности же намерений составителей говорят имена, фигурирующие на страницах издания: М. Бахтин, М. Мамардашвили и другие.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ЗОРОАСТРИЙЦЕВ. СПб., «Летний сад», 2001.

Древняя религия, названная по имени пророка Зороастра (ныне распространена лишь у парсов в Индии и гебров в Иране), стала известной остальному миру благодаря Ницше, назвавшему свою знаменитую книгу «Так говорил Заратустра». Именно Заратустра, по мнению немецкого философа, первый увидел «в борьбе добра и зла истинную причину вещей». Главную роль в ритуале зороастризма играет огонь. Но стоит ли сжигать умерших или надлежит хоронить их в гробах? И для чего важны соблюдения правильности погребальных обрядов? На эти вопросы и отвечает книга.

ИГОРЬ КЛЕХ. КНИГА С МНОЖЕСТВОМ ОКОН И ДВЕРЕЙ. М., «АГРАФ» (сер. «Символы времени»), 2002.

«Проза, в плохом случае, — это мысли перед сном о том, как прошел день. В счастливом случае — это молния соображения при пробуждении: «Ага, так вот что это было...» Получился наглядный пример того, как пишешь не то, что хотел, а то, что хотело само написаться».

В «Книге с множеством окон...» само хотело написаться эссе о Пушкине и Павле Крусанове, Галиции и Украине... И много чего еще: даже рецепт «Похмельной кулинарии».

Александр ЯКОВЛЕВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Начинается подписка на второе полугодие 2002 года.
Журнал «Октябрь» можно найти в объединенном каталоге «Пресса России».

Наш индекс для Российской Федерации — 73293 (стр. 242).
Для стран СНГ — Белоруссии, Грузии, Казахстана, Молдовы, Украины — по Республиканским подписным каталогам.

Каталожная цена на один месяц:
для подписчиков России — 70 руб.,
для стран СНГ — 91 руб. 67 коп.
без стоимости доставки.

В редакции можно оформить подписку на каждый очередной номер по льготной цене и приобрести отдельные номера. Выдача и продажа журналов производятся ежедневно с 12.00 до 17.30, кроме субботы и воскресенья.

Справки по телефону: 214-31-23.

Распространением журнала «Октябрь» за рубежом занимаются:

американская фирма «Ист Вью Паббликейшенс» (East View Publications, Inc. 3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA. Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931. В Москве тел. (095) 777-65-58, факс (095) 318-08-81);

государственная внешнеторговая фирма «Наука-экспорт» Академцентра «Наука» Российской академии наук (State Foreign Trade Company «NAUKA-EXPORT» of «NAUKA» Akademizdatcentre of the Russian Academy of Sciences. 90, ul. Profsojuznaja, Moscow 117864, Russia. Telefax (095) 334-74-79, (095) 334-71-40). E-mail: nauka@naukae.msk.ru

В розницу наш журнал можно приобрести в московских книжных магазинах:

«Ad marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7;
«Библио-Глобус» — Мясницкая, 6;
Литературный клуб «Графоман» — 1-й Крутицкий пер., 3;
Книжно-нотный салон «Летний сад» — Б. Никитская, 46;
«Проект О.Г.И.» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2;
ЗАО «Согласие» — ул. Бахрушина, 28.

Читайте в следующем номере

статью МАРИИ РЕМИЗОВОЙ

«Кризис жанра».

Литературные прения как способ
уйти от ответственности.

«Не странно ли — все литераторы, все в процессе, и никто не берет на себя смелости сказать: да, мы (даже я лично) приложили руку к тому, что сейчас происходит с литературой. Каждый норовит смотреть откуда-то сверху, с каких-то вершин, неведомо кем и для кого воздвигнутых».

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 2002 году

«Октябрь» предполагает опубликовать:

Дмитрий БОБЫШЕВ. **Я здесь.** Продолжение книги.

Виталий ВУЛЬФ. **Серебряный шар.** Главы из книги.

Михаил ЗАДОРНОВ. **Писатель, который разводил кошек.** Из цикла «Фантазии сатирика».

Владимир КАНТОР. **Записки из полумертвого дома.** Повесть.

Анатолий КИМ. **Роман.**

Давид МАРКИШ. **Рыжий.** Повесть.

Красный квадрат. Повесть.

Вацлав МИХАЛЬСКИЙ. **Весна в Карфагене.** Семейный роман (1920—2001 гг.). Продолжение.

Нонна МОРДЮКОВА. **Записки актрисы.**

Юнна МОРИЦ. **Книга «Рассказы о чудесном».**

Стихи.

Анатолий НАЙМАН. **Проза. Стихи.**

Юрий ОЛЕША. **«Прости меня, Суок, что значит вся жизнь».**

Переписка с женой.

Олег ПАВЛОВ. **Вольная проза.**

Юрий ПЕТКЕВИЧ. **Повесть.**

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ. **Рассказы. Стихи.**

Валерий ПОПОВ. **Век такой, какой напишешь.** Рассказы.

Вячеслав ПЬЕЦУХ. **Сравнительные комментарии к пословицам русского народа.**

Эдвард РАДЗИНСКИЙ. **Наполеон.** Роман.

Михаил РОЩИН. **Два рассказа из прошлого.**

Книга об Олеге Ефреме.

Павел САНАЕВ. **Детский мир.** Роман.

Роман СОЛНЦЕВ. **Полураспад.** Роман.

Антон УТКИН. **Роман. Рассказы.**

Асар ЭППЕЛЬ. **Цикл рассказов.**

Сергей ЮРСКИЙ. **Рассказы.**

Статьи философов Владимира КАНТОРА и Александра СЕКАЦКОГО, культуролога Ларисы БЕРЕЗОВЧУК.

А также новые произведения Петра АЛЕШКОВСКОГО, Юрия БУЙДЫ, Дмитрия БЫКОВА, Алексея ВАРЛАМОВА, Светланы ВАСИЛЬЕВОЙ, Игоря ВОЛГИНА, Нины ГОРЛАНОВОЙ, Анастасии ГОСТЕВОЙ, Николая КЛИМОНТОВИЧА, Павла КРУСАНОВА, Михаила ЛЕВИТИНА, Владимира МАКАНИНА, Александра МЕЛИХОВА, Владислава ОТРОШЕНКО, Лилии ПАВЛОВОЙ, Ирины ПОЛЯНСКОЙ, Игоря ПОМЕРАНЦЕВА, Владимира САЛИМОНА, Ольги СЛАВНИКОВОЙ, Леонида ФИЛАТОВА, Бориса ХАЗАНОВА, Александра ХУРГИНА, Евгения ШКЛОВСКОГО и др.